Н. П. ОСТРОУМОВЪ.

САРТЫ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

СЪ ПОРТРЕТАМИ САРТОВЪ.

Изданіе книжнаго магазина „Буки[illegible]“.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія торг. дома „Ф. и Г. Бр. Каменскіе“.

1896.

САРТЫ.

Этнографическіе матеріалы.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе и приложеніе къ стр. 166-й.

Историческія и этнографическія свѣдѣнія о сартахъ 3— 54.

Общая характеристика сартовъ . . . . . 55— 99.

Сближеніе сартовъ съ русскими и русское вліяніе на сартовъ . . . . . 100—163.

Туркестанская туземная газета и русско-туземныя школы . . . . . 164—189.

Воспоминанія Саттаръ-хана Абдулъ-Гафарова . . 190—215.

Мусульманскіе ишаны . . . . . 216—234.

Поѣздка въ Россію самаркандскаго купца Мирзы-Бухарина Мирзы-Абдуллина . . . . . 235—242.

Автобіографія кокандскаго поэта Закирджана Фирката 243—263.

Заключеніе . . . . . 264—267.

Два приложенія . . . . . 268—272.

Редактируя съ 1883 года Туркестанскую туземную газету, я находился въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ сартами города Ташкента и другихъ мѣстностей Туркестанскаго края, знакомился съ ихъ жизнію и собиралъ разные этнографическіе матеріалы: пословицы и поговорки, пѣсни, загадки сартовъ и т. п.

По случаю исполнившагося 15 іюня 1890 г. двадцатипятилѣтія русскаго управленія городомъ Ташкентомъ, населеннымъ сартами (болѣе 100,000 душъ об. пола), я издалъ тогда, въ видѣ вступленія къ этнографическимъ матеріаламъ о сартахъ, первый выпускъ, который въ настоящемъ (второмъ) изданіи является значительно пополненнымъ напечатанными въ разное время въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ и Туземной газетѣ матеріалами и статьею объ ишанахъ, перепечатанною изъ Православнаго Собесѣдника.

Безъ сомнѣнія, и въ настоящемъ новомъ изданіи перваго выпуска есть недостатки и недосмотры, въ извиненіе которыхъ авторъ считаетъ себя въ правѣ ссылаться на недосугъ, обусловливаемый служебными обязанностями.

При этомъ авторъ считаетъ долгомъ признательности благодарить редакцію «Записокъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» и редакцію «Вѣстника Европы» за благосклонное вниманіе къ изданнымъ выпускамъ этнографическихъ матеріаловъ.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ, 1896.

НА КОНЧИНУ

Государя Императора Александра III.

(Приложеніе къ стр. 166 настоящаго выпуска*).

Приходи сегодня, шашскій **) народъ, и восплачь!
Скончался Царь вселенной: облекись въ трауръ по Немъ!
Онъ былъ твоимъ покровителемъ, и ты душу свою положи за Него;
Подобно русскому народу, постоянно проливай слезы о Немъ.
День и ночь плачь и постоянно молись с Немъ.

Въ постоянномъ попеченіи о тебѣ, у Него и во время сна успокоенія не было;
Среди попеченій о тебѣ, у Него въ жизни отдохновенія не было;
Кромѣ попеченія о тебѣ, у Него въ сердцѣ другой радости и услады не было;
Кромѣ блага подданныхъ, въ Его мысли ничего другаго не было.
За упокой чистой души этого Государя постоянно молись.

Должно постоянно хранить въ сердцѣ дѣянія этого Государя.
Когда изъ этого тлѣннаго міра Онъ въ міръ вѣчный отошелъ,
Всѣ Его сановники остались здѣсь, на землѣ,—слугъ нѣтъ при Немъ,
Потому что въ этотъ моментъ Ему одному скончаться надлежало.
И теперь особенно о душѣ Его молись.

Подданные! Носите трауръ и плачьте о Государѣ своемъ.
Проливайте слезы о Немъ, какъ объ Отцѣ своемъ, какъ о Дѣдѣ своемъ,
Какъ о счастливѣйшемъ, подобномъ царю Хираю, Государѣ,
Какъ о знаменитѣйшемъ въ мірѣ Государѣ.
Молитесь Богу за Него и вспоминайте Его качества.

Царь Царей изъ этого міра отошелъ;
Онъ закрылъ свои очи отъ міра тлѣннаго и въ міръ вѣчный отошелъ
Надежды подданныхъ (на Его долгую жизнь) не сбылись:
Онъ въ мѣсто упокоенія отошелъ.

---

*) Стихи эти были напечатаны въ № 47 Туземной газеты за 1894-й годъ и перепечатаны въ № 2 Правител. Вѣстника за 1895 годъ.

**) Ташкентскій.

X

Онъ оставилъ всѣхъ Великихъ Князей, и одинъ въ вѣчность отошелъ.
Оставивъ Царицу осиротѣлой, Самъ изъ этого міра отошелъ.

Плачьте и горюйте: Самодержецъ міра отошелъ.
Самодержецъ міра, оставивъ насъ, отошелъ.
Онъ былъ тѣнію Самого Бога и радостно отошелъ.
Духъ Его, преданный Богу, на небо отошелъ.
Весь народъ одѣлся въ трауръ, и сердца всѣхъ наполнились горечью.

Онъ благоустроилъ свое царство и радостно отошелъ.
Подданные! постоянно плачьте: Государь міра отошелъ.
Къ вашему огорченію, Онъ недолго прожилъ и отошелъ.
Этотъ Цвѣтокъ вселенной преждевременно поблекъ и отошелъ.
Государь оставилъ Великихъ Князей въ печали и отошелъ.

Всѣ Его сановники остались на этомъ свѣтѣ, а Самъ Онъ въ вѣчный міръ отошелъ.
Царь царей, подобный Рустаму, показавшій свою державную силу, отошелъ.
Подобный Платону мудростью и Нушірвану справедливостью отошелъ.
Отецъ своихъ подданныхъ, милостивый и сострадательный отошелъ.
Оставилъ ихъ въ долинѣ печали, а Самъ на небо отошелъ.

Распорядитель смерти коснулся Его, и Онъ въ мѣсто высочайшее отошелъ
Онъ безпрекословно отдалъ свою благочестивую душу и отошелъ.
Духъ Его къ душамъ другихъ царей отошелъ.
Такова участь всѣхъ; потому и Государь отошелъ.
Онъ уничтожилъ враговъ и спокойно отошелъ.

Онъ заставилъ весь міръ надѣть трауръ и незамѣтно отошелъ.
Онъ повергъ насъ въ горе и печаль, а самъ одинъ отошелъ;
Царь царей, подобно Джамшиду, испилъ чашу смерти и отошелъ.
Въ своемъ величіи подобный Александру и Дарію, Владѣтель сердецъ отошелъ.
Скорбите, что Русскій Царь царей отошелъ.

Онъ любилъ своихъ подданныхъ и спокойно отошелъ.
Онъ сохранялъ въ своемъ сердцѣ много задачъ и отошелъ.
Онъ былъ образцемъ хорошихъ качествъ, но звѣзда Его счастія отошла.
Онъ не достигъ конечной цѣли, и душа Его отошла.
Оставивъ свой народъ, Онъ одинъ отошелъ.

Подвергшись болѣзни, Онъ отошелъ.
Не нашлось лѣкарства и никакого средства,—и Онъ отошелъ.
Не могли помочь ученые доктора, и Онъ отошелъ.
Таково опредѣленіе Божіе: нашъ Государь изъ этого міра отошелъ.
Таково перо судьбы. Онъ закрылъ очи свои и отошелъ.

Онъ не могъ проживать въ холодномъ климатѣ и въ Крымъ отправился.
Но, отбывши туда, Онъ не поправился.
Изъ Петербурга Онъ съ Супругой и Дѣтьми отправился.
Счастливый Государь простился съ Великими Князьями и отправился.
Онъ отправился въ городъ Ливадію, но Его болѣзнь усилилась.

Онъ жилъ тамъ, но положеніе его ухудшилось:
Пульсъ ослабѣлъ и одышка усилилась.
На ногахъ опухоль усилилась, отеки увеличились.
Но и при такомъ тяжеломъ положеніи сознаніе Его не оставляло, и разсудокъ дѣйствовалъ.
Царь царей выполнилъ свою задачу и въ вѣчность отошелъ.

Смерть, кого застигнетъ,—ни Царь, ни нищій не избѣгнутъ ея.
Таково наслѣдіе отъ прародителей Адамы и Евы.
Всѣ посланники и пророки подверглись этой участи.
Въ этомъ древнемъ мірѣ никто не остался,—всѣ отошли туда.
Въ свою очередь и нашъ счастливѣйшій Государь отошелъ туда.

Онъ вручилъ царскій престолъ Своему Наслѣднику,
Сдѣлавъ завѣщаніе и Своей Августѣйшей Супругѣ,
Какое самъ Онъ въ своемъ сердцѣ находилъ.
И въ эту трудную минуту Онъ находился въ полномъ сознаніи.
И въ присутствіи Августѣйшей Семьи отошелъ.

Этотъ Государь при жизни отклонялъ войну.
Вступивъ на путь мира, Онъ присоединилъ къ нему другихъ царей.
И всегда Онъ въ своемъ сердцѣ этотъ порядокъ сохранялъ.
Смотрите, цари, въ какомъ настроеніи Онъ отошелъ.
Начавъ миролюбивую политику, Онъ отошелъ.

Когда другіе государи склонялись ко враждѣ
И приготовлялись къ войнѣ,

XII

Онъ говорилъ имъ: «Это не возможно, государи!»
И Государь не дозволялъ имъ воевать.
Такимъ образомъ Онъ утвердилъ миръ и отошелъ.

Всѣ цари земные опечалены и соболѣзнуютъ о Немъ;
Всѣ подданные плачутъ и воздыхаютъ о Немъ,
Говоря: куда отошелъ нашъ Царь царей,
Всѣ молятся Богу и испрашиваютъ ему милости.
И молитвы достигаютъ Его чистой души.

Онъ постоянно заботился и думалъ о мирѣ.
И въ этихъ заботахъ провелъ свою жизнь,
Чтобы Его подданные наслаждались спокойствіемъ.
И послѣ себя Онъ оставилъ Своему Наслѣднику этотъ путь,
Какого самъ держался,—этотъ лучезарный путь.

Всѣ сановники и подданные о Немъ плачутъ.
А кромѣ нихъ и другіе народы о Царѣ міра плачутъ,
Говоря: не появится на землѣ другой такой Царь.
Весь міръ плачетъ о Немъ, говоря:
Онъ оставилъ насъ въ водоворотѣ, а Самъ отошелъ.

Сановники совѣщаются съ подданными:
«Государь очень любилъ городъ Москву,—
Устроимъ въ честь Его благословеннаго имени великій памятникъ».
Новый Государь разрѣшилъ пригласить къ пожертвованіямъ,
И распространилось теперь по Россіи повелѣніе это.

По всему міру сдѣлалось извѣстнымъ повелѣніе это.
И всякій, по своему состоянію, дѣлаетъ пожертвованіе.
Его Свѣтлость *) услышавъ объ этомъ,—возрадовался
И отпустилъ на памятникъ 30.000 рублей.
А доставившій пожертвованіе въ свой городъ возвратился.

Всѣ государи собрали мастеровъ искусства и приказали имъ приготовить вѣнки
Изъ серебра съ позолотой—на Его могилу и написать (на вѣнкахъ)
имена царей-жертвователей.
Когда изготовлены были вѣнки, цари положили ихъ въ назначенное мѣсто.

---

*) Бухарскій Амиръ.

Ихъ примѣру послѣдовалъ и сынъ Его Свѣтлости (Амира Бухары).
Кромѣ него, и Персидскій Государь послалъ свое пожертвованіе (вѣнокъ).
Они написали имена свои на красивыхъ вѣнкахъ—
«Бухарскій Амиръ» и «Персидскій Шахъ».
Пожертвованія изъ Туркестана отправлены особо.

Пожертвованія есть и изъ другихъ государствъ, кромѣ Россіи,
Потому что многіе народы чтутъ покойнаго Государя,
И много царей соболѣзнуютъ о Немъ.
Нѣтъ никого въ мірѣ, не сочувствующаго Ему.—
Всѣхъ пожертвованій сдѣлано болѣе, чѣмъ на два милліона.

Къ Нему относились съ почтеніемъ, какъ къ руднику добродѣтелей.
Изъ нихъ одна—миролюбіе Государя.
Всѣ государи поступили такъ, чтобы возвеличить Его.
И подданные, наслаждаясь спокойствіемъ въ Его время (надѣются, что)
такое положеніе продолжится.
Поэтому всѣ цари такъ и почтили Его.

Подданнымъ должно молиться Богу за Царя,
Въ царствованіе котораго никого не коснулось несчастіе (войны).
Съ возростающимъ счастіемъ правилъ Онъ государствомъ и былъ любимъ
народомъ.
День и ночь всѣ молитесь Богу за Него, проливая слезы.
И Мафхумъ*), сложившій эти стихи, опечаленъ (смертію Государя).

Стихи ташкентскаго поэта Нихани**).

Кому на этомъ свѣтѣ не дается напитокъ изъ смертной чаши?
Хотя бы то былъ царь, правитель, или жалкій нищій,
Хотя бы былъ на тронѣ, или на простой плетенкѣ,
Хотя бы добрый, хотя бы злой, хотя бы шейхъ святой,—
Всѣхъ мы видимъ подверженными жалу смерти.

---

*) Псевдонимъ автора.
**) Напечатаны въ № 5 Тузем. газеты за 1895 г.

Не видѣли ли вы, что и надъ Государемъ Александромъ Третьимъ,
Правленіе Котораго было подобно лунѣ въ небесахъ,
Въ царствованіи Котораго отражалось величіе Александра (Македонскаго),—
И надъ Нимъ, день и ночь заботи́вшимися о подданныхъ,
Исполнилось Божіе опредѣленіе: и Онъ испилъ изъ смертной чаши...

Пока не пресѣклась Его жизнь, днемъ и ночью
Сознаніе не оставляло Его, пока не сомкнулись Его очи;
Хотя отъ тяжкой болѣзни силы Его ослабѣли,
Постоянно на Его устахъ были слова о подданныхъ...
О нихъ же Онъ завѣщалъ и своему Наслѣднику.

При Его жизни процвѣтали торговля и промыслы подданныхъ,
Ни одинъ человѣкъ не причинилъ стѣсненія другому понапрасну:
Овцы съ волкомъ были вмѣстѣ, голубь съ ястребомъ.
И стали разсказывать, что при Немъ не проливалась кровь.
Среди жителей городовъ и степей были вездѣ тишина и спокойствіе.

О горе! жизнь этого Государя преждевременно прекратилась...
И сожалѣли о Немъ другіе государи и Халифъ (Султанъ).
Всѣ подданные Его проливали потоки слезъ отъ печали.
Отъ смерти Его распространилась тѣнь даже надъ луной.
И лицо земли покрылось черною тѣнью траура.

Тронная корона Его лишилась лучей блеска;
Облака воздыхали о немъ не громомъ, а огненными вздохами,
Небесныя свѣтила испускали на землю лучи сожалѣнія.
Всѣ цари на землѣ сожалѣли о Немъ и плакали...
Какъ будто небо и земля облеклись въ глубокій трауръ по Немъ.

Наслѣдникъ Государя—Свѣточъ очей Его
Возсѣлъ на тронъ Его, и началась новая эпоха:
Возрадуйтесь жители туркестанскіе и гор. Ташкента!
Молитесь, чтобы Богъ возвысилъ дѣла Его!
Молись, Нихани, о благоденствіи этого Государя.

Стихи-хронограмма ташкентскаго поэта Кями*).

(20 апрѣля 1895 года).

Смерть русскаго Государя Императора
Повергла подданныхъ Его въ глубокій трауръ,
Потому что всѣ Его подданные жили
Въ Его царствованіе въ мирѣ и радостяхъ:
У мусульманскаго народа и у русскаго
Не было ни малѣйшаго недостатка въ милостяхъ Его.
И когда Онъ отошелъ изъ этого тлѣннаго міра,
Пала большая печаль на сердца подданныхъ Его.
И всѣхъ великихъ государей изумила
Кончина этого досточтимаго Государя.
Если мы внимательно посмотримъ на дѣйствительность,—
То гдѣ Александръ Македонскій, Дарій, Джамшидъ?
Гдѣ Кайхысрау, Кайкаусъ и Бахманъ?
Гдѣ Афрасіабъ, Залъ и Рустамъ?
Гдѣ Бахрамъ, завоеватель семи частей свѣта?
Гдѣ Кесарь римскій и китайскій повелитель?
Гдѣ Хысрау, гдѣ Парвизъ и Хурмизъ?
Гдѣ справедливый и досточтимый Нуширванъ?
Всѣ они появлялись въ мірѣ по очереди,
И нѣкоторые изъ нихъ отошли послѣ, иные прежде,
Знаете ли вы, куда всѣ они отошли?
Будьте же внимательны, потомки Адама:
Изъ чаши виночерпія смерти они испили
Напитка истлѣнія и всѣ прекратили бытіе.
И покорившій міръ (мирной политикой)
Александръ Александровичъ,—
Наконецъ, и Онъ оставилъ этотъ тлѣнный міръ
И быстро послѣдовалъ въ вѣчное царство...
О, русскій народъ! Не Ему ли была свойственна справедливость?!
Да, такова участь всѣхъ людей,
Хотя бы то былъ царь, хотя бы бѣднякъ...
Только одно хорошее имя должно оставаться въ памяти;
Если же нѣтъ его, забудутся имущество и деньги.

---

*) Напечатаны въ № 16 Туземной газеты за 1895 г.

XVI

Посмотрите: имена нѣкоторыхъ не изгладились
Въ лѣтописи справедливости и милости.
Не суть ли благородные свидѣтели этому:
Одинъ Нуширванъ, а другой Хатамъ?...
Необходимо держаться пути справедливости,
Взявъ почтительно примѣръ съ этого Монарха[1])
А государь, у котораго нѣтъ этого свойства,
Будетъ вѣчно слышать упреки и порицанія.
Въ исторіи подробно описано это;
Кто читалъ, тотъ знаетъ. А Богъ лучше знаетъ[2]).
Кями[3]) отбросилъ первую букву отъ хиджры
И указалъ на годъ смерти «Великаго Государя»[4]) 1312.
Получится еще лѣтосчисленіе христіанское,
Если *считать* (всѣ буквы въ словахъ): «годъ смерти Великаго Государя»[5]).

---

[1]) Т. е. Императора Александра III.

[2]) Послѣднее выраженіе заимствовано изъ корана.

[3]) Псевдонимъ автора стиховъ—хронограммы.

[4]) Нужно читать въ подлинникѣ: Шах агз(а)м и считать: ш—300, а—1, г—(анъ) 70, з—(изгы) 900, м 40; итого—1317. Отъ этого числа нужно отнять 5, соотвѣтствующее первой буквѣ въ словѣ «Хиджра», и получится 1312-й годъ хиджры, соотвѣтствующій концу 1884 года, т. е. году смерти Императора Александра III. Н. О.

[5]) Въ подлинникѣ эти слова читаются такъ: Сал ф(а)ут шах агз(а)м. По переложеніи на числа, эти буквы дадутъ: с—(синъ)=60, а=1, л=30, ф=80, у=6, т=400, ш=300, а=1, х=5, а=1, г—(анъ)=70, з—(изгы)=900, м=40, всего=1894, т. е. годъ смерти Императора Александра III по христіанскому лѣтосчисленію. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ словѣ *агзам* второе *а* въ счетъ нейдетъ, такъ какъ этотъ гласный звукъ въ подлинникѣ выраженъ надстрочнымъ знакомъ. Также и въ словѣ «фаут» знакъ «а» не считается по той же причинѣ. Н. О.

I.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О САРТАХЪ*).

„Уже въ теченіе тысячелѣтій нѣтъ вполнѣ однородныхъ народовъ".

„Народы могутъ сродниться съ языкомъ чуждой расы, или, напротивъ того, языкъ можетъ по прежнему неизмѣнно господствовать въ данной области, тогда какъ раса медленно измѣняется, благодаря смѣшенію крови".

Оскаръ Пешель.

Выраженія *„сартъ—сарты"* (سارتیه — سارت) хорошо извѣстны жителямъ Туркестанскаго края, туземцамъ и русскимъ, какъ названія очень значительной части населенія края: *сартами* называются осѣдлые туземцы преимущественно Сыръ-Дарьинской и частію Ферганской областей и Аму-Дарьинскаго отдѣла. Правда, осѣдлые туземцы чаще называютъ себя по мѣсту жительства и говорятъ: *ташкянлыкъ* т. е. ташкендецъ, *коканлыкъ* т. е. кокандецъ и т. под.; но когда туземца спрашиваютъ: кто онъ—киргизъ или сартъ? то сартъ отвѣчаетъ, что онъ—*сартъ*, а не казакъ; киргизъ же въ подобномъ случаѣ говоритъ, что онъ не сартъ, а *казакъ*. Равнымъ образомъ, Сыръ-Дарьинскіе сарты отличаютъ себя и отъ *таджиковъ*, осѣдлыхъ туземцевъ Самар-

---

*) Приводимыя въ этой главѣ данныя собраны были мною въ 1884 году по поводу замѣтки, напечатанной въ «Восточномъ Обозрѣніи» (№ 52 за 1883 годъ) и въ первый разъ были напечатаны въ №№ 28—31 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1889 г. Послѣ перваго изданія настоящаго выпуска (въ 1890 г.), вопросъ о словѣ «Сартъ» возобновлялся въ печати въ минувшемъ и настоящемъ годахъ, въ статьяхъ г.г. Бартольда и Лапина, какъ объ этомъ говорится въ настоящей главѣ.

кандской области и нѣкоторыхъ мѣстностей Ферганской и говорятъ о себѣ, что они—*сарты*, а не *таджики*. И мы, русскіе, съ первыхъ дней своей жизни въ Туркестанскомъ краѣ употребляемъ выраженіе „*сартъ*“ для обозначенія извѣстной части туземнаго населенія не только въ частныхъ сношеніяхъ съ осѣдлыми туземцами, но и въ оффиціальныхъ случаяхъ. Въ документахъ, когда идетъ рѣчь о сартахъ, мы прямо пишемъ: „сартъ такой-то заключилъ условіе“ и проч.

Основанія къ этому слѣдующія:

Еще въ первомъ Проектѣ положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ, изданномъ въ 1867 году, въ §§ 127, 130 и 331 выраженіе „*сартъ*“ было принято, какъ названіе части туземнаго населенія, а въ §§ 214 и 215 выраженіе „*сартъ*“ обозначаетъ опредѣленно *осѣдлыхъ* туземцевъ. Въ объяснительной запискѣ къ названному Проекту положенія, въ главѣ II (Устройство суда) вполнѣ опредѣленно сказано, что народонаселеніе въ Туркест. генералъ-губернаторствѣ составляютъ *киргизы*, кочующее большинство населенія обѣихъ областей, и *сарты*—осѣдлое населеніе Сыръ-Дарьинской области. Между этими двумя народностями нѣтъ ничего общаго ни въ характерѣ, ни въ основныхъ началахъ народнаго суда ихъ. Въ приведенныхъ словахъ Проекта положенія 1867 г. выраженіе „*сартъ*“, какъ названіе осѣдлаго населенія Туркестанскаго генералъ-губернаторства, обозначало осѣдлыхъ туземцевъ только Сыръ-Дарьинской области и не относилось къ осѣдлымъ туземцамъ другихъ областей края нашего времени (Самаркандской и Ферганской), такъ какъ въ 1867 г. Фергана и Самаркандъ не входили еще въ составъ русскихъ среднеазіатскихъ владѣній. Въ Проектѣ всеподданнѣйшаго отчета Генералъ-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства за время отъ 7 ноября 1867 г. по 25 марта 1881 года (Изданіе Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. С.-Петербургъ, 1885.), на страницѣ 20-й напечатано: „Народонаселеніе края состоитъ: изъ русскихъ,

татаръ, таджиковъ, узбековъ.... *сартовъ,* киргизъ"... Далѣе, на страницѣ 22-й того же отчета, сказано, что сартовъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ считается 800,000 душъ, т. е. до 26% всего населенія, и что *сарты* составляютъ главный контингентъ городского и сельскаго туземнаго населенія въ Сыръ-Дарьинской и Ферганской областяхъ и Зарявшанскомъ округѣ (нынѣ Самаркандская область). Многочисленныя во всей юговосточной полосѣ края и сплошныя поселенія сартовъ оканчиваются въ городахъ Туркестанѣ и Ауліэ-ата, не распространяясь далѣе этихъ пунктовъ,—по долинѣ Сыра и въ предѣлы Семирѣченской области. Небольшое сартовское населеніе послѣдней (до 5000 душъ) состоитъ изъ разсѣянныхъ по городамъ области торговцевъ, изъ которыхъ только немногіе основались въ нихъ на постоянное жительство.

Въ дѣйствующемъ нынѣ Положеніи объ управленіи Туркестанскаго края, Высочайше утвержденномъ 12 іюня 1886 года, нѣтъ выраженій „сарты" и „киргизы", а туземное населеніе называется въ этомъ Положеніи или *осѣдлымъ* (§ 73), или *кочевымъ* (§ 108[1]); но, при переводѣ этого Положенія на языкъ осѣдлыхъ туземцевъ, переводческая комиссія не избѣжала выраженія „*сартія*" (سارتيه) т. е. собирательной формы отъ слова *сартъ.* (См. заглавіе отдѣленія III, а также §§ 176, 255, 264 и др.). Очевидно, переводчики не могли обойтись безъ выраженія *сартъ* и его собирательной формы—*сартія,* хорошо извѣстной туземцамъ отъ временъ кокандскаго управленія Ташкентомъ. Когда кокандскіе беки и беклярбеки[2]) отдавали письменныя приказанія какой-нибудь части населенія нынѣшней Сыръ-Дарьинской области, то приблизительно выражались такъ: „Да будетъ извѣстно всѣмъ должностнымъ лицамъ сартскаго и кир-

---

[1]) См. также §§ 208, 211, 238, 243, 247, 248, 252, 255, 270, 300 и другіе. Такое же обозначеніе населенія Туркестанскаго края встрѣчается въ «Запискахъ по Средне-азіатскому вопросу» Д. И. Романовскаго. (Спб. 1868 г. стр. 261).

[2]) Бекъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи районъ города и окрестностей въ размѣрѣ нынѣшняго уѣзда; беклярбекъ завѣдывалъ большимъ райономъ и, какъ самое названіе показываетъ, имѣлъ въ своемъ подчиненіиековъ, былъ екомъ надъ екими.

гизскаго населенія (سارتیه وقزاقیه‌لارغه معلوم بولسون), что по власти, данной мнѣ такимъ-то кокандскимъ ханомъ, я посылаю къ вамъ такого-то, приказываю считать его, какъ меня самого, и вручить ему государственныя подати, какія онъ будетъ требовать отъ васъ, согласно настоящему предписанію". (Такого-то года, мѣсяца и дня. Печать). Очевидно, что выраженіе „*сартъ*" въ оффиціальныхъ приказахъ кокандскихъ правителей было принято, какъ названіе установившееся и хорошо извѣстное самому населенію, а это могло быть только при условіи *древняго* происхожденія этого названія и *давняго* его употребленія. Новые правители благоразумно не вводили въ подвластной имъ странѣ новыхъ терминовъ для обозначенія населенія; не дѣлали этого и русскіе администраторы, допускавшіе и допускающіе названіе „*сартъ*" въ оффиціальныхъ случаяхъ. (См. повѣстки областныхъ судовъ, мировыхъ судей, торговые документы и под.).

Въ историческихъ сочиненіяхъ по Средней Азіи, вопреки заявленію г. Пашино[1]), находится выраженіе „*сартъ*" у слѣдующихъ Среднеазіатскихъ мусульманскихъ писателей:

1) Рашидеддинъ (род. въ 1247 г., умеръ въ 1318 году по Р. Хр.) въ своей „Исторіи монголовъ", говоря о племени Карлукъ[2]) замѣчаетъ, что въ вѣкъ Чингизъ-хана правителемъ и государемъ Карлуковъ былъ Арсланъ-ханъ. Когда Чингизъ-ханъ отправилъ къ предѣламъ этого племени Хубила-нойона, Арсланъ-ханъ покорился ему. Чингизъ-ханъ далъ ему дѣвушку изъ своего рода и повелѣлъ называть Арслана *сартскимъ* т. е. таджикомъ:

---

[1]) Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, издан. въ 1868 г. подъ заглавіемъ «Туркестанскій край въ 1866 году» г. Пашино замѣчаетъ между прочимъ, что въ мусульманскихъ рукописяхъ, посвященныхъ описанію походовъ славныхъ средне-азіатскихъ завоевателей, ему *не приходилось* встрѣчать имя «сартъ».

[2]) По Массуди, Карлуки были тюркское племя, отличавшееся чистотою крови и красотою формъ. Они были нѣкоторое время хозяевами большей части Азіи, а ихъ князья носили титулъ «хаканъ-хакановъ». Во время Ибнъ-Хаукала (въ X в. по Р. Хр.) они жили близъ Асиджаба, къ сѣверо-востоку отъ Яксарта. Языкъ у нихъ былъ общій съ киргизами и др. тюркскими племенами. Geographie d'Aboulféda, traduite de l'Arabe en Francais par M. Reinaud. Paris, 1848. T. I. Introduction. p. 357 et T. II, p. 298.

فرموده که اورا ارسلان سرتاقتی کونیده یعنی تاجیك[1]). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту, переводчикъ, проф. Березинъ выраженіе سرتاقتی *(сартакты)* считаетъ монгольскимъ прилагательнымъ въ значеніи *сартскій* отъ *сартагулъ* сартъ“[2]).

Слова *сартагулъ, сартаулъ* или *сартолъ* довольно часто, по словамъ г. Бартольда, встрѣчаются въ монгольскихъ и тибетскихъ сочиненіяхъ. Китайцы переводятъ этотъ терминъ словомъ Хой-ху или Хой-хой, который первоначально употреблялся для обозначенія уйгуровъ, потомъ—туркестанцевъ вообще, наконецъ—всѣхъ мусульманъ безъ различія происхожденія; ко времени монгольскаго господства послѣднее значеніе уже было окончательно установлено. Уже въ такъ-называемой „Монголо-китайской лѣтописи“, т. е. въ монгольскомъ эпическомъ сказаніи XIII в.[3]), „сартоульскимъ народомъ“ *(сартаулъ-иргэнь)* называются туркестанцы, подданные Харезмшаха Мухаммада. Примѣръ употребленія слова *сартаулъ* мусульманскими писателями г. Бартольдъ встрѣтилъ и у Рашидэддина, въ его разсказѣ объ одномъ изъ мусульманскихъ министровъ великаго хана Хубилая (умершаго въ 1294 г.), Абу-бекрѣ, носившемъ титулъ Баянъ-фенджана, котораго Хубилай-ханъ называетъ „сартаульскимъ человѣкомъ“[4]). Кромѣ того, еще въ одномъ тюрко-арабскомъ и монголо-арабскомъ глоссаріи, написанномъ, по всей вѣроятности, въ Персіи въ началѣ XIV вѣка, слово *сартаулъ* переводится словомъ „мусульманинъ“[5]).

---

[1]) Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Часть пятая. С.-Петербургъ, 1858. Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. сочиненіе Рашидъ-Эддина. Введеніе: о турецкихъ и монгольскихъ племенахъ. Переводъ съ персидскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями, И. Н. Березина, стр. 132.

[2]) Тамъ же, стр. 271—272. У Бату-хана б. сынъ «Сартакъ-огланъ».

[3]) Это сказаніе было переведено на русскій языкъ съ китайскаго перевода архимандритомъ Палладіемъ и напечатано въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. IV (Спб. 1866 г.). (Примѣчаніе г. Бартольда).

[4]) См. три рукописи Рашидэддина въ Имп. Публ. библ.: рук. V, 3, 1, листъ 225; рук. V, 3, 2, стр. 1144 и рук. Dorn 289, листъ 229.

[5]) «Туркест. Вѣдом.» за 1895 г. № 30, ст. г. Бартольда: «Еще о словѣ сартъ».

2) Въ примѣч. къ разсказу Рашидэддина о борьбѣ Чингизъ-хана съ Ванъ-ханомъ проф. Березинъ говоритъ, что, по словамъ монгольскаго историка, это событіе произошло уже послѣ похода на сартовъ[1]), которые составляли во время Чингизъ-хана независимое племя, почему онъ и предпринималъ противъ нихъ походъ. Извѣстный путешественникъ по владѣніямъ Чингизъ-хана, францисканецъ Іоаннъ де Плано-Карпини, проѣхавшій въ 1246 году черезъ Россію въ Монголію, въ описаніи своего путешествія называетъ и сартовъ въ числѣ покоренныхъ монголами народовъ: китайцы, меркиты, туркмены... болгары, армяне, персы, индійцы... *сарты* (Sarthi) и мн. др.[2]).

3) Поэтъ и писатель Средней Азіи, знаменитый Миръ Алиширъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Амира Наваи (умеръ въ 1500 г. по Р. Хр.) также употреблялъ въ своихъ сочиненіяхъ слово „*сартъ*“ и называлъ этимъ именемъ жителей Средней Азіи, не знающихъ тюркскаго языка. Русскій академикъ Вельяминовъ-Зерновъ и французскій профессоръ Павэ-де-Куртейль, объясняя въ своихъ словаряхъ слово „*сартъ*“, говорятъ, что этимъ именемъ называются городскіе жители персидскаго происхожденія, не знающіе тюркскаго языка, какъ это видно изъ слѣдующихъ выраженій Наваи: سارت عجمك شهری سنه درلار که قطعا ترکی بلمیه‌که حیرت الابرارده اون ایکنچی مقاله‌ده کیلورکه بیت سارت‌غه کرچه بوبارور بخشی‌لار * ترك ایله هم یخشی بارور بخشی‌لار * وینه قفیه‌ده کیلورکه بیت بری ترك دیوایده آستی مهر * بری سارت دیوانیده باستی مهر * وینه جالس النفایسده ایکنچی مجلس آخرنده سید حسن اردشیر وصفنده کیلورکه بو فقیر ترك وسارت آراسیده آندین تمام‌راك کیشی کورمای دورمن — وینه دییلدی‌کیم هرکیم سارتچه ایتسه بیر ایاغ ایچسون (3

---

1) Труды Вост. отд. Часть тринадцатая. С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 312.

2) Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. I. Плано-Карпини. II. Асцелинъ. С.-Петербургъ, 1825 г. Стр. 191.

3) Dictionnaire Djaghatai-Turk (S.-Petersburg, 1869) и Dictionnaire Turk-Oriental (Paris, 1870 Mot—سارت

4) Знаменитый внукъ Тимура, основатель обширной монархіи Баберидовъ, Захируддинъ Мухаммадъ Бабуръ (род. въ 1483 г. ум. въ 1530 г. по Р. Хр.) въ своихъ біографическихъ запискахъ (بابور نامه), на стран. четвертой, говоря о Маргеланѣ, замѣчаетъ: *жители его—сарты* (ایلی سارت دور). На той же страницѣ, говоря объ Асфарѣ[1]), Бабуръ также замѣчаетъ, что жители Асфары—сплошь *сарты* и горные (ایلی تمام سارت وکوهی دور[2]).

5) Абулъ-Гази Мухаммадъ-Багадуръ, Хивинскій ханъ (род. въ 1014 г. ум. въ 1074 г. гиджры, т. е. въ 1605—1663 гг. по Р. Хр.), въ сочиненіи своемъ شجرهٔ ترک шестнадцать разъ упоминаетъ о сартахъ, какъ жителяхъ Хивы, Ургенджа и Хазараспа, отличаетъ ихъ не только отъ туркменъ и кызылбашей, но и отъ узбековъ, что въ данномъ случаѣ имѣетъ особенную важность, такъ какъ г. Лашинъ еще недавно (см. ниже) печатно оспаривалъ правильность примѣненія названія „сартъ“ къ извѣстной народной группѣ и настаивалъ на замѣнѣ этого названія словомъ „узбекъ“. Какъ на примѣръ можно указать на случай провозглашенія ханомъ Илбарсъ-хана, въ „поднятіи“ котораго участвовали всѣ узбеки и сарты (стран. 197). О языкѣ сартовъ Абулъ-Гази ничего не говоритъ, но о жителяхъ Самарканда опредѣленно заявляетъ, что они всѣ говорятъ по таджикски и что въ этомъ городѣ не было ни одного человѣка знающаго тюркскій языкъ[4]). Кромѣ того, Абулгази говоритъ, что сарты имѣли дома и занимались хлѣбопашествомъ[5]), т. е. считаетъ ихъ осѣдлымъ населеніемъ.

---

[1]) Асфара—селеніе въ Кокандскомъ уѣздѣ.

[2]) Baber-Nameh. Djagataice ad fidem codicis Petropoliani. Edidit N. Ilminski. Casani, MDCCCLVII, pag. 4.

[3]) См. подлин. текстъ страницы: 197, 223, 242, 301 и 305.

[4]) بارجه‌سی تاجیك سوزلایدور هیچ ترکی بیلور کشی یوق

Ibid. pag. ۳۱۱

[5]) Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Begadour Khan. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaison. Tome I. Texte. St. Petersbourg. 1871. سارت — جدول الاعلام

Въ русскихъ историческихъ памятникахъ мы находимъ слѣдующія свидѣтельства относительно слова „сартъ“:

1) Въ статейномъ спискѣ похода Томскихъ боярскихъ дѣтей Романа Старова и Ивана Греченинова съ служилыми людьми въ киргизскую землю отъ 15 февраля 1680 г. встрѣчается имя мурзы *Сарткулина*[1]), что прямо указываетъ на сложный составъ этой фамиліи изъ двухъ словъ: *сартъ* и *кулъ*[2]).

2) Въ описаніи торговаго путешествія вятскаго татарина Шубая Арасланова, ѣздившаго вмѣстѣ съ курскимъ купцомъ Семеномъ Дроздовымъ и казанскимъ татариномъ Мансуромъ Юсуповымъ въ Ташкентъ въ 1741—1742 г.г. *сартами* называются жители городовъ: Ташкента и Туркестана и они различаются отъ киргизовъ и калмыковъ[3]).

3) Изъ конца того же столѣтія, отъ 1793—1794 г.г. имѣются показанія военнаго врача Бланкенагеля, пробывшаго пять мѣсяцевъ въ Хивѣ, куда онъ былъ отправленъ русскимъ правительствомъ. Онъ въ числѣ жителей Хивинскаго ханства считаетъ 15 тысячъ *сартовъ*, кромѣ узбековъ и другихъ народностей, и говоритъ, что *сарты*—древніе жители этой земли, но покорены узбеками и находятся въ великомъ отъ нихъ угнетеніи[4]).

4) Подполковникъ Ген. Штаба Г. И. Данилевскій въ 1843 г. ѣздилъ въ г. Хиву съ русской миссіей, по распоряженію русскаго правительства, и, основываясь на личномъ обозрѣніи Хивинскаго ханства и на распросныхъ свѣдѣніяхъ, *достовѣрность которыхъ не подвергалась сомнѣнію*, составилъ описаніе Хивинскаго ханства, жителей котораго—*сартовъ* называетъ осѣдлыми и говоритъ о нихъ: „Сарты составляютъ преобладающее племя осѣд-

---

1) Сборникъ князя Хилкова С.-Петербургъ 1879 г. стран. 313.

2) Какъ очень любопытный фактъ отмѣчаю здѣсь, что слово «сартъ-сартакъ» дало начало одной русской фамиліи—*Сартаковъ*, каковую носитъ письмоводитель Омской классической гимназіи, уроженецъ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи.

3) Русскій Архивъ 1888 г., кн. 8, стр. 401—416. Ст. Н. Оглоблина: «Путешествіе русскихъ купцовъ въ Ташкентъ въ 1741—1742 г.г.

4) См. Очеркъ исторіко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Н. Веселовскаго. С.-Петербургъ, 1877. стр. 243.

лаго народонаселенія и суть коренные жители ханства. Азіятцы называютъ сартами всѣхъ (?) хивинцевъ вообще. Они живутъ преимущественно въ городахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею, которая почти исключительно находится въ ихъ рукахъ. Правительственныя лица, за исключеніемъ самого хана и кушъбегія,—изъ сартовъ. Всѣ порученія, почетныя и выгодныя, возлагаются на нихъ-же, а равно и управленіе городами и ханскими имуществами. Этотъ политическій перевѣсъ при помощи торговли способствуетъ немало къ ихъ обогащенію и упроченію возрастающаго первенства (стр. 91). Затѣмъ г. Данилевскій, говоря о городахъ Хивинскаго ханства въ отдѣльности, вездѣ называетъ сартовъ, гдѣ они, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, оказывались жителями описываемыхъ имъ городовъ[1]).

Наконецъ, должно упомянуть, что выраженіе „*сартъ*“ встрѣчается въ нѣсколькихъ пословицахъ, до сихъ поръ употребляемыхъ сартами и киргизами. Въ одной пословицѣ говорится: „*Сартъ, когда разбогатѣетъ, то крышу ставитъ* (т. е. заводитъ себѣ домъ), *а киргизъ, когда разбогатѣетъ, женится*“. Въ другой пословицѣ говорится: „*Плохой киргизъ становится сартомъ, а плохой сартъ становится киргизомъ*“. Третья пословица говоритъ: „*Послѣ того какъ ты сталъ сартомъ, нѣтъ отъ тебя пользы; послѣ того какъ ты сдѣлался киргизомъ, нѣтъ отъ тебя торговли*“. Во всѣхъ этихъ пословицахъ выраженіе „сартъ“ противополагается выраженію „киргизъ“ и должно быть понимаемо, какъ названіе, обозначающее человѣка другаго образа жизни сравнительно съ киргизами. Первая пословица указываетъ прямо на *осѣдлый* образъ жизни сартовъ. Третья пословица даетъ понять, что съ точки зрѣнія киргиза, сартъ—человѣкъ для киргиза малополезный, вслѣдствіе своего осѣдлаго образа жизни; точно такъ-же какъ киргизъ, вслѣдствіе кочеваго образа жизни, не можетъ быть

---

[1]) Описаніе Хивинскаго ханства было напечатано въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1851 году, въ книгѣ пятой. Въ главѣ 6-й Описанія авторъ говоритъ о составѣ и числѣ народонаселенія ханства.

хорошимъ торговцемъ. Вторая пословица характерно указываетъ на существенное отличіе киргиза отъ сарта *по образу жизни*, съ точки зрѣнія того и другаго, именно: плохой киргизъ, т. е. измѣнившій вѣковому образу жизни кочевника, становится *сартомъ*, т. е. начинаетъ вести осѣдлую жизнь; точно также не имѣющій осѣдлости и скитающійся по чужимъ дворамъ сартъ— уже плохой сартъ, съ точки зрѣнія осѣдлаго жителя.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, можно заключить, что слово „*сартъ*“ было въ употребленіи въ Средней Азіи уже въ отдаленное отъ насъ время и что сарты различались отъ узбековъ, туркменъ и кызылбашей съ одной стороны и отъ таджиковъ съ другой, какъ это мы знаемъ и въ настоящее время. Г. Лерхъ замѣчаетъ, что названіе „сартъ“ распространилось по среднему и нижнему теченію Сыръ-Дарьи (древняго Яксарта), а на Аму-Дарьѣ удержалось только въ Хивинскомъ ханствѣ и что, наоборотъ, названіе „таджикъ“ сохранилось и болѣе распространилось въ предѣлахъ древней Согдіаны. На базарахъ Бухары до сихъ поръ слышится таджикское нарѣчіе, тогда какъ на базарахъ Хивы и Ташкента таджикской рѣчи почти не слышно. Самыя названія мѣстностей въ предѣлахъ древней Согдіаны гораздо болѣе сохранились иранскія, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Хивы и Ташкента почти исключительно встрѣчаются тюркскія названія мѣстностей. Это явленіе объясняется тѣмъ, что по Аму-Дарьѣ древній иранскій элементъ былъ сильнѣе и оказалъ болѣе устойчивости противъ напора монголо-тюркскихъ племенъ, наводнявшихъ въ разныя времена Среднюю Азію; наоборотъ, по Сыръ-Дарьѣ оказался болѣе сильнымъ элементъ тюркскій, который и пересилилъ здѣсь иранскій, сказавшись тѣмъ не менѣе въ смѣшанномъ типѣ сартовъ. Какъ происходило это смѣшеніе, понять не трудно, имѣя въ виду постоянныя столкновенія монголо-тюркскихъ племенъ съ иранскими, сопровождавшіяся болѣе или менѣе продолжительнымъ господствомъ побѣдителей [1]).

---

[1]) См. Очерки Ферганской долины. А. фонъ-Миддендорфа. Рус. перев. Спб. 1882, стр. 385 и слѣд.

Кромѣ того, извѣстно что съ давнихъ поръ персидскими рабами снабжались базары Хивы, Бухары и Коканда, а это въ свою очередь способствовало также смѣшенію тюркской и иранской крови. Въ 1873 г., по завоеваніи Хивы, въ этомъ ханствѣ было найдено много рабовъ—персіянъ и высоко-гуманный побѣдитель хивинцевъ (генералъ К. П. фонъ-Кауфманъ I) внесъ особой статьей въ условія договора съ Хивинскимъ ханомъ освобожденіе рабовъ изъ неволи. Въ Бухарскомъ ханствѣ рабство практиковалось до послѣдняго времени, и только 7 ноября 1886 г. Бухарскій Амиръ издалъ повелѣніе объ окончательномъ освобожденіи на всемъ протяженіи Бухарскаго ханства находившихся еще въ неволѣ рабовъ, съ выдачею каждому изъ нихъ освободительнаго документа[1]). Рабство было извѣстно и въ Кокандскомъ ханствѣ, и въ Кашгаріи. Не удивительно, если, при описанныхъ историческихъ обстоятельствахъ и при существованіи рабства и многоженства во всей мусульманской Азіи, туземные жители городовъ нынѣшней Сыръ-Дарьинской и частію Ферганской областей, а также Кашгаріи и Хивы представляютъ собою типъ смѣшанный, тюрко-иранскій, какими и являются нынѣшніе сарты, говорящіе по тюркски и въ тоже время, по своему тѣлосложенію и характеру, напоминающіе иранское племя. „Случаи такого рода, когда племена по языку своему занимаютъ иное положеніе, чѣмъ то, которое слѣдуетъ имъ приписать по ихъ расовымъ признакамъ, ставятъ, говоритъ Оскаръ Пешель; народовѣдѣніе въ такое же положеніе, въ какомъ находятся минералоги по отношенію къ псевдоморфнымъ явленіямъ. Если, напримѣръ, данный кристаллъ растворился подъ вліяніемъ просачивающейся воды и выносится изъ материнской породы, то другой минералъ можетъ внѣдриться въ пустоту, заполнить ее и явиться псевдокристалломъ; такъ точно народы могутъ сродниться съ языкомъ чуждой расы, или, напротивъ того, языкъ можетъ по прежнему неизмѣнно господствовать въ данной области, тогда

---

[1]) Правител. Вѣсти. отъ 21 декабря 1886 г. № 280.

какъ раса медленно измѣняется, благодаря смѣшенію крови“ [1]). Поэтому въ сочиненіи „Die Arier“ тотъ же авторъ говоритъ: „языкъ есть только лишь отдѣльный моментъ въ числѣ тѣхъ моментовъ, которые должны быть взяты въ разсчетъ при раздѣленіи человѣческаго рода на расы“.

Переходя къ объясненію названія „*сартъ*“, я привожу мнѣнія разныхъ западно-европейскихъ и русскихъ авторовъ о значеніи этого слова. Эти мнѣнія, если и не всѣ одинаково важны въ научномъ отношеніи, то интересны, какъ попытки объяснить трудно объяснимое слово. Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній совершенно неосновательны и получились, очевидно, только потому, что высказавшія ихъ лица даже не трудились справиться съ мнѣніями другихъ лицъ о томъ же предметѣ. Особенно слѣдуетъ указать на совершенную неосновательность предположенія нѣкоторыхъ Туркестанскихъ авторовъ, печатно и съ увѣренностію заявлявшихъ, что слово „*сартъ*“ имѣетъ значеніе браннаго, ругательнаго слова и что поэтому оно не можетъ имѣть мѣста, какъ и выраженіе „*языкъ сартовъ*“ (сартъ тили—سارت تیلی), принятое въ Туркестанской туземной газетѣ. Допуская и употребляя выраженія: „*языкъ сартовъ, сартское нарѣчіе*“, я слѣдовалъ указаніямъ дѣйствительности и продолжаю быть увѣреннымъ въ своей правотѣ, потому что выраженіе „тюркскій“ есть общее названіе для многихъ нарѣчій тюркскаго семейства и не можетъ характеризовать видоваго названія; если мы допускаемъ выраженія: киргизское, узбекское, туркменское, татарское нарѣчія, то съ равнымъ правомъ должны принять и выраженіе „*сартское нарѣчіе*“, о которомъ еще покойный Лерхъ замѣтилъ, что оно ближе всего къ джагатайскому литературному языку, а въ отдѣльныхъ пунктахъ приближается къ народному нарѣчію узбековъ и киргизъ, именно тамъ, гдѣ сарты приняли въ себя новый элементъ отъ этихъ народовъ [2]).

---

[1]) Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціей Профес. Э. Ю. Петри съ 6 изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпускъ III, стр. 392. (С.-Петербургъ, 1890).

[2]) Russische Revue, 1872. I. „Das Russische Turkestan“, ss. 30—35.

Ташкентскій Народный Судья Мухитдинъ-Ходжа.

САРТЫ.

Необходимо изучать умственный складъ, вѣрованія и бытъ сартозъ, чтобы благотворно вліять на ихъ жизнь.

Мнѣнія разныхъ авторовъ о значеніи слова „сартъ“.

Лейтенантъ Остъ-Индской компанейской службы, А. Борнсъ въ описаніи своего путешествія изъ Индіи въ Кабулъ, Татарію и Персію, въ 1831—1833 г.г., въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Между городскими жителями Туркестана мы встрѣчаемъ такое-же разнообразіе, какъ и между татарами. Первобытные жители этого края суть таджики или таты, иногда, хотя и ошибочно, называемые сартами, что собственно служитъ насмѣшливымъ именемъ, которое имъ придаютъ кочевыя племена. Во времена отдаленныя воинственные турки, пришедшіе съ сѣвера, сокрушили власть этого народа, а потомъ междоусобныя распри ордъ обезсилили его еще больше“ [1]).

Г. Пашино въ своихъ путевыхъ запискахъ, изданныхъ имъ въ С.-Петербургѣ, въ 1868 г., подъ заглавіемъ: „Туркестанскій край въ 1866 году“, на стран. 167—169, говоритъ о сартахъ слѣдующее:

„Типъ сарта и характеръ его, съ перваго знакомства, говорятъ за его *арійское* происхожденіе. Конечно, можно встрѣтить въ Туркестанской области много личностей, именующихъ себя сартами и носящихъ самый несомнѣнный отпечатокъ монгольскаго происхожденія. Но такое обстоятельство не должно противорѣчить моему доводу о происхожденіи сартовъ, такъ какъ и между поселившимися здѣсь кровными персіянами во второмъ-же колѣнѣ является типъ вовсе не персидскій; это происходитъ отъ браковъ съ монгольскою расою, представительницами которой являются въ этихъ бракахъ по преимуществу вывезенныя изъ Россіи татарки и весьма рѣдко—киргизскія и кипчакскія дѣвушки.

„Когда поселились здѣсь арійцы и какимъ путемъ пришли сюда они: перешли-ли они Гиндукушъ или Парапамизъ—это все остается нерѣшенными вопросами, при отсутствіи письменныхъ

---

[1]) Борнсъ: Путешествіе въ Бухару. Изданіе П. В. Голубкова. Москва, 1848—1849 г. Часть третья, стр. 370.

памятниковъ; я осмѣливаюсь впрочемъ сдѣлать слѣдующее предположеніе, что народъ, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ сартовъ и встрѣчающійся въ каждомъ населенномъ пунктѣ, отъ Каспійскаго моря до Небесныхъ горъ, происходитъ отъ тѣхъ персидскихъ переселенцевъ, которые волею или неволею являлись сюда во время завоеваній эпохи Чингизъ-хана, въ качествѣ ученыхъ, искусныхъ строителей, мастеровъ, учителей различныхъ ремеслъ и просто военноплѣнныхъ. Что сарты персидскаго происхожденія, въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ то, что многіе изъ нихъ знаютъ персидскій языкъ и что въ такомъ государствѣ, какъ Кокандское ханство, гдѣ главная масса населенія говоритъ на нарѣчіяхъ тюркскихъ, языкъ этотъ сдѣлали языкомъ оффиціальнымъ[1]).

„Что-же касается до названія *сартъ*, то мнѣ толковали его различно: одни говорили, что сарты прежде назывались „башъ-сартами“ и что это названіе имъ дано потому, что они носили шапку изъ мѣха звѣрка, называющагося у киргизъ *сартомъ*[2]).

„Такое толкованіе отчасти правдоподобно[3]), если припомнимъ, что въ Азіи существуетъ обыкновеніе давать незнакомому народу прозвища и кличку по головному убору; напримѣръ: персіянамъ—*кизылбашей* (красноголовыхъ), одному роду киргизъ—кара-калпаковъ (черноколпачныхъ[4]), башкирамъ — башкурдовъ (волчье-головыхъ). Отчего же не повѣрить, что народъ, носящій

---

[1]) Сарты бухарскіе не знаютъ другаго языка, кромѣ персидскаго; кокандскіе-же говорятъ на джагатайскомъ нарѣчіи тюркскаго языка.

[2]) Башъ-сартъ—сартья голова. Сартомъ называется звѣрокъ съ желтымъ мѣхомъ, нѣчто въ родѣ лисицы или шакала. Должно быть, это слово сокращено изъ сары-итъ желтая собака.

[3]) Но такое толкованіе слова «сартъ» совершенно неправдоподобно, какъ и другія, подобныя этому, объясненія этого слова, которыя подъ часъ можно услышать отъ туземцевъ. Н. О.

[4]) Замѣчательно, что мусульмане Оренбургскаго края помѣщичьихъ крестьянъ изъ татаръ называютъ также кара-калпаками, хотя тѣ и не носятъ черныхъ шапокъ. Это, вѣроятно, произошло отъ того, что киргизскіе кара-калпаки не были никогда самостоятельными и съ давнихъ поръ находились въ полномъ подчиненіи хивинскимъ ханамъ. Родъ этотъ славится въ народныхъ росказняхъ своею глупостью и между ними дѣйствительно развитъ кретинизмъ въ сильной степени.

на головѣ шапки изъ шакальяго мѣха, удостоились клички „башъ-сартовъ“ (шакалье-головыхъ[1]). Другіе доказывали, что названіе *сартъ* дано этому народу кочевниками-завоевателями и есть исковерканное киргизскимъ произношеніемъ „шартлы“[2]), которое, по ихъ выговору, произносится *сартты*. *Шартлы* значитъ „условленный или обязанный исполненіемъ извѣстныхъ условій“ и потому давалось поселенцамъ, оставшимся жить въ городахъ и селеніяхъ на извѣстныхъ условіяхъ[3]).

„Можно сдѣлать еще предположеніе, что новые персидскіе поселенцы, смѣшиваясь съ древнимъ, побѣжденнымъ монголами, населеніемъ, получили ихъ имя. А что древніе обитатели могли именоваться сартами, это возможно допустить, такъ какъ звуки, составляющіе это слово, мы находимъ въ самыхъ древнѣйшихъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей и даже самая рѣка Сыръ-Дарья называлась въ древности *Яксартомъ*. Такому предположенію противорѣчитъ то, что въ мусульманскихъ рукописяхъ, посвященныхъ описанію походовъ славныхъ среднеазіатскихъ завоевателей, въ которыхъ перечисляются названія покоренныхъ ими народовъ, даже самыхъ отдаленныхъ, какъ армяне, грузины и русскіе, имя *сартъ* мнѣ не случалось встрѣчать[4]).

„Нѣкоторые смѣшиваютъ сартовъ съ таджиками и говорятъ, что сартъ и таджикъ—одно и тоже. Дѣйствительно, между таджиками и сартами есть много общаго, такъ какъ оба эти народа—арійскаго происхожденія. Таджики Туркестанской области[5])

---

[1]) У насъ, подъ Москвою, есть селеніе Бѣлый Колпь, получившее названіе отъ головнаго убора—бѣлаго колпака, который и до сихъ поръ употребляется обывателями-Малороссовъ называютъ, по головному убору, хохлами. Турокъ даже въ литературѣ называютъ чалмоносцами, хотя тамъ давно чалма замѣнилась фескою.

[2]) Киргизы это слово произносятъ сарты, такъ какъ у нихъ буква *ш* всегда переходитъ въ *с*, а окончаніе *лы* замѣняется постоянно—*ты*.

[3]) Разсказъ г. Пашино о звѣркѣ „*баш-сартъ*“ и сближеніе слова „*сартъ*“ съ словомъ „*шартлы*“, откуда формы „*сартты*“ занесено г. А. Будаговымъ въ его Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. (Спб. 1871), т. I стр. 612. Н. О.

[4]) Ср. стран. 6—9. Н. О.

[5]) Во время поѣздки г. Пашино въ Туркестанскій край, нынѣшняго названія «Сыръ-Дарьинская область» не было; въ то время была извѣстна «Туркестанская область». Н. О.

QCL. NVer

—кровные персы, попавшіеся сюда въ неволю въ новѣйшія времена и укоренившіеся здѣсь; что-же касается до сартовъ, то хотя они и положительно арійскаго происхожденія, но что они—переселенные персіяне, это предположеніе гадательное и требуетъ подтвержденія[1]). Каждый сартъ очень оскорбился-бы, если-бы его назвали таджикомъ, такъ какъ послѣдній здѣсь не пользуется никакимъ уваженіемъ, потому во-первыхъ, что произошелъ отъ раба, во вторыхъ—по предубѣжденію сарта (суннита), что каждый таджикъ, если не явно, то въ душѣ—шіитъ, раскольникъ, человѣкъ презрѣнный. Такіе и тому подобные разсказы людей положительно незнакомыхъ съ исторіею и стоявшихъ за то, что Афросіабъ былъ нѣкогда ихъ царемъ и что въ Ташкентѣ находятся остатки его трона и развалины дворца его дочери, хотя и не могли меня окончательно убѣдить по вопросу о происхожденіи Сартовъ, однако-же я скорѣе согласенъ признать ихъ за особый народъ арійскаго происхожденія, чѣмъ смѣшать ихъ съ таджиками, которые волей-неволей поселились здѣсь со временъ Тамерлана“.

Извѣстный путешественникъ по Средней Азіи, нынѣ профессоръ восточныхъ языковъ и литературъ при Будапештскомъ университетѣ, Германъ Вамбери, говоритъ на ту же тему такъ:

„Турки всегда первоначальныхъ жителей Трансъ-Оксаніи называли *сартами*[2]). Происхожденіе этого послѣдняго слова мнѣ совершенно неизвѣстно; его употреблялъ уже знаменитый Миръ-Али-Ширъ, называя въ своемъ трактатѣ „О персидскомъ и турецкомъ языкахъ“ первый языкъ всегда *сартъ-тили*, а не *таджикъ тили*. Поэтому слово „*сартъ*“ можно основательно при-

---

1) По Зендавестѣ, родиною всѣхъ арійскихъ народовъ считается мѣстность на верховьяхъ рѣкъ Сыра и Аму, и сартовъ счесть можно скорѣе за аборигеновъ этого края, а не за пришельцевъ изъ какой-нибудь другой страны, если вѣрить показаніямъ Зендавесты.

2) Г. Ханыковъ ошибается, полагая, что это относится только къ Хивѣ, ибо ему конечно не безызвѣстно, что въ Ташкентѣ, покоренномъ недавно русскими, персидское населеніе называется *сартами*, и что также точно его называютъ во всемъ Кокандѣ. Генералъ Крыжановскій также говоритъ о таджикахъ и сартахъ, какъ о двухъ различныхъ племенахъ.

нять за турецкое названіе таджика. Правда, узбеки иногда полагаютъ разницу между сартомъ и таджикомъ, разумѣя подъ таджиками людей, только въ недавнее время поселившихся между узбеками и вполнѣ сохранившихъ свое иранское нарѣчіе, преимущественно бухарцевъ, а подъ *сартами*—уже давно осѣвшихъ жителей, по большей части перемѣнившихъ свой родной языкъ на турецкій, напримѣръ, какъ мы видимъ это во всей Хивѣ и въ сѣверной части Коканда. Хотя я не раздѣляю мнѣнія о различіи между таджиками и сартами[1]), но не могу не признать, что сарты вообще отличаются отъ таджиковъ даже нѣкоторыми физіономическими особенностями[2]). Сарты сложены нѣсколько стройнѣе, имѣютъ болѣе продолговатое лицо, узкій и высокій лобъ; но это должно приписать тому обстоятельству, что они часто вступаютъ въ браки съ осѣвшими въ Средней Азіи освободившимися персидскими невольниками, чего таджики никогда не дѣлаютъ“[3]).

Г. Робертъ Ша (Shaw), Великобританскій комисаръ въ Ладакѣ, на основаніи личныхъ своихъ распросовъ у туркестанскихъ туземцевъ, замѣчаетъ, что мелкія племенныя отличія народовъ этого края сливаются въ двухъ перекрещивающихся подраздѣленіяхъ. Въ одномъ подраздѣленіи являются тюрки и таджики—люди татарскаго и арійскаго подраздѣленій; въ другомъ—киргизы

---

1) Въ словарѣ, приложенномъ къ „Gagataische Sprachstudien“ (Leipzig, 1867), г. Вамбери одинаково считаетъ сартовъ и таджиковъ первобытными обитателями Средней Азіи. Н. О.

2) Въ другомъ своемъ сочиненіи (Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes aus Grundsprachliher Forschungen) г. Вамбери называетъ сартовъ первобытными арійскими обитателями Средней Азіи, говорящими по-тюркски, и высказываетъ, что «Сарты отъ своихъ арійскихъ собратьевъ, таджиковъ, столь же рѣзко различаются не только въ языкѣ, но въ тѣлосложеніи и въ физіономіи, сколько обѣ расовыя разновидности вмѣстѣ (т. е. сарты и таджики) отличаются отъ арійцевъ, населяющихъ Персію. Съ другой стороны, отличительныя черты сартства (Sartenthum) теряются въ той мѣрѣ, въ какой онѣ отдаляются отъ пункта своего общаго происхожденія на Среднемъ Яксартѣ (Сыръ-Дарьѣ). См. Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Рус. Геогр. Общ. кн. VI. Омскъ, 1884. «Введеніе къ сочиненію Вамбери: «Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ», стр. 4. Н. О.

3) Очерки Средней Азіи (Дополненіе къ Путешествію по Средней Азіи). Русскій переводъ. Москва, 1868 г. стр. 321—322.

и сарты[1])—кочующее и осѣдлое племена. Первое подраздѣленіе (по моему, оно исключительно состоитъ изъ татаръ) заключаетъ въ себѣ много различныхъ племенъ: казаковъ, кипчаковъ, каракалпаковъ и пр., кромѣ настоящихъ киргизовъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на разныя орды. Сарты или осѣдлый народъ включаютъ арійскихъ таджиковъ, татарскихъ узбековъ и др. На всемъ протяженіи Бухары и, я думаю, до самой Сыръ-Дарьи (Яксартъ), таджики составляютъ массу населенія. Они—земледѣльцы, лавочники, купцы, писцы, иногда даже солдаты и правители. За Сыръ-Дарьей, въ Кокандскомъ ханствѣ, они не могли устоять противъ татарскаго напыва (здѣсь онъ былъ ясно сильнѣе); тутъ они встрѣчаются рѣже между кущцами, писцами и въ высшихъ должностяхъ, но гораздо менѣе между хлѣбопашцами и деревенскими жителями. Вотъ, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія, собранныя мною у андижанцевъ и кокандцевъ, находящихся въ услуженіи у Аталыкъ-Гази, въ Кашгарѣ и Яркандѣ“[2]).

Русскій ученый путешественникъ и знатокъ тюркскихъ нарѣчій, В. В. Радловъ (нынѣ членъ Императорской Академіи Наукъ), посѣтившій Туркестанскій край въ 1868 г., въ статьѣ своей „Средняя Зеравшанская долина“, говоритъ:

„Осѣдлое населеніе городовъ: Ташкента, Чимкента, Ауліэ-ата, Мерке и Туркестана, какъ и всѣхъ деревень вокругъ ихъ, называется общимъ названіемъ: „*сартъ*“; такимъ-же именемъ называютъ ихъ киргизы и узбеки. Я не могу ясно опредѣлить происхожденія этихъ сартовъ. Родовыхъ ихъ именъ я не могъ узнать. По наружности, они очень похожи на таджиковъ; но персидскій языкъ для нихъ—чужое и незнакомое нарѣчіе, если они не изу-

---

[1]) Русскіе ошибочно смѣшиваютъ это подраздѣленіе съ другимъ, вслѣдствіе котораго сарты являются тождественными съ таджиками (вѣроятно потому, что первые сарты, попавшіеся имъ, оказались случайно таджиками). Но они рѣшительно ошибаются: всѣ кокандцы, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать въ Восточномъ Туркестанѣ, единодушно говорили, что сартъ есть только имя, подъ которымъ киргизы подразумѣвали всякаго не кочующаго, будь онъ таджикъ, или узбекъ.

[2]) Очерки верхней Татаріи, Яркенда и Кашгара. Русскій переводъ. С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 26—27.

чали его въ бухарскихъ или самаркандскихъ медресе. Они сами рѣзко себя отдѣляютъ отъ таджиковъ, которые живутъ между ними разбросанно по одиночкѣ. По Вамбери, можно было бы заключить, что сарты, по происхожденію,—таджики. Онъ утверждаетъ это, разсуждая о происхожденіи хивинскихъ сартовъ: „сарты, называемые въ Бухарѣ и въ Кокандѣ таджиками—древніе персидскіе жители Харезма“. Меня только удивляетъ, что сарты, живущіе здѣсь, на сѣверѣ, такими густыми массами, именно здѣсь такъ совершенно отатарились, между тѣмъ какъ таджики въ отдѣльныхъ деревняхъ сохранили свой персидскій языкъ. Съ другой стороны возможно, что имя „*сартъ*“ дано имъ извнѣ точно такъ, какъ бухарскіе переселенцы на рѣкѣ Тоболѣ въ настоящее время называютъ себя сартами, потому что тобольскіе татары имъ дали такое названіе, а татары вообще и калмыки алтайскіе приняли подобныя же, имъ самимъ неизвѣстныя, названія отъ русскихъ. Ташкентскіе сарты могли получить это названіе отъ киргизовъ, которые на самомъ дѣлѣ называютъ всѣхъ осѣдлыхъ магометанъ Средней Азіи такимъ именемъ, не смотря на то—узбеки-ли они, сарты, таджики, или кашгарскіе татары“ [1]).

Г. Скайлеръ (Schuyler), посѣтившій въ 1873 году Туркестанскій край, вскорѣ послѣ завоеванія его, не оставилъ безъ вниманія названія „*сартъ*“ и пытался объяснить его. Перечисливъ главныя народности, населяющія Ташкентъ, онъ говоритъ: „Туземное населеніе здѣсь, какъ равно и во многихъ мѣстахъ Туркестана, извѣстно подъ названіемъ „*сартовъ*“; но это названіе не имѣетъ никакого этнологическаго значенія, какъ Робертъ Ша одинъ изъ первыхъ показалъ [2]). Согласно показаніямъ туземцевъ, все населеніе страны раздѣляется на два класса: осѣдлыхъ и кочующихъ; кочующіе называются *казаками* [3]), а осѣдлое населе-

---

[1]) Записки Императорскаго Русск. Географ. Общества по отдѣленію этнографіи. Томъ шестой, Спб. 1880) «Средняя Зеравшанская долина» стр. 64—65.

[2]) Мнѣніе Р. Ша приведено выше, на стр. 19. Н. О.

[3]) Г. Скайлеръ называетъ «казаками» тѣхъ именно жителей Туркестана, которые сами себя такъ называютъ и которые у насъ, русскихъ, извѣстны подъ именемъ «киргизъ». Н. О.

ніе извѣстно подъ именемъ *сартовъ*. Замѣчательно, что у древнѣйшихъ писателей слово „*сартъ*“ употреблялось сначала почти преимущественно для обозначенія жителей долины Сыра и не было извѣстно въ Бухарѣ и Самаркандѣ, хотя и перешло въ Кашгаръ, Кокандъ и Хиву. Абулъ-Гази упоминаетъ о сартахъ, какъ объ осѣдлыхъ обитателяхъ его страны, Хивы, въ отличіе отъ узбековъ; между тѣмъ въ странѣ, завоеванной имъ, напр. Бухарѣ, онъ употребляетъ слово „*таджикъ*“. Въ настоящее время слово „*сартъ*“ извѣстно также и въ Бухарѣ. Какъ употребляющееся кочующими племенами, слово „*сартъ*“ равносильно бранному слову и представляетъ синонимъ труса и изнѣженнаго человѣка“ [1]).

По мнѣнію покойнаго русскаго профессора по каѳедрѣ Исторіи Востока, В. В. Григорьева, слово „*сартъ*“ означаетъ горожанина; такъ въ Средней Азіи одинаково называютъ осѣдлое населеніе, говорящее языкомъ одного происхожденія съ персидскимъ, какъ у турокъ, когда эти послѣдніе, сдѣлавшись осѣдлыми, занимаются земледѣліемъ или городскими промыслами [2]).

Бывшій слушатель покойнаго профессора, Н. Н. Пантусовъ, говоритъ: „сарты („Сарт“ у Клапорта „сарты“) или Таджики („Таджик“, китайское *Тяо-чжи)* суть жители городовъ и деревень, занимающіеся земледѣліемъ, торговлею и ремеслами. Они говорятъ по персидски, въ противоположность тюркамъ, и представляютъ, по-видимому, остатки древняго населенія. Имя таджиковъ они получили, вѣроятно, отъ турокъ, такъ какъ были подданными арабовъ, которые стали имъ, туркамъ, впервые извѣстными подъ именемъ „тади“ или таджи (у китайцевъ—даши [3]).

Г. Федченко, говоря о населеніи Зеравшанской долины, замѣчаетъ, что оно по преимуществу осѣдлое и состоитъ изъ двухъ

---

[1]) Turkistan, by E. Schuyler. Vol. I, chapt. IV, Musulman Life in Tashkent. London, 1876, ss. 104—105.

[2]) Землевѣдѣніе Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Выпускъ второй (С.-Петербургъ. 1878), стран. 370, примѣч. 39.

[3]) Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографіи. Томъ шестой. Спб. 1880. Ст. «Фергана по Запискамъ султана Бабура», стр. 192, примѣч. 39.

главныхъ элементовъ: племенъ тюркской и иранской расъ, а затѣмъ поясняетъ, что „Таджики, принадлежащіе къ иранской расѣ, составляютъ первобытныхъ жителей страны и до сихъ поръ еще хорошо сохранили свой типъ.... Жители долинъ, напротивъ, смѣшались съ позднѣе пришедшими сюда узбеками, народомъ тюркскаго племени, рѣзко отличающимся отъ таджиковъ своимъ внѣшнимъ типомъ. Узбеки покорили таджиковъ и сдѣлались господствующею, по значенію, частью населенія, хотя и приняли отъ таджиковъ религію и образъ жизни, передавъ имъ свой языкъ, въ который однако вошло много иранскихъ элементовъ. Слово „сартъ“, которымъ русскіе называютъ сплошь все здѣшнее населеніе[1]), не имѣетъ у туземцевъ какого-либо политическаго, этнографическаго или антропологическаго значенія, а служитъ только для означенія жителей городскихъ и вообще осѣдлыхъ“[2]).

Въ каталогѣ Туркестанскаго отдѣла Политехнической выставки[3]), на стр. 53, говорится о сартахъ слѣдующее:

„Названіе *сартъ* употребляется русскими для обозначенія всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана и перешло къ русскимъ отъ киргизъ и жителей городовъ по правую сторону Сыръ-Дарьи. То обстоятельство, что по лѣвую сторону Сыра и въ городахъ до сихъ поръ сохранились особыя, такъ сказать, племенныя названія для осѣдлыхъ жителей, затѣмъ—имѣющіяся наблюденія надъ типомъ сартовъ и наконецъ имѣющіяся свѣдѣнія объ отношеніи въ Туркестанѣ тюркскихъ народовъ (узбековъ, киргизъ, кипчаковъ) къ арійцамъ (таджикамъ),—все это приводитъ къ заключенію, что сартъ есть помѣсь таджика, первоначальнаго жителя страны, съ позднѣе пришедшими тюркскими народами. Въ горахъ, куда мало проникали тюркскія племена (по Чирчику, въ горахъ, окаймляющихъ Кокандское ханство съ сѣвера и юга, въ Когистанѣ

---

[1]) Разумѣется населеніе Зарявшанской долины. Н. О.

[2]) Первый отчетъ Туркестанской ученой экспедиціи Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. (Москва, 1869) стр. 39—40.

[3]) Составленъ членами комиссіи: М. И. Бродовскимъ, Д. Л. Ивановымъ, І. И. Краузе, А. П. Федченко и О. А. Федченко. Москва. 1872.

и въ горахъ по верхнему теченію Аму-Дарьи) и до сихъ поръ сохранились таджики безъ всякаго смѣшенія съ тюркскими народностями. Но на мѣстахъ открытыхъ, въ тѣхъ оазисахъ, гдѣ сосредоточивалось главное осѣдлое населеніе края, первоначальные таджики пришли въ соприкосновеніе съ явившимися въ край побѣдителями-тюрками, образовали помѣсь, представляющую по типу смѣсь арійскихъ чертъ съ тюркскими. Въ образованіи типа сарта, вообще далеко не однороднаго по своимъ чертамъ, безъ сомнѣнія, приняли участіе и другія народности, кромѣ тюрковъ[1]). Такъ, несомнѣнна примѣсь еврейской крови, персидской и др., не говоря уже о народностяхъ, здѣсь проходившихъ или жившихъ въ прежнее время, каковы саки, юсти(?) и т. д., конечно оставившихъ свой слѣдъ въ строеніи черепа и тѣла теперешняго сарта. Это смѣшеніе особенно сильно на правомъ берегу Сыра: жители напр. Ташкента забыли свое таджикское происхожденіе, приняли тюркскій языкъ, представляютъ въ своихъ чертахъ много монгольскаго и усвоили себѣ названіе „сартъ“, названіе, надо полагать, данное имъ тюрками, потому что едвали самъ народъ придумаетъ для себя имя, которое, по мнѣнію большинства (?) лингвистовъ и наконецъ, судя по тому тону, съ которымъ оно произносится узбеками, означаетъ: дурной, трусъ, барышникъ....

„Сарты составляютъ не только преобладающую по численности часть осѣдлаго населенія въ Сыръ-Дарьинской области и Кокандскомъ ханствѣ, но и главную экономическую и туземную интеллектуальную силу края. Сартъ, несмотря на всѣ невзгоды, сохранилъ у себя ремесла и приготовилъ почти всѣ произведенія, выставленныя въ техническомъ отдѣленіи[2]); онъ же обезпечиваетъ продовольствіе края, потому что имъ обработывается большая часть полей, а сады составляютъ исключительную почти принадлежность сартовъ, которую мы видимъ еще только у его близ-

---

[1]) Въ проектѣ Всеподданнѣйшаго отчета Генералъ-Адъютанта фонъ-Кауфмана I, на стр. 22, сказано, что сарты происходятъ отъ смѣшенія разныхъ расъ, обусловленнаго многовѣковыми столкновеніями, и до сихъ поръ не прекращающимся взаимодѣйствіемъ иранскихъ и тюркскихъ народностей. Н. О.

[2]) То есть Туркестанскаго отдѣла Политехнической выставки. Н. О.

кихъ родственниковъ таджиковъ. Сады настолько характеризуютъ сартовъ, что доставили имъ прозваніе *карадарахтъ* (черный, густой лѣсъ)—въ смыслѣ политической партіи—отъ ихъ всегдашнихъ враговъ, кочевниковъ-киргизъ, народа, по своему характеру, занятіямъ и образу жизни, столь противоположнаго сартамъ".

Г. Гребенкинъ, въ своей статьѣ „Таджики" высказываетъ такое мнѣніе о словѣ „*сартъ*":

„Таджики имѣютъ въ Зеравшанскомъ округѣ три названія: общее—„таджикъ", частное для выходцевъ изъ Мерва—„тадъ" и бранное—„сартъ", или „сасыкъ-сартъ".

Обращаясь къ названію таджиковъ словомъ „сартъ", г. Гребенкинъ говоритъ: „Этимологія этого слова мнѣ неизвѣстна. Туземцы тоже не знаютъ его корня. Объясненія ихъ слова „сартъ" состоятъ изъ уподобленій, сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусъ, барышникъ и пр. „Сасыкъ-сартъ"! (тухлый сартъ) кричитъ кара-калпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣздники, подскакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богатъ ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: „таджикъ-сартъ", причемъ слово „сартъ" выговоритъ съ особеннымъ, язвительными выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: „таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ—когда бранимъ его". Таджики утверждаютъ, что названіе сартъ имъ передали русскіе и зависимые отъ русскихъ киргизы, но сами они (зеравшанцы) этого имени не признаютъ.

„Намъ кажется, что странный (?) эпитетъ „сартъ" распространенъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ киргизы. Туркестанъ, Чимкентъ, Ташкентъ и другіе города долинъ Туркестанскаго края окружены кочевниками и въ этихъ городахъ слово *сартъ*—привычный уху звукъ. Въ горныхъ же городахъ и кишлакахъ, гдѣ или нѣтъ вовсе, или очень мало киргизъ и узбековъ: въ Кураминскомъ, Ходжентскомъ и Джизакскомъ уѣздахъ и въ Самаркандскомъ отдѣлѣ—названіе *сартъ* или вовсе не употре-

бляется, или весьма рѣдко. Да и вообще, по мѣрѣ удаленія отъ береговъ Сыра на югъ, названіе *сартъ* становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ и уже въ Шахрисябскихъ владѣніяхъ и въ городѣ Карши намъ не приходилось его слышать".

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ приведеннымъ словамъ тотъ-же авторъ говоритъ: „Узбекскій родъ „Митанъ" имѣетъ много пѣсенъ, которыя, по ихъ преданію, сочинены еще въ то время, когда они были въ Россіи. Въ одной изъ нихъ говорится: „въ Самаркандѣ попадешь въ руки къ проклятымъ сартамъ". Эту пѣсню знаютъ и на низовьяхъ Урала[1]).

Г. Хорошхинъ говоритъ, что сарты—осѣдлый народъ таджикскаго происхожденія, но говорящій узбекскимъ языкомъ. Признавая сильное вліяніе узбековъ на таджиковъ, онъ говоритъ, что это вліяніе узбековъ и доселѣ еще такъ сильно, что хотя узбеки приняли отъ таджиковъ исламъ, однако не нуждаются въ ихъ персидскомъ языкѣ, тогда какъ узбекскія нарѣчія, въ томъ числѣ и сартовское, въ большомъ ходу всюду между таджиками. Съ сартовскимъ языкомъ, по его словамъ, можно обойти всю Среднюю Азію, такъ же какъ съ французскимъ Европу[2]).—Въ статьѣ „Таджики" г. Хорошхинъ раздѣляетъ таджиковъ обоихъ береговъ Сыра и Зарявшана на двѣ группы: на таджиковъ горъ и на таджиковъ равнинъ, и говоритъ, что таджики равнинъ на правомъ берегу Сыра суть *сарты*, а на лѣвомъ—жители городовъ: Исфары, Канибадама, Ходжента, Ура-тюбе, Джизака и множества кишлаковъ. Таджики въ долинахъ говорятъ, по его словамъ, или сартовскимъ языкомъ, т. е. нарѣчіемъ общаго узбекскаго языка, или таджикскимъ (Ходжентъ и другіе города и кишлаки по лѣвому берегу Сыра[3]).

Г. Костенко говоритъ: „Племени сартовъ нѣтъ; но этимъ именемъ русскіе (?), вслѣдъ за кочевниками, окрестили осѣдлое

---

1) Русскій Туркестанъ. Сборникъ, изданный по поводу Политехнической выставки. Выпускъ второй. Москва. 1872 г., стран. 1—3.

2) Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края. С.-Петербургъ, 1876, стран. 499. Но это не вѣрно. Н. О.

3) Тамъ же, стран. 520.

населеніе Туркестана, населеніе, живущее въ городахъ и деревняхъ и занимающееся земледѣліемъ, ремеслами и торговлею. Народности, получившія это названіе, весьма различны и по языку, и по происхожденію, но имѣютъ общія духовныя и нравственныя свойства, а также практикуютъ почти одинаковый родъ жизни.

„Сартами называются: 1) таджики, народъ иранскаго племени—исконные обитатели Средней Азіи, населяющіе нынѣ по преимуществу предѣлы Зеравшанскаго округа и частью Ходжентскій уѣздъ; 2) осѣвшіе узбеки, татары, киргизы и разныя народности, происшедшія отъ взаимнаго ихъ смѣшенія и населяющія туземные города Сыръ-Дарьинской и Ферганской области, Зеравшанскаго округа и живущіе въ качествѣ торговцевъ въ городахъ Семирѣченской области и наконецъ 3) таранчи—осѣдлое мусульманское племя, составляющее преобладающее населеніе Кульджинскаго района.

„Всѣ эти народности, носящія общее имя сартовъ, сами себя не называютъ этимъ именемъ, а именуются по названіямъ городовъ, въ которыхъ проживаютъ. Такъ, обыватель Ташкента называетъ себя ташкенлыкомъ (ташкентцемъ), обыватель Ходжента—ходженлыкомъ и пр....

„Языкъ сартовъ также различный; въ Самаркандѣ и Ходжентѣ, напр., таджикскій, тогда какъ въ Ташкентѣ, Кокандѣ, Кульджѣ—тюркскій. Но зато образъ жизни, нравы и обычаи почти одинаковы“ [1]).

Г. Уйфальви (Ujfalvy de Mezö-Kövesd), посѣтившій Туркестанскій край въ 1877 году и описавшій свое путешествіе въ двухъ томахъ, дѣлитъ народонаселеніе Ферганы на тринадцать группъ, въ числѣ которыхъ первою онъ ставитъ группу сартовъ и говоритъ о нихъ слѣдующее:

„Въ Туркестанѣ всѣхъ осѣдлыхъ жителей и горожанъ, за исключеніемъ таджиковъ, называютъ, безъ различія происхожденія, *сартами*. Когда киргизъ или узбекъ-кочевникъ поселятся

---

[1]) Туркестанскій край. Томъ первый. С.-Петербургъ, 1880 г. стр: 442—453.

въ городѣ, устроятъ себѣ дома и займутся своими дѣлами, земледѣльческими или торговыми, то ихъ дѣти становятся сартами. Нѣкоторые объясняютъ слово сартъ словами *сары-итъ* (желтая собака), какъ кочевники называютъ будто-бы осѣдлыхъ жителей; но это объясненіе— чистая фантазія. Слово *сартъ* не есть слѣдовательно, этнологическій терминъ. Впрочемъ въ Ферганѣ слово *сартъ* обозначаетъ расу смѣшаннаго происхожденія, но такую, которая представляетъ извѣстныя характерныя особенности. Сарты Ферганы суть продуктъ смѣшенія завоевателей-узбековъ съ первобытными обитателями иранцами (таджиками). Они средняго роста, хорошо сложены; черты (лица) довольно пріятныя, борода—часто густая, но скулы всегда мало выдающіяся, и вообще сарта легко отличить отъ таджика. Иногда смѣшивается кара-киргизская кровь съ иранскою, и тогда немного скошенные глаза и угловатое лицо служитъ тому доказательствомъ. Сарты составляютъ большую массу населенія въ городахъ второй полосы. Они находятся въ Кокандѣ, Маргеланѣ, Ошѣ, Наманганѣ. Большую часть населенія Андижана составляютъ сарты-кипчаки (племя узбековъ, сдѣлавшихся сартами). Есть цѣлый рядъ сартскихъ селеній въ той мѣстности, гдѣ р. Сохъ раздѣляется на большое число рукавовъ, отъ Яиана до Коканда, равно какъ на сѣвево-востокъ отъ этого послѣдняго города до Султанъ-беги, по большой дорогѣ изъ Туса. Сарты-кипчаки занимаютъ по берегамъ Сыръ-Дарьи, на сѣверо-западъ отъ Коканда и между Андижаномъ и Наманганомъ, большое число поселковъ, а также между Нарыномъ и Кара-Дарьею“ ...[1]).

Во второмъ томѣ описанія своего путешествія г. Уйфальви говоритъ, что въ Сыръ-Дарьинской области живутъ пять разныхъ народовъ: киргизъ-кайсаки, узбеки, сарты, таджики и курама. Въ этомъ заявленіи г. Уйфальви важно именно то, что онъ не смѣшиваетъ сартовъ съ другими народностями, населяющими Сыръ-Дарьинскую область, и говоритъ:

---

[1]) Expedition scientifique Française en Russie, en Siberie et dans le Turkestan, Le Kohistan, Le Ferghanah et Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. Paris, 1878. pp. 69—61.

„Хотя мы въ первомъ томѣ описанія своего путешествія уже дали подробное опредѣленіе термина „*сартъ*“, но мы должны возвратиться къ нему теперь, чтобы разсѣять всѣ недоразумѣнія. Сарты произошли отъ смѣшенія иранцевъ, аборигеновъ Туркестана, съ узбеками и иногда съ киргизами. Сартъ есть осѣдлый житель (торговецъ въ городахъ, земледѣлецъ въ кишлакахъ). Онъ ниже таджика и говоритъ тюркскимъ языкомъ, между тѣмъ какъ таджикъ говоритъ на персидскомъ языкѣ. Немногіе путешественники умѣли хорошо различать сарта отъ таджика. Это различіе однако-же необходимо; оно обязательно для того, кто занимается антропологическою этнографіей.

„Послѣ киргизъ, сарты составляютъ большую часть населенія Сыръ-Дарьинской области, гдѣ ихъ считается 158.453 чел. Они находятся въ городахъ: Ташкентѣ, Чимкентѣ, Ауліэ-ата, Туркестанѣ, Джизакѣ, Чиназѣ и въ большихъ кишлакахъ: Иканѣ, Пскентѣ, Старомъ Ташкентѣ и пр.

„Сартъ—средняго роста: его дородность легко переходитъ въ тучность. Цвѣтъ кожи его смуглый; волосы особенно развиты на лицѣ. Черепъ у него особенно малъ, лобъ средній, брови дугообразны и густы, глаза рѣдко расположены не на прямой линіи, носъ прямой, иногда выгнутый, ротъ средній, зубы средніе и бѣлые, лицо вообще овальное. Часто впрочемъ скулы, слегка выдающіяся, глаза, расположенные подъ небольшимъ угломъ, и большое междуорбитное разстояніе ясно указываетъ на присутствіе алтайской крови. Вообще-же иранская кровь беретъ верхъ. Станъ сарта менѣе строенъ и менѣе изященъ, чѣмъ станъ таджика. Шея у сарта средняя, суставы довольно тонкіе, а конечности менѣе, чѣмъ у таджика. Тогда какъ у таджиковъ существуетъ большое различіе между отдѣльными личностями, у сартовъ этой характерной разницы нѣтъ, и они часто чрезвычайно походятъ другъ на друга. Въ юношескомъ возрастѣ трудно различить мальчика отъ дѣвочки“ [1]).

---

[1]) Le Syr-Darie, le Zerafchane, le pays des Septrivi ères et la Siberie Occidentale avec quatre appendices. Paris, 1879, pag. 20 et 35—36.

Почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, г. Миддендорфъ, посѣтившій Ферганскую область въ 1878 г., говоритъ о сартахъ слѣдующее:

„Прежде всего намъ нужно упомянуть о двоякомъ значеніи наименованій: таджикъ и сартъ. Оба они и въ этомъ сочиненіи часто употребляются какъ равнозначущія: земледѣльцы преимущественно называются таджиками, а городскіе жители, главнѣйше занимающіеся другими промыслами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, садоводствомъ и огородничествомъ, если не земледѣліемъ, носятъ названіе сартовъ. Но такъ какъ горожанинъ считается знатнѣе селянина, такъ какъ занятія не строго различаются, деревня и городъ переходятъ другъ въ друга, то нерѣдко самъ таджикъ, говоря съ европейцемъ, зоветъ себя „сартомъ“. Какъ и всегда, въ городѣ элементы населенія смѣшиваются легче, а потому подъ *сартомъ* большею частію понимаютъ смѣшанный типъ съ монгольскою кровью. Это вѣрно“ [1]). Чрезъ пять строкъ ниже этого, г. Миддендорфъ замѣчаетъ: „если слово „*сартъ*“, какъ нѣкоторые утверждаютъ, было первоначально ругательнымъ, то это могло относиться лишь къ тѣмъ временамъ, когда хищники-кочевники смотрѣли съ презрѣніемъ на осѣдлыхъ жителей, въ особенности-же на перешедшихъ къ осѣдлости“.

Въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія г. Миддендорфъ говоритъ: „сартовъ одни считаютъ однозначущими съ таджиками, а другія—помѣсями (среднеазіятскими метисами), третьи наконецъ—даже монголами.

„Къ вышесказанному намъ остается только прибавить, что въ этнографическомъ смыслѣ, подъ *сартомъ* мы должны понимать помѣсь (большею частію близко подходящую къ таджикскому типу) монгольской крови, въ особенности-же крови узбекской.

„Это этнографическое понятіе, такъ сказать, извращается

---

[1]) Г. Уйфальви (стр. 156), поправляя тѣхъ писателей, которые считаютъ таджиковъ и сартовъ за одно и тоже, самъ сталъ на ложный путь: по его словамъ, первые характеризуются персидскимъ языкомъ, а вторые—восточно-турецкимъ. См. сказанное о языкѣ на стр. 357 и 405 Очерковъ Ферганы.

распространеннымъ предположеніемъ, будто-бы сартъ—осѣдлый житель и притомъ преимущественно горожанинъ[1]). „Сартъ“—названіе неудачное, могущее легко повести къ недоразумѣніямъ, а потому его слѣдовало-бы вычеркнуть изъ этнографическаго словаря, подобно другому термину: „татарскіе народцы“, которымъ такъ много злоупотребляли. Я удержалъ это слово подъ своими гравюрами только затѣмъ, чтобы не помѣшать позднѣйшему, болѣе просвѣтленному представленію о чистѣйшемъ таджикскомъ типѣ.

„Большинство сартовъ переходитъ въ таджикскій типъ такимъ образомъ, что ихъ почти нельзя отличить отъ настоящихъ таджиковъ. Обыкновенно думаютъ, что помѣсь можно различить по слѣдующему единственному, еще и нынѣ сохранившемуся, признаку монгольскаго облика, именно: у сартовъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ у таджиковъ, выдаются челюстныя кости (яремныя дуги).

„Можно-ли среди сартовъ отличить узбекскаго сарта отъ киргизскаго—это надлежитъ рѣшить будущимъ изслѣдователямъ. Кипчакскіе сарты, которыхъ я видѣлъ въ Яны курганской волости, не представляли ничего особеннаго. Замѣчательно однако большее преобладаніе въ нихъ иранскаго типа надъ монгольскимъ. Конечно, это преобладаніе замѣчается преимущественно у ферганскихъ сартовъ, тогда какъ далѣе, напротивъ, сильнѣе выступаетъ монгольскій типъ, ибо на сѣверо-западѣ, внѣ Ферганы, болѣе обнаруживается примѣсь киргизской, а на западѣ — узбекской крови“ [2]).

У Э. Реклю[3]) такъ говорится о сартахъ:

„Сарты составляютъ смѣшанную расу, какъ и узбеки, но иранскій элементъ у нихъ преобладаетъ, и въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ тѣхъ узбековъ, которые сохранили тюркскую физіономію. Впрочемъ, имя сартовъ всего чаще упо-

---

[1]) Это заходитъ такъ далеко, что г. Уйфальви (Т. I, стр. 39 и сл.) тоже говоритъ: дѣти киргиза или узбека, прочно осѣвшаго, особенно въ городѣ, превратились въ сартовъ, слѣдовательно, безъ смѣшенія расъ.

[2]) Очерки Ферганской долины. С.-Петербургъ. 1882, стр. 409.

[3]) Земля и люди. Всеобщая географія. Т. VI. Спб. 1883 г., стр. 343—345.

требляется для обозначенія не особой національности, а только класса, отличающагося родомъ занятій и нравами. Осѣдлые жители городовъ и деревень, за исключеніемъ цивилизованныхъ таджиковъ, называются сартами, безъ различія происхожденія; нѣкоторые писатели подводятъ даже и таджиковъ подъ это общее имя, даваемое всему гражданскому населенію Туркестана[1]). „Когда гость приходитъ къ тебѣ и ѣстъ твой хлѣбъ, называй его таджикомъ; когда онъ будетъ далеко, ты можешь сказать, что это сартъ“,—такъ рѣшила мѣстная вѣжливость. Когда киргизъ или узбекъ кочевникъ покидаетъ бродячую жизнь, чтобы поселиться въ городѣ, построитъ себѣ тамъ домъ и займется торговлей или промышленностью, его дѣти становятся сартами[2]). Осѣдлые цыгане, извѣстные подъ именемъ *мазанговъ*, въ противоположность кочевымъ цыганамъ или *люли*, называются тѣмъ же именемъ; къ сартамъ-же всего скорѣе можно причислить и *курамy*, т. е. сбродъ изъ окрестностей Ташкента; такъ называютъ людей всякаго рода и племени—узбековъ, киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ, которые поселились въ подгородныхъ деревняхъ вокругъ большаго города[3]). Во всей Ферганѣ большинство жителей сами себя называютъ „*курама*“, изъ чего видно, что они произошли изъ смѣшенія различныхъ расъ[4]). Впрочемъ, языкъ сартовъ разнится по городамъ: въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ, въ Кульджѣ они говорятъ турецкимъ языкомъ, тогда какъ въ Ходжентѣ и въ Самаркандѣ они употребляютъ персидскій[5]). Представляя собою по преимуществу населеніе смѣшанной крови въ странахъ арало-каспійской низменности, сарты увеличиваются въ числѣ быстрѣе, чѣмъ другія народности, и этотъ народъ или классъ несомнѣнно имѣетъ будущее, не смотря на презрѣніе, оказываемое имъ людьми благородной расы. Киргизы любятъ дѣлать

---

1) Гребенкинъ: Русскій Туркестанъ; Schuyler: Turkestan.
2) Ch. de Ujfalvy: Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja.
3) Федченко: Путешествіе въ Туркестанъ.
4) Кунъ: Russische Revue, 1876 г., № 4.
5) Костенко.

игру словъ изъ имени сартовъ: они называютъ ихъ *сары-итъ*, что значитъ „желтыя собаки“, и киргизъ, соглашающійся выдать свою дочь замужъ за одного изъ этихъ презрѣнныхъ парій (?!), навлекаетъ безчестіе на весь свой родъ[1]). Униженіе, въ которомъ властители страны держали сартовъ, имѣло естественнымъ слѣдствіемъ нравственную порчу послѣднихъ; оно сдѣлало ихъ боязливыми, хитрыми и фальшивыми.

„Вообще, сарты очень походятъ на евреевъ, какъ по физіономіи, такъ и по характеру, и вполнѣ заслуживаютъ свое наименованіе, если правда, что оно . означаетъ „*старьевщикъ*“, т. е. торгующій подержанными вещами; но по Лерху, смыслъ этого названія—просто „*горожанинъ*“. Они особенно любятъ производить коммерцію деньгами, въ качествѣ мѣнялъ, ростовщиковъ и т. п.; какъ и евреи, они стараются пріобрѣсти образованіе, и умъ ихъ гораздо болѣе доступенъ новымъ идеямъ, чѣмъ умъ узбековъ“[2]).

„Хотя сарты очень боятся горъ, однако они мало по малу пробираются туда, въ качествѣ земледѣльцевъ, и покойный Федченко отзывается о ихъ поселеніяхъ, какъ о самыхъ цвѣтущихъ колоніяхъ края. Они имѣютъ обыкновеніе насаждать вокругъ селенія деревья, которыя скоро разростаются въ маленькія рощи. Въ этомъ отношеніи сарты не похожи на киргизъ, которые, если и любятъ деревья, то какъ защиту кибитокъ отъ солнца и вѣтра, но которымъ никогда не придетъ въ голову разводить деревья самимъ[3]).

Въ „Краткой исторіи Кокандскаго ханства“ г. Наливкинъ высказалъ слѣдующее мнѣніе по поводу слова „*сартъ*“:

„Откуда получилось названіе сартъ, я достовѣрно не знаю, но тѣмъ не менѣе не могу согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, что будто бы „*сартъ*“ есть *бранное слово*, которымъ въ Средней Азіи кочевники называютъ осѣдлое городское и сельское населеніе.

---

1) Верещагинъ: Tour du Monde, t. XXX.
2) Туркестанскія Вѣдомости отъ 25 марта 1880 г.
3) Гребенкинъ: Русскій Туркестанъ, часть II.

Что кочевники относятся къ осѣдлому населенію съ пренебреженіемъ, въ этомъ никто не сомнѣвается, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы слово *сартъ* было исключительно браннымъ словомъ. Въ доказательство этого могу указать на то, что, во первыхъ, имѣется цѣлый узбекскій родъ—*сартъ*, а во вторыхъ иногда, въ особенности между киргизами, встрѣчается имя *Сартъ-бай*. Хотя киргизы вообще склонны къ нарицанію своимъ дѣтямъ не рѣдко очень странныхъ именъ, но тѣмъ не менѣе никогда, кажется, между ними не встрѣчается такихъ, которыя были бы исключительно браннными. Нельзя ли скорѣе предположить, что изъ тѣхъ узбекскихъ родовъ, которые пришли въ Среднюю Азію съ Чингизъ-ханомъ, первымъ по времени сталъ осѣдать здѣсь родъ *сартъ*, что, въ свою очередь, могло послужить впослѣдствіи причиною названія этимъ именемъ всѣхъ вообще осѣвшихъ и осѣдавшихъ здѣсь узбековъ. (Слово *сартъ*, въ смыслѣ названія туземнаго узбекскаго и таджикскаго осѣдлаго населенія, употребляется не въ одной только Ферганѣ, а во всей вообще Средней Азіи.

„Съ теченіемъ времени отношенія отщепенства, установившіяся между осѣдлымъ и кочевымъ народомъ, незамѣтно перешли въ антагонизмъ, для разростанія котораго причинъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Житейскія потребности гнали кочевника на базаръ, гдѣ сартъ, въ отместку за пренебрежительныя къ нему отношенія, дралъ съ надменнаго собрата вдвое противъ того, что платилъ ему за ту же вещь горожанинъ; въ свою очередь кочевникъ, выросшій среди войны и грабежей, въ концѣ лѣта, или осенью, грабилъ сартовскій *хирманъ*[1]) и всегда почти безнаказанно увозилъ отсюда обмолоченное уже земледѣльцемъ зерно.

„Сартъ началъ звать киргиза разбойникомъ, душегубомъ и притѣснителемъ, а киргизъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что сартъ за плугомъ и ткацкимъ станкомъ окончательно теряетъ

---

[1]) У туземцевъ весь хлѣбъ сыромолотный. Токъ (*хирманъ*) устраивается обыкновенно на нивѣ же, т. е. всегда въ большей или меньшей отдаленности отъ жилья.

способность сопротивляться ему, не только въ полѣ но зачастую даже и въ стѣнахъ своего города, или селенія. Оттого съ теченіемъ времени сартъ все болѣе и болѣе робѣетъ передъ киргизомъ, а послѣдній набирается храбрости. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока здѣсь не появилось въ употребленіи огнестрѣльное оружіе, употребленіе котораго попало почти исключительно въ руки сартовъ.

„Послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, вздохнули посвободнѣе тогда лишь, когда обзавелись достаточнымъ количествомъ огнестрѣльнаго оружія и главнымъ образомъ артилерійскихъ орудій, которыхъ у кочевниковъ не было“ [1]).

П. И. Лерхъ въ своей статьѣ „Das Russische Turkestan“ пытался научно разъяснить звуковую форму и этимологическое значеніе слова „*сартъ*“ и подтвердить свое объясненіе историческими и филологическими соображеніями: слово „*сартъ*“ съ самаго начала отнюдь не имѣло племеннаго значенія, а скорѣе культурно-историческое, и въ этомъ значеніи сохранилось до сихъ поръ. Названіе это находится у Птоломея въ формѣ „*Яксарты*“ (Jaxartes), какъ онъ называлъ одинъ большой народъ, жившій по рѣкѣ Яксарту (т. е. Сыръ-Дарьѣ). Птоломей указываетъ мѣстопребываніе Яксартовъ въ томъ мѣстѣ рѣки Яксарта, гдѣ она вблизи Тапурскихъ горъ, принимаетъ другое направленіе. Подъ этими горами, отчасти по крайней мѣрѣ, должно разумѣть Кара-Тау, близъ которыхъ Сыръ-Дарья принимаетъ другое направленіе вмѣсто прежняго сѣвернаго. Постоянныя поселенія въ нижнемъ водораздѣлѣ Сыръ-Дарьи были, говоритъ г. Лерхъ, гораздо многочисленнѣе въ древности, чѣмъ въ наше время. Древній Фарабъ или позднѣйшій Отраръ, гдѣ умеръ Тимуръ, при впаденіи Арыса въ Сыръ-Дарью, и Сауранъ, лежавшій въ 50 верстахъ на сѣверъ отъ теперешняго города Туркестана были многолюдными городами, отъ которыхъ до нашего времени сохранились лишь развалины. Въ низменности между Казалинскомъ и Фортомъ № 2,

---

[1]) Краткая исторія Кокандскаго ханства (Казань. 1885), стр. 32—34.

въ низменностяхъ на правомъ берегу рѣки Сыра находился гор. Джендъ, разрушенный въ 616 г. гиджры (1219 н. Р. Х.) войскомъ Чингизъ-хана, подъ предводительствомъ сына его Джучи. На берегахъ Сыръ-Дарьи было еще нѣсколько городовъ, гдѣ имѣли мѣстопребываніе Птоломеевы Яксарты. Плано Карпини и его спутникъ Патеръ Бенедиктъ, посѣтившіе эти страны 25 лѣтъ спустя послѣ опустошительнаго похода Джучи, разсказывали, что видѣли много разрушенныхъ укрѣпленій и обезлюдѣвшихъ городовъ. Города и деревеньки, которыя, навѣрное, существовали, совершенно исчезли въ тѣхъ странахъ; только въ Кара-Тау нѣкоторые изъ нихъ уцѣлѣли, послѣ того какъ узбеки сдѣлались властелинами Трансоксаніи. Арабскіе географы насчитывали много постоянныхъ поселеній на сѣверъ отъ древняго Шаша (теперешняго Ташкента). Переселившіеся изъ южной Трансоксаніи иранскіе колонисты съ раннихъ временъ начали спускаться на сѣверъ. Сухая почва легко могла быть орошаема здѣсь водами большой рѣки (Сыръ-Дарьи), ея притоковъ и горныхъ ручьевъ. Избытокъ почвенныхъ продуктовъ и городской промышленности находилъ себѣ сбытъ у сосѣднихъ номадовъ, которые посѣщали города для обмѣна своего скота на продукты земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Точно такъ, какъ теперь на базарахъ Ауліэ-ата, Туркестана и другихъ городовъ, находящихся въ серединѣ пастушескаго населенія, въ базарные дни кишатъ киргизы и каракиргизы; такъ же и въ древнѣйшія времена базары служили здѣсь сборными пунктами для кочевниковъ-скотоводовъ, живущихъ въ палаткахъ. Но въ тѣ отдаленныя времена, къ которымъ относятся извѣстія Александрійскихъ географовъ о Скиѳіи, тамошнее кочевое населеніе совсѣмъ не было тюркскимъ. Наплывъ тюркскихъ племенъ изъ Средней Азіи начался позднѣе и, вѣроятно, не ранѣе V вѣка по Р. Х. Массагеты, скифское племя, жившіе по Яксарту, были иранскими номадами, равно какъ и Даи, жившіе южнѣе. Городскихъ жителей и вообще всѣхъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ Массагеты называли, въ противоположность себѣ, бродячимъ пастухамъ, общимъ собирательнымъ именемъ, какое г. Лерхъ находитъ въ

Птоломеевомъ названіи „*Яксарты*“. Въ послѣднихъ двухъ слогахъ этого названія (ксарты) г. Лерхъ видитъ древнеиранскій корень *кшатра*. Отъ этого корня въ новоперсидскомъ языкѣ встрѣчается слово shehr (sh=sch) т. е. городъ. Буква h передъ r является въ послѣднемъ словѣ въ качествѣ придыхательной зубной, въ которую перешло первоначально t, которое такъ любитъ передъ r иранскій языкъ. Слѣдовательно въ „*кшарты*“ произошла перестановка (Metathesis) звуковой группы tr, что, впрочемъ, нерѣдко въ иранскихъ нарѣчіяхъ. Начальный слогъ *я* въ словѣ *Яксарты* г. Лерхъ разсматриваетъ, какъ представителя мѣстоименнаго корня (Pronominalstamm), для котораго въ новоперсидскомъ (въ языкѣ клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ) была употребительна форма hja и tja, а въ зендскомъ ja. Слѣдовательно, слово *Яксарты* есть греческая передача не словопроизводства, а части предложенія, которое въ устахъ иранскаго скифа значило бы: „*принадлежащій къ городу*“. Находится-ли на концѣ прибавочный суффиксъ (Ajectionsuffix)? Можетъ быть, но рѣшить это едва-ли можно. Тогда же дано было названіе и рѣкѣ „Яксартъ“, (т. е. Сыръ-Дарьи). Говорилось и о „*землѣ горожанъ*“. Отъ иранскихъ номадовъ слово „*сартъ*“ переняли тюркскіе номады, какъ обозначеніе осѣдлыхъ жителей нижняго водораздѣла рѣки Сыра. Замѣчательно, что это названіе не перешло на осѣдлыхъ поселенцевъ Согдіаны. Здѣсь употребляется имя „*Таджикъ*“ [1]).

Г. Эварницкій, на основаніи приведенныхъ въ моей книгѣ мнѣній, высказалъ (уже въ 1892 году) слѣдующее замѣчаніе:

„Весь этотъ лабиринтъ мнѣній явился, разумѣется, вслѣдствіе того, что сарты, какъ и многіе другіе народы, не сохранили у себя первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ, которые могли бы устранить всякія произвольныя догадки на счетъ происхожденія и имени ихъ. Многіе изъ толкователей слова *сартъ*, не стѣсняемые точными историческими указаніями, подыскивали въ разныхъ языкахъ однозвучныя слова со словомъ *сартъ* и тотъ

---

[1]) Das Russische Revue 1872, I, 5. 30—35 и „Khiva“.

же часъ, такъ сказать, сцѣпляли эти слова другъ съ другомъ. Но это, разумѣется, также научно, какъ сближеніе слова „казакъ“, со словомъ „козерогъ“, или слова „парень“ со словомъ „Парисъ“.

„При объясненіи слова „сартъ“ надо взять во вниманіе то обстоятельство, что древніе писатели называютъ *як-сартами* только тѣхъ изъ народовъ Трансоксаніи, которые жили по берегамъ рѣки Яксарта, а что было дальше рѣки Яксарта, какъ напримѣръ жители области Согдіаны, за лѣвымъ берегомъ Яксарта, то все это населеніе они строго отличали отъ прибрежныхъ жителей и именовали ихъ разными другими названіями.

„Въ этомъ-то указаніи древнихъ писателей и заключается вся разгадка слова „сартъ“. Очевидно, что все дѣло тутъ идетъ отъ рѣки Яксарта и представляется намъ въ такомъ видѣ: сперва прибрежный житель рѣки Яксарта на вопросъ: откуда онъ? могъ говорить: „я съ Яксарта“, а потомъ короче: „я яксартъ, я сартъ“. А что рѣки давали названія для цѣлаго народа, тому примѣровъ много видѣли мы во всемірной исторіи, въ частности— въ исторіи славянъ вообще и русскихъ въ особенности: моравне (Морава рѣка), бужане (Бугъ рѣка), суличи (Сула рѣка), волховитяне (Волховъ рѣка), суздальцы (Суздаль рѣка), московитяне (Москва рѣка); наконецъ, въ наше время говорятъ: волгожане (Вологда рѣка), кубанцы (Кубань рѣка), уральцы (Уралъ рѣка), донцы (Донъ рѣка).

„Но отъ чего же сама рѣка получила свое названіе Яксарта? Если мы признали, что сарты—народъ арійскаго происхожденія и если мы вполнѣ довѣряемъ свидѣтельству Арріана, что слово Яксартъ варварскаго, т. е. туземнаго или арійскаго происхожденія, то въ такомъ случаѣ отвѣтъ на данный вопросъ нужно искать въ одномъ изъ арійскихъ языковъ. Намъ неизвѣстно, на сколько свѣдущъ въ знаніи восточныхъ языковъ нѣмецкій ученый Валь, но онъ утверждаетъ, что названіе рѣки „Як-сартъ“ составлено изъ двухъ словъ: „Яка“-рѣка и „сартъ“ по персидски холодный, ледяной, замерзшій[1]). Подтвержденіе

[1]) Н. П. Остроумовъ. Сарты. Ташкентъ, 1890, 30, прим. I.

этого объясненія находимъ въ краткомъ словарѣ проф. Коссовича, составленномъ имъ къ четыремъ статьямъ Зендъ-Авесты: въ немъ слово „сартá“ (sarèta) переводится также въ значеніи холодный, а „як“ приведено только какъ корень въ значеніи „стремиться“, но не приведено, вслѣдствіе краткости словаря, отъ этого корня существительнаго имени[1]); за то въ настоящее время у персовъ мы знаемъ слово „яка“ (съ твердымъ, какъ бы двойнымъ „к“) въ значеніи „берегъ“.

„Правдоподобно-ли такое объясненіе названія рѣки или нѣтъ, но оно, по крайней мѣрѣ, совершенно совпадаетъ со свойствами ея. Дѣло состоитъ въ томъ, что эта рѣка въ зимнее время замерзаетъ почти до Ходжента, и потому для людей, вышедшихъ изъ болѣе теплыхъ мѣстъ и поселившихся въ ея бассейнѣ, она могла дѣйствительно назваться Як-сартомъ, т. е. Холодною рѣкою.

„Относительно національности сартовъ нужно сказать, что это—народъ несомнѣнно иранскаго происхожденія, хотя съ примѣсью, и то сравнительно болѣе поздняго времени, тюрко-монгольскаго элемента; въ этомъ случаѣ не требуется никакихъ доказательствъ,—стоитъ только взглянуть на фигуру, лицо, бороду, носъ, голову сарта, особенно рядомъ съ киргизомъ, чтобы убѣдиться, что это—истинный сынъ арійскаго племени; отступленія отъ этого типа говорятъ лишь въ пользу подмѣси чуждой крови въ кровь сарта; языкъ сартовъ тюркскій, но отличающійся отъ узбекскаго и киргизскаго и извѣстный подъ именемъ сартъ-тилú“[2]).

Въ 1894 г. вопросъ о названіи „сартъ“ возобновлялся въ мѣстной печати. Молодой оріенталистъ В. В. Бартольдъ, по поводу напечатанной г. Лашинымъ въ „Оренбургскомъ листкѣ“ статьи „Сарты и ихъ языкъ“, напечаталъ въ „Окраинѣ“ замѣтку, въ которой говоритъ:

„Слово *сартъ*, по мнѣнію г. Лапина, есть искаженіе словъ

---

[1]) Труды Восточнаго Отдѣл. Археол. Общ., VIII, 232, 233.

[2]) Турк. Вѣдом. отъ 3 ноября 1892 г. № 44, стр. 2—3.

сары-итъ („желтая собака“) и представляетъ насмѣшливое прозваніе, данное кочевниками-киргизами осѣдлому населенію края, безъ различія происхожденія. Такъ объясняютъ это слово сами киргизы, которые въ подтвержденіе этого разсказываютъ даже легенду, приводимую г. Лапинымъ. Въ истинность легенды г-нъ Лапинъ, конечно, не вѣритъ, но полагаетъ, „что картина, какъ киргизъ, проѣзжая по степи, увидѣлъ рыжую собаку[1]), жалобно вывшую на томъ мѣстѣ, гдѣ была разставлена юрта (что сплошь и рядомъ случается въ степи), что эта картина напоминала осѣдлаго жителя, и онъ сталъ звать его *сартомъ*, а для прикрасы этой насмѣшливой клички сложилась у киргизъ приведенная выше легенда. Взглянувъ на сарта-арбакеша, когда онъ, сидя на своей впряженной въ арбу лошади, поджавъ ноги, широко разставивъ колѣни и задравъ голову вверхъ, тянетъ свою заунывную, безконечно монотонную пѣсню, мы легко убѣждаемся, что онъ очень напоминаетъ данную ему киргизами кличку“.

„Изобрѣтенное кочевниками насмѣшливое прозваніе, по мнѣнію г. Лапина, упорно держалось среди киргизъ, какъ собирательное для всего осѣдлаго населенія, и постепенно стало распространяться, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если слово это употреблялось и нѣкоторыми историками, какъ общее названіе осѣдлаго населенія Туркестана“. Г. Лапинъ приходитъ къ выводу, „что у насъ нѣтъ народа сартовъ, а существуетъ лишь подъ словомъ *сартъ* обидная кличка всего осѣдлаго населенія; мы не имѣемъ основанія назвать языкъ сартовъ сартовскимъ, такъ какъ подъ сартовскимъ языкомъ должно разумѣть и таджикскій языкъ, и языкъ осѣдлыхъ узбековъ, а потому языкъ слѣдуетъ называть не сартовскимъ, какъ до сего времени писалось и говорилось, а *узбекскимъ* языкомъ, по нарѣчію осѣдлыхъ *узбековъ*“.

Въ опроверженіе такого мнѣнія г. Бартольдъ замѣчаетъ, что уже у писателей XV и начала XVI в., Наваи и Бабура,

---

[1]) Выраженіе «рыжая собака» лучше всего указываетъ на несостоятельность киргизской легенды: сарты, которыхъ мы привыкли видѣть въ краѣ, совсѣмъ не рыжіе, а черные. Н. О.

слово *сартъ* употребляется въ смыслѣ „персъ, таджикъ“, и противополагается слову *тюркъ*, а не слову *казакъ* (которое въ смыслѣ „бродяга, разбойникъ“, встрѣчается уже у названныхъ писателей). Нынѣшній киргизскій или, какъ онъ называетъ, казацкій народъ въ то время еще только образовывался и не имѣлъ почти никакихъ сношеній съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ вышли Бабуръ и Наваи. Изъ этого видно, что терминъ „сартъ“ придуманъ во всякомъ случаѣ не киргизами. Легенда, приведенная г. Лапинымъ, принадлежитъ къ такимъ же „народнымъ этимологіямъ“ (Volksetymologie), какъ легенда о происхожденіи слова *киргизъ* отъ *кырк-кыз* („сорокъ дѣвицъ“).

„Въ языкѣ монголовъ былъ соотвѣтствующій корень, что видно уже изъ имени втораго золотоордынскаго хана, Сартака. Во время походовъ Чингизъ-хана тюрки старались сближаться съ монголами, въ противоположность городскому населенію, которое въ то время было арійскимъ по языку и происхожденію; очень вѣроятно, что вслѣдствіе этого сближенія монголы стали называть *сартами* не всѣхъ мусульманъ, а только сохранившихъ свою обособленность арійцевъ, и что отъ монголовъ этотъ терминъ перешелъ и къ тюркамъ. По мѣрѣ смѣшенія съ тюрками сарты утратили свой арійскій языкъ и приняли тюркскій.

Въ заключеніе г. Бартольдъ говоритъ:

„Каково бы ни было происхожденіе слова „сартъ“, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Н. П. Остроумова, что исключать его изъ нашего этнографическаго словаря нѣтъ никакихъ основаній. Этимологія слова „нѣмецъ“ извѣстна каждому, и всетаки мы употребляемъ его, какъ этнографическій терминъ. Подобно этому термину, и слово „сартъ“, хотя бы оно первоначально не имѣло этнографическаго значенія, теперь употребляется для обозначенія народа, представляющаго какъ по типу, такъ и по языку, особую этнографическую единицу. Г. Лапинъ требуетъ, чтобы сартскій языкъ называли *узбекскимъ*. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, насколько нарѣчіе напримѣръ хивинскихъ узбековъ отличается отъ нарѣчія ташкентскихъ и самаркандскихъ

горожанъ; по словамъ Н. П. Остроумова языкъ сартовъ въ основѣ тюркскій, но отличается отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и извѣстенъ подъ именемъ сартъ-тили“ [1]).

Отвѣчая на эту замѣтку, г. Лапинъ писалъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“:

„Коренными жителями Трансоксаніи, т. е. Мавераль-Нахара [2]), по крайней мѣрѣ, въ эпоху проникновенія сюда ислама, съ одной стороны, и вторженія тюркско-монгольскаго племени, съ другой—считаются нынѣшніе таджики, древніе иранскіе выходцы. Эти таджики, утративъ съ теченіемъ времени свою самостоятельность, подпали подъ владычество узбековъ, народа тюркскаго племени. Побѣдители узбеки, будучи въ полудикомъ состояніи и постоянно соприкасаясь съ подчиненными имъ таджиками, не могли, разумѣется, устоять противъ вліянія просвѣщенія и культуры послѣднихъ, что выразилось въ двухъ главныхъ фактахъ: 1) узбеки, бывшіе до того времени язычниками, стали принимать отъ таджиковъ исламъ [3]) вмѣстѣ съ арабскою письменностью и ученостью, и 2) близко стоявшая къ таджикамъ часть узбековъ начала мѣнять свой прежній кочевой образъ жизни на осѣдлый, занимая мѣста въ городахъ и селеніяхъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло въ свою очередь два важныхъ послѣдствія: во 1-хъ, съ перемѣною образа жизни, главными источниками благосостоянія у осѣвшихъ узбекомъ, какъ и у таджиковъ, появились торговля, земледѣліе и ремесла, и, во 2-хъ, эти узбеки, ставъ въ весьма близкія отношенія къ таджикамъ, не обошлись безъ смѣшенія съ ними, что и способствовало образованію узбекско-таджикской помѣси, у которой не осталось почти ничего національнаго, кромѣ родного узбекскаго языка. Эти отажичившіеся узбеки, хотя и сохранили свой родной языкъ, на

---

[1]) Окраина отъ 12 марта 1894 г. № 19.

[2]) Нужно читать Мавара-н-нахръ. Н. О.

[3]) По показанію Мухамедъ-Хайдара, автора исторіи «Тарихи-Рашиди», монгольскій ханъ Туглыкъ-Темуръ одинъ изъ первыхъ принялъ исламъ отъ таджика Мавлана Шайх-эддина, сына Мавлана Шуджаг-эддина, сосланнаго Чингизомъ въ Каракурумъ.

которомъ они говорятъ до сего времени, но по своему внѣшнему виду, образу жизни и по складу нравовъ и обычаевъ очень мало отличались отъ настоящихъ *таджиковъ-сартовъ*, почему легко производили впечатлѣніе *сарта* на киргизъ и узбековъ, оставшихся въ первобытномъ состояніи. Отсюда ясно, что *слово сартъ на языкахъ киргизъ и первобытныхъ узбековъ приняло болѣе широкое примѣненіе, обозначая собою понятіе какъ о таджикахъ, такъ и объ осѣвшихъ узбекахъ и другихъ тюркскихъ народностяхъ (кипчакахъ, мангытахъ и пр.), принявшихъ таджикскую культуру, т. е. о всемъ осѣдломъ населеніи, въ какомъ смыслѣ оно употребляется и донынѣ.*

„Но слово сартъ никогда не употреблялось и не употребляется туземцами въ смыслѣ названія особой народности. Правда, нѣкоторые изъ туземцевъ узбекско-таджикской помѣси, не знающіе исторіи своего происхожденія, на предложенный имъ, преимущественно русскими, вопросъ: кто они по происхожденію?—отвѣчаютъ, что они сарты, и при этомъ, пожалуй, отличаютъ себя отъ таджиковъ, узбековъ и другихъ народностей. Но это объясняется тѣмъ, что узбекско-таджикская помѣсь не присвоила себѣ особаго названія, точно опредѣляющаго ее, что и даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Отсюда понятно, что нѣкоторые изъ этихъ *новыхъ сартовъ*, будучи поставлены въ затруднительное положеніе—назвать себя по происхожденію, именуютъ себя растяжимымъ словомъ *сартъ*, такъ какъ ни таджиками, ни узбеками[1]) и никѣмъ другимъ называть себя не могутъ. На этомъ и основано мнѣніе г. Остроумова[2]) и нѣкоторыхъ другихъ, что *сартъ* есть названіе особой народности, отличной отъ таджиковъ, узбековъ и др. Мы же, не придавая никакого значенія показаніямъ сартовъ, образовавшихся отъ узбекско-таджикской помѣси, считаемъ, для установленія правильнаго пониманія слова *сартъ*, важными мнѣнія другихъ народовъ, которые это слово понимаютъ

---

[1]) Именемъ *„узбекъ“* въ настоящее время называются полукочевые туземцы, преимущ. Самаркандской области и Бухарск. ханства, избѣжавшіе смѣшенія съ таджиками.

[2]) Это—неправда. См. выше стр. 4—14. Н. О.

и употребляютъ такъ: кочевники-киргизы и полукочевые узбеки, а за ними татары и большинство русскихъ подъ словомъ *сартъ* понимаютъ всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана, не дѣлая различія между таджиками и народомъ, происшедшимъ отъ смѣшенія узбековъ, отчасти киргизъ и другихъ народностей съ таджиками; таджики Бухары и Самарканда подъ словомъ *сартъ* понимаютъ себя, хотя между собой они не употребляютъ этого выраженія, при чемъ объясняютъ, что этимъ именемъ ихъ прозвали киргизы и узбеки, а народъ, образовавшійся отъ смѣшенія, они относятъ къ узбекскому племени и языкъ этого народа называютъ „узбяки“ въ противоположность своему языку „таджики“; они почти никогда не употребляютъ выраженія „сартъ тили“, а если и скажутъ въ разговорѣ съ русскими „сартча“ (по-сартски), то подъ этимъ послѣднимъ разумѣютъ свой *таджикскій языкъ*“[1]).

Продолжая свои разсужденія на ту же тему, которыя приводятся здѣсь въ сокращенномъ видѣ, г. Лапинъ говоритъ:

„Если въ настоящее время подъ словомъ *сартъ* мы понимаемъ все осѣдлое населеніе, то подъ выраженіемъ „сартъ-тили“ мы должны понимать „языкъ осѣдлаго населенія“; такого же языка на самомъ дѣлѣ *нѣтъ*, ибо осѣдлое населеніе, какъ это мы уже видѣли, говоритъ на языкахъ двухъ различныхъ корней—тюркскаго и персидскаго. Выраженіе „сартъ-тили“ могло быть употребляемо во времена Наваи, когда подъ словомъ *сартъ* разумѣлся *одинъ* таджикскій народъ, а потому и не могло быть недоразумѣній; въ наше же время, когда слово *сартъ* приняло столь широкое примѣненіе, это выраженіе не можетъ быть употребляемо, какъ названіе особаго языка, до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ употребленія таджикскій языкъ и все осѣдлое населеніе не станетъ говорить на одномъ языкѣ.

„И такъ *не было и нѣтъ у насъ особой народности сартовъ, какъ равно нѣтъ особаго сартскаго языка* (сартъ-

---

[1]) Туркестан. Вѣдом. отъ 22 мая 1894 г. № 36, ст. „О значеніи и происхожденіи слова «сартъ»“.

тили). Если уже необходимо для науки назвать узбеко-таджикскую помѣсь особымъ именемъ, отличающимъ ее отъ другихъ народностей (что, пожалуй, и справедливо), то слѣдуетъ установить для этого какое-либо другое названіе: „чала-узбекъ“, „чала-таджикъ“ [1]) или что-нибудь въ этомъ родѣ, а слово *сартъ* всего менѣе пригодно для этой цѣли. Я говорю, что это нужно, пожалуй, для науки, какъ условный знакъ, а сама эта помѣсь во вновь выдуманномъ названіи вовсе не нуждается, ибо она умѣетъ отличать себя отъ другихъ, называя себя по мѣсту жительства: „кокандлыкъ“, „ташкянлыкъ“, „туркестанлыкъ“ и т. п.

„Что касается до языка этой безымянной народности, то правильнѣе всего назвать бы его новоузбекскимъ языкомъ, потому что, во 1-хъ, этотъ языкъ относится къ тюркскому корню и ближе всего подходитъ къ узбекскому языку; разница между ними произошла главнымъ образомъ отъ воздѣйствія персидскаго языка, придавшаго языку, о которыхъ идетъ рѣчь, много новыхъ словъ и оборотовъ и сообщившаго ему мягкость и звучность, и, во 2-хъ, съ приходомъ русскихъ, этотъ новоузбекскій языкъ, *вытѣснивъ прежній*, персидскій, болѣе и болѣе становится языкомъ оффиціальнымъ, даже въ Самаркандѣ и Бухарѣ, гдѣ главная масса населенія говоритъ по таджикски [2]).

„Давъ этому языку названіе новоузбекскаго, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, подраздѣлить его на четыре главныхъ нарѣчія, а именно: 1) нарѣчіе Сыръ-Дарьинской области (замѣтно вліяніе киргизскаго языка); 2) нарѣчіе Ферганской области; 3) нарѣчіе Аму-Дарьинскаго отдѣла и Хивинскаго ханства (вліяніе туркменскаго языка) и наконецъ 4) нарѣчіе Самаркандской области и Бухарскаго ханства (сильное вліяніе таджикскаго языка). При такомъ дѣленіи по нарѣчіямъ, г.г. Джизакъ и Ходжентъ должны

---

[1]) Выраженіе «чала» въ данномъ случаѣ означаетъ народную помѣсь, такъ напр., «чала-узбекъ» = полу-узбекъ и т. п.

[2]) Въ Самаркандской области въ настоящее время всѣ оффиціальные документы совершаются на новоузбекскомъ языкѣ; на томъ-же языкѣ идетъ переписка русскихъ съ Бухарскимъ правительствомъ.

отойти отъ Самаркандской области,—первый въ Сыръ-Дарьинскую, а второй въ Ферганскую область“ [1]).

Окончательные выводы, къ какимъ приходитъ г. Лапинъ, слѣдующіе:

1) слово *сартъ* есть названіе всего туземнаго осѣдлаго населенія Средней Азіи, безъ различія происхожденія;

2) нѣтъ особаго народа „сартовъ“, какъ равно нѣтъ особаго „сартскаго языка“;

3) тѣ осѣдлые туземцы, къ которымъ примѣняютъ наименованіе „сартъ“ г. Остроумовъ и нѣкоторые другіе, есть народъ, образовавшійся отъ узбекско-таджикскаго смѣшенія, не присвоившій себѣ особаго названія;

4) языкъ, на которомъ говоритъ эта смѣсь, правильнѣе всего называть новоузбекскимъ;

и 5) названіе „сартъ“ могло быть впервые дано киргизами и, вѣрнѣе всего, происходитъ отъ сліянія словъ „сары-итъ“, въ скороговоркѣ *сартъ* [2]).

Изъ приведенныхъ выше мнѣній азіатскихъ и европейскихъ писателей видно, что одни смѣшиваютъ сартовъ съ таджиками и узбеками, другіе считаютъ ихъ помѣсью, третьи относятъ сартовъ къ монголамъ, иные, наконецъ, думаютъ, что слово „*сартъ*“— только бранное слово и не можетъ быть употребляемо для обозначенія населенія Туркестанскаго края. Причины такого различія мнѣній, очевидно, заключаются въ томъ, что вопросъ о значеніи слова „*сартъ*“ представляетъ значительную трудность и требуетъ отъ каждаго желающаго разрѣшить этотъ вопросъ вниманія и знаній больше, чѣмъ сколько обнаружили большая часть поименованныхъ выше авторовъ. Почти всѣ они не имѣли случая видѣть сартовъ и вникнуть въ самое названіе, и только

---

[1]) Туркест. Вѣдом. 1894 г. № 38.

[2]) Туркест. Вѣдом. 1864 г. № 39. По этому поводу считаемъ не лишнимъ замѣтить, что ученые сарты совершенно отрицаютъ основательность такого насмѣшливаго объясненія слова «сартъ» и говорятъ, что скорѣе это названіе нужно производить отъ *сяръ* голова, начальникъ, и *тиз* степь т. е. народъ, главенствующій въ степи, надъ киргизами. Н. О.

немногіе авторы, объясняя значеніе слова „*сартъ*“, считали для себя обязательнымъ справиться съ мнѣніями другихъ объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые авторы не хотѣли даже достаточно подумать о томъ, чтб они писали и выдавали за рѣшительную истину; а между тѣмъ обстоятельное разрѣшеніе этого вопроса требовало совмѣстнаго труда этнолога, филолога и историка. Поэтому-то значительная часть вышеприведенныхъ мнѣній страдаютъ односторонностію и неубѣдительны.

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „*сартъ*“ былъ предложенъ третьему международному съѣзду оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ, въ 1876 г., въ слѣдующей формѣ: S. „Насколько можно прослѣдить въ историческихъ памятникахъ народныя имена *сартъ* и *таджикъ* и какія заключенія можно вывести изъ показаній этихъ памятниковъ относительно первоначальнаго и послѣдовательнаго (?) значенія сихъ именъ“? Терентьевъ (служившій въ то время въ Туркестанскомъ краѣ) высказалъ мнѣніе, что слово *сартъ*— терминъ оскорбительный, заключающій въ себѣ понятіе трусости, и данъ завоевателями страны, узбеками, кореннымъ ея жителямъ, таджикамъ. Впрочемъ, прибавилъ Терентьевъ, другіе (?) полагаютъ, что названіе *сартъ* китайскаго происхожденія, вслѣдствіе того, что жителей Трансоксіаны китайцы называли *серами* отъ слова *сэ* шелкъ, такъ какъ жители Трансоксіаны славились, какъ отличные шелководы.—Саковъ, напротивъ, производилъ названіе „*сартъ*“ отъ тюркскаго (?) прилагательнаго *сэртъ* — крѣпкій, сильный, которое могло быть дано узбеками сартамъ въ насмѣшку надъ всѣмъ извѣстною трусливостію ихъ. Г. Лерхъ, уже печатно высказавшій въ 1872 г. свое мнѣніе по этому вопросу (см. выше, стр. 35—37), на съѣздѣ повторилъ что слово это, вѣроятно, происходитъ отъ древне-иранскаго *кшатра*— „владѣніе, государство“ и что кочевники, обитавшіе по правому берегу Яксарта, дали осѣдлымъ своимъ сосѣдямъ по лѣвому берегу рѣки названіе „горожанъ“, въ противоположность себѣ, какъ „кочевникамъ“ [1]).

---

[1]) Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ 1886 г. Т, I, стр. XXXVIII, XXXIX, LXXX—LXXXI.

Но г.г. Терентьевъ и Саковъ не представили въ своемъ отвѣтѣ ни одного указанія на историческіе памятники и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о такомъ словопроизводствѣ названія „*сартъ*“, которое ничѣмъ подтверждено быть не можетъ. Представленныя мною ссылки на историческіе памятники и сводъ разныхъ мнѣній о словѣ „*сартъ*“ должны облегчить послѣдующему времени новое разсмотрѣніе этого трудно разрѣшимаго вопроса, а можетъ быть и совсѣмъ неразрѣшимаго вопроса, потому что и по поводу остроумнаго объясненія слова „*сартъ*“ невольно приходится спросить: если выраженіе древнихъ греческихъ географовъ „*Яксарты*“ представляетъ собою греческую передачу цѣлаго древне-иранскаго предложенія, то какимъ образомъ эта именно греческая форма удержалась и перешла къ тюркскимъ номадамъ? Неужели же можно предположить, что тюрки, пришедшіе на берега Сыръ-Дарьи, справлялись, какъ называли греческіе географы жителей этихъ мѣстъ? Вѣдь, Страбонъ, Птоломей и Арріанъ, у которыхъ встрѣчаются выраженія: *Яксартъ* и *Яксарты* писали для грековъ, а не для тюрковъ, и не въ ожиданіи нашествія послѣднихъ на берега Сыръ-Дарьи.... Еще болѣе неестественно предполагать, чтобы греческій географъ, описывавшій неизвѣстную ему страну, хотѣлъ сочинить названіе для этой страны и народа. Не проще ли думать наоборотъ, что греческіе географы уже нашли готовымъ названіе народа, жившаго на берегу рѣки Сыръ-Дарьи, потому что странно было бы предположить, что этотъ народъ, будучи многочисленнымъ, большимъ народомъ (*мега этносъ* у Птоломея) не имѣлъ никакого названія. Поэтому не лучше ли согласиться съ мнѣніемъ Арріана, что слово *Яксартъ* не есть собственно греческое, а заимствовано греками у варваровъ?[1]). По словамъ г. Бартольда,

---

[1]) Arrian. Lib. III, стр. 10. Объ этомъ еще въ 1832 г. замѣтилъ А. Левшинъ и привелъ при этомъ объясненіе Сенъ-Круа, что слово *Яксартъ* состоитъ изъ монгольскихъ словъ: *ихъ*—большой и *сертъ*—рѣка (Examen crit. des histor.d 'Alexandre. Sect. 6). Далѣе г. Левшинъ говоритъ: „Валь (Allgemeine Beschr. des Persisch. Reichs, 3 Abschn.) напротивъ того, утверждаетъ, что слово *Яксартъ* составлено изъ *Іака* т. е. рѣка, и *Сартъ*, т. е. холодная и ледяная, ибо *Яга* и теперь означаетъ рѣку у Финновъ, Югровъ и Вогуличей, а Сырдъ по персидски значитъ: *холодный, замерзшій*, а

узбеки, завоевавшіе въ началѣ XVI вѣка владѣнія тимуридовъ, конечно, были чужды національно-культурныхъ стремленій и не интересовались разницей между тюрками и таджиками. Для нихъ *сарты* были осѣдлые жители покоренной ими страны, въ противоположность завоевателямъ-узбекамъ и союзнымъ съ ними кочевымъ народамъ. Абульгази (въ XVII вѣкѣ) называетъ сартами только средне-азіатскихъ горожанъ, противополагая ихъ узбекамъ и туркменамъ и нисколько не сближая ихъ съ „кызылъ-башами“ (персами). Къ киргизамъ слово сартъ повидимому перешло отъ узбековъ.

„Подъ вліяніемъ завоевателей сами горожане-туземцы стали называть себя сартами; но племенное различіе между тюрками и таджиками такъ велико, что представители обоихъ народовъ не могли называть себя однимъ и тѣмъ-же именемъ. Такъ какъ большинство осѣдлаго населенія говорило по-тюркски, то сартами стали называться только горожане-тюрки, въ противоположность не только кочевникамъ, но и таджикамъ, и теперь жители, напримѣръ, Ташкента прямо говорятъ о сартскомъ языкѣ, въ противоположность таджикскому. Такимъ образомъ установилась разница между терминами сартъ и таджикъ, которые нѣкогда были синонимами. Въ этомъ отношеніи судьба слова *сартъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ судьбѣ слова *таджикъ*. Первоначально персы называли таджиками завоевателей-арабовъ, потомъ распространили это названіе на своихъ соплеменниковъ, принявшихъ исламъ; тюрки стали называть таджиками уже все осѣдлое мусульманское

по Самоядски и Югорски—ледъ. Подражая Валю, любители этимологическихъ розысканій могутъ съ такимъ-же правдоподобіемъ предполагать, что киргизъ-казаки, удержавъ слово сырдъ или сыртъ, вмѣсто Іака поставили Дарья (которое, какъ выше сказано, есть нарицательное имя всякой рѣки на татарскомъ языкѣ), и такимъ образомъ составили нынѣшнее названіе Сыртъ-Дарья или Сыръ-Дарья, т. е. рѣка. Сіе третье словопроизведеніе заслуживало бы не менѣе вѣроятія, какъ и второе, на которомъ оно основано; но мы не предлагаемъ его потому, что не находимъ никакого соотношенія между рѣкою Сыромъ и Самоядами или Финнами, живущими отъ нея нѣсколько тысячъ верстъ. Еще менѣе видимъ мы связи между сими двумя народами, или Вогуличами и современниками Александра Великаго, или Арріана. Какъ бы то ни было и отъ чего бы ни произошло названіе Яксарта, но мы находимъ оное въ сочиненіяхъ почти всѣхъ древнихъ географовъ“. (См. Описаніе киргизъ-казачьихъ, или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Часть первая, стр. 232—233. С.-Петерб. 1832).

населеніе, безъ различія происхожденія. Когда арабскіе завоеватели, за ничтожными исключеніями, слились съ туземнымъ населеніемъ, слово *таджикъ* сдѣлалось этнографическимъ терминомъ для обозначенія персовъ, и подъ вліяніемъ тюрковъ сами персы стали называть себя таджиками, совершенно переставъ примѣнять это слово къ арабамъ. Какъ при употребленіи слова *таджикъ* мы нисколько не думаемъ о его первоначальномъ значеніи, точно такъ же мы не имѣемъ основанія отказываться отъ употребленія слова *сартъ* въ качествѣ этнографическаго названія[1]).

Въ виду изложенныхъ мнѣній о происхожденіи и значеніи слова „*сартъ*“, отличающихся неопредѣленностью и взаимною противорѣчивостію, въ настоящее время нельзя считать этотъ вопросъ разрѣшимымъ и потому благоразумнѣе воздержаться отъ попытки дать ему окончательное объясненіе. Тѣмъ не менѣе, основываясь на историческихъ и современныхъ свидѣтельствахъ, приведенныхъ выше (а не на современномъ только употребленіи слова „Сартъ“ самими туземцами), а также на основаніи этнографическихъ признаковъ, представляемыхъ сартами, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Названіе „*сартъ*“ имѣетъ происхожденіе очень древнее и не могло быть выдумано ни киргизами, ни тѣмъ болѣе русскими. У Плано Карпини (въ XIII в.) оно уже встрѣчается въ своей опредѣленной формѣ.

2) Названіе это прилагается къ осѣдлымъ жителямъ городовъ и селеній Сыръ-Дарьинской и частью Ферганской областей и Аму-Дарьинскаго отдѣла и отличаетъ ихъ не только отъ киргизъ и туркменъ, но и отъ таджиковъ и узбековъ, какъ примѣры этого находятся въ соч. Абулъ-Гази.

3) Хотя и невозможно въ настоящее время окончательно разрѣшить вопросъ о значеніи слова „*сартъ*“, но оно во всякомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ не только ругательнаго, но и насмѣшливаго смысла, какъ видно изъ употребленія этого названія древними

---

[1]) Туркест. Вѣдом. 1895 г. № 30. Ст. «Еще о словѣ «сартъ».

средне-азіатскими писателями, равно въ русскихъ памятникахъ и у современныхъ намъ туземцевъ[1]). Приведенная г. Лапинымъ киргизская легенда наивна и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

4) Что кочевники Туркестанскаго края относятся не всегда доброжелательно къ сартамъ и потому иногда произносятъ это слово съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, то это должно быть объясняемо историческими и бытовыми причинами. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить подобныя же отношенія великороссовъ къ малороссамъ, полякамъ и другимъ народамъ и наоборотъ, отношенія русскихъ къ инородцамъ Россіи и обратно—отношенія инородцевъ къ русскимъ, какъ къ своимъ завоевателямъ и властителямъ. Прислушайтесь къ русскимъ и туземнымъ рабочимъ, и вы замѣтите, какъ иногда произносятъ сарты слово „*урусъ*“, а русскіе—выраженіе „*сартъ*“. Въ минуты раздраженія тѣ и другіе выражаютъ свой гнѣвъ особымъ тономъ, причемъ русскіе прибавляютъ къ слову „*сартъ*“ выраженіе „*проклятый*“, а сарты къ слову „*урусъ*“ выраженіе „*шайтанъ*“. Однако никому еще не приходило на мысль придавать слову „*русскій*“ значеніе ругательнаго слова.

5) Многіе изъ приведенныхъ на стр. 15—47 писателей, высказывавшихъ мнѣнія о значеніи слова „сартъ“, повторяли одинъ за другимъ замѣчаніе А. Борнса и не трудились вникнуть въ дѣло глубже. Реклю ссылается на мнѣнія разныхъ Туркестанскихъ авторовъ и всѣмъ имъ придаетъ одинаковую вѣру. Г. Лапинъ ничего новаго не высказалъ въ этомъ отношеніи. Я представилъ для выясненія названія слова „*сартъ*“ данныя, на основаніи которыхъ, по крайней мѣрѣ, русскіе туркестанцы перестанутъ повторять объ этомъ словѣ странныя мнѣнія, свои и чужія.

---

[1]) Въ Очеркѣ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ Н. Веселовскаго замѣчено, что въ Хивѣ узбеки, какъ завоеватели, съ пренебреженіемъ смотрѣли на покоренныхъ ими жителей, т. е. на сартовъ, и оттого все, что дѣлали сарты, узбеки считали унизительнымъ для себя; тогда будто-бы слово «сартъ» сдѣлалось бранным словомъ. Но, очевидно, слово «сартъ» завоеватели-узбеки только произносили пренебрежительно....

6) Нѣкоторые авторы сѣтуютъ на то, что названіе *Сартъ* не заключаетъ въ себѣ этнографическаго смысла, и высказываютъ желаніе вычеркнуть это названіе изъ этнографическаго словаря. На это можно возразить, что и многія другія, утвердившіяся въ употребленіи и наукѣ, народныя названія имѣютъ характеръ случайный, а иныя странный, или совсѣмъ даже непонятный этимологическій смыслъ. Лучшимъ примѣромъ служитъ слово „нѣмецъ", которое до сихъ поръ принято не только въ обыкновенномъ употребленіи, но и въ наукѣ. Изъ этого примѣра можно понять, что о названіи спорить безполезно, и едвали кто будетъ въ состояніи изъять слово „*сартъ*" изъ народнаго употребленія.

7) Точно такъ же невозможно вновь установить предлагаемое г. Лапинымъ выраженіе *ново-узбекскій* языкъ вмѣсто *сартскій* языкъ, такъ какъ по прихоти человѣка такія названія не прививаются въ народѣ.

8) Въ этнографическомъ отношеніи сарты представляютъ собою типъ смѣшанный, происшедшій отъ сліянія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Признаками этого типа служатъ съ одной стороны особенности физическаго строенія, а съ другой стороны языкъ, въ основѣ тюркскій, но отличающійся отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и извѣстный подъ именемъ *сартъ-тили*.

Характеристика сартовъ и узбековъ съ антропометрической и краніологической точекъ зрѣнія[1]).

С а р т ы: Борода малая у большинства. *Цвѣтъ* волосъ черный. *Цвѣтъ глазъ* темнокоричневый. *Ростъ* въ среднемъ 1691 мм. По *головному указателю* (85.39), равно какъ и по черепному—настоящіе брахице-

У з б е к и: *Волосы* на бородѣ рѣдкіе. *Цвѣтъ* волосъ черный, хотя попадаются и рыжія особи. *Цвѣтъ глазъ* темнокоричневый. *Ростъ* въ среднемъ—1666 мм. *Суббрахицефалы* по головному указателю

---

[1]) Извѣстія И. О. Любителей естест., антроп. и этнографіи. Т. XXXIV в. 5. «Антропометрическія замѣтки относительно туркестанскихъ инородцевъ». Обработалъ Анатолій Богдановъ. Москва. 1888, стр. 85 и 87.

САРТЫ.

фалы. *Высота* головы, измѣренная по перпендекуляру къ плоскости, проходящей чрезъ слуховыя отверстія, довольно значительная, хотя и не изъ самыхъ большихъ. *Высота головнаго отдѣла* тѣла довольно значительна, больше чѣмъ у узбековъ. Высота верхней части этого отдѣла, т. е. отъ темени до надбровной точки, значительныхъ пропорцій по отношенію къ длинѣ всей головной части, равно какъ и средняя и нижняя части меньшихъ пропорцій, чѣмъ напримѣръ у персіянъ. *Длина лица* меньшихъ пропорцій, чѣмъ у таджиковъ, если разсматривать ее по отношенію къ длинѣ всей головной части. Лице сартовъ длиннѣе по отношенію къ росту, чѣмъ у таджиковъ. Отношеніе *ширины скулъ* къ *длинѣ лица* довольно значительныхъ пропорцій, равно какъ и отношеніе къ длинѣ лица взятой безъ лобной части: сарты представляютъ туже скулатость, какъ узбеки и таджики. *Длина лица безъ лба* по отношенію къ длинѣ всего лица у сартовъ меньше, чѣмъ у другихъ, т. е. у нихъ развита больше верхняя часть, лобная; малыхъ пропорцій и отношеніе этой длины къ росту. Отношеніе *длины носа* къ длинѣ лица среднихъ пропорцій, а къ росту даже малыхъ. *Межглазничное пространство* по отношенію къ скуловому діаметру сравнительно малыхъ пропорцій, равно какъ и къ наименьшему лобному діаметру, меньшихъ, чѣмъ напримѣръ у персіянъ. *Челюстной діаметръ*, т. е. разстояніе между углами нижней челюсти, по отношенію къ скуловому діаметру, малыхъ пропорцій, что и способствуетъ также на видъ выступленію скулястости.

УЗБЕКИ.

(83.10), слѣдовательно, по черепному указателю мезатицефалы. *Высота* головы довольно значительная, хотя и не изъ самыхъ большихъ. Верхняя часть головы (до надносовой точки) малая, средняя (до подносовой точки) средней величины, нижняя—средней величины. *Вся длина* головной части—малая. По отношенію длины головной части: верхній отдѣлъ ея малый, средній—большой, а нижній—малый. *Длина лица* (отъ волосной линіи) сравнительно велика, и ея *отношеніе къ длинѣ всей головы* принадлежитъ къ группѣ большихъ. *Лице и по отношенію къ росту* довольно длинное. Отношеніе *ширины скулъ* къ *длинѣ* всего лица не велико, т. е. особой скулястости въ этихъ пропорціяхъ не замѣчается, но она становится явственною, если мы возьмемъ отношеніе ширины скулъ къ длинѣ лица безъ лобной части его. Вообще длина лица безъ лобной части его имѣетъ средніе размѣры, но отношеніе ея къ росту довольно значительно, если сравнивать съ другими инородцами. *Длина носа* средняя, отношеніе ея къ длинѣ всей головы среднее, а къ длинѣ лица малое; по отношенію къ росту длина носа представляется значительною. *Межглазничное пространство* не велико, какъ абсолютно и по отношенію къ скуловому діаметру, такъ и къ наименьшему лобному и къ разстоянію между надбровными возвышеніями. Отношеніе *разстоянія* между углами нижней челюсти къ скуловому діаметру малое, что тоже способствуетъ большей рельефности скулястости.

Переходя затѣмъ къ общей характеристикѣ сартовъ, я привожу въ заключеніе настоящей главы слѣдующее замѣчаніе г. Миддендорфа: „Пеше“ [1]) высказалъ афоризмъ: „„Уже втеченіи тысячелѣтій нѣтъ вполнѣ однородныхъ народовъ; но есть не мало

[1]) Die Arier, 1878, s. 43.

особей, представляющихъ въ чистотѣ расовый характеръ своего народа"". Это правда. Осмотрите сотни и тысячи людей: изъ этой массы знатокъ можетъ вывести среднія физіономіи; изъ нихъ онъ измѣряетъ и снимаетъ фотографически лишь немногихъ. Такое отвлеченіе, имѣющее своею задачею оттѣснить индивидуальное на второй планъ, безусловно необходимо. Правильность этой абстракціи имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели число измѣренныхъ и снятыхъ фотографически особей.... Да не подумаютъ, будто сказаннымъ я хочу отрицать то, что различія между человѣческими расами и народами могутъ быть надежно характеризованы лишь посредствомъ опредѣленія размѣровъ и отношеній между ними. Напротивъ, я вполнѣ признаю измѣренія г. Уйфальви, но я въ этнографіи, примѣнительно къ смѣшаннымъ расамъ, вижу спасеніе лишь въ изслѣдованіи ихъ по типамъ первоначальныхъ элементовъ смѣси"[1]). А проф. Вамбери замѣчаетъ: „Народы въ теченіе одного или двухъ столѣтій совершенно измѣняютъ свой языкъ, но все-таки на нашихъ глазахъ останутся аналогичные случаи, относящіеся уже къ физической жизни народовъ; они доказываютъ, что и физическіе признаки народа съ теченіемъ времени совершенно мѣняются. Правда, для этого нуженъ гораздо большій періодъ времени, долженствующій продолжаться, быть можетъ, нѣсколько столѣтій для того, чтобы достаточно изгладить *первобытный* типъ народа, да не только изгладить, а даже напечатлѣть на переселившемся человѣкѣ тѣ физическіе признаки, какіе имѣютъ природные жители данной страны (автохтоны), вслѣдствіе особенностей климата и образа жизни. Для примѣра авторъ указываетъ на арабовъ въ Бухарскомъ ханствѣ, потомковъ завоевателей страны при Кутайбѣ, которые утратили уже свой языкъ, говорятъ теперь по-персидски и лишь немногимъ отличаются отъ тамошняго таджикскаго населенія, и на сартовъ, отличающихся отъ своихъ арійскихъ собратьевъ не только по языку, но и по тѣлосложенію, и по физіономіи"[2]).

---

[1]) Очерки Ферганской долины. Рус. перев., стр. 393.

[2]) Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ. Введеніе.

II.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САРТОВЪ.

„Мы пошли бы ложными путями, еслибы захотѣли объяснить всѣ духовныя проявленія народовъ одними физическими условіями".

Оскаръ Пешель.

Характеръ сартовъ разные писатели описывали различно. Бабуръ-ханъ, говоря о маргеланскихъ сартахъ своего времени (конецъ XV и начало XVI вв.), называетъ ихъ задорными и безпокойными и отличными бойцами, славившимися съ этой стороны даже въ Самаркандѣ и Бухарѣ[1]). О ташкентскихъ сартахъ вятскій купецъ-татаринъ Арасланов, ѣздившій въ Ташкентъ въ 1741—42 гг., говоритъ, что ташкентцы „сами *дивятся,* что у нихъ никогда *ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали,* а Кусекъ четвертый годъ сидитъ"....[2]) Проѣзжавшій чрезъ Ташкентъ въ сентябрѣ 1813 года. Ф. Назаровъ говоритъ о тузем-ныхъ жителяхъ Ташкента, что они „здоровы, безпечны, роскошны, преданы до чрезвычайности веселостямъ, разнѣжены, любятъ музыку, ласковы и страстны къ женщинамъ. Въѣзжая въ города, говоритъ онъ, встрѣчаешь жителей, безпрестанно толпящихся на улицахъ, пляшущихъ у воротъ или увеселяющихся въ садахъ своихъ музыкою; тамъ кажется вѣчное празднество. Кромѣ осо-

---

1) Вотъ подлинныя слова Бабура:

ایلی سارت دور مشت زن وپرشرو شور ایل دور جنگره لیك رسمی ماورا
النهرده شایع دور ثمرقند وبخارا ده نامدار جنگره لار اکثر مرغینانی دور

2) Русскій Архивъ за 1888 г. кн. 8, стр. 413. Кусекъ (на стр. 407: Кусекъ-бекъ) очевидно Кушбеги, родомъ ташкендецъ. Н. О.

беннаго класса ремесленниковъ, они всѣ вообще ведутъ праздную(?) жизнь, довольствуясь изобиліемъ садовъ своихъ“ [1]). Г. Уйфальви, вслѣдъ за предшествовавшими ему писателями, называетъ сартовъ трусливыми, лицемѣрными, раболѣпными, жестокими и порочными [2]). И это въ значительной степени вѣрно.

Но г. Миддендорфъ представляетъ характеръ сартовъ въ иномъ видѣ. „Если мы, говоритъ онъ, съ безпристрастіемъ отнесемся къ кореннымъ чертамъ характера сартовъ, которыхъ частенько и жестоко ругали [3]), то вскорѣ убѣдимся, что, кромѣ прекрасныхъ наклонностей къ добру и немалыхъ дарованій, сартъ безспорно отличается поэтическою мягкостію души. Я вовсе не хочу отрицать большихъ недостатковъ и пороковъ; но они обращаются въ нѣчто очень малое, если обратить вниманіе на то, при какихъ условіяхъ выработалось то здоровое ядро, которое сохранилось и понынѣ. Порабощеніе, втеченіи столѣтій, варварами самаго грубаго разбора; жестокая игра исторіи—переходъ изъ однихъ страшно тиранническихъ рукъ въ другія; скопленіе густо населенныхъ большихъ городовъ, которые, по числу жителей, соперничаютъ съ большими городами Европы [4]) вообще варварскій (?) складъ всѣхъ гражданскихъ и семейныхъ отношеній—все это такія вліянія, которыя заставляютъ меня только удивляться, какимъ образомъ, при такихъ условіяхъ, могло проявиться явно образовательное воздѣйствіе сартовъ на угнетающую варварскую власть, на тюркскія племена. Но наше удивленіе возрастаетъ еще болѣе при мысли, что побѣдители монголо-тюркской крови добровольно приняли религію побѣжденныхъ.

---

[1]) Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи. Филиппа Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса переводчика, посыланнаго въ Кокандъ въ 1813 и 1814 годахъ. Спб. 1821, стр. 37. Очевидно, Ф. Назаровъ видѣлъ сартовъ, праздноующихъ по окончаніи поста своего, такъ какъ въ 1813 г. у мусульманъ мѣсяцъ поста, Рамазанъ, окончился 27 сентября. Н. О.

[2]) Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, p. 60—61.

[3]) Себялюбивые, скупые, жестокіе, лицемѣрные, трусливые.

[4]) Въ Ташкентѣ, самомъ большомъ городѣ русскихъ Среднеазіятскихъ владѣній, считается около 150 тысячъ. Но это очень далеко до большихъ городовъ Европы! Н. О.

„Добрый въ основаніи своемъ характеръ сартовъ всего явственнѣе высказывается въ невинной любви къ цвѣтамъ: роза, дикій степной тюльпанъ, который послужилъ образцомъ тюрбану (по персидски „дулбенъ“) и восхищалъ султана Бабура, пользуются у сартовъ большимъ почетомъ. Разведеніе цвѣтовъ повсемѣстно распространено; цвѣтникъ непремѣнно украшаетъ усадьбу зажиточнаго сарта. Даже необразованнѣйшій житель деревни, и тотъ садитъ нѣсколько цвѣтовъ; по присутствію ихъ можно распознать дома сартовъ, тогда какъ жилища полукочевыхъ узбековъ окружены лѣсами сорной растительности. Самый неотесанный сартъ изливается въ мечтательно-поэтическихъ выраженіяхъ, когда онъ говоритъ съ оживленнымъ лицомъ объ ароматѣ, испускаемомъ фруктовыми деревьями въ періодъ цвѣтенія. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я на то, какъ поденьщикъ (казавшійся тупымъ), бѣднѣйшій возчикъ или водоносъ, даже нищій отыскивали цвѣточекъ, чтобъ положить его подъ свою шапочку, за ухо... Меня трогало, когда, посѣтивъ дубильное заведеніе, я увидѣлъ парня въ жалкихъ лохмотьяхъ, который, въ потѣ лица своего, прыгалъ, въ качествѣ толкача, по размоченной кожѣ, причемъ вонючая жижа обдавала его брызгами,—и тѣмъ не менѣе онъ былъ украшенъ розою...

„Такая-же мягкость обнаруживается и въ отношеніи ихъ къ животнымъ. Птицы небесныя радуютъ сердце сарта: терпѣливо и любовно сноситъ онъ ласточку, которая непрошенно устраиваетъ свое гнѣздо въ его домѣ, загрязняя его жилище. Онъ щадитъ также южнаго голубя-воркуна; голубь признаетъ въ немъ своего покровителя и слѣдуетъ, хотя и лѣниво, за сартомъ въ его жилыхъ помѣщеніяхъ. Пріятно видѣть (вѣдь въ Европѣ совсѣмъ не то), какъ пернатые мирно ютятся около человѣка, хотя громкое воркованіе голубей, трехсложные звуки, издаваемыя удодомъ, крикъ перепеловъ, отчеканивающихъ всю ночь смѣлымъ голосомъ свои дактили, а также крики каменной и альпійской куропатокъ часто образуютъ не совсѣмъ пріятный концертъ. Покровительство животныхъ возведено въ мѣстныхъ правилахъ на степень богоугоднаго дѣла.

„Словомъ, это—народъ съ мягкимъ характеромъ, поэтическимъ настроеніемъ, не смотря на всю прозу его повседневныхъ промысловъ, и легко снискать его расположеніе на множество ладовъ(!). Только небесныя сферы музыки ему все еще совершенно недоступны. Правда, у него есть потребность пѣнія; правда, сартъ затягиваетъ пѣсню при каждомъ удобномъ случаѣ, но... „человѣкъ да не искушаетъ боговъ“ [1]). Въ примѣчаніи къ послѣднимъ словамъ, г. Миддендорфъ прибавляетъ: „у киргизовъ, очевидно, слухъ тоньше, чѣмъ у сартовъ. Сарты могутъ наслаждаться уже совсѣмъ фальшивыми звуками гобоя, сопровождаемыми, за неимѣніемъ литавръ, ударами въ котелъ или сковороду(?)“ [1]).

Прежде чѣмъ остановиться на приведенномъ мнѣніи о характерѣ сартовъ, я обращаю вниманіе читателя на то, что тюрко-монгольскіе завоеватели Туркестана и покоренные ими сарты уже съ давнихъ поръ мусульмане и что, слѣдовательно, въ основѣ ихъ управленія и въ жизни покоренной страны лежалъ мусульманскій кодексъ (шаріатъ), кодексъ далеко не варварскаго происхожденія и характера. Почтенный ученый какъ будто придаетъ значеніе только природнымъ задаткамъ и наклонностямъ сартовъ; но нельзя забывать, что эти задатки развивались подъ разными вліяніями, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ принадлежало религіи, какъ это само собою очевидно. Религія является могущественнымъ факторомъ въ народной жизни, потому что обнимаетъ разныя стороны ея, и пока у народа не розовьется наука, религія замѣняетъ ему и науку. Это особенно нужно сказать объ исламѣ и шаріатѣ: исламъ есть теократія, а шаріатъ—кодексъ религіозный, на основаніяхъ котораго устраивается вся жизнь мусульманъ. Если вы оставите въ сторонѣ религію и не будете придавать значеніе тому, что сарты—мусульмане, то не будете въ состояніи понять и объяснить многія хорошія стороны ихъ жизни и характера.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что правила шаріата

---

[1]) Очерки Ферганской долины, стр. 363—365.

настойчиво проводились въ жизнь сартовъ. Въ Ташкентѣ, во времена Коканскаго владычества, за благоповеденіемъ мусульманъ наблюдали особыя должностныя лица: *мухтасибъ* или *раисъ* (محتسب—رائيس) и *курбаши* (قوربا شی). Въ прежнее время въ Ташкентѣ обыкновенно былъ одинъ мухтасибъ, а предъ завоеваніемъ Ташкента русскими—два. Однимъ изъ нихъ былъ Мухаммадъ-Азимъ Мухаммадъ-Раджабъ-углы (нынѣ уже умершій), а другимъ—Абдулла-джанъ Мулла Баба-джанъ-углы[1]). Мухаммадъ-Азимъ, со введеніемъ при первомъ Туркестанскомъ Генералъ-Губернаторѣ фонъ-Кауфманѣ I-мъ выборнаго начала въ Ташкентѣ, былъ избранъ на должность казія для Бишъ-агачской части города Ташкента, а Абдулла-джанъ только во вторые выборы избранъ былъ на должность казія для Кукчинской части Ташкента и послѣ того еще два раза былъ казіемъ въ той же части города.

На должность мухтасиба назначались обыкновенно лица, отличавшіяся нравственными качествами и знаніемъ шаріата, такъ какъ имъ приходилось вѣдать и религіозныя обязанности мусульманъ; поэтому ихъ также называли раисъ-аглямами.

Мухтасибы наблюдали за исполненіемъ ежедневныхъ молитвъ (намазъ), что составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманъ, и обращали вниманіе не только на прихожанъ, но и на самихъ имамовъ. Если мухтасибъ узнавалъ, что какой-нибудь имамъ неотчетливо совершаетъ богослуженіе и вообще недостаточно авторитетенъ, какъ руководитель своего прихода въ дѣлахъ вѣры и нравственности, то, убѣдившись въ этомъ лично, онъ (мухтасибъ) доносилъ о томъ казію, а казій

---

[1]) М. Г. Генералъ Черняевъ, вскорѣ по завоеваніи Ташкента, подарилъ ему почетный халатъ, а первый Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ I наградилъ его серебряною медалью. Въ 1890 году ему было 68 лѣтъ, но онъ выглядѣлъ еще довольно бодрымъ старикомъ. Я принималъ его у себя 27 іюня 1890 года и предлагалъ снять съ него фотографію, но онъ не считаетъ удобнымъ для себя итти въ фотографію, хотя, вскорѣ по завоеваніи Ташкента, съ него была снята фотографія въ общей группѣ съ другими туземными должностными лицами. Онъ умеръ въ 1892 г., во время холеры. Н. О.

вызывалъ къ себѣ имама для наставленія, или же назначалъ къ мечети другаго имама. Обыкновенно мухтасибъ являлся въ извѣстную мечеть къ утреннему богослуженію и самъ наблюдалъ за совершеніемъ молитвы имамомъ и за молящимися. Если имамъ мечети не вызывалъ замѣчаній со стороны мухтасиба, то послѣдній, по окончаніи молитвы, спрашивалъ имама въ мечети же, въ какой степени усердно относятся его прихожане къ этой главнѣйшей религіозной обязанности. Имамъ указывалъ нерадивыхъ, и если они были въ мечети, то мухтасибъ отводилъ ихъ къ казію; если же виноватыхъ въ мечети не оказывалось, то ихъ разыскивали и представляли къ казію. Казій дѣлалъ имъ соотвѣтствующее наставленіе, а виноватые приносили раскаяніе *(тауби)* и давали обѣщаніе исправиться. Если они не исправлялись послѣ перваго наставленія, то казій увѣщевалъ ихъ и во второй, и въ третій разъ, а затѣмъ уже отдавалъ приказаніе мухтасибу подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію. Отъ усмотрѣнія казія зависѣло наложить наказаніе на нерадиваго мусульманина и послѣ перваго заявленія о томъ мухтасибомъ.

Въ видахъ побужденія родителей заботливѣе относиться къ воспитанію своихъ дѣтей, мухтасибы дѣлали имъ соотвѣтствующія наставленія, а для надзора за аккуратнымъ посѣщеніемъ низшихъ училищъ (мактабъ-хана) учащимися въ школахъ дѣтьми мухтасибы посѣщали эти училища и внушали дѣтямъ исправнѣе относиться къ своимъ ученическимъ обязанностямъ.

Для наблюденія за правильностію городской торговли мухтасибы ѣздили по базару и осматривали не только продаваемые товары, но и вѣсы и другія мѣры, употребляемыя торговцами. Если изъ торгующихъ лицъ оказывался кто-нибудь виновнымъ въ уменьшеніи вѣса и мѣры, то мухтасибъ прекращалъ это злоупотребленіе на мѣстѣ, а виновнаго подвергалъ тотчасъ же заслуженному наказанію. Такъ, напримѣръ, если лепешки у продавца были малы по вѣсу, то мухтасибъ приказывалъ отобрать ихъ и, разломивъ на куски, раздать нищимъ или вообще бѣднымъ тутъ же, на базарѣ. Если мухтасибъ встрѣчалъ на улицѣ

или на базарѣ мусульманина безъ чалмы на головѣ, то останавливалъ его и дѣлалъ ему строгое внушеніе. Особенно часто виновными въ этомъ отношеніи оказывались пріѣзжіе изъ степи киргизы, которые, не имѣя обычая носить на головѣ чалму, должны были дѣлать подобіе чалмы изъ платка или кушака, чтобы не подвергнуться замѣчанію или даже наказанію отъ мухтасиба. Точно также мухтасибъ останавливалъ встрѣчавшуюся ему на пути женщину и спрашивалъ ее, чья она жена, куда идетъ и имѣетъ ли отъ своего мужа позволеніе выти на улицу или на базаръ, и если женщина давала неудовлетворительные отвѣты, то ее возвращали домой и оставляли на замѣчаніи. Если мухтасибъ встрѣчалъ на улицѣ женщину въ красивомъ верхнемъ халатѣ (параиджа), то останавливалъ ее и внушалъ ей, что украшенія въ одеждѣ неприличны мусульманкѣ и могутъ служить соблазномъ для мужчинъ[1]).

Въ вечернее и ночное время за благоповеденіемъ мусульманъ и вообще за порядкомъ въ городѣ наблюдалъ такъ называемый *курбаши*. Въ Ташкентѣ былъ одинъ курбаши, въ вѣдѣніи котораго находилось 400 ночныхъ стражниковъ *(миршабъ)*, по 100 чел. на каждую часть города. Изъ этого числа стражниковъ четыре человѣка назывались сотниками *(юзбаши)* и распоряжались сотнею миршабовъ, которыхъ они посылали по разнымъ улицамъ города для надзора, и которые, въ случаѣ замѣченнаго ими безпорядка, должны были доносить своему сотнику, а тотъ въ болѣе важныхъ случаяхъ немедленно докладывалъ курбаши. Число ночныхъ полицейскихъ не всегда было одинаково: иногда было 100, а въ спокойное время—44 миршаба на весь городъ (въ томъ числѣ 4 сотника); но предъ завоеваніемъ Ташкента русскими на каждую часть города было назначено 100 миршабовъ, т. е. всего 400 человѣкъ. По наступленіи вечера, по распоряженію курбаши, жителямъ города ударомъ въ большой барабанъ возвѣщалось, что всѣ находящіеся на улицѣ должны расходиться

---

[1]) См. особое приложеніе въ концѣ выпуска.

по домамъ и запирать свои ворота, а торговцы—прекращать торговлю и затворять лавки. Послѣ того курбаши, или самъ, или его сотники обходили со своими миршабами ввѣренные имъ участки города и забирали всѣхъ попадавшихся имъ на улицѣ[1]).

Для секретныхъ развѣдокъ, какъ у курбаши, такъ и у мухтасиба были особые негласные развѣдчики (جاسوس—تيلچى), которые доносили начальству о притонахъ бродягъ и воровъ и о безчинныхъ людяхъ, объ игрокахъ въ азартныя игры и мѣстныхъ кутилахъ. На основаніи такихъ денесеній, миршабы производили внезапные аресты, а затѣмъ уже курбаши, или мухтасибъ, по принадлежности, дѣлали свои распоряженія. Курбаши о выдающихся безпорядкахъ и преступленіяхъ доносилъ беку, а въ случаяхъ болѣе важныхъ безпорядковъ даже—ночью[2]).

При столь строгихъ условіяхъ дневнаго и ночнаго надзора за нравственностію жителей города Ташкента, легко могло быть, что среди улицъ города рѣдко замѣчались выдающіеся неблагопріличные поступки, въ родѣ крика или драки пьяныхъ и т. п.; но это не означало, чтобы среди сартовъ не было до прихода русскихъ никакихъ безпорядковъ и преступленій. Усиленный и строгій надзоръ за жителями, разумѣется, побуждалъ дурныхъ людей укрываться, но не уничтожалъ пороковъ и преступленій. Неодинаковое число ночныхъ стражниковъ въ Ташкентѣ, какъ выше сказано, показываетъ, что преступленія и пороки въ разное время въ Ташкентѣ увеличивались и уменьшались, но не уничтожались совершенно. Уже самое существованіе описаннаго надзора показываетъ, что нравы ташкентскихъ сартовъ не всегда были такъ привлекательны, какъ старался доказать въ своей характеристикѣ маргеланскихъ сартовъ г. Миддендорфъ, настаивающій съ особенною силою на прекрасныхъ наклонностяхъ сартовъ къ

---

1) Судя по дѣйствіямъ младшаго помощника начальника города Ташкента изъ туземцевъ, Надыръ-Мухаммада Измаилбаева въ 1883 году (см. № 26 Туземной газеты за 1884 годъ), можно думать, что въ ханское время курбаши круто расправлялись съ попадавшимися въ ихъ руки дурными людьми. Н. О.

2) Свѣдѣнія о дѣятельности мухтасибовъ и курбаши собраны мною отъ разныхъ мусульманъ. Н. О.

добру, на поэтической мягкости ихъ души, что выражается въ невинной любви ихъ къ цвѣтамъ и въ нѣжныхъ отношеніяхъ къ ласточкамъ, голубямъ и домашнимъ животнымъ. Ниже представлены мною соображенія, ослабляющія такой взглядъ.

Основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и сношеніяхъ съ ташкентскими сартами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, я могу сдѣлать слѣдующую характеристику ихъ физическаго сложенія, умственнаго и нравственнаго характера.

При среднемъ (часто выше средняго) ростѣ, сарты плотно и стройно сложены. У нѣкоторыхъ, при довольствѣ жизни, плотность легко переходитъ въ тучность; можно встрѣтить среди сартовъ лицъ, имѣющихъ 6—8 пудовъ вѣсу. На шеѣ среднихъ размѣровъ у сарта свободно сидитъ небольшая круглая голова, покрываемая тюбетейкою, а затѣмъ большою чалмою, особенно у казіевъ и ученыхъ лицъ вообще. Что же касается физіономіи сартовъ, то дать точное описаніе всѣхъ отличительныхъ ея признаковъ я считаю невозможнымъ. Сарты, какъ сказано выше,—народность смѣшаннаго происхожденія, а потому и въ физіономіяхъ сартовъ вмѣстѣ съ чертами чисто иранскими замѣчаются и тюрко-монгольскія; при томъ у однихъ субъектовъ преобладаютъ иранскія, а у другихъ тюрко-монгольскія. Среди ташкентскихъ сартовъ можно видѣть и вполнѣ красивыя лица, какъ напримѣръ у казія Мухитдина-ходжи, купцовъ Арифа-ходжи, Сяидъ-Кярима Сяидъ-Азимбаева и у многихъ другихъ. Но еще чаще въ Ташкентѣ можно встрѣтить среди сартовъ лица, сильно напоминающія типъ чистокровнаго узбека. Однако и въ первомъ случаѣ лицо сарта сразу можно отличить отъ лица европейца. Изъ частей тѣла, особенно у лицъ нерабочаго класса, обращаютъ на себя вниманіе руки оч. небольшихъ размѣровъ (даже у чернорабочихъ) и тонкіе пальцы; тонкіе, продолговатые и какъ бы прозрачные пальцы людей книжныхъ привлекаютъ къ себѣ взоръ; это скорѣе женскіе пальцы, если имѣть въ виду довольно большую фигуру сарта.

Движенія сарта плавны, но иногда эта плавность бываетъ дѣланная, сообразно съ положеніемъ человѣка, и переходитъ какъ

бы въ вялость. Особенно это замѣтно у людей, стоящихъ во главѣ населенія (казіи, аглямы, имамы и богатые люди): восточная обрядность и важность не мирятся съ торопливостью, не рекомендуемою закономъ (шаріатомъ) и считаемою свойствомъ сатаны, по пословицѣ. Если прибавить къ этому широкій и длинный халатъ на плечахъ[1]), ичиги съ калошами на ногахъ и пышную чалму на головѣ, мѣшающіе движеніямъ ногъ, рукъ и головы сарта, то можно легко (хотя и ошибочно) составить себѣ представленіе о лѣнивой, апатичной, даже неподвижной натурѣ сарта. Распространенное въ Европѣ мнѣніе о восточной лѣни и неподвижности туркестанскихъ сартовъ не совсѣмъ вѣрно, преувеличенно. Посмотрите на сарта внѣ условій восточно-мусульманскаго этикета— дома, на базарѣ, въ дружеской кампаніи, и вы увидете, что сартъ далеко не такъ сонливъ, какъ это думаютъ; посмотрите, съ какой церемонною торопливостью, мелкими шажками, подходитъ онъ къ высшему лицу съ поклономъ; посмотрите, какъ ловко и съ какимъ своеобразнымъ изяществомъ прислуживаетъ онъ вамъ у себя дома, и у васъ, если это вашъ прислужникъ; наблюдите за движеніями мастера особенно кузнеца: въ его рукахъ ловко и послушно дѣйствуетъ инструментъ, и т. д. Но во всѣхъ движеніяхъ и у мастера замѣчается также плавность, потому что работаетъ сартъ съ разсчетомъ въ силахъ: жаркій климатъ не позволяетъ ему ускорять своихъ движеній, чтобы силъ достало на весь рабочій день. А рабочій трудъ сартовъ, особенно земледѣльческій, тяжелъ, вслѣдствіе жаркаго климата, къ которому, однако, сартъ отлично въ теченіе вѣковъ приспособился.

Природа надѣлила сартовъ хорошими умственными способностями, которыя и проявляются въ большой смышленности сартовъ; но при отсутствіи европейскихъ научныхъ знаній и при односторонности школьнаго образованія, а также при однообразіи бытовыхъ условій, сарты не могли выработать разносторонняго взгляда на жизнь, и болѣе всего заняты матеріальнымъ своимъ благопо-

---

[1]) Почетные туземцы надѣваютъ два-три халата.

лучіемъ. Всѣхъ сартовъ можно раздѣлить на три класса: 1) представители шаріата и науки мусульманской (казіи, аглямы, муфтіи, имамы, суфи, ишаны, мударрисы и муллы); 2) торговцы и 3) ремесленники и земледѣльцы. Представители шаріата и науки кормятся въ значительной степени отъ своихъ должностей, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть своя земля и свое хозяйство; представители школъ содержатся на вакуфы. Какъ казіи, такъ и мударрисы и муллы часто враждуютъ между собою изъ-за своихъ доходовъ. Торговцы крупные и мелкіе заняты своими барышами, а ремесленники и земледѣльцы—своимъ трудомъ. Среди представителей шаріата и мусульманской науки нѣтъ образованныхъ и ученыхъ людей въ нашемъ смыслѣ слова. Европейская наука до прихода русскихъ въ край совершенно была имъ неизвѣстна. Представленія объ этой наукѣ и о приложеніи ея къ жизни туркестанскіе сарты получили и получаютъ теперь изъ непосредственнаго соприкосновенія съ русскими правительственными и частными учрежденіями (больницы и оспенное депо, гимназія и другія школы, обсерваторія, телеграфъ, типо-литографія, гренажныя станціи, заводы и проч.) и частію изъ Туземной газеты, въ которой, кромѣ оффиціальныхъ распоряженій, сообщаются туземцамъ и научныя свѣдѣнія. Въ туземной школѣ (мадраса) не преподаются совсѣмъ естественно-математическія науки, а равно и исторія съ географіей[1]). Всѣ полезныя практическія знанія сарты пріобрѣтаютъ опытнымъ путемъ, посредствомъ практической выучки и легко перенимаютъ всѣ необходимыя въ ихъ занятіяхъ усовершенствованія, но неохотно отказываются отъ старыхъ своихъ орудій потому, что пріобрѣтеніе новыхъ орудій вызываетъ расходъ, часто непосильный для бѣднаго промышленника.—Тѣмъ не менѣе, сарты способны къ дальнѣйшему развитію.

---

[1]) См. Рѣчь В. П. Наливкина «Школа у туземцевъ Средней Азіи» (Туркест. Вѣдом. за 1889 г.); ст. П. Васильева «Къ вопросу о школьномъ образованіи у современныхъ мусульманъ» (Туркест. Вѣдом. 1890 г. №№ 6, 7 и 8) и ст. А. Н. Вышегорскаго: «Высшее мусульманское образованіе въ Фецѣ». (Странникъ за 1890 годъ, Мартъ и Апрѣль).

Въ семейной жизни сарты отличаются чадолюбіемъ, выражающимся въ нѣжныхъ ласкахъ къ дѣтямъ обоего пола, особенно въ первые годы ихъ дѣтской жизни. Почтительность къ старшимъ въ свою очередь должна быть признана похвальною чертою дѣтей и домочадцевъ сартовъ (Коранъ, гл. 17, ст. 24—25 и др.). Кто бывалъ въ домахъ у сартовъ, тотъ можетъ припомнить много примѣровъ въ доказательство обѣихъ названныхъ чертъ въ характерѣ сартовъ. Особенно это бываетъ замѣтно въ домахъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, у которыхъ домашній этикетъ сильнѣе оттѣняетъ эти черты.

Распространенное въ семейной жизни сарта многоженство разрѣшается религіознымъ кодексомъ (Коранъ, гл. 4, ст. 3) и обусловливается состоятельностью. Невыгоды этой формы взаимныхъ отношеній супруговъ между собою и къ дѣтямъ разныхъ матерей хорошо извѣстны. Болѣе страдающею стороною при такихъ условіяхъ являются женщины и дѣти, хотя мнѣ приходилось слышать и отъ мужей жалобы на постоянные раздоры ихъ женъ, нарушающіе семейный покой, составляющій первое условіе правильнаго воспитанія дѣтей. На женъ своихъ сарты смотрятъ, какъ на существа низшія, что согласно съ Кораномъ (гл. 4, ст. 38): мужъ можетъ бить свою жену; свидѣтельское показаніе одной жены не имѣетъ силы; проводить время съ женой сартъ не любитъ изъ опасенія поглупѣть. „Жена—корова, говорилъ одинъ сартъ: постоянно быть въ ея обществѣ опасно,—будешь самъ походить на корову“.

Домашній бытъ сартовъ не сложенъ вообще и отличается патріархальностію. Жилище, одежда, пища, все отвѣчаетъ крайнимъ потребностямъ и указаніямъ шаріата. Жизнь богатаго сарта мало отличается отъ жизни бѣдняка. Люди съ большими средствами имѣютъ большихъ размѣровъ домъ, лучшаго качества и большій запасъ одежды и болѣе обильную пищу. Но самое главное отличіе домашней жизни сартовъ отъ жизни европейскихъ народовъ состоитъ въ томъ, что женщины отдѣлены отъ мужчинъ, и это раздѣленіе половъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сартъ состоятельнѣе;

у состоятельныхъ сартовъ для женской половины устраивается особенное помѣщеніе съ особымъ дворомъ, отдѣленнымъ отъ мужскаго жилья, такъ что постороннему мужчинѣ только какъ-нибудь случайно можно увидѣть женщину сартскую[1]).

Отличительною особенностью жилищъ сартовъ составляетъ отсутствіе въ нихъ оконъ и печей. Нагрѣваніе жилищъ производится посредствомъ жаровни съ углями, но этотъ способъ крайне негигіеничень. Въ санитарномъ отношеніи домашняя жизнь сартовъ стоитъ низко, и только умѣренность въ пищѣ и питьѣ и теплый климатъ, дающій возможность жителямъ Ташкента проводить большую часть времени года на открытомъ воздухѣ (лѣтомъ подъ свѣжею зеленью садовъ), спасаетъ ихъ отъ повальныхъ болѣзней. Статистика пока еще не примѣнима къ сартскому населенію, а потому и нельзя еще говорить о процентѣ смертности среди сартовъ, хотя дѣти въ первомъ возрастѣ мрутъ у нихъ въ большомъ числѣ отъ негигіеническаго ухода за ними[2]), отъ господствующаго еще среди сартовъ предубѣжденія противъ привитія дѣтямъ оспы, отъ несвоевременнаго обращенія къ медицинской помощи и отъ разныхъ другихъ причинъ.

Общественной жизни въ нашемъ смыслѣ слова у сартовъ нѣтъ. Они посѣщаютъ другъ друга преимущественно въ праздники, а кромѣ того сходятся на особыя вечеринки, устраиваемыя по очереди членами небольшихъ кружковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *джура*. По разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ (рожденіе ребенка, обрѣзаніе его, окончаніе ученія сына, женитьба его; похороны, поминки), состоятельные люди устраиваютъ у себя пиры, на которыхъ бываетъ такъ много гостей, что подобные пиры обходятся имъ свыше тысячи рублей, а иногда до десяти тысячъ рублей. Обычай этотъ очень крѣпко держится въ народѣ и тяжело отзывается на матеріальныхъ средствахъ особенно людей небогатыхъ. Самымъ „общественнымъ“ мѣстомъ для массы насе-

---

1) См. Сарты. Вып. третій, стр. 133—137.

2) См. Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы, соч. г.г. Наливкиныхъ. (Казань, 1886 г.) и отчеты амбулаторныхъ лѣчебницъ.

ленія служитъ базаръ въ дни торга. На базарѣ можно видѣть массы пріѣзжаго населенія, кромѣ мѣстныхъ обывателей; здѣсь сообщаются и распространяются всякія новости... Базарная молва, какъ источникъ новостей, называется у нихъ характернымъ именемъ *„узунъ-кулакъ“* т. е. длинное ухо[1]). Особенное же оживленіе на базарахъ бываетъ въ ночи поста Рамазана, продолжающагося цѣлый мѣсяцъ и переходящаго по временамъ года. Въ это время въ Ташкентѣ все оживаетъ послѣ дневнаго утомленія отъ строгаго воздержанія: на базарѣ, въ разныхъ мѣстахъ, устраиваются пѣвцы *(хафизъ)* проповѣдники *(маддахъ)* и смѣхотворы *(азкія)*, собирающіе около себя охотниковъ послушать пѣніе, религіозные разсказы и часто неприличные каламбуры. Въ чайханахъ толпы народа пьютъ чай подъ шумные звуки пѣнія и сартскихъ музыкальныхъ инструментовъ. Тамъ же сидятъ и молодые мальчуганы *(бача)*. Въ особыхъ балаганахъ показываютъ свое искусство фокусники и акробаты. Въ тѣхъ же балаганахъ даются представленія съ куклами. Главная и, кажется, исключительная тема представленій въ этомъ театрѣ—смотръ войскъ, очевидное воспроизведеніе русскихъ военныхъ парадовъ. Приготовленія къ параду и прибытіе разныхъ высокихъ гостей на парадъ сопровождаются разными каламбурами, которые въ высшей степени тѣшатъ публику. Восторженный шумъ звуковъ одобренія заглушаетъ бубны и барабаны. Въ 1870—80-хъ годахъ выводились на сцены мѣстные русскіе военные начальники (губернаторы и уѣздные начальники), причемъ непремѣнно вызывался и мѣстный городовой врачъ; но теперь высокихъ гостей представляютъ сосѣдніе, живые и умершіе, ханы. Послѣ смотра войскъ, стрѣлковъ и артиллеріи, на сцену являются танцовщицы. Иногда въ началѣ представленія, а иногда въ концѣ куклы представляютъ

---

[1]) Мнѣ разсказывали, что однажды русскій слѣдователь спрашиваетъ вызваннаго къ допросу сарта: откуда ты узналъ это? Кто тебѣ сказалъ?—Сартъ спокойно отвѣчаетъ: «узунъ-кулакъ». Слѣдователь приказалъ было привести къ допросу и «Узунъ-кулака», но Узунъ-кулакъ оказался неуловимымъ.... Часто «узунъ-кулакъ» доставляетъ населенію новости быстрѣе почты и телеграфа. П. О.

отправленіе пьянаго на извощикѣ при содѣйствіи полицейскаго, причемъ пьяный заявляетъ, что онъ былъ въ клубѣ и пилъ шампанское.—Кромѣ представленій съ куклами, туземные актеры по особому приглашенію, иногда даютъ представленія въ лицахъ, изображающія выдающіяся стороны жизни туземцевъ. Подражательная способность у туземныхъ актеровъ, при всей грубости манеръ, а иногда и содержанія, замѣчательная[1]).

При разобщенности мужчинъ и женщинъ въ общественной жизни сартовъ, среди мужскаго населенія г. Ташкента распространено развлеченіе съ такъ называемыми бачами, почему еще въ 1884 г. начальникъ города полковникъ Путинцевъ вынужденъ былъ отдать по азіатскому Ташкенту такой приказъ (№ 297):

„Казіями города Ташкента представленъ мнѣ риваятъ слѣдующаго содержанія: „„Въ одной изъ главъ шаріата говорится, что мальчикамъ, имѣющимъ красивое лицо, одѣвающимся въ шелковыя одежды и на подобіе женщинъ выводящимъ на лицѣ румяны, строго воспрещается сидѣть въ лавкахъ, ходить по базару и находиться въ чайханахъ, такъ какъ это противно закону (т. е. шаріату). Лица, занимающіяся бачебазствомъ[2]), одиночно и въ компаніи ходятъ въ лавки, гдѣ имѣются помянутые мальчики и, разсѣвшись противъ нихъ, смотрятъ на нихъ страстными глазами и увлекаются прищуриваніемъ глазъ мальчика, за что платятъ деньги, которыя добываютъ у своихъ родителей и женъ, а если

---

[1]) Въ правленіе Худаяръ-хана, не задолго до завоеванія Ферганы, въ Кокандѣ былъ замѣчательный актеръ Закиръ-джанъ. Однажды онъ, въ присутствіи Худаяръ-хана, представилъ въ лицахъ мѣстнаго шайху-ль-ислама, какъ онъ отправлялъ свое правосудіе,—и это представленіе стоило несчастному шайху-ль-исламу потери должности и пожизненнаго ареста, во время котораго онъ и умеръ. Самъ Худаяръ-ханъ такъ былъ увлеченъ игрой актера, что приказалъ ему представить и себя самого (то есть хана). Осторожный Закиръ-джанъ заручился сначала письменнымъ обѣщаніемъ хана, что онъ не будетъ преслѣдовать актера за его представленіе, потомъ столь неподражаемо исполнилъ свою роль, что Худаяръ-ханъ разсердился и не сдержалъ своего обѣщанія: на другой день онъ, оставивъ неприкосновенною личность актера, согласно данному обѣщанію, конфисковалъ имущество Закиръ-джана и вообще показалъ такое неблаговоленіе къ нему, что тотъ долженъ былъ навсегда удалиться отъ ханскаго двора. Это разсказывали мнѣ заслуживающіе довѣрія туземцы со словъ самого талантливаго актера. Н. О.

[2]) Такъ называется развлеченіе съ красивыми мальчиками. Н. О.

они добровольно не дают таковых, то воруют у них или у посторонних, а потому вводят себя в грех и идут по пути нечистой силы, так как в одной из глав шаріата говорится, что мальчики эти имеют в себе каждый по 18 нечистых сил (бесов), от которых они кажутся красивыми и хорошими. Воспрещеніе такого беззаконія зависит от начальников, которые обязаны прекращать это зло, а мальчиков возвращать их родителям, за что они (начальники) получат милость Божію.

„„Согласно вышеприведенному риваяту и принимая во вниманіе, что мальчики, выполняющіе роль *бачей*, с ранняго дет-ства пріучаются только к праздной, бездеятельной и разгульной жизни на счет дурных мужчин, извест-ных под именем *бачебазов*, и таким образом, достигнув возраста 20—25 летняго, они сами обращаются в бачебазов и проматывают все нажитое трудами отцов своих и затем, не привыкнув ни к какому труду, обращаются к легким промыслам, как-то: к обманам, кражам и грабежам, т. е. само населеніе воспи-тывает в себе вредных членов общества, поощряя их свои-ми приношеніями и подарками, расходуя на это все денные заработки в ущерб своим семьям,—я, на основаніи всего приведеннаго, предлагаю и. д. младшаго помощника и аксака-лам разъяснить населенію вред, происходящій от бачебазства, и пригласить народ принять участіе в искорененіи этого зла. Всякій добропорядочный человек, в свободное от труда время, найдет себе развлеченіе, не противное долгу чести и шаріату“ [1]).

---

[1]) См. Туркест. тузем. газ. за 1884 г. № 48. Среди бачей бывают и настоящіе содомиты (хизалик). И этот гнусный порок встречается среди сартов, как это видно из следующаго анекдота: «Однажды привели к Кокандскому хану такого бачу-развратника, хан присудил его к смертной казни, но находчивый развратник заявил хану, что он знает очень выгодный для всего государства секрет и что ему не хотелось бы уносить этот секрет с собою в могилу. Хан заинтересовался и узнал, что при-сужденный к смерти развратник обещает вырастить из обыкновенных семян чистое золото. Соблазнившись таким заманчивым обещаніем, хан отложил смерт-ную казнь развратнику. Когда настало время посева, хан приказал осужденному при-ступить к делу, но тот сказал: «Такеыр! я сам—гнусный развратник, и из

Не смотря на это, развлеченія съ бачами до сихъ поръ еще существуютъ среди туземцевъ, какъ и слѣдовало ожидать: однимъ приказаніемъ не прекратить распространеніе порока, укоренившагося въ народѣ въ теченіе столѣтій и находящагося въ связи съ устройствомъ домашняго быта сартовъ. Увлеченіе бачами не только вызываетъ большіе расходы у ихъ обладателей, но иногда оканчивается преступленіемъ-убійствомъ. Такъ, 7 іюля 1890 г. Ташкентскіе сарты: Улугъ-Ходжа Зіамутдиновъ, конный барышникъ 38 лѣтъ, Акбаръ Ахметъ-Баевъ, Юнусъ-Ходжа-Ибрагимъ-Ходжинъ, мелкій подрядчикъ и торговецъ, и Ахметъ-джанъ-Нурматдиновъ (21 г.)—всѣ зажиточные, взяли съ собою двухъ бачей и въ компаніи еще съ двумя товарищами сначала катались по городу верхами, потомъ угощались въ увеселительномъ саду, а когда стемнѣло, уѣхали въ пустой загородной садъ и тамъ изнасиловали обоихъ бачей, причемъ одинъ изъ кутилъ, балалаечникъ Саадулла былъ убитъ своими товарищами по кутежу изъ-за обладанія бачей[1]).

31 января 1891 года въ Самаркандской области, въ селеніи Тугай былъ убитъ ножомъ мѣстный сартъ Ибрагимъ-Мулла Шакировъ туземцемъ Санакуломъ-Хадыровымъ изъ-за бачи, въ обществѣ котораго они 30-го января провели ночь[2]).

Въ ночь на 29 іюля 1895 г. въ Ташкентѣ, въ мѣстности Джума Мечеть, въ саду сарта Муллы-Каримджана Рахимджанова былъ зарѣзанъ сынъ его Шакирджанъ, 28 лѣтъ, ташкентскимъ же сартомъ Юлдашемъ Бай-Мухамадовымъ изъ-за бачи[3]).

Конечно, приведенные случаи убійства изъ-за бачей не единственные; и въ Ферганской области бываютъ такія преступленія.

моего посѣва ничего не выйдетъ; поэтому прикажите кому нибудь изъ вашихъ приближенныхъ произвести посѣвъ подъ моимъ личнымъ присмотромъ». Ханъ поочередно предлагалъ своимъ приближеннымъ взяться за посѣвъ, но не нашлось ни одного неповиннаго въ названномъ порокѣ. Тогда хитрый развратникъ попросилъ самого хана взяться за посѣвъ для народнаго блага. Но.... и самъ ханъ сознался въ своей виновности....

1) Н. Васильевъ. Смерть изъ-за бачи. Изъ мѣстной судебной хроники. Прилож. къ газетѣ «Окраина». Самаркандъ, 1891.

2) «Окраина» № 26 за 1892 г.

3) Туркестанск. Вѣдом. 1895 г. № 54.

Другое зло въ жизни сартовъ составляетъ куреніе *наши* и употребленіе *кукнара.* Разрушительное дѣйствіе на человѣческій организмъ этихъ двухъ зелій извѣстно изъ описаній русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ. Подверженныхъ этой слабости сартовъ можно узнать съ перваго взгляда. Они имѣютъ страшный видъ: необыкновенно худое лицо землистаго цвѣта и впалые сонливые глаза; голова свалившаяся на плечи или на грудь, а руки трясущіяся. Поминутно ихъ клонитъ дремота. Рѣдкому изъ этихъ несчастныхъ удается освободитсья отъ своей пагубной страсти и тѣмъ обезпечить себѣ еще нѣсколько лѣтъ жизни. Въ 1884 г., по распоряженію Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Лейтенанта Черняева, было напечатано въ Туркестанской туземной газетѣ (№№ 13—17) популярное разъясненіе вреднаго дѣйствія этихъ средствъ на организмъ, составленное мѣстнымъ военнымъ врачемъ; но и теперь еще въ Ташкентѣ не мало лицъ, страдающихъ отъ употребленія наши и кукнара[1]). Къ сожалѣнію, въ послѣднее время сарты начинаютъ пить также пиво и водку: въ русскомъ городѣ можно встрѣтить пьяныхъ сартовъ въ трактирахъ и разъѣзжающихъ по улицамъ.—Извѣстны среди сартовъ и азартные игроки въ разныя игры: въ кости, въ орѣхи и въ карты; въ послѣднее время я видѣлъ въ сартскомъ городѣ азартную игру, въ родѣ рулетки. Сарты также охотно держатъ большія пари во время боевъ барановъ, перепеловъ, куропатокъ и пѣтуховъ. Каждый годъ раннею весной, какъ только стаетъ снѣгъ и об-

---

[1]) Пріемъ опія и гашиша не можетъ быть исчерпанъ однимъ какимъ-либо состояніемъ. Пока ядъ дѣйствуетъ, человѣкъ переживаетъ нѣсколько различныхъ по своей силѣ впечатлѣній. Сначала мысли пріобрѣтаютъ необыкновенную быстроту, память не успѣваетъ уловить ихъ; затѣмъ появляются свѣтовыя галлюцинаціи и, наконецъ—сновидѣнія—чрезвычайно яркія, отчетливыя, живыя. Сновидѣнія длятся отъ четверти часа до двухъ часовъ. Затѣмъ замѣчается обратный ходъ всѣхъ ощущеній и, наконецъ, пробужденіе. Таково дѣйствіе опія; пріемы гашиша имѣютъ послѣдствія нѣсколько иныя; этотъ ядъ тоньше и безвреднѣе. Онъ доставляетъ человѣку по большей части только спокойное; отрадное состояніе, рисуя жизнь въ розовомъ свѣтѣ и выдвигая лишь положительные образы и видѣнія. Иллюзія сна при пріемахъ гашиша еще больше, чѣмъ при опіумѣ. Но чувство довольства жизнью при малѣйшемъ поводѣ можетъ смѣниться чувствомъ безпредѣльнаго страха: булавку можно принять за кинжалъ. (Нов. Вр.).

Палванъ Ахмадъ Тапылбаевъ.

сохнетъ земля, сарты собираются за городомъ и наслаждаются зрѣлищемъ борьбы мѣстныхъ силачей, причемъ побѣдители пользуются не только звуками одобренія, но и подарками денегъ и халатовъ со стороны богатыхъ людей. 23 іюня 1895 года въ Ташкентѣ мѣстный сартъ Ахмедъ-палванъ Тапылбаевъ, 28 лѣтъ, поборолъ находившагося въ заѣзжемъ циркѣ силача Риппеля, вызвалъ этимъ необыкновенный восторгъ единоплеменниковъ и собралъ отъ нихъ до 200 руб. денегъ и нѣсколько халатовъ.

Какъ земледѣльцы по преимуществу и торговцы, сарты трудолюбивы, миролюбивы и благодушны; но они впечатлительны и легко поддаются не только непосредственному личному чувству, но и вліянію дурныхъ людей; интересъ матеріальный или нравственный, корысть, зависть и личное раздраженіе легко приводятъ ихъ къ ссорамъ и даже убійствамъ[1]). Споры изъ-за воды для орошенія полей сопровождаются у сартовъ ожесточенными драками, а выборы должностныхъ лицъ—подкупами и большими интригами, иногда не прекращающимися и послѣ выборовъ. Лучшіе люди среди сартовъ не въ состояніи противодѣйствовать большинству и, кромѣ того, они сами остаются до и послѣ выборовъ въ непосредственной зависимости отъ народа и потому иногда сами страдаютъ отъ интригъ и доносовъ. Своею корыстностью сарты напоминаютъ евреевъ, которыхъ въ тоже время не любятъ. Сарты нисшаго класса отличаются докучливымъ попрошайничествомъ, хорошо извѣстнымъ русскимъ жителямъ города Ташкента въ формѣ: *„Тюря! силяу бир“*[1]).

---

[1]) Напримѣръ: 23 мая 1895 г. житель селенія Дувана (Ферган. обл.) Сарымсакъ Ибраимовъ, поссорившись съ жителемъ того-же селенія Турды-Ахуновымъ, нанесъ ему нѣсколько ранъ топоромъ. 26 мая того-же года житель сел. Чартакъ (Ферганск. обл.) Убайдулла Нарбутинъ убилъ жителя того-же селенія Мухаммадъ-Шарифа Хасанбаева за то, что Хасанбаевъ не позволилъ ему привязать лошадь къ дереву. (Туркест. Вѣдом. 1895 г. № 54).

[2]) Слѣдующій случай извѣстенъ мнѣ лично: однажды во время археологическихъ раскопокъ рабочій сартъ былъ сильно напуганъ обвалившеюся ему на ноги землей. Я опасался за его здоровье и предложилъ отвезти его для осмотра къ доктору, но ободрившійся послѣ испуга сартъ сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, тюря, къ доктору не нужно ѣхать, а лучше дай мнѣ «спляу»... Я удивился и далъ ему «спляу». Н. О.

Подъ вліяніемъ мусульманской религіи[1]), у сартовъ нерѣдко можно замѣтить сознаніе своего мусульманскаго достоинства предъ русскими но вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ же проявляется угодливость предъ вліятельными людьми, такъ что въ одномъ случаѣ сартъ важничаетъ и напускаетъ на себя величіе, а въ другихъ случаяхъ раболѣпствуетъ; напускная надутость сарта оч. легко переходитъ въ безотвѣтное смиреніе, если онъ увидитъ предъ собою внушительную силу. Сарты вообще трусливы, а рабочіе даже плаксивы: побитый работникъ плачетъ иногда въ голосъ подобно малому ребенку, какъ бы стараясь вызвать сочувствіе къ себѣ; но большею частію сарты молча переносятъ обиду, считая возраженія невыгодными для себя[2]).

Сарты отличаются достаточною живостью, но сдерживаютъ себя, сообразно общепринятымъ въ Туркестанѣ понятіямъ о благовоспитанности[3]). Внѣ этихъ условій, сартъ любитъ и умѣетъ пошутить, мѣтко указываетъ на выдающуюся сторону дѣла и тонко характеризуетъ занимающій его вниманіе предметъ, конечно, со стороны болѣе житейской.

Въ житейской практикѣ сарты являются очень ловкими, скоро приспособляются къ новымъ условіямъ и усваиваютъ практическія знанія[4]). Въ настоящее время почти всѣ ремесла извѣстны сартамъ, а нѣкоторыя находятся исключительно въ ихъ рукахъ.

---

[1]) Въ Коранѣ (гл. 3, ст. 106) говорится: «Вы (т. е. исповѣдники ислама) самый лучшій народъ изъ всѣхъ, какіе возникали среди людей».

[2]) При этомъ мнѣ невольно припоминается характерная сцена, какъ во время холерныхъ безпорядковъ въ Ташкентѣ въ іюнѣ 1892 г. военный губернаторъ области, генералъ-лейтенантъ Гродековъ, на базарѣ, при громадной толпѣ туземцевъ, порицалъ мѣстныхъ казіевъ и всенародно снялъ съ нихъ правительственные знаки ихъ служебнаго положенія. Это была сцена многознаменательная для обѣихъ сторонъ.

[3]) Правила благоповеденія сартовъ изложены въ особой брошюрѣ, извѣстной подъ заглавіемъ كتاب آداب الصّالحين т. е. книга о благоповеденіи людей благочестивыхъ, въ которой сартамъ даются подробныя наставленія, какъ нужно держать себя въ то или другое время. Этотъ интересный памятникъ переведенъ на русскій языкъ г. Лыкошинымъ и напечатанъ въ Сборникѣ Сыръ-Дарьинскаго Статистическаго Комитета, за 1894 годъ. (Ташкентъ, 1895).

[4]) Сартъ Юнусъ отлично ознакомился съ устройствомъ Ташкентской обсерваторіи и находящимися тамъ астрономическими инструментами.

Сарты являются единственными въ своемъ родѣ штукатурами и мастерами въ лѣпныхъ работахъ; лѣпныя работы выполняются ими необыкновенно тонко и изящно, что можетъ каждый видѣть на украшеніяхъ потолковъ и стѣнъ жилищъ богатыхъ сартовъ, мечетей и русскихъ церквей. Мастерство каменьщиковъ изучено ими вполнѣ; плотничныя работы усовершенствовались подъ вліяніемъ русскихъ мастеровъ, а столярныя и токарныя работы выполняются сартами еще неискусно. Это значитъ, что сарты не понимаютъ всѣхъ требованій хорошей работы; но не слѣдуетъ отрицать въ сартахъ способности и къ этимъ мастерствамъ, какъ о томъ можно судить по ихъ очень мелкой и красивой рѣзьбѣ не только по дереву, но и по металлу. Короче сказать: въ настоящее время въ Ташкентѣ остаются неизвѣстными сартамъ кровельное мастерство въ связи съ малярными работами и печное; тѣмъ не менѣе нужно ожидать, что со временемъ сарты заберутъ въ свои руки и эти мастерства и другія производства, и конкурировать съ ними русскимъ мастерамъ будетъ трудно, потому что рабочіе сарты менѣе проживаютъ на себя и не пьянствуютъ.

О способности сартовъ къ торговлѣ еще Арасланов замѣтилъ, что въ Ташкентѣ всѣ жители болѣе или менѣе торгуютъ, но „малымъ числомъ товаровъ, не свыше 1000 р.“, а теперь въ Ташкентѣ есть уже крупные торговцы, которые ведутъ свои дѣла осторожно, съ большею расчетливостью и выгодою; торговые обороты сартовъ постепенно расширяются и выгоды увеличиваются. Они постепенно расширяютъ свою торговлю, избѣгая пока галантереи. Это потому, что сарту удобнѣе вести свою торговлю въ предѣлахъ своей страны[1]), чѣмъ торговцу заѣзжему, и сартъ живетъ проще и расходуетъ на себя и на свою торговую контору гораздо меньше: тамъ, гдѣ русскій купецъ или цѣлая торговая фирма расходуетъ на одну администрацію (при милліонномъ оборотѣ) до *двухъ сотъ тысячъ рублей*, сартъ расходуетъ *только двадцать-тридцать-пятьдесятъ тысячъ*.

---

[1]) Вся милліонная торговля со степью находится въ рукахъ богатыхъ татаръ Яушевыхъ и др.

Санитарныя условія городовъ и селеній сартовъ, при своеобразномъ характерѣ ихъ построекъ, нельзя назвать вполнѣ благопріятными для здоровья: постройки ихъ возводятся часто въ непосредственной близости одна къ другой, а улицы въ городахъ и селеніяхъ до такой степени узки и искривлены, что по нимъ невозможно свободное движеніе воздуха. О мостовыхъ въ сартскихъ городахъ, а равно о вывозѣ грязи съ улицъ до послѣдняго времени не могло быть и рѣчи; навозъ кучами лежалъ на дворахъ и улицахъ; обычай вывозить изъ города разныя другія нечистоты былъ неизвѣстенъ сартамъ[1]). Отсутствіе чистой воды для питья, лужи и груды вонючей грязи осенью и весною и загрязненные пруды способствуютъ распространенію эпидемій среди населенія. Близость клеверныхъ и рисовыхъ полей къ селеніямъ и городамъ сартовъ въ свою очередь поддерживаетъ среди населенія изнурительныя лихорадки, какъ объ этомъ можно судить по отчетамъ амбулаторныхъ лѣчебницъ: въ ташкентскомъ уѣздѣ (селенія: Той-тиня, Тиляу и др.) уже третій годъ свирѣпствуетъ такая лихорадка, убивающая жизнь иногда въ два-три дня.

Что касается народной медицины сартовъ, то сартскіе врачи удачно лѣчатъ нѣкоторыя, преимущественно наружныя, болѣзни. Къ сожалѣнію, медицинскія познанія ихъ не основаны на современной наукѣ, а съ русскими врачами туземные врачи совсѣмъ не сближаются. Изъ особыхъ, распространенныхъ среди сартскаго населенія гор. Ташкента, болѣзней извѣстны: такъ называемая *сартская болѣзнь (паша хурда)* и проказа *(махау)*. Сартская болѣзнь встрѣчается иногда и у русскихъ жителей Ташкента, но излѣчивается туземными и русскими врачами, хотя оставляетъ послѣ себя шрамы на кожѣ, особенно если къ лѣченію было приступлено поздно или неумѣло. Заболѣвшіе сартскою

---

[1]) Большая часть огромнаго Ташкента расположена вблизи выгребныхъ ямъ и клоакъ, частію открытыхъ еще, и только здѣшній лёссъ нѣсколько ослабляетъ зловоніе и поддерживаетъ хоть сколько-нибудь сносное существованіе; каждое столѣтіе весьма значительно заражало почву Ташкента и оставляло каждому послѣдующему вѣку все худшія санитарныя условія для человѣческаго существованія.

болѣзнію продолжаютъ оставаться въ своемъ обществѣ, хотя эта болѣзнь считается прилипчивой. Прокаженные-же, эти истинно несчастные люди, помимо своихъ физическихъ страданій, осуждены на гораздо болѣе тяжкое положеніе; они обязательно удаляются изъ общества здоровыхъ и поселяются въ особомъ огороженномъ мѣстѣ за городомъ (верстахъ въ восьми, не далеко отъ завода купца Тезикова) и тамъ доживаютъ свой страдальческій вѣкъ, пропитываясь подаяніями[1]). Въ другихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края среди сартовъ извѣстны двѣ формы заболѣванія: *зобъ* въ Ферганской и *ришта* въ Самаркандской области. Та и другая болѣзнь находятся въ прямой зависимости отъ воды.

Наконецъ, отношенія сартовъ къ сосѣднимъ народамъ въ ханскія времена рѣдко сохранялись мирныя, дружескія. Недостатки ханскаго управленія, произволъ правителей и настойчивое преслѣдованіе ими своекорыстныхъ цѣлей вызывали у сосѣднихъ народовъ раздоры и ссоры, доходившіе до открытыхъ войнъ, ослаблявшихъ и безъ того некрѣпкій общественный организмъ сартскихъ поселеній. Въ-концѣ-концовъ всѣ эти неустройства приводили сартовъ къ легкому порабощенію со стороны другихъ народовъ, а чужеземное иго оставляло, конечно, слѣды на характерѣ сартовъ, измѣняя его въ хорошую и дурную сторону. Лицемѣріе, притворство, хитрость и корыстность, безъ сомнѣнія, развились у сартовъ подъ вліяніемъ дурнаго правленія завоевателей. Г. Миддендорфъ не указываетъ, на долю какихъ первоначальныхъ элементовъ смѣси нужно относить названные сейчасъ и другіе пороки сартовъ, т. е. на долю тюрко-монголовъ, или на долю иранцевъ. И я думаю, что было бы трудно рѣшить это, потому что, какъ замѣчаетъ Оскаръ Пешель[2]) „мы пошли бы ложными путями, еслибы захотѣли объяснить всѣ духовныя проявленія народовъ основными физическими условіями“. Конечно, и эти проявленія подчиняются закону естественнаго развитія (эво-

---

[1]) См. ст. И. В. Дмитровскаго: «Махау» (Туркест. Вѣдом. 1881 г. №№ 6 и 7).
[2]) Народовѣдѣніе. Выпускъ третій, стр. 322.

люція) и суть ничто иное, какъ необходимый результатъ цѣлаго ряда причинъ. Къ такимъ причинамъ принадлежатъ, конечно, и историческія условія жизни народовъ. „Это—старая истина, говоритъ въ этомъ смыслѣ Дельбрюкъ, что каждый человѣкъ, соотвѣтственно опыту своей жизни, научается находить, или терять своего Бога“.

Заканчивая общую характеристику сартовъ, я позволяю себѣ остановиться на приведенной выше (стр. 56—58 характеристикѣ ферганскихъ сартовъ, сдѣланной г. Миддендорфомъ, которая кажется мнѣ нѣсколько одностороннею.

Животныхъ, птицъ и цвѣты сарты дѣйствительно любятъ, какъ упоминаетъ г. Миддендорфъ, но рядомъ съ проявленіемъ нѣжныхъ чувствъ къ животнытъ и птицамъ у сартовъ не мало и грубости въ чувствахъ, что естественно въ каждомъ народѣ, не отличающемся широкимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Г. Миддендорфъ не обратилъ вниманія своего на то, что сарты часто являются не просто любителями животныхъ и птицъ, но любителями-интересанами. Куропатки и перепелки—боевыя птицы у сартовъ; поэтому хозяинъ птицъ такъ заботливо ухаживаетъ за ними, а ласточки и голуби почитаются у сартовъ чуть ли не священными птицами, согласно древнимъ преданіямъ. Можно видѣть, что сартъ носитъ перепела за пазухой, а другой ухаживаетъ за своей куропаткой и т. п., но заключать отсюда объ особенной нѣжности чувствъ сартовъ къ птицамъ и животнымъ едвали послѣдовательно. Что удивительнаго въ томъ, что сартъ терпѣливо и любовно сноситъ ласточку, которая непрошенно устраиваетъ свое гнѣздо въ его домѣ, загрязняя его жилище? Что особеннаго въ томъ, что сартъ щадитъ голубя-воркуна, который ютится въ жилыхъ помѣщеніяхъ сарта?—Кто же станетъ обижать этихъ безобидныхъ птичекъ, которыя оживляютъ своимъ щебетаніемъ и воркованьемъ унылыя жилища особенно бѣдняковъ, и которыя сами добываютъ себѣ кормъ? Такое явленіе вовсе не составляетъ рѣдкости во всякихъ поселеніяхъ, не только въ сартскихъ, но и русскихъ. А между тѣмъ г. Миддендорфъ заявилъ,

что ему пріятно было видѣть это у ферганскикъ сартовъ и прибавилъ: „вѣдь въ Европѣ совсѣмъ не то!“ Можетъ быть; но у поселянъ, живущихъ въ Европейской Россіи, въ любомъ дворѣ, подъ крышею домовъ, амбаровъ, сараевъ, надъ воротами, надъ окнами и даже въ печныхъ трубахъ всегда вьютъ гнѣзда голуби, воробьи, галки. Перепела русскій крестьянинъ часто весьма заботливо держитъ въ особой клѣткѣ, которую прикрѣпляетъ къ высокому шесту. Эту клѣтку онъ долженъ ежедневно спускать и подымать, чтобы вычистить ее и дать кормъ любимой птичкѣ. Здѣсь уже дѣйствительно проявляется безкорыстная любовь къ перепелу: хозяинъ восторгается, когда его перепелъ отчеканиваетъ на всю деревню свои однообразныя, не лучше удода, трели. Когда наступаетъ весна, каждый русскій поселянинъ приготовляетъ деревянный домикъ, скворешню, для прилетающихъ скворцовъ, привязываетъ ее къ длинному шесту и ставитъ на дворѣ такъ, чтобы она была недоступна для домашней кошки. Къ скворешнѣ прикрѣпляется зелеая вѣтка сосны, а если у крестьянина есть свободный пятачекъ, то онъ не поскупится купить на базарѣ кусочекъ синьки или сурика и собственнымъ пальцемъ выкраситъ домикъ для своихъ пернатыхъ весеннихъ гостей. Когда скворцы улетятъ въ поле, русскій крестьянинъ не мѣшаетъ гнѣздиться въ ихъ домикѣ и воробьямъ. Посмотрѣлъ бы г. Миддендорфъ, какъ безкорыстно разводитъ русскій поселянинъ бѣлыхъ и пестрыхъ мохроногихъ съ хохлами голубей и какъ терпѣливо ухаживаетъ за ними, перенося ихъ на продолжительную дождливую осень и суровую зиму въ свою убогую хату, которая и безъ того тѣсна и часто смрадна, вслѣдствіе той же тѣсноты и бѣдности хозяина. И ласточекъ въ русскихъ деревняхъ также никто не безпокоитъ, а напротивъ всѣ ихъ оберегаютъ отъ кошки.

Думаю, что и приведенныхъ немногихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы не придавать особаго значенія только терпѣливому отношенію сартовъ къ голубямъ и ласточкамъ, какъ не придаютъ особаго значенія любви русскаго крестьянина къ скворцамъ, голубямъ и другимъ птицамъ, у котораго еще больше

прозы въ ежедневныхъ заботахъ и трудахъ, чѣмъ у сарта. Цвѣтовъ русскіе поселяне мало разводятъ, потому что климатъ холодный, а воды нѣтъ; но я знаю, что каждая деревенская женщина съ удовольствіемъ всегда, когда это возможно, приноситъ съ поля даже простой василекъ своимъ дѣтямъ. Тутъ все дѣло—въ особенностяхъ климата, а не въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи и не въ особенной нѣжности чувствъ къ животнымъ и птицамъ. И русскій крестьянинъ грубо иногда обращается съ домашними животными; и сартъ также грубо обращается съ ними. И еще вопросъ, гдѣ больше грубости, если взвѣсить хорошенько всѣ условія быта русскаго крестьянина и сарта.

Сартъ носитъ свою перепелку въ пазухѣ или въ рукавѣ и готовъ заплакать, когда она случайно выпорхнетъ у него изъ рукъ (это я наблюдалъ своими глазами); но бѣдныхъ курятъ и цыплятъ сартъ привозитъ на базаръ въ жалкомъ видѣ и кромѣ того на базарѣ, какъ бы долго ни пришлось ему продавать своихъ птицъ, онъ держитъ ихъ безъ корма и питья. Нужно видѣть также, какъ привозитъ сартъ куръ и цыплятъ на базаръ.... Онъ связываетъ имъ ноги и затѣмъ подвязываетъ (иногда штукъ 10—20) къ сѣдлу за ноги, головой внизъ.... Такъ куры и болтаются на бокахъ у лошади, съ распущенными крыльями, даже и не кричатъ.... Въ мѣстной туземной газетѣ было обращено вниманіе на это еще въ 1888 г. (№ 32), и съ того времени, по крайней мѣрѣ, на дворы къ русскимъ цыплятъ приносятъ въ корзинѣ.

Посмотрите также, какой грубый кормъ даетъ сартъ своему рогатому скоту зимой? Коровы у него всегда питаются объѣдками клевера, остающимся отъ лошади. Поэтому на базарѣ весною вы встрѣтите самыхъ жалкихъ на видъ коровъ. Къ лошади сартъ относится лучше, но и къ этому доброму животному сарты часто относятся безсердечно: въ базарные дни вы всегда можете встрѣтить сартовъ, сидящихъ вдвоемъ верхомъ на лошади и понукающихъ бѣдное животное еще бѣжать рысью. Я не одинъ разъ видѣлъ даже трехъ сѣдоковъ на одной лошади... Вьюкъ на лошадь сартъ часто кладетъ тяжелый—цѣлый батманъ ячменя (11 пуд.),

или пшеницы, или муки, да еще самъ сидитъ на этомъ тяжеломъ вьюкѣ. Заднія ноги лошади подъ такою тяжестью шатаются въ обѣ стороны и бабки сильно сгибаются въ суставахъ. Ѣзда на молодыхъ жеребятахъ практикуется не только у киргизъ, но и у сартовъ, а между тѣмъ сартъ—большой охотникъ до лошадей. Вощикъ (арбакешъ) нерѣдко бьетъ нагайкой по головѣ свою лошадь, когда она затрудняется везти тяжелый возъ. Это особенно часто бываетъ въ началѣ весны и осенью, когда дорога дѣлается вязкою отъ грязи. Я видѣлъ, какъ разсердившійся на свою лошадь вощикъ-сартъ билъ ее сначала плетью по головѣ, а затѣмъ взялъ палку, толщиною въ руку, и безжалостно ударялъ ею лошадь по заду и по бокамъ. Можетъ быть, и г. Миддендорфъ увидѣлъ бы образцы такого ненѣжнаго обращенія съ лошадью, если бы прожилъ въ Ферганѣ подольше.

Всѣ эти факты дѣйствительные, хотя, конечно, не общіе. Во всякомъ случаѣ этнографъ долженъ имѣть въ виду и ихъ, чтобы быть правдивымъ и не дѣлать поспѣшныхъ и невѣрныхъ характеристикъ. Можно обращать вниманіе на то, что сартъ терпитъ ласточку, загрязняющую его жилище, или голубя-воркуна; но нельзя умолчать при этомъ о другихъ, иного рода, фактахъ. По видимому, сарты даже не особенно стѣсняются загрязненіемъ жилища своего пометомъ маленькой ласточки: въ новой Ташкентской мечети „Ходжа-Ахраръ“ уже не маленькія птички ласточки, а обыкновенные голуби спокойно выбрасываютъ свой пометъ на люстру и на плетенки, лежащія на полу. И я не думаю объяснять эту нечистоту въ домѣ молитвы особою нѣжностію сартовъ къ голубямъ: это просто—неряшливость, не имѣющая въ этомъ случаѣ извиненія. Точно также едва ли можно безошибочно утверждать о поэтической натурѣ сартовъ на основаніи того только, что они любятъ пѣніе и цвѣты; разведеніе цвѣтовъ вызывается у сартовъ обычаемъ ихъ женщинъ красить себѣ брови, ногти на рукахъ и зубы. Замѣчательно при этомъ, что сарты высшаго круга не проявляютъ въ себѣ особой нѣжности ни къ птицамъ, ни къ цвѣтамъ, а чистоту у себя въ домѣ наблюдаютъ.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ характера сартовъ, они отличаются религіозностію[1]), честностію, трезвостію и умѣренностію въ жизни. Религіозность составляетъ основную черту ихъ воспитанія и поддерживается широко распространеннымъ среди населенія начальнымъ образованіемъ, отличающимся религіозно-нравственнымъ направленіемъ, а честность, трезвость и умѣренность составляютъ естественныя черты ихъ патріархальнаго быта. Всѣ эти качества весьма важны по ихъ благотворному вліянію не только на жизнь современнаго сартскаго населенія, но и на жизнь будущихъ поколѣній.

Религіозный индеферентизмъ и скептицизмъ пока не извѣстны сартамъ настоящаго времени и не отравляютъ ихъ душевнаго спокойствія[2]). Выраженіе: „Такъ Богу угодно“ на языкѣ сарта, какъ мусульманина, не есть пустой звукъ: подъ вліяніемъ преданности волѣ Божіей (исламъ), сартъ терпѣливо переноситъ личное несчастіе и общественное бѣдствіе. На Куйлюкѣ, въ пріемномъ покоѣ, въ 1878 году, я видѣлъ сарта съ распоротымъ животомъ.... Онъ тяжело вздыхалъ и при этомъ тихо произносилъ: „Эй Худа!“. (О, Боже). Я наблюдалъ также, что во время землетрясенія сарты спокойно оставались на мѣстѣ, а потомъ говорили: „отъ опредѣлѣнія Божія никто не можетъ укрыться“.

Оставляя въ сторонѣ замѣчаемую иногда грубость въ обращеніи съ русскими покупателями со стороны торговцевъ Воскресенскаго базара[3]), я долженъ сказать, что среди сартовъ вообще были и есть личности, вполнѣ достойныя уваженія по своему умственному и нравственному складу, и только сожалѣю, что ихъ

---

1) Одинъ почетный (ученый) сартъ однажды задалъ мнѣ вопросъ: «Признаютъ ли русскіе и вообще европейцы существованіе дьявола?» —Я показалъ ему арабскій переводъ Библіи и далъ прочитать разсказъ о грѣхопаденіи прародителей,—и сартъ замолчалъ. Этотъ вопросъ показываетъ, что сарты замѣчаютъ нашу, чиновничью, холодность къ религіи.... Въ другой разъ тотъ же ученый сартъ, услышавъ, что я въ воскресенье хожу къ обѣднѣ, съ улыбкой недовѣрія сказалъ, что рѣдко слышитъ отъ русскихъ чиновниковъ, чтобы они считали необходимымъ ходить въ церковь по праздникамъ. Н. О.

2) Исключенія въ этомъ отношеніи пока ничтожны. Ср. стр. 97.

3) Нѣсколько такихъ фактовъ было заявлено въ газетѣ «Окраина».

добрый примѣръ и доброе вліяніе не широко распространяются въ массѣ населенія, а иногда парализуются вліяніемъ личныхъ недоброжелателей этихъ лицъ[1]). Во всякомъ случаѣ мы, русскіе, должны помнить слѣдующіе стихи Лессинга:

«Нѣтъ; по-просту, какъ мы, людей хорошихъ
«Во всѣхъ странахъ вы встрѣтите не мало.
«Но только надо, чтобы одинъ другого
«Не порицалъ,—чтобъ терпѣливо наросль
«Корявый сукъ сносила,—чтобъ верхушка
«Не вздумала гордиться, что она
«Одна изъ-подъ земли не выростала.

Натанъ Мудрый (Дѣйст. II. Явл. пятое).

Словомъ: сарты—народъ съ будущимъ; ихъ культурныя способности не должны подлежать сомнѣнію. Не должно также сомнѣваться, что и дурныя, несимпатичныя черты ихъ народнаго характера современемъ сгладятся и измѣнятся къ лучшему подъ русскимъ вліяніемъ, ибо несомнѣнно, что со времени завоеванія Туркестана русскими въ жизни сартовъ наступилъ новый, лучшій періодъ. Уже и въ настоящее время лучшіе люди изъ сартовъ не отрицаютъ въ общемъ превосходства русской культуры надъ сартской; но на насъ, завоевателяхъ сартовъ, лежитъ высокая историческая задача—подчинить себѣ ихъ нравственно послѣ покоренія оружіемъ и облагородить. Средствъ къ этому у насъ достаточно, лишь бы сарты не чуждались лучшихъ сторонъ русской жизни и самой лучшей стороны общечеловѣческой культуры—*просвѣщенія*. Что же касается видимыхъ противорѣчій и неровностей въ характерѣ современныхъ сартовъ, то мы должны имѣть

---

[1]) Однажды, напримѣръ, казій Мухитдинъ-ходжа за завтракомъ у Генералъ-Губернатора Генералъ-Адъютанта Розенбаха высказалъ, что онъ посѣщаетъ гимназію и считаетъ гимназическіе порядки выше порядковъ мусульманскихъ школъ.... Личный завистникъ его, казій N, присутствовавшій тутъ-же, разсказывалъ потомъ въ городѣ, что Мухитдинъ—измѣнникъ, что онъ, въ присутствіи всѣхъ другихъ представителей Ташкента, заявилъ, что мусульманскія школы хуже русскихъ,—онъ предатель ислама.... А между тѣмъ Мухитдинъ казій не менѣе другихъ стоитъ за исламъ и боится за цѣлость его древнихъ формъ подъ напоромъ русскаго вліянія. Н. О.

въ виду, что современные сарты могутъ быть сравниваемы съ нашими предками временъ Іоанна Грознаго, и что поэтому къ сартамъ можетъ быть примѣненъ отзывъ нашего историка С. М. Соловьева: „Мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые, по степени образованія своего, болѣе приближаются къ предкамъ“ [1]).

Уголовныя преступленія сартовъ Туркестанскаго края въ 1894 году [2]).

Чтобы нагляднѣе представить слабыя стороны характера сартовъ, я привожу здѣсь краткій перечень убійствъ, самоубійствъ и изнасилованій за 1894 годъ, какъ объ этомъ напечатано въ разныхъ №№ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1894—95 гг., за исключеніемъ кражъ и мошенничествъ.

Убійства.

1) 6 января 1894 г. близъ сел. Кули-Ходжа, Бабадарханской волости, Наманганскаго уѣзда, найденъ трупъ мѣстнаго жителя Уразбая Достова съ признаками насильственной смерти.

2) 10 января въ Н.-Маргеланѣ туземецъ Алимъ-бай, поссорившись съ сартянкою Райна-ханъ Раимъ-бердыевой, нанесъ

---

[1]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Соловьева. Томъ шестой. Изданіе третье. Москва, 1867, стр. 390.

[2]) Съ благодарностью упоминаю, что выборку печатаемыхъ преступленій сартовъ сдѣлалъ для меня мой сослуживецъ К. К. Кондратьевъ. Н. О.

ей ножемъ нѣсколько ранъ отъ которыхъ она вскорѣ умерла.

3) Въ ночь на 16 января житель Стар.-Маргелана Таляй-Алды Тулекъ-Суфіевъ, придя въ домъ сартянки Айханъ Тогаевой, впалъ, по ея словамъ, въ безсознательное состояніе и на другой день умеръ. Судебно-медицинскимъ осмотромъ на трупѣ обнаружены признаки насилія. (№ 22 Турк. Вѣд. 1894 г.).

4) 21 января около селенія Пайшамбе, Катта-Курганскаго уѣзда, въ арыкѣ Кушкулакъ найденъ *задушеннымъ* житель названнаго селенія Абдусалимъ Хасановъ.

5) Житель кишл. Газандаракъ, Ганчинской волости, Ходжентскаго уѣзда, Баратбай Якуббаевъ, зарѣзалъ свою бабушку Халь-биби Мухаммадъ-Шарифову.

6) 19 января въ саду жителя селенія Ляганъ, Аувальской волости, Маргеланскаго уѣзда, Юсуфъ-Али Мирзабаева, найденъ трупъ жителя того-же селенія Ташъ-Хасана Масалихова съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 26).

7) Въ кишлакѣ Богустанѣ, Александровской волости, Ташкентскаго уѣзда, зарѣзанъ сартъ того-же кишлака Хазы-Руза-Мухаммадовъ. Подозрѣніе въ убійствѣ навлекъ на себя сартъ Камаль Таировъ. Причины убійства не выяснены, но предполагалось, что Таировъ находится въ любовной связи съ женой убитаго, женщиной 18—19 лѣтъ. (Тамъ-же, № 32).

8) Житель г. Джизака, Джура Гадайбаевъ найденъ 2-го февраля въ шести верстахъ отъ Джизака съ разрѣзаннымъ горломъ. (Тамъ-же, № 34).

9) 9 февраля живущій на ярмаркѣ г. Ташкента кашгарскій сартъ Мухаммадъ-Юсуфъ Курбанъ-Ніязовъ приготовилъ себѣ палау и началъ уже ѣсть, но замѣтилъ въ немъ примѣсь „наши“ (одуряющаго вещества). Въ примѣси „наши“ заподозрѣнъ кокандскій сартъ Миръ-Саидъ Ширифбаевъ, который имѣлъ, будтобы, намѣреніе воспользоваться деньгами Ніязова. У заподозрѣннаго была найдена наша, и онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности.

10) 14 февраля изъ арыка Анхаръ въ г. Ташкентѣ вытащенъ трупъ сарта Шайхантаурской части Юлдаша Туйчи-

Касабова, нѣсколько времени тому назадъ скрывшагося изъ дома. Раньше онъ имѣлъ ссору съ однимъ сартомъ, а потому и пало на послѣдняго подозрѣніе въ убійствѣ. (Тамъ-же, № 38).

11) 17 марта житель Катта-ташъ-булака, Янги-курганской волости, Наманганскаго уѣзда, Мурадъ-Али Фазыль-баевъ нанесъ ударъ палкою по головѣ жителю того-же селенія Усману-Али Ибрагимъ-баеву, отъ чего послѣдній умеръ.

12) 19 марта въ кварталѣ Бекъ-бача гор. Коканда, въ собственномъ домѣ, найдены задушенными туземецъ Ширматъ Ніязматъ-баевъ и его жена Саматъ-биби.

13) 29 марта житель селенія Буяганъ, Уйчинской волости, Наманганскаго уѣзда, Тохта-ходжа Утуръ-ходжіевъ убилъ свою сосѣдку Рустамъ-биби, 33 лѣтъ, топорикомъ по головѣ.

14) 31 марта житель селенія Учъ-Кургана, Маргеланскаго уѣзда, Миръ-Мухаммадъ Миръ-Абидъ-Ишановъ, поссорясь съ женой и тещей, нечаянно нанесъ ударъ сосѣдкѣ своей Хамра-биби, ночевавшей у нихъ въ домѣ. Хамра-биби умерла. (Тамъ-же, № 29).

15) 28 марта въ кишлакѣ Гуръ-тюбе, Зааминской волости, Джизакскаго уѣзда, убита неизвѣстно кѣмъ жена туземца Халь-Турбая Пиримкулова, по имени Ай-Санымъ.

16) 28 марта жительница селенія Бахрамъ, Клычъ-абадской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Разыя-ай Худаярова найдена убитою. (Тамъ-же, № 40).

17) 31 марта въ Катта-Курганской городской больницѣ умерла отъ тяжкихъ побоевъ и пораненій жительница селенія Сартъ-курганъ, Тусунской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Маулянъ-ай Уразова. Въ совершеніи преступленія оговорены жители селенія Курлы того-же уѣзда, Хашимбековъ, Казаковъ и Алимбековъ.

18) 31 марта жительница Каль-Кургансиой волости, селенія Пастъ-рабатъ, Катта-Курганскаго уѣзда, Бадаль-ай Сахибова умерла отъ тяжкихъ побоевъ, нанесенныхъ ей жителемъ селенія Ишакъ-рабатъ того-же уѣзда, Берды-Назаромъ Худай-Бердыевымъ за допущеніе коровы на его пашню.

19) Во время драки жителей Яны-казанъ-арыкской вол., кишлака Узунъ, Самаркандскаго уѣзда, съ жителями той-же волости, кишлака Уракбай-Джари убитъ туземецъ Бердыяръ Туракуловъ. (Тамъ-же, № 42).

20) Въ ночь на 4 апрѣля неизвѣстными злоумышленниками убитъ житель селенія Ворсикъ, Язаванской волости, Маргеланскаго уѣзда, Мирза-Хакимъ Юсуфъ-Ходжинъ.

21) Въ ночь на 4 апрѣля близъ селенія Канибадама, Кокандскаго уѣзда, неизвѣстные злоумышленники напали на домъ туземца Абду-Халыка Тилибаева, убили хозяина и увели двухъ коровъ.

22) 5 апрѣля у городской стѣны г. Коканда обнаруженъ трупъ жителя того же города Гаиббая Авазъ-Мухаммадова съ признаками насильственной смерти.

23) Въ ночь на 5 апрѣля житель г. Намангана Мухаммадъ-ходжа, находившійся на полевыхъ работахъ въ Уйчинской волости, Наманганскаго уѣзда, зарѣзанъ неизвѣстными злоумышленниками.

24) 6 апрѣля житель селенія Касана, Касанской волости, Наманганскаго уѣзда, Мухаммадъ-Наби Ашуръ-Мухамматовъ нанесъ своей женѣ Самра-биби палкою побои, отъ которыхъ она и умерла. (Тамъ-же, № 45).

25) Въ ночь на 14 апрѣля въ туземной части г. Самарканда убитъ неизвѣстными злоумышленниками туземецъ Маулянъ-берды Игамбердіевъ.

26) 18 апрѣля въ селеніи Чинъ-абадъ, Балыкчинской волости, Андижанскаго уѣзда, умеръ сартъ Юлдашъ-бекъ Наръ-бековъ. Вскрытіемъ обнаружено, что онъ убитъ нанесеніемъ ударовъ въ голову, причемъ у него разбитъ черепъ. Въ убійствѣ заподозрѣны туземцы Мухаммадъ-Али и Берды-Яръ.

27) 19 апрѣля близъ селенія Бишъ-Тинтякъ, Кайнарской волости, Самаркандскаго уѣзда, найденъ трупъ жителя того-же селенія Пулатъ-бая Ма-Назарова съ признаками насильственной смерти. Дознаніемъ обнаружено, что покойный убитъ братомъ

его, страдающимъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

28) 21 апрѣля житель кишлака Дуваракъ, Дагбитской волости, Самаркандскаго уѣзда, Абдужаббаръ Мустафакуловъ убитъ въ собственномъ домѣ.

29) 22 апрѣля на рисовомъ полѣ вблизи кишлака Алчинъ-Тепе, Джай-Диванской волости, Самаркандскаго уѣзда, найденъ трупъ жителя названнаго кишлака Даурбая Бикшатова, съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 49).

30) 10 мая въ селеніи Типя-Курганъ, Наманганскаго уѣзда, неизвѣстный злоумышленникъ, забравшись въ домъ мѣстной жительницы Буви-джанъ Худай-бердыевой, нанесъ ей ножемъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ она вскорѣ умерла.

31) Въ ночь на 11 мая въ домъ жителя г. Намангана, Исмаилъ Мухаммадъ-сеидова забрались два неизвѣстныхъ злоумышленника и нанесли Мухаммадъ-сеидову раны, отъ которыхъ онъ умеръ въ тотъ-же день. (Тамъ-же, № 50).

32) 16 мая убитъ житель г. Оша Каль-Бадаль Батыръ-Ильбегинъ, а женѣ его Ходжи-биби нанесена въ голову тяжелая рана.

33) 21 мая близъ селенія Акъ-Курганъ, Найманской волости, Кокандскаго уѣзда, убитъ житель селенія Типя-Курганъ Абдулла-Мухаммадъ Сабировъ. Въ убійствѣ заподозрѣянъ туземецъ Ирамбай Калевъ.

34) 23 мая житель Кокандскаго уѣзда, Уразъ-бай Асфандіаровъ, поссорившись съ киргизомъ Неуръ-Дивана Бай-балаевымъ, убилъ послѣдняго.

35) 26 мая житель селенія Сарыталъ, Бишъ-арыкской волости, Кокандскаго уѣзда, Тюря-ходжа Умаръ-ходжіевъ въ припадкѣ умопомѣшательства убилъ свою сестру Шаларъ-биби.

36) 28 мая въ Касанской волости, Наманганскаго уѣзда, на берегу Китай-сая найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка съ перерѣзаннымъ горломъ.

37) 28 мая въ домѣ жителя г. Коканда Мирза-Камиля Мирза-Салибаева .задушенъ веревкою работникъ его, 14-лѣтній

мальчикъ Баба-джанъ Джума-юзбаши. (Можно предположить мужеложство).

38) 30 мая въ г. Ошѣ убиты мѣстный житель Балтабай Бай-ходжинъ и жена его. Въ убійствѣ обвиняются жители гор. Оша: Ата-баба Ишанъ-баевъ, Касымъ-Уста Мухаммадъ-Ризаевъ, Насыръ-Мирза Алимбаевъ и Сеитъ Балтыбаевъ. (Тамъ-же, № 54).

39) 31 мая въ сел. Шаруханъ, Маргеланскаго уѣзда, на берегу рѣки найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка безъ головы.

40) 1 іюня, около селенія Агакчи, Каль-Курганской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, найденъ убитымъ персидскій подданный житель г. Мешеда, Риза-баба.

41) Въ ночь на 5 іюня, въ туземной части г. Самарканда, убитъ полицейскій Джурабай Араббаевъ туземцемъ Кузыбаемъ Джурабай-Аксакаловымъ. (Тамъ-же, № 51).

42) Житель селенія Юзгамъ, Пайшамбинской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Базарбай Намазовъ, 4 іюля, избилъ свою жену Акта-ай Назаркулову, отъ чего она 7 іюля умерла.

43) Въ ночь съ 8 на 9 іюля, въ туземной части г. Самарканда убитъ неизвѣстными злоумышленниками туземецъ Уста Хакимъ-джанъ Шарифджановъ.

44) Неизвѣстными злоумышленниками убита жительница селенія Ургутъ, Ургутской волости, Самаркандскаго уѣзда, Шаимъ-Барсукова и тяжело раненъ туземецъ Заитдинъ Раджабовъ. (Тамъ-же, № 58).

45) На берегу арыка Бургалюкъ, близъ селенія Кондузекъ, Османутинской волости, Ташкентскаго уѣзда, найдено мертвое тѣло жителя селенія Каракуйлы, Букинской волости, того-же уѣзда, Назара Сафурова, съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 64).

46) 20 іюля, вечеромъ, жители кишлака Кульданъ, Тюятартарской волости, Самаркандскаго уѣзда, Аликулъ Халметовъ и Каримбекъ Хайназаровъ, проходя по арыку Кульджанъ, замѣтили идущимъ по дорогѣ какого-то неизвѣстнаго туземца, подозрительнаго на видъ и задержали его. Послѣдній, въ моментъ

задержанія, нанесъ ножемъ Алимкулу Хальметову раны, отъ которыхъ онъ черезъ три часа умеръ. (Тамъ-же, № 65).

47) 26 іюля, житель Кабутской волости, села Назыръ-кишлакъ, Самаркандскаго уѣзда, Бахрамъ-Артыковъ, поссорившись съ односельцемъ Измаиловымъ изъ-за курицы, нанесъ ему раны ножемъ, отъ которыхъ послѣдній на другой день умеръ. (Тамъ-же, № 67).

48) Въ Дюрткульской волости, Аму-Дарьинскаго отдѣла, найденъ полузарытымъ въ землѣ трупъ жены туземца Мухаммадъ-Ніаза Мухаммадова, по имени Курбанъ-бике, съ признаками насильственной смерти (голова разсѣчена топоромъ). Мужъ убитой по подозрѣнію въ убійствѣ арестованъ. (Тамъ-же, № 69).

49) 20 іюля между селеніями Чулдакъ-Чиль и Махрамъ, Кайнарской волости, Кокандскаго уѣзда, близъ дороги найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка съ признаками насильственной смерти. (Тамъ-же, № 70).

50) На мѣстности Тасъ-Акыръ, Ботомойнакъ-Акмолинской волости, Ауліеатинскаго уѣзда, найденъ трупъ неизвѣстнаго убитаго туземца. (Тамъ-же, № 75).

51) Въ селеніи Кереучи, Хурданской вол., того-же, уѣзда, найденъ трупъ неизвѣстнаго туземца съ перерѣзаннымъ горломъ.

52) Въ ночь на 5 августа въ селеніи Пучучай, Найманской волости, Кокандскаго уѣзда, убитъ въ своемъ домѣ туземецъ Мулла Гаибъ-Назаръ Хусанбековъ. Произведеннымъ дознаніемъ цѣль и виновные въ убійствѣ не обнаружены.

53) 5 августа житель селенія Давы, Наманганскаго уѣзда, Мухаммадъ-Юсуфъ Кары-Мулла-Назаровъ убилъ служившаго у него работника, жителя города Чуста, Асымъ-хана Атагамова.

54) 7 августа въ Саруйской волости, Наманганскаго уѣзда, въ рѣкѣ Янгакъ-саѣ найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка безъ головы, одной руки и ноги.

55) 9 августа въ селеніи Арабъ-типя, Алты-арыкской волости, Маргеланскаго уѣзда, убитъ туземецъ Мухаммадъ Абдуррахмановъ.

56) Житель кишлака Чаршамбе, Ходжа-Ахрарской волости, Самаркандскаго уѣзда, Ашурбаевъ, отправившійся 12 августа въ Шахризябсъ для покупки барановъ, найденъ убитымъ въ кишлакѣ Ахалыкъ, Чашмаабской волости, того-же уѣзда.

57) 20 августа жена жителя селенія Чирикъ-Джида, Кокандскаго уѣзда, Рузымата Субханкулова, Тухваниса умерла отъ отравленія. Произведеннымъ дознаніемъ обвиненіе въ отравленіи Тухванисы пало на вторую жену Рузымата—Зауру-биби. (Тамъ-же, № 80).

58) 24 августа житель кишлака Гусъ, Ургутской волости, Самаркандскаго уѣзда, Кури-Салямъ Артуковъ убилъ жителя того-же кишлака, Хешъ-Газара Рахматъ-бердіева.

59) Въ арыкѣ Ходжа-арыкъ около кишлака Достъ-типя, Ходжа-арыкской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, 26 августа найденъ убитымъ житель кишлака Фуляль, Джуль-Диванинской волости, Самаркандскаго уѣзда, Назаръ-ходжа Бабаходжинъ.

60) 26 августа неизвѣстными злоумышленниками убитъ житель Костакозской волости, Ходжентскаго уѣзда, Баба-сахань Мухаммадъ-Ніязовъ. (Тамъ-же, № 72).

61) 2 сентября житель Хакентской волости, Андижанскаго уѣзда, Мухаммадъ-Садыкъ Нурматовъ, поссорившись съ братомъ своимъ Атаханомъ Нурматовымъ, ударилъ послѣдняго въ голову камнемъ, вслѣдствіе чего Атаханъ умеръ.

62) Житель селенія Ардалманъ, Рабатской волости, Джизакскаго уѣзда, Муратбай-Бекъ Аліевъ въ ночь на 6 сентября зарѣзалъ жену свою Джангиль-ай.

63) 9 сентября житель селенія Буркутъ, Наукинской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Намапбай убилъ свою жену Айта-ай. (Тамъ-же, № 81).

64) Житель Дерезликской части г. Намангана Мансуръ-ханъ Раимъ-Зеркеровъ, 11 сентября, убитъ въ своемъ домѣ. Въ убійствѣ этомъ заподозрѣны *сынъ* убитаго Хакимъ и житель Агитской волости Яръ-Мухаммадъ Халь-Мухаммадовъ. (Тамъ-же, № 83).

65) 11 сентября въ селеніи Исфара, Кокандскаго уѣзда, на берегу Сая найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка съ признаками насильственной смерти.

66) 19 сентября найденъ зарѣзаннымъ 4-хъ мѣсячный сынъ жителя селенія Караянтакъ, Узбекской волости, Бабабека Ханыкова. (Тамъ-же, № 84).

67) Въ ночь на 22 сентября жители г. Джизака, квартала Аккургана, Ирдаліевъ и Халь-Мухаммадовъ убили жителя того-же квартала Алкай Широва.

68) Жительница сел. Синтабъ, Джизакскаго уѣзда, Минаръ-биби Дахамбаева неизвѣстно кѣмъ убита.

69) Въ ночь на 22 сентября неизвѣстнымъ злоумышленникомъ убитъ житель селенія Абкаръ-Абадъ, Коканъ-кишлакской волости, Измаилъ Сали-Ходжиновъ. (Тамъ-же, № 90).

70) Въ ночь на 28 сентября житель селенія Турсунъ-ходжа, Клычъ-Абадской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Абдусамадъ Абдужалилевъ найденъ зарѣзаннымъ въ своемъ домѣ.

71) 28 сентября житель Ургутской волости, Самаркандскаго уѣзда, Арифбай Хакимовъ въ припадкѣ умопомѣшательства убилъ свою жену Худжатъ-ай Ибрагимову и поранилъ себя ножемъ въ горло. (Тамъ-же, № 88).

72) 9 октября въ мѣстности Ташлакъ принадлежащей гор. Джизаку, въ полуверстѣ отъ почтовой дороги, найденъ трупъ жителя Джизака Исаметдина Халь-Мухаммадова съ признаками насильственной смерти.

73) 9 октября житель Уйчинской волости, Наманганскаго уѣзда, Казакбай Азыбаевъ, во время драки съ женой, убилъ свою 8-ми мѣсячную дочь, бросивъ ее объ полъ.

74) 12 октября въ селеніи Ачи, Араванской волости, Маргеланскаго уѣзда, найденъ трупъ жителя того-же селенія Тиллябая съ признаками насильственной смерти. Заподозрѣны въ этомъ убійствѣ туземцы Мулла-Карай и Тагай. (Тамъ-же, № 92).

75) 18 октября сынъ жителя Киргизъ-Курганской волости, Наманганскаго уѣзда, 14-ти лѣтній мальчикъ Исматулла Бадаль-

баевъ найденъ въ полѣ мертвымъ съ перерѣзаннымъ горломъ и ранами на головѣ. Въ убійствѣ заподозрѣнъ туземецъ Кадыръ-Алій Юлдашъ-баевъ.

76) 18 октября въ домъ жителя г. Коканда Ташъ-Мухаммадъ Мадъ-Каримова забрались неизвѣстные злоумышленники и, завязавъ ему голову одѣяломъ, ограбили у него разное имущество.

77) Въ ночь на 20 октября житель селенія Учъ-Кургана, Маргеланскаго уѣзда, Нуръ-Мухаммадъ Баба-Агалыковъ убитъ въ своемъ домѣ братьями его жены Турды-Ахуномъ и Хаитъ-Ахуномъ Асаковыми и односельчаниномъ Ашуръ-Ахуномъ Ибрагимъ-Ахуновымъ.

78) Въ ночь на 22 октября на домъ жителя г. С.-Маргелана Тюрякула Суфанкулова напали неизвѣстные злоумышленники и, ранивъ Тюрякулова и жену его, скрылись, не успѣвъ захватить ничего изъ имущества.

79) 24 октября во дворъ жителя селенія Паски-Курукъ, Яйпанской волости, Кокандскаго уѣзда, Мухаммадъ-Арифа Абдурасулева забрались неизвѣстные злоумышленники и увели лошадь, но при преслѣдованіи бросили ее и нанесли одному изъ преслѣдовавшихъ туземцевъ рану шашкою.

80) Въ ночь на 25 октября въ Кукчинской части г. Ташкента, сартъ Атханъ Каримхановъ зарѣзанъ въ своемъ домѣ, а женѣ его Рисалятъ-биби нанесены ножемъ раны, не опасныя для жизни. (Тамъ-же № 77).

81) 29 октября на домъ жительницы селенія Яны-Кургана, Кокандскаго уѣзда, Ташъ-биби Мухаммадъ-Муратовой напали неизвѣстные злоумышленники и, ограбивъ разное имущество, нанесли Муратовой раны ножемъ въ руку и удары палкою по головѣ, причемъ, будучи преслѣдуемы сосѣдями потерпѣвшей, бросили ограбленное имущество. (Тамъ-же, № 2, 1895 г.).

82) Въ ноябрѣ 1894 г. житель кишлака Узинъ, Александровской волости, Ташкентскаго уѣзда, Ашуръ-Мухаммадъ Руза-Мухаммадовъ убилъ ножемъ свою жену Арзуджанъ за выходъ ея на улицу. (Тамъ-же, № 3).

83) Житель кишлака Рашпа, Магіано-Фарабской волости, Самаркандскаго уѣзда, Бай-Мухаммадъ, убитъ въ Шахрисябзскомъ бекствѣ, туземцемъ того-же кишлака Баба-Уста Халевымъ.

84) Ночью 18 октября жители кишлака Кумбатъ, Каракалпакской волости, Самаркандскаго уѣда, Али-Аскаръ Ханъ-Тюря, Палванъ-Ходжа и Алимъ-Ходжа Тюриновы, Ибрагимъ Ходжиновъ и Саитъ Ходжиновъ насильно увезли дочь жителя кишлака Каракентъ, той-же волости, Карабай-Ходжи Али-Ходжинова, Кундузъ-ай, и похитили сундукъ съ 800 теньгами.

85) Въ началѣ ноября жительница кишлака Джагайбайлы, Даульской волости, Самаркандскаго уѣзда, Наръ-Халатъ-ай Ташматова избита, поранена въ голову и лишена свободы въ теченіе 4-хъ дней мужемъ своимъ Мухаммадъ-Расулемъ Абдусаматовымъ и туземцемъ Абдуллой Астанкуловымъ за несогласіе на ихъ предложеніе заявить ложное обвиненіе на туземца Мухаммадъ-Касыма Абдурасулева въ изнасилованіи ее. (Тамъ-же, № 7).

86) 12 ноября житель селенія Хазретъ, Нанайской волости, Наманганскаго уѣзда, Ша-Азимбай Халыкбаевъ, имѣя злобу на односельчанина своего Юсупбая Ша-Бакіева, схвативъ послѣдняго на улицѣ, затащилъ къ себѣ во дворъ и, привязавъ къ столбу при помощи своего сына, сталъ наносить ему побои руками, ногами и нагайкой, пока потерпѣвшій не былъ освобожденъ прибывшимъ на мѣсто происшествія сельскимъ старшиной. (Тамъ-же, № 10).

87) 17 ноября житель селенія Шахандъ, Ахсы-Шахандской волости, Наманганскаго уѣзда, Мухаммадъ-Азисъ Бутабаевъ, поссорившись во время игры въ кости съ жителемъ селенія Чинаватъ, Андижанскаго уѣзда, Ханъ-Кулбачею, нанесъ послѣднему ножемъ рану. (Тамъ-же, № 12).

88) 19 ноября во время драки, совершившейся по подстрекательству сельскаго старшины Хальбай-Баба Аліева, жителями кишлака Курбанкуль Аминъ, Яны-Казанъ-Арыкской волости, Самаркандскаго уѣзда, Турсунъ Календаревымъ, .Раджабъ-Мадъ Субханкуловымъ, Ашуркуломъ Кадыркуловымъ, Норбай Джуман-

баевымъ и Ширъ Пирматовымъ убитъ житель кишлака Рахматъ Абада, той-же волости, Ирчашбай Раджабаевъ.

89) Въ ночь съ 14 на 15 ноября произведено нападеніе на домъ жителя селенія Хасанъ, Митанской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Мирза-Тураба Тайгаймурадова съ ограбленіемъ у него разныхъ вещей и денегъ на 400 руб. причемъ поранены хозяинъ и его работникъ.

90) 23 ноября житель кишлака Кошъ-Тагмалы, Тюятартарской волости, Самаркандскаго уѣзда, Султанбай Юлдашевъ забрался въ домъ жителя того-же кишлака Бегимкулбая-Алла-Муратова, во время отсутствія послѣдняго, поранилъ ножемъ въ руку дочь его и похитилъ разныя вещи и сундукъ съ 2300 коканами. (Тамъ-же, № 14).

91) Въ ночь на 6 декабря въ домъ жителя селенія Биби-Убайда, Шариханской волости, Маргеланскаго уѣзда, Мухаммадъ-Яра забрались съ цѣлью грабежа четыре неизвѣстные злоумышленника и напали на его сына Мирза-Раима, намѣреваясь нанести ему удары ножемъ, но проснувшаяся его мать подоспѣла къ сыну на помощь и помогла задержать одного злоумышленника, оказавшагося мѣстнымъ жителемъ Нуръ-Мухаммадовымъ, имѣвшимъ при себѣ ножъ и револьверъ; остальные злоумышленники скрылись.

92) 14 декабря житель Кенинской волости, Наманганскаго уѣзда, Балтазаръ Ташбаевъ, привязавъ къ столбу односельчанина своего Юсуфъ-бая Уста-Касымова, нанесъ ему побои. (Тамъ-же, № 15).

93) 22 декабря житель г. Намангана Мухаммадъ-Сабиръ Риза-Измаиловъ покушался на жизнь своего отца Риза-Измаилъ Атлыкова, но былъ остановленъ посторонними людьми. (Тамъ-же, № 18).

94) 30 декабря въ рабатѣ жителя кишлака Каучинанъ, Махалинской волости, Самаркандскаго уѣзда, Мулла-Ахраркула Арифбаева, въ отхожемъ мѣстѣ найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка.

95) Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ районѣ Ходжа-Мугурской волости, Самаркандскаго уѣзда, на жителя г. Самарканда, Базарбая Туртыбаева напали туземцы Кабылджанъ Исматовъ и Абдуррахмановъ и ограбили у Турдыбаева разнаго товара на 1832 теньги.

96) Въ началѣ декабря на жителя кишлака Джуй, Даульской волости, Самаркандскаго уѣзда, Абдулъ-Касыма, возвращавшагося ночью съ двумя работниками изъ Самарканда, въ мѣстности Ташъ-Угланъ, Ангарской волости, напали 13 человѣкъ неизвѣстныхъ злоумышленниковъ и отняли три лошади, шубу и 316 тенегъ.

97) Въ ночь на 8 декабря на жителей селенія Шайхляркентъ, Ходжа-Арыкской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Хасанъ Ходжаева. Кадыркула Мигрумбаева и Садыкбая Кузыбаева, возвращавшихся домой изъ кишлака Митанъ, около переправы черезъ Акъ-дарью, напали трое жителей селенія Кыркъ-Иштъ, Клычъ-Абадской волости, и отобрали трехъ лошадей.

98) Въ ночь на 22 декабря въ домѣ жителя селенія Пайшамбе, Пайшамбинской волости, Катта-Курганскаго уѣзда, Тиляу Кабылъ-Муллабаева былъ произведенъ взломъ стѣны съ цѣлью ограбленія. На мѣстѣ преступленія задержанъ житель сел. Каданъ, Джуй-Шагрской волости, Иргашъ Турсуновъ, причемъ ему нанесены раны, отъ которыхъ онъ на пути къ Катта-Кургану и умеръ. По дорогѣ Турсуновъ успѣлъ заявить сельскому старостѣ Аманбаю Авазбадалеву, что соучастниками его были жители селенія Каданъ, Рузы и Хасанъ, которые скрылись.

99) Въ ночь на 17 декабря на домъ временно проживавшаго въ селеніи Тулля-баста, Акъ-тюбинской волости, Нуратинскаго бекства, Уста-Ибрагима Берды-Мурадова напали туземцы Нуркулъ Сарыбаевъ и Ишъ-Мурадовъ и нанесли смертельную рану его малолѣтней дочери, отъ которой она 18 декабря и умерла. (Тамъ-же, № 22).

100) У сарта селенія Чурнакъ, Чимкентскаго уѣзда, Кадыркуля Рузакова въ ночь на 18 декабря похищена 13-ти лѣтняя

племянница его сартами Балтабаемъ Шадыбековымъ, Маймакомъ Шадыбековымъ, Агаджаномъ Бухарбаевымъ и другими въ числѣ 12-ти человѣкъ. (Тамъ-же, № 4).

Самоубійства.

1) Въ ночь на 14 февраля въ г. Ходжентѣ, въ саду, рядомъ съ полицейскимъ помѣщеніемъ, повѣсился неизвѣстный туземецъ. („Туркест. Вѣдом." 1894 г. № 34).

2) 10 мая житель Ст.-Маргелана Хаитъ-Мухаммадъ Мадъ-Аліевъ, покушаясь на самоубійство, нанесъ себѣ ножемъ рану въ горло.

3) 6 мая житель селенія Кошъ-Тегерманъ, Ультарминской волости, Кокандскаго уѣзда Абду-Кадыръ Ганбъ-баевъ, страдавшій слабоуміемъ, повѣсился. (Тамъ-же, № 50).

4) 10 апрѣля въ г. Туркестанѣ повѣсился сартъ Асома Илемесовъ. Причины самоубійства неизвѣстны. (Тамъ-же, № 64).

5) 8 сентября житель г. Намангана Абдулъ-Азисъ Абдрасулевъ, зайдя въ мечеть, нанесъ себѣ бритвою двѣ раны въ животъ и на третій день умеръ. (Тамъ-же, № 83).

Изнасилованія.

1) 15 іюля 1892 г. жители кишлака Кангаръ, Кара-Тюбинской волости, Самаркандскаго уѣзда, Суяркуловъ и Нарибутинъ вошли въ домъ односельчанки Зайнабъ-ай Хакназаровой съ цѣлью ее изнасиловать; она начала кричать и, когда стали сбѣгаться на ея крикъ люди, схватила одного изъ пришедшихъ, чтобы его задержать, но онъ ножемъ поранилъ ей руки и вырвался. Не смотря на это, злоумышленники задержаны, признали себя виновными и переданы на поруки. (Окраина 1892 г. № 91).

2) 8 января 1894 дочь жителя селенія Типя-Курганъ, Найманской волости, Кокандскаго уѣзда, Мухаммадъ Сабирова, Кызларъ-биби заявила, что была изнасилована туземцами Мухам-

мадъ-Куломъ, Уста-Али-Куломъ, Насыромъ, Султанкуломъ и Мухаммадъ-джаномъ. (Туркест. Вѣдом. 1894 г. № 22).

3) 18 апрѣля изнасилована жительница кишлака Сараяшъ, Челекской волости, Самаркандскаго уѣзда, Ханымъ-ай Абдурасульбаева. Въ преступленіи обвинялся житель того-же кишлака Ахраръ-кули Килизбаевъ. (Тамъ-же, № 49).

4) 13 іюня въ г. Кокандѣ туземцы Азимбай Каимъ Бабиновъ, Хакимбай Касымбаевъ и Хасанбай Мирзакировъ, встрѣтивъ сартянку Хамра-биби Ташъ-Мухаммадову, затащили ее въ пустой садъ и изнасиловали. (Тамъ-же, № 55).

5) Въ ночь на 15 іюля, во время отсутствія изъ дома жителя кишлака Дурбишъ, Челекской волости, Самаркандскаго уѣзда Хасанбая Атумуратова, въ саклю забрался односельчанинъ Инаятулла Исматуллиновъ и изнасиловалъ жену Атамуратова Чустанъ-ай-Даніярову. (Тамъ-же, № 65).

6) Въ чертѣ г. Ташкента Сибзарской части сартъ Абду-Кадыръ-Мулла Азимовъ изнасиловалъ жену жителя Никольскаго поселка, Ташкентскаго уѣзда ***. (Тамъ-же № 79).

7) 28 августа житель кишлака Уртабузъ, Каракалпакской волости, Самаркандскаго уѣзда, Бабаджанъ Баба-Раимовъ изнасиловалъ спящую туземку того-же кишлака Казій-ай Мулла-Бекмуратову. (Тамъ-же, № 81).

8) Въ ночь на 18 сентября въ селеніи Канибадамъ, Кокандскаго уѣзда, 6 человѣкъ туземцевъ напали на сартянку Санамъ-биби Турсунъ-Кулбаеву и, изнасиловавъ ее, скрылись. (Тамъ-же, № 90).

9) 20 октября 1894 г. житель г. Чуста Наманганскаго уѣзда, Ашуръ Ташматовъ изнасиловалъ жительницу того-же города Хамра-бану Сулейманову. (Тамъ-же, № 2, 1895 г.

10) 27 октября житель города Самарканда Мулла-джанъ Разыковъ изнасиловалъ 11-ти лѣтнюю дѣвочку Караматъ-ай, дочь жителя кишлака Намаза, Ходжа-ахрарской волости, Самаркандскаго уѣзда, Муллы Абдуллы Мухаммадбаева. (Тамъ-же, № 7).

Къ этому ряду преступленій прибавляю два выдающіеся факта, относящіеся уже къ 1895 году.

11) Въ ночь съ 8 на 9 февраля, въ селеніи Сайрамѣ, Чимкентскаго пригороднаго участка, сартъ Ака-Мухаммадъ Абдулъ-Азизовъ, отлучившись изъ дома за водой, былъ схваченъ мѣстными сартами Мулла-Разматомъ и Исмаиломъ Нурматовыми, Нурматомъ Бекметовымъ и Халматомъ Хайдарбаевымъ и увлеченъ ими въ домъ сарта Рузмухамеда гдѣ означенныя выше лица нанесли Абдулъ-Азизову побои, изнасиловали его и втолкали ему въ задній проходъ палку. Пострадавшій отправленъ въ Чимкентскій мѣстный лазаретъ для излѣченія.

12) Въ ночь на 13 февраля, въ г. Казалинскѣ, въ харчевнѣ, содержимой ташкентскимъ сартомъ Юлдашемъ Назаровымъ, хивинскимъ подданнымъ узбекомъ Мухтаръ-Садыкъ-Сеитовымъ, ташкентскіе сартъ Юлдашъ Назаровъ и Дусматъ Бабакалановъ, киргизъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, Джума-Ніязъ Байтурсиновъ и бухарскій сартъ Джурабъ Насырбаевъ совершили мужеложство надъ киргизомъ Калымбасовской волости, Казалинскаго уѣзда, Меттымъ Пезентаевымъ (17 лѣтъ отъ роду), причемъ у послѣдняго отнято денегъ 16 руб. (Тамъ-же, № 22).

Весьма характерно, что въ общемъ числѣ преступленій сартовъ за 1894 годъ, безъ сомнѣнія, неабсолютно полномъ, число самоубійствъ было ничтожно по сравненію съ числомъ изнасилованій, да и тѣ пять самоубійствъ совершены слабоумными и душевнобольными. Но во всякомъ случаѣ приведенный списокъ преступленій сартовъ показываетъ, что и среди нихъ есть дурные люди, способные на воровство, грабежъ, убійства (иногда изъ-за пустыхъ причинъ), отцеубійство, женоубійство, мужеубійство, братоубійство, отравленіе, задушеніе и пр. Правъ ли послѣ этого былъ г. Миддендорфъ, когда безъ ограниченій восхвалялъ „нѣжный“ характеръ ферганскихъ сартовъ. (Ср. выше стр. 56—58).

III.

СБЛИЖЕНІЕ САРТОВЪ СЪ РУССКИМИ И РУССКОЕ ВЛІЯНІЕ НА САРТОВЪ.

„Чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшительнаго сближенія съ другими народами,... тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки“....

А. Галаховъ.

День 15-го іюня 1865 года былъ роковымъ днемъ въ жизни ташкентскихъ сартовъ: въ этотъ день Ташкентъ былъ взятъ русскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора М. Г. Черняева, а 17 іюня къ побѣдителю уже явились аксакалы и другіе почетные жители города и оффиціально сдали ему городъ. Послѣ того рядомъ съ сартскимъ Ташкентомъ сталъ постепенно возникать другой, русскій городъ....

Проходили затѣмъ года, происходили новыя завоеванія въ Туркестанскомъ краѣ и заводились новые порядки, введено Положеніе объ управленіи краемъ, жизнь туземцевъ становилась уже въ другія рамки,—и мало по малу стало сказываться на жизни туземцевъ русское вліяніе. Какъ и въ чемъ проявлялось это вліяніе, какіе дѣлало успѣхи, непосредственному наблюдателю туземной жизни не было видно; но теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго вступленія русскихъ войскъ въ стѣны Ташкента, это вліяніе уже замѣтно сразу. Кто зналъ Ташкентъ временъ М. Г. Черняева и въ первое время управленія К. П. фонъ-Кауфмана, тотъ ясно видитъ теперь, что въ жизни туземцевъ совершилась перемѣна и перемѣна значительная. Я лично могу засвидѣтельствовать, что жизнь туземныхъ жителей города Ташкента значительно измѣнилась уже

съ конца 1877 года, т. е. на моихъ глазахъ. Наблюдая съ того времени за разными сторонами жизни ташкентскихъ сартовъ, позволяю себѣ утверждать, что ташкентскіе сарты, столкнувшись непосредственно съ жизнію русскихъ, вступили на неизбѣжный путь заимствованій и подражанія не только во внѣшнихъ формахъ жизни, но отчасти и во взглядахъ, въ нравахъ и обычаяхъ. Сарты,—народъ смышленый и живой, столько вѣковъ находившійся подъ строгимъ надзоромъ мухтасибовъ и курбашей, столько вѣковъ прожившій въ стѣнахъ своего города и не видѣвшій дотолѣ иныхъ формъ жизни,—вдругъ очутились на свободѣ, увидѣли новую жизнь другихъ людей, перестали видѣть раиса[1]) и при всемъ томъ почувствовали, что они спокойны за свою жизнь, за вѣру, семью и имущество и что достатокъ ихъ возрастаетъ. Сначала они недовѣрчиво осматривались кругомъ, не безъ боязни вступали въ черту русскаго Ташкента и неувѣренно подходили къ русскому человѣку, а болѣе фанатичные не желали и видѣть лица русскаго человѣка; но мало по малу страхъ неизвѣстности прошелъ, религіозная нетерпимость[2]) ослабѣла, а увѣренность въ личной безопасности возрасла,—и теперь сарты настолько свободно ходятъ и ѣздятъ по улицамъ русскаго города, что вызываютъ удивленіе въ иностранцахъ, особенно въ англичанахъ, вступаютъ въ непосредственныя близкія сношенія съ русскими людьми и постепенно сживаются съ новою для нихъ жизнію....

---

[1]) Я слышалъ о двухъ фактахъ, сопоставленіе которыхъ въ данномъ случаѣ очень любопытно. Нѣсколько лѣтъ назадъ татаринъ-переводчикъ при Россійскомъ Политическомъ агентствѣ въ Бухарѣ, проходя по базару нов. Бухары, закурилъ папаросу. Его замѣтилъ раисъ Бухары и подвергъ установленному наказанію, не смотря на заявленіе виновнаго, что онъ—русскій подданный и что находится на службѣ у Россійскаго Политическаго Агента.... Послѣ того переводчикъ въ свою очередь однажды сдѣлалъ замѣчаніе ташкентскому благопристойному сарту за то, что тотъ не исполнилъ одной изъ пяти ежедневныхъ молитвъ, вмѣстѣ съ другими мусульманами. Сартъ не только не принялъ этого замѣчанія къ исполненію, а грубо отвѣтилъ переводчику: «если ты на томъ свѣтѣ будешь переводчикомъ при самомъ Аллахѣ, то тогда я послушаю тебя».... Н. О.

[2]) Авторъ напечатаннаго въ № 28 туземной газеты (отъ 14 іюля 1890 года) стихотворенія, поэтъ Фиркатъ говоритъ въ самомъ началѣ: «Я гулялъ по русскому городу, но у меня были добрыя чувства». Это значитъ, что онъ не чувствовалъ религіознаго отвращенія или презрѣнія къ невѣрнымъ, когда ходилъ по ихъ городу. Н. О.

Такъ всегда бывало, когда входили въ близкое соприкосновеніе два народа разныхъ культуръ: всегда происходило вліяніе одного на другой и именно народа высшей культуры на народъ съ низшей культурой; какъ бы ни разнились народные характеры, какъ бы ни были различны основные принципы и условія народной жизни, болѣе высокая культура неизбѣжно оказывала вліяніе на низшую. Этому, конечно, много способствуетъ мягкій характеръ русскаго народа, свыкшагося въ теченіе столѣтій съ народами Азіи и всей своей исторіей доказавшаго свое предназначеніе вносить культуру въ среду сосѣднихъ азіатскихъ народовъ. Какъ совершается это на дѣлѣ, т. е. какъ передается вліяніе русскихъ на сартовъ, сказать невозможно, потому что всякія внутреннія перемѣны въ народной жизни происходятъ незамѣтно для глаза современнаго наблюдателя; но несомнѣнно, что со взятіемъ Ташкента русскимъ отрядомъ генерала Черняева, для туземнаго населенія этого города пробилъ знаменательный исторической часъ, съ котораго началась въ Ташкентѣ новая историческая жизнь. Особенно измѣненіе въ жизни сартовъ началось со времени управленія краемъ Генералъ-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, хотя основныя формы старой жизни сартовъ продолжали тогда и до сихъ поръ еще продолжаютъ держаться. Стоитъ представить, сколько новаго, невиданнаго дотолѣ, открылось и постепенно раскрывается предъ глазами ташкентскаго сарта. Новыя начальствующія лица, новые административные порядки и неизбѣжныя встрѣчи и сношенія съ русскими людьми; никогда невиданныя дотолѣ религіозныя церемоніи (крестные ходы, погребальныя процессіи, торжественныя молебствія), военные парады, еженедѣльные пріемы просителей у генералъ-губернатора и губернатора, генералъ-губернаторскіе балы, выставки, движеніе по русскому городу въ коляскахъ и пѣшеходовъ, появленіе русскихъ на улицахъ туземнаго города, частныя сношенія съ русскими людьми, взаимныя посѣщенія русскихъ туземцами и туземцевъ русскими, торговля и наконецъ русскіе суды и школы,—все это и многое другое, неуловимое для ежедневнаго наблюдателя, дѣйствовало

на душу туземца и несомнѣнно возбуждало его мысль и чувства[1]). Самое сильное впечатлѣніе на тузмцевъ долженъ производить торжественный крестный годъ, ежегодно совершаемый въ день взятія Ташкента (15 іюня) къ братской могилѣ воиновъ, убитыхъ во время штурма города отрядомъ генерала М. Г. Черняева. По окончаніи литургіи въ соборѣ, въ $8^1/_2$ часовъ утра, крестный ходъ направляется сначала по русской части Ташкента, а затѣмъ, на протяженіи 3—4 верстъ, слѣдуетъ по туземнымъ улицамъ до самой братской могилы воиновъ. Множество православныхъ жителей Ташкента и войска сопровождаютъ крестный ходъ, въ которомъ нѣсколько разъ лично участвовали Туркестанскіе епископы, находившіеся въ этотъ день въ Ташкентѣ, а генералъ-губернаторы встрѣчаютъ эту торжественную процессію на братской могилѣ. По всему длинному пути крестнаго хода бываютъ выставлены флаги, а на перекресткахъ разныхъ улицъ туземнаго города обыкновенно группируются большія собранія туземцевъ всѣхъ возрастовъ, при чемъ на крышахъ домовъ располагаются женщины и дѣти туземцевъ. Особенно туземнымъ женщинамъ этой отдаленной и глухой части города единственный разъ въ году приходится видѣть такую массу русскихъ мужчинъ и женщинъ разныхъ возрастовъ и состояній, и всѣ вообще туземцы, безъ сомнѣнія, съ удивленіемъ смотрятъ на такую религіозную процессію, для сопоставленія съ которой мусульманская религія не имѣетъ чего-либо подобнаго. Въ 1886 году, при совершеніи панихиды на братской могилѣ присутствовали и мусульманскіе гласные гор. Ташкента и посланцы Бухарскаго Амира, находившіеся тогда въ Ташкентѣ. По окончаніи панихиды, Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ Розенбахъ привѣтствовалъ оставшихся въ живыхъ русскихъ воиновъ, участвовавшихъ въ штурмѣ, а затѣмъ сказалъ гласнымъ-мусульманамъ: „этотъ край, двадцать одинъ годъ назадъ, находился въ постоянномъ волненіи; умершіе

---

[1]) Ташкентскіе сарты охотно наблюдаютъ всѣ названныя церемоніи, а военные парады даже воспроизводятся у нихъ на представленіяхъ кукольнаго театра во время шумныхъ ночей мѣсяца Рамазана, какъ замѣчено на стр. 68.

здѣсь и оставшіеся въ живыхъ герои русскіе были причиною мира и спокойствія во всемъ Туркестанѣ: поэтому и вамъ нужно чтить память погребенныхъ здѣсь". Тогда ташкентскій казій Мухаммадъ Мухіэтдинъ-ходжа, обратившись къ Его Высокопревосходительству, сказалъ на сартскомъ языкѣ:

„Сегодня исполнился 21 годъ, какъ мы, мусульмане гор. Ташкента, находимся подъ покровительствомъ Бѣлаго Царя, ИМПЕРАТОРА могущественнѣйшаго въ мірѣ государства, Россіи.

„День этотъ и для насъ, мусульманъ, туземцевъ г. Ташкента, долженъ быть памятенъ. Съ занятіемъ города, за нами признана наша религія-исламъ, оставленъ и народный судъ по шаріату; всюду полное спокойствіе и попеченіе о народѣ властей, а также даровано намъ городское самоуправленіе. Вслѣдствіе всего этого, мы проводимъ жизнь свободно и спокойно, а торговля, промышленность и земледѣліе получили большое развитіе.

„Памятуя этотъ день, и пользуясь настоящимъ случаемъ торжества, мы отъ имени всего населенія, дерзаемъ покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство, выраженіе нашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и молитву нашу о ЕГО благоденствіи на многіе годы, какъ Покровителя сто-милліоннаго разноплеменнаго населенія Великой Россіи принять и, ежели Ваше Высокопревосходительство признаете это возможнымъ, повергнуть къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА".

Въ отвѣтъ на это Генералъ-Адъютантъ Розенбахъ сказалъ: „Я очень радъ этому заявленію ташкентскаго населенія, высказанному такъ искренно и такъ сердечно и представлю оное на Высочайшее воззрѣніе МОНАРХА".

Посланцамъ Бухарскимъ—Рахматулла-бію и Мухаммадъ-Насыръ-Мирахуру, поздравившимъ Его Высокопревосходительство отъ имени Его Свѣтлости Амира съ настоящимъ торжествомъ, Его Высокопревосходительство сказалъ: „Я очень радъ, что Вы, представители Бухары, присутствуя здѣсь, видите то, что служитъ къ укрѣпленію союза дружбы русскаго населенія края съ

мусульманскимъ населеніемъ. Вы видите, что во всемъ Туркестанскомъ краѣ каждый исполняетъ уставы своей религіи и проводитъ жизнь въ полномъ спокойствіи, безъ стѣсненія трудясь надъ своимъ благосостояніемъ, и видѣнное вы можете передать своимъ согражданамъ".—Бухарцы отвѣчали, что рады были видѣть все происходившее.

А вотъ примѣры, нѣсколько разъясняющіе психическое состояніе, какое переживалъ и переживаетъ сартъ при встрѣчѣ съ невиданными имъ дотолѣ явленіями. Осматривали однажды мужскую гимназію ташкентскіе казіи (народные судьи), а вмѣстѣ съ ними ученый преподаватель высшей мусульманской школы. Осмотръ гимназіи продолжался $2^1/_2$ часа; много новаго они видѣли въ гимназіи, много слышали и—дивились. Преподаватель, увидѣвшій гимназію въ первый разъ, былъ сильно возбужденъ.... Когда онъ вышелъ на улицу, чтобы отправиться домой, то забылъ надѣть калоши.... Это вызвало у казія улыбку, а преподаватель серьезно замѣтилъ, что у него отъ осмотра гимназіи закружилась голова. Туземный поэтъ Фиркатъ въ стихахъ своихъ[1]) высказалъ, что послѣ концерта 1 іюля 1890 г. онъ не могъ заснуть до самаго утра, подъ вліяніемъ волновавшихъ его новыхъ чувствъ, и рѣшилъ еще когда-нибудь побывать на русскомъ концертѣ.

И въ другихъ случаяхъ на туземцевъ производили сильное впечатлѣніе новые, невиданные ими дотолѣ предметы, факты и формы русской жизни: туземецъ дивился, многое сразу не понималъ, ко многому относился скептически; но *новое* производило свое дѣйствіе и продолжаетъ дѣйствовать на умъ и чувства ту-

---

1) Туркест. тузем. газета за 1886 г., № 22.

2) سياعت اون برغچه بزم ايتى لار ✡ سونكره ايل اوزجا يبغه عزم ايتيلار
ليك مندين كيتميش ايردى عقل وهوش ✡ لحظه لحظه شوق اوتى ايلاردى جوش
قيته كورماق ممكن اولسيدى ديبان ✡ مضطرب دك ساكن اولسيدى ديبان
الفرض اول كيچه اى احباب لار ✡ تانغچه اوچتى كوزمدين خواب لار
دل ده باردور حالى هم بو آرزو ✡ كيم بنه كورماك قيلور من جستجو

земца, прожившаго цѣлыя столѣтія однообразною жизнію. Были даже среди ташкентцевъ такіе оригиналы, которые, боясь осквернить себя, умышленно до сихъ поръ закрываютъ свои глаза отъ всего русскаго: они не ходили и не ходятъ въ русскій городъ, избѣгали и избѣгаютъ встрѣчъ съ русскимъ человѣкомъ и продолжаютъ жить въ тѣсномъ кругѣ своихъ прежнихъ идей и чувствъ; но они умрутъ и не оставятъ послѣ себя подражателей.... Но теперь трудно туземцу, даже ишану уберечься отъ встрѣчи съ русскимъ человѣкомъ, потому что сама жизнь извлекаетъ его изъ уединенія, а съ проведеніемъ желѣзной дороги проснутся и селенія сартовъ *(кишлакъ)*, стоящія пока въ сторонѣ отъ новаго движенія, отъ сближенія съ русскими.... Жители селеній ближайшихъ къ городамъ на базарѣ уже и въ настоящее время входятъ въ непосредственныя сношенія съ русскими.

Торговый классъ ташкентскихъ сартовъ подчинился гораздо болѣе русскому вліянію. И это понятно, такъ какъ купцы гораздо чаще, чѣмъ другіе классы, вступаютъ въ общеніе съ русскими людьми и менѣе ученаго сословія стѣсняютъ себя узкими требованіями туземной обрядности. Нѣкоторые изъ нихъ расширили свой умственный кругозоръ торговыми поѣздками за предѣлы Туркестанскаго края, а большія выгоды отъ торговли съ русскими самымъ осязательнымъ образомъ даютъ имъ чувствовать необходимость и пользу непосредственныхъ сношеній съ русскими людьми.

Теперь уже покойный, купецъ Сяидъ-Азимъ-бай Мухаммадъ-баевъ, еще до завоеванія Ташкента, имѣлъ торговыя сношенія съ русскими. Въ первое время русскаго управленія краемъ онъ, какъ человѣкъ умный и ловкій и вдобавокъ достаточно владѣвшій разговорнымъ русскимъ языкомъ, былъ вліятельнымъ лицомъ въ городѣ. Я мало зналъ его, но нѣсколько разъ видѣлъ и однажды, въ 1880 году, показывалъ ему Учительскую Семинарію.

Какъ бы ни объясняли руководившія имъ побужденія, несомнѣнно одно, что онъ ранѣе другихъ своихъ соотечественниковъ понялъ выгоды сближенія съ русскими и съ своей стороны пользовался каждымъ случаемъ, чтобы показать свое желаніе быть

полезнымъ русской администраціи края. Въ 1867 г. онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ и былъ тогда-же Всемилостивѣйше пожалованъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. При этомъ Сяидъ Азимъ-бай получилъ Высочайшую грамоту слѣдующаго содержанія:

Божіею Милостію,
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій.
И прочая, и прочая, и прочая.

Депутата Туркестанской Области, Ташкентскаго почетнаго купца (бывшаго предсѣдателя мэхкемэ), Сеида-Азима Мухамедбаева, который въ 1859 г. выкупилъ Русскаго плѣннаго изъ Ташкента, первый освободилъ невольниковъ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, содѣйствовалъ къ удержанію спокойствія въ Ташкентѣ передъ Ирджарскимъ дѣломъ, а въ память чудеснаго спасенія дней НАШИХЪ, 4-го Апрѣля 1866 года, выстроилъ на свой счетъ великолѣпную мечеть,—за таковыя заслуги и преданность Россійскому Правительству, МЫ указомъ НАШИМЪ, 1867 года Марта 24 дня Правительствующему Сенату даннымъ, Всемилостивѣйше пожаловали въ званіе Потомственнаго Почетнаго Гражданина. Въ свидѣтельство чего повелѣли МЫ сію грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною НАШЕЮ печатью укрѣпить. Дана въ Санктъ-Петербургѣ Марта 24 дня 1867 года.

(Подпись четырехъ сенаторовъ и герольдмейстера).

Въ Сенатѣ въ книгу записана подъ № 105. При запечатаніи въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ подъ № 14 (печать).

Грамота эта подъ стекломъ, въ золотой рамѣ съ Императорскою короною, до сихъ поръ красуется на стѣнѣ изящной гостиной (михманъ-хана) сына Сяидъ-Азимъ-бая, Сяидъ-Гани.

Вслѣдъ за этимъ, 31 марта 1878 года, новопожалованный потомственный почетный гражданинъ получилъ отъ училища глухонѣмыхъ ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома въ С.-Петербургѣ, на память посѣщенія этого училища, бюстъ ЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, изготовленный глухонѣмымъ Горячевымъ. Этотъ бюстъ вмѣстѣ съ препроводительною бумагой отъ 31 марта 1867 г. за № 204 до сихъ поръ стоитъ на виду, на особой тумбочкѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, въ той же гостиной. Въ 1871 г. онъ возбуждалъ вопросъ объ открытіи особой русской школы для ташкентскихъ сартовъ. Признавая, что народное благосостояніе въ краѣ подъ русскимъ управленіемъ начало возрастать, и благословляя тотъ день, когда русскіе освободили туземное населеніе отъ его притѣснителей, онъ высказалъ, что только языкъ, письменность и школа отдѣляютъ русскихъ отъ туземцевъ, такъ какъ русскіе и сарты живутъ рядомъ, ведутъ торговлю и поддерживаютъ дружбу между собою; туземцы работаютъ у русскихъ и управляются русскими властями, но живутъ обособленно, своей стародавней жизнію, не прочли ни одной книги русской, очень мало усвоили пріемы русскихъ ремеслъ, не знаютъ законовъ русскихъ и потому вынуждены обращаться къ посредству чуждаго для сартовъ переводчика. Въ тоже время Сяидъ Азимъ-бай заявлялъ, что въ туземныхъ школахъ у сартовъ преподаются съ давнихъ поръ однѣ и тѣ же науки, которыя поддерживаютъ въ туземцахъ ложное убѣжденіе, что старинные законы и понятія еще не отжили свой вѣкъ, и потому предполагалъ для начала преобразовать Ишанкульскую мусульманскую школу (мадраса) въ Ташкентѣ и ввести въ ней: преподаваніе русской грамоты, съ примѣненіемъ ея къ чтенію и письму на туземномъ языкѣ, а также ознакомленіе съ русскими законами и съ шаріатомъ и, наконецъ, преподаваніе ариѳметики и ремеслъ[1]). Русская администрація края съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ этому заявленію и въ томъ же 1871 году образовала особую комиссію которая полагала: а) примѣнить русскій алфавитъ къ сартскому языку и б) составить хрестоматію изъ самыхъ легкихъ разсказовъ на мѣстномъ

---

[1]) Очевидно, изложенный проектъ появился не безъ участія кого-либо изъ русскихъ чиновниковъ того времени; но важно, что Сяидъ Азимъ-бай понималъ значеніе и находилъ возможнымъ осуществленіе этого проекта. Н. О.

нарѣчіи, но въ русской транскрипціи. Проектируемое училище предполагалось помѣстить въ зданіи Ишанкульской школы, сдѣлавъ въ немъ всѣ нужныя приспособленія, но сохранивъ древній стиль зданія. Для потребностей новаго училища предполагалось воспользоваться также сосѣднимъ зданіемъ мусульманской школы Юнусъ-хана вмѣстѣ съ находящимся при ней большимъ садомъ для прогулокъ учащихся. Содержаніе проектируемаго училища имѣлось въ виду обезпечить вакуфами, принадлежащими разнымъ мусульманскимъ школамъ и особенно вакуфами Ходжа-Ахрарской школы, отъ которыхъ ожидалось до 6800 руб. ежегодно; кромѣ того, проектировалось взимать съ каждаго учащагося въ новомъ училищѣ по 20 руб. въ годъ, какъ это дѣлается въ русскихъ школахъ. Всего, такимъ образомъ, на содержаніе проектированнаго училища ожидалось 7600 руб. въ годъ.

Но эта смѣлая для того времени и во всякомъ случаѣ свѣтлая мысль, заявленная Сяидъ-Азимъ-баемъ, не была приведена въ исполненіе, хотя тогда же русская администрація края входила въ сношеніе съ Попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и предлагала студентамъ факультета восточныхъ языковъ занять мѣста преподавателей въ этомъ училищѣ[1]). И въ настоящее время (въ 1895 г.) проектъ этотъ не утратилъ своего смысла, потому что въ жизни мусульманской школы существенныхъ перемѣнъ почти не послѣдовало (см. ниже).

Сяидъ Азимъ-бай личнымъ опытомъ оцѣнилъ пользу знанія русскаго языка и потому двухъ сыновей своихъ (Сяидъ-Кярима и Сяидъ-Гани) обучилъ русскому языку, пригласивъ къ себѣ въ домъ русскаго учителя. Въ настоящее время сыновья его хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ и поддерживаютъ непосредственныя сношенія и знакомства съ русскими людьми. Живутъ они въ сартскомъ городѣ, но постоянно бываютъ въ русской части Ташкента; дома ихъ—сартскаго типа, но отличаются хорошею отдѣлкою,

---

[1]) См. «Замѣтку о русской школѣ для туземцевъ г. Ташкента» въ Туркест. Вѣдом. за 1875 годъ (№ 16 отъ 22 апрѣля).

имѣютъ окна со стеклами, двери, русскую мебель на мужской половинѣ, на случай пріема русскихъ людей. Достойно замѣчанія, что въ домѣ Сяидъ-Гани нашла себѣ помѣщеніе *первая* русско-туземная школа, открытая въ Ташкентѣ 13 декабря 1884 года, а въ недавнее время почтово-телеграфная контора, открытая въ 1894 году для туземнаго города. Сяидъ-Гани со всѣмъ пыломъ впечатлительной молодости увлекался внѣшностію русской жизни, посѣщалъ театръ, русскіе балы и обѣды въ клубѣ и даже въ костюмѣ своемъ сдѣлалъ уступку новому времени, измѣнивъ національный халатъ на своеобразный камзолъ татарскаго покроя. Занимается онъ подрядами по ремонту дорогъ и по постройкѣ казенныхъ зданій внѣ города. Въ 1894 году онъ былъ назначенъ членомъ особаго комитета по постройкѣ церкви въ самомъ Ташкентѣ и въ этомъ званіи состоитъ до сихъ поръ, принимая участіе въ засѣданіяхъ и дѣлахъ комитета[1]). Въ 1895 г. онъ назначенъ членомъ комитета по постройкѣ зданія для ремесленнаго училища. Въ тюремномъ комитетѣ онъ уже нѣсколько лѣтъ состоитъ директоромъ и нерѣдко жертвуетъ въ пользу тюрьмы разные необходимые въ жизни ея предметы.

Сяидъ-Кяримъ въ послѣднее время былъ членомъ Ташкентской городской управы и 7 февраля 1895 г. удостоился высокой чести представляться ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ въ Аничкиномъ Дворцѣ вмѣстѣ съ другими депутатами Туркестанскаго края, русскими и туземными. Поѣздка въ первый разъ въ Европейскую Россію, осмотръ по пути разныхъ городовъ Россіи, особенно Москвы и Петербурга и выше всего счастіе представляться ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ до такой степени подѣйствовало на молодаго туземца, что онъ, по возвращеніи въ

---

[1]) 16 іюня 1895 года, въ пятницу, Сяидъ-Гани вмѣстѣ съ другими членами комитета находился на постройкѣ, когда новостроющуюся церковь осматривалъ мѣстный Епископъ Преосвященный Никонъ, и естественно обратилъ на себя вниманіе епископа. На обращенные къ нему Епископомъ нѣкоторые вопросы онъ свободно отвѣчалъ, титулуя Епископа «Вашимъ Превосходительствомъ», но когда прислушался, какъ обращались къ Епископу русскіе члены комитета, то и самъ сталъ говорить «Ваше Преосвященство». Н. О.

Ташкентъ, высказываетъ свое сознательное желаніе отправиться въ слѣдующемъ 1896 году на всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы получить болѣе широкое представленіе о промышленной и торговой жизни и вообще о прогрессѣ митрополіи Туркестанскаго края—Европейской Россіи. Къ этому можно прибавить, что оба брата—Сяидъ-Гани и Сяидъ-Кяримъ живутъ съ достаткомъ, поддерживаютъ знакомство съ русскими, прилично одѣваются, имѣютъ для выѣзда хорошихъ лошадей и экипажи; національная двуколесная арба служитъ у нихъ только для перевозки товаровъ и прислуги. Конечно, все это лишь внѣшняя сторона дѣла, но съ внѣшности обыкновенно и начинается переломъ въ народной жизни, какъ это извѣстно изъ исторіи.

Зять Сяидъ-Азимъ-бая, Арифъ-ходжа Азизъ-ходжинъ также хорошо говоритъ по-русски, выполняетъ большой казенный подрядъ (свыше 700 тыс. руб.) и живетъ уже въ русской части Ташкента. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что домъ его даже своимъ внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ устройствомъ напоминаетъ внимательному наблюдателю о совершающемся въ Ташкентѣ сближеніи двухъ народностей. Домъ Арифа-ходжи состоитъ изъ двухъ половинъ, русской и сартской. Русская половина занимаетъ угловую часть, выходитъ на двѣ улицы и устроена по образцу русскихъ домовъ. Хорошимъ крыльцомъ съ Петербургской улицы (входная дверь съ пружиннымъ звонкомъ) вы входите въ большую переднюю. Направо—большая пріемная, а далѣе, на углу—небольшая гостиная. Въ обѣихъ этихъ комнатахъ мебель русская: мягкіе диваны съ такими же креслами и въ обѣихъ вѣнскіе стулья. Дорогіе ковры застилаютъ полы этихъ комнатъ; такія же драпировки (ярко-желтаго цвѣта въ пріемной комнатѣ и малиноваго въ гостиной) украшаютъ двери и окна; тропическія растенія въ банкахъ стоятъ на окнахъ и въ углахъ комнатъ. На-лѣво изъ парадной—дѣловой кабинетъ хозяина съ письменнымъ столомъ и письменными принадлежностями. Кабинетъ глухой стѣной отдѣляетъ сартскую половину дома, внутреннее устройство которой мнѣ неизвѣстно. Снаружи эта половина обращаетъ на себя вни-

маніе тѣмъ, что окна въ ней только намѣчены, и симметрія въ фасадѣ соблюдена, но крыша на этой половинѣ камышевая съ глиняной смазкой, тогда какъ надъ русской половиной устроена желѣзная крыша по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства.... Такъ мирно и ютятся эти двѣ половины одного и того же дома наглядно указывающія въ тоже время на различное положеніе женщины въ домѣ русскомъ и сартскомъ. Въ русской семьѣ женщина открыта, живетъ общею жизнію съ мужчинами; женщина сартовъ закрыта, не можетъ выглянуть, а тѣмъ болѣе вытти на улицу безъ разрѣшенія мужа. Фасадъ дома Арифа-ходжи какъ бы указываетъ, что *пока* въ одной половинѣ окна не пробиты, но мѣста для нихъ уже намѣчены: когда придетъ время, пробить ихъ будетъ нужно, хотя, можетъ быть, не сразу и не всѣ вдругъ.

Въ 1894 году Арифъ-ходжа ѣздилъ въ первый разъ въ Россію и былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ, особенно въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. 25 іюля онъ имѣлъ возможность видѣть торжественное народное гулянье въ Петергофѣ, въ день бракосочетанія Великой Княжны Ксеніи Александровны съ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ, а потомъ видѣлъ Высочайшій смотръ войскъ подъ Краснымъ Селомъ. Петербургская жизнь вообще настолько заинтересовала его, что онъ проѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ и Лондонъ. По поводу своей поѣздки въ Петербургъ, Арифъ-ходжа высказалъ свое мнѣніе, что каждый состоятельный туземецъ долженъ хотя бы одинъ разъ въ жизни побывать въ этомъ городѣ и посмотрѣть тамошнія достопримѣчательности, потому что слышать о нихъ и видѣть ихъ своими глазами—не одно и тоже[1]). Въ февралѣ 1895 г. Арифъ-ходжа вмѣстѣ съ Сяидъ-Кяримомъ имѣлъ счастіе представляться ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ въ Аничкиномъ Дворцѣ.

Есть еще нѣсколько сартовъ въ ташкентѣ, преимущественно торговаго класса, у которыхъ сближеніе съ русскими замѣтно

---

[1]) Туркест. Тузем. газ. 1894 г. № 28.

Сяидъ Кяримъ Сяидъ Азимбаевъ.

выражается въ ихъ знаніи разговорнаго русскаго языка, въ общеніи съ русскими людьми и въ обзаведеніи своихъ домовъ нѣкоторыми принадлежностями русскаго быта: стѣнными часами и зеркалами, столами и стульями, тарелками и салфетками, ложками, ножами и вилками. Въ пріемныхъ комнатахъ у нихъ устроены русскія печи, а для освѣщенія комнатъ служатъ лампы. Таковы: членъ городской управы Максудъ-ханъ, Бадаль-Мухаммадъ-бай и другіе. Въ русскіе праздники они пріѣзжаютъ къ русскимъ своимъ знакомымъ съ форменными визитами; у нѣкоторыхъ съ этою цѣлію заведены даже визитныя карточки. Въ свою очередь русскіе въ мусульманскіе праздники поздравляютъ своихъ новыхъ соотечественниковъ въ азіатскомъ городѣ.

Что касается вообще распространенія русскаго языка среди торговцевъ, то въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, побывавъ на Воскресенскомъ базарѣ, въ русской части Ташкента. А затѣмъ стоитъ обратить вниманіе и на то, что во многихъ русскихъ домахъ Ташкента въ настоящее время есть мужская прислуга изъ сартовъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ. Годъ съ годомъ число сартской прислуги въ русскихъ домахъ Ташкента и въ казенныхъ учрежденіяхъ увеличивается. Въ настоящее время много сартовъ, исполняющихъ обязанности разсыльныхъ, сторожей, поваровъ и дворниковъ.

Послѣ торговаго класса ташкентскихъ сартовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ташкентскихъ ремесленниковъ: каменьщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, столяровъ и др. Всѣ они, работая подъ руководствомъ русскихъ инженеровъ и русскихъ мастеровъ, переняли не только русскіе пріемы въ работахъ, но и дополнили свой инвентарь необходимыми инструментами, не бросая своихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, работая у русскихъ и на русскихъ, мастера-сарты не только получаютъ выгодный (неслыханный прежде, въ ханскія времена) заработокъ[1]), но и обогащаютъ себя практическими знаніями и въ то же время свыкаются съ русскими людьми. Въ на-

---

[1]) Каменьщикъ получаетъ въ день 1 р. 50 к. и даже 2 р., плотникъ—не менѣе, а прежде мастера работали изъ-за пищи и халатовъ. Н. О.

стоящее время въ Ташкентѣ есть уже мастера-артельщики изъ сартовъ и подрядчики, которые принимаютъ и хорошо выполняютъ разнообразныя казенныя и частныя работы. Достаточно принять во вниманіе, что весь русскій Ташкентъ, не исключая церквей, выстроенъ мастерами-сартами. При этомъ, естественно, туземные мастера постепенно практически учатся русскому языку, а нѣкоторые и русской грамотѣ.

Не остаются въ отчужденіи отъ русскихъ и ученые сарты: казіи, имамы, муфтіи и нѣкоторые преподаватели мусульманскихъ высшихъ и низшихъ школъ г. Ташкента. Конечно, въ этой средѣ русское вліяніе замѣтно сравнительно менѣе, какъ потому, что ученые мусульмане имѣютъ меньше соприкосновенія съ русскими людьми, такъ и потому, что они—настоящіе представители основъ туземной жизни, прожившіе цѣлые вѣка въ замкнутомъ кругѣ своихъ (мусульманскихъ) понятій и въ отчужденіи отъ другихъ народовъ. А извѣстно, что „чѣмъ дольше общество жило особнякомъ, безъ рѣшительнаго сближенія съ другими народами, хотя и чувствуя потребности иной, болѣе просторной жизни, но только частными преобразованіями удовлетворяя этимъ потребностямъ,—тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь потерять родную почву развитія, тѣмъ недовѣрчивѣе встрѣчаетъ оно новые порядки, наступающіе со времени втораго (подражательнаго) періода, и тѣмъ упорнѣе готово отвергать ихъ“ [1]). Но и при всемъ томъ, нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, ташкентскіе ученые сарты понемногу сближаются съ нами и даже присматриваются къ русскимъ школамъ, прислушиваются къ русской рѣчи и не отталкиваются отъ разныхъ научныхъ свѣдѣній, какія проникаютъ въ ихъ среду путемъ живыхъ бесѣдъ съ русскими людьми и чрезъ мѣстную туземную газету. Ташкентская мужская гимназія не рѣдко посѣщается учеными сартами, мѣстными и пріѣзжими изъ другихъ городовъ Туркестанскаго края. Въ 1890 году туземный поэтъ изъ Ферганы Закиръ-джанъ (Фиркатъ) описалъ въ стихахъ свое первое посѣ-

---

[1]) Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. А. Галахова. Изданіе второе. Томъ I, отдѣлъ 2-й, стр. 277, Спб. 1880.

щеніе гимназіи и затѣмъ годичный актъ гимназіи, на которомъ онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими воспитанниками ташкентской высшей мусульманской школы. Ради интереса, представляемаго послѣдними стихами, первыми въ своемъ родѣ, они приводятся здѣсь въ русскомъ переводѣ.

„Направившій взоръ на эту страницу увидитъ нижеслѣдующія слова.... Писалъ я о гимназіи и составилъ для народа описаніе того, какъ было приготовлено засѣданіе Акта, чтобы начаться по русскому обычаю. Большая зала гимназіи была убрана на подобіе цвѣтника; она была украшена зеленью растеній, и въ углахъ ея были разставлены цвѣты. Въ залѣ было разставлено очень много стульевъ. Зелень отражалась на стульяхъ, и они имѣли цвѣтъ изумруднаго бархата.... Ученики надушили свои волосы духами.... Не то это была розовая вода, не то волосы ихъ пахучи, какъ розы.... Въ залу прибыли отцы учениковъ и чадолюбивыя матери, а также гости—мужчины и женщины,—подобные Платону своею мудростію. Тамъ были и начальники разные.... Не достанетъ времени подробно перечислять ихъ. По чинамъ занимали они стулья и сидѣли сосредоточенно, нимало не разговаривая. Ученики были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, какъ плеяды въ небесномъ пространствѣ. Преданный слуга Русскаго ГОСУДАРЯ, Генералъ-Губернаторъ, представитель справедливости, достигшій особенной высоты, прибывъ, вошелъ въ собраніе, поздоровался со всѣми и занялъ самое главное мѣсто. По одну сторону его сѣлъ Главный Инспекторъ училищъ, а по другую сторону начальникъ гимназіи. Преподаватели всѣ сидѣли полукругомъ въ почтительномъ положеніи. Передъ Генераломъ находился большой столъ; ноги у стола—изъ алоэ и сандала. На столѣ лежали аттестаты зрѣлости и похвальные листы.

„Одинъ преподаватель прочиталъ своего сочиненія рѣчь, содержаніе которой заимствовалъ изъ исторій на разныхъ языкахъ. Онъ говорилъ объ Александрѣ Македонскомъ, какъ онъ приходилъ въ Туркестанъ, какъ пришелъ, куда ходилъ, что дѣлалъ. Когда онъ окончилъ свою рѣчь, другой началъ читать отчетъ

по гимназіи. Тѣмъ ученикамъ, которые прилежно учились, были выданы награды, то есть похвальные листы. Девятнадцати ученикамъ были выданы аттестаты зрѣлости, и двумъ изъ нихъ за отличные успѣхи были назначены золотыя медали. При выдачѣ наградъ играли музыканты и веселили духъ. Сердце услаждалось звуками, восторгалось какъ въ дни праздниковъ. Ученики почтительно получали награды изъ рукъ Генерала. Они, хотя еще и дѣти, но наука поставила ихъ въ высокое положеніе. Голосъ одобренія слышался въ собраніи отъ мала до велика. Были на актѣ и нѣсколько воспитанниковъ мусульманской мадрасы, скромные люди. Они стояли на одномъ мѣстѣ, смотрѣли и рѣшительно ничего не говорили, кромѣ словъ одобренія.—Учебное дѣло съ такими порядками и правилами вызываетъ удивленіе и одобреніе. Какой удивительный обычай! Какой удивительный порядокъ! Отъ этого прилежаніе учащихся увеличивается. Говоря это, я хочу сказать, что и у меня самого усилилось стремленіе къ наукѣ.... Вѣдь у каждаго народа высоко цѣнится наука, и положеніе учащаго—самое высокое въ мірѣ: кто свѣдущъ въ наукахъ, тотъ цѣнится и уважается народомъ; кто бы какое дѣло ни дѣлалъ въ жизни, для болѣе легкаго выполненія его необходимо знаніе.... Міръ освѣщается лучами знанія, сердце очищается чистотою знанія. У кого есть въ рукѣ свѣтильникъ, тотъ и въ темнотѣ не встрѣтитъ опасности на пути.... Боже! Просвѣти темное сердце Фирката свѣтомъ знанія“.

Другіе стихи составлены тѣмъ-же поэтомъ по случаю посѣщенія имъ концерта, даннаго ташкентскимъ музыкальнымъ обществомъ 1 іюля 1890 года въ пользу бѣдныхъ учениковъ ташкентской гимназіи, окончившихъ въ томъ году курсъ. Вотъ эти стихи:

„Вы, проницательные друзья-ораторы, рѣдкостныя жемчужины въ морѣ совершенства! Вы, кони, скачущіе по ристалищу науки и отличающіеся знаніемъ! Послушайте,—я поведу свой разсказъ, буду излагать его въ стихахъ.... Было первое іюля тысяча восемьсотъ девяностаго года. Я гулялъ по русскому городу, но въ

душѣ имѣлъ добрыя чувства[1])... Получивъ въ этотъ день извѣстіе, я прошелъ къ ярмаркѣ и увидѣлъ величественное зданіе (театръ), служащее для развлеченія русскаго населенія. Я взялъ билетъ, вошелъ и сѣлъ; я видѣлъ устроенное тамъ развлеченіе. Въ большой залѣ горѣли многочисленныя лампы; передняя часть залы была устроена на подобіе сада. Когда я хорошенько всмотрѣлся, то это были разрисованные занавѣсы (декораціи), а на занавѣсахъ были отпечатки рисунковъ. Многочисленныя свѣчи освѣщали эту комнату; она была похожа на цвѣтникъ изъ свѣтильниковъ. Стулья были уставлены въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. съ высшей, средней и низшей платой. Такъ какъ на этомъ концертѣ были люди интеллигентные и простые, то мѣста были занумерованы. Прибыли туда большіе и малые, какъ русскіе, такъ и нѣмцы, и французы. Но большинство составляли начальствующіе и знатные,—чистая публика. Прибыло много мужчинъ и женщинъ, и всѣ сѣли на стулья. Всѣ прибывающіе съ цѣлію послушать концертъ садились на свои мѣста. Сначала одинъ мальчикъ и одна женщина исполнили свою музыкальную партію. Послѣ того пѣлъ одинъ пѣвецъ, а ему аккомпанировала дама. Потомъ вышла одна дама въ голубомъ платьѣ, солнцеликая.... Я спросилъ, и мнѣ сказали, что это—супруга Громова. Задушевный ея голосъ привелъ въ восторгъ мое сердце. Ея выходъ былъ подобенъ появленію счастливой звѣзды: если бы и Пери увидѣла ея красоту, то позавидовала бы.... Она держала въ рукѣ ноты и пѣла тихимъ голосомъ. Двое ей подыгрывали: одинъ на роялѣ, другой на віолончели. Музыка и пѣніе были одного тона, то есть вполнѣ согласны. Сердце услаждалось ихъ музыкой, душа наслаждалась ея голосомъ. За такую совершенную игру и пѣніе ихъ все собраніе аплодировало имъ въ знакъ одобренія; всѣ были въ восторгѣ.... Она возвратилась съ почтительнымъ поклономъ и какъ „полная луна“ скрылась за горизонтомъ (за кулисами). Но отвѣчая желанію публики продолжить наслажденіе ея голосомъ, она снова вышла и начала

---

[1]) Т. е. не относился съ фанатическимъ презрѣніемъ къ русскому городу, какъ къ жилищу невѣрныхъ. Н. О.

пѣть пѣсню, которая зажгла сердце, и сердце мое горѣло огнемъ наслажденія. Потомъ она съ почтительнымъ поклономъ удалилась за занавѣсъ, а публика продолжала аплодировать ей. Затѣмъ вышли молодой человѣкъ и дама; они играли и пѣли, доставляя удовольствіе. Они удовлетворили музыкально-вокальныя чувства слушателей и ушли за декораціи. Вышли еще двѣ женщины; одна играла на рояли, а одна пѣла неподражаемую пѣсню. Одинъ мальчикъ опять игралъ на скрипкѣ; трое они (своимъ искусствомъ) отогнали болѣзнь, страданіе и печаль. Спустя нѣсколько времени, поднялся занавѣсъ, и тѣ, которые встали было съ мѣстъ своихъ, быстро опять сѣли. Вышли болѣе пятнадцати дѣвицъ съ однимъ дирижеромъ. Всѣ они начали пѣть хоромъ.... Печень моя разошлась, какъ вода[1])).... Дирижеръ махалъ руками и тѣмъ дѣлалъ указанія пѣнію.... И эти нѣжныя существа начали пѣть то тихо, то громко. Голоса ихъ не выступали изъ мѣры и снова тронули сердце. Сколько ни было на концертѣ лицъ, пѣніе это очаровало ихъ. Отъ ихъ пѣнія мой умъ оцѣпенѣлъ, отъ музыки сердце мое разслабло. Я нигдѣ не слышалъ такихъ голосовъ; хорошо, что я не вышелъ изъ себя отъ восторга. Браво такому пѣнію!... Когда всѣ эти дѣвицы вошли за кулисы, концертъ окончился.— Концертъ продолжался до одиннадцати часовъ, а потомъ всѣ возвратились по своимъ домамъ. У меня не было ума и памяти; у меня поминутно появлялся восторгъ. Я желалъ снова посмотрѣть, чтобы успокоить взволнованное сердце. Однимъ словомъ: эту ночь, друзья, до разсвѣта я не могъ заснуть.... И въ настоящее время на сердцѣ у меня желаніе еще посмотрѣть“....

Ташкентскіе казіи и другія туземныя должностныя лица бываютъ въ русскихъ домахъ и у себя принимаютъ русскихъ. Я не говорю уже объ оффиціальныхъ праздничныхъ пріемахъ этихъ лицъ генералъ-губернаторомъ, военнымъ губернаторомъ и начальникомъ города. Во время этихъ пріемовъ, а также во время устраиваемыхъ для почетныхъ туземцевъ угощеній,

---

[1]) Такой своеобразный оборотъ означаетъ, что слушатели пришли въ неописанный восторгъ отъ пѣнія. Н. О.

послѣдніе чувствуютъ и цѣнятъ вниманіе, оказываемое имъ русскими начальниками. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія стихи того же поэта, своеобразно описавшаго свои личныя чувства и впечатлѣнія, вынесенныя имъ съ двухъ оффиціальныхъ вечеровъ въ домѣ Генералъ-Губернатора Барона А. Б. Вревскаго, 22 января и 10 февраля 1891 года:

I. Былъ новый, тысяча восемьсотъ девяносто первый годъ, конецъ января.

Къ двадцать второму января пришло къ намъ хорошее извѣстіе:

Отъ Господина Генералъ-Губернатора, чрезъ посланнаго начальникомъ города, доставленъ намъ конвертъ (съ билетомъ).

Взявъ въ руки это милостивое письмо, мы тогда же почтительно Прочитали его. Въ немъ было милостивое приглашеніе на вечеръ.

Въ короткихъ словахъ: я отправился въ назначенный день и, когда прибылъ, было девять часовъ (вечера).

По данному знаку, я вошелъ во внутреннюю часть (генералъ-губернаторскаго дома) и увидѣлъ отличное помѣщеніе.

Большой залъ былъ очень просторный и приготовленъ для гостей.

Вдоль стѣнъ были рядами разставлены стулья и всѣ ровные.

Въ каждой сторонѣ они стояли правильно; не было ни малыхъ, ни съ недостатками.

Къ потолку этой комнаты привѣшены пять люстръ, и въ каждой горѣли стеариновыя свѣчи.

Въ одной большой люстрѣ горѣло сто свѣчей, а всего было болѣе тысячи свѣчей.

Отъ ихъ пламени билъ въ глаза столь яркій свѣтъ, что и день передъ нимъ былъ тьмой....

Столь хорошо былъ убранъ этотъ залъ, что видѣвшіе его принимали его за цвѣтникъ.

По сторонамъ его было еще много комнатъ, много красивыхъ помѣщеній, и всѣ они были наполнены рѣдкими, какихъ мало, предметами.

Удивительнѣе всего одна комната со стеклами; она и въ зимнее время носитъ признаки цвѣтника:

Тамъ много распустившихся цвѣтовъ, которые не колятся, когда прикоснешься къ нимъ.

Каждая сторона обвивается зеленью и на листья падаетъ вода, какъ роса.

Въ этомъ цвѣтникѣ билъ фонтанъ; его вода имѣла цвѣтъ бѣлой розы съ синимъ отливомъ.

Будетъ ли морозный день,—внутрь сада проникаетъ тепло изъ печи снизу.

Столь много было въ этотъ вечеръ свѣтильниковъ, что въ цвѣтникѣ было свѣтло, какъ днемъ.

Каждый свѣтильникъ былъ особаго цвѣта и казался глазамъ семицвѣтнымъ.

Много такихъ комнатъ, веселящихъ сердца, пріятныхъ; особенно двѣ въ высокой степени узорчатыя....

Чтобы раскрасить ихъ, мастеръ клалъ на нихъ узоры меньше глазокъ соловьиныхъ.

А одна комната во вкусѣ мусульманъ: всѣ ея стѣны и потолокъ узорчатые.

А за нею еще большая комната: кто войдетъ въ нее, сразу чувствуетъ себя хорошо;

Всѣ ея стѣны гладки-чисты, какъ зеркало; отъ нея отражается свѣтъ.

Всѣ комнаты были наполнены благовоніями, какъ мускусъ и амбра....

На этотъ вечеръ прибыло много русскихъ, много и должностныхъ мусульманъ.

Прибыли хорошіе, почетные люди,—гости Генералъ-Губернатора.

Собрались тамъ среброгрудыя[1]), танцующія дѣвицы съ глазками серн, Дочери начальниковъ, всѣ красивыя лицомъ, стройныя станомъ, со лбомъ, какъ роза, и душистыми, какъ амбра, волосами.

А среди нихъ была невѣстка Генерала, красивѣе всѣхъ дѣвицъ.

Красота ея, какъ красота бѣлой розы среди красныхъ розъ,—въ изяществѣ.

Заиграла музыка, вышли барышни, и начались танцы.

Ихъ движенія были въ тактъ музыкѣ; ступали онѣ соотвѣтственно правиламъ танцевъ.

Вмѣстѣ съ ними, держась за руки, танцовали мужчины.

Исполнивъ первый танецъ для знакомства, они потомъ сходились мало-по-малу.

Танцующія пары каждый разъ смѣшивались и знакомство ихъ укрѣплялось.

Каждый по своему желанію и всѣ одновременно танцовали.

Чтобы доставить удовольствіе гостямъ, хозяйка много разъ обращалась къ нимъ

Съ выраженіями своего расположенія и приглашеніемъ танцовать.

---

[1]) Т. е. въ бѣлыхъ, серебристыхъ платьяхъ. Н. О.

Кромѣ невѣстки (Генерала), была еще одна барышня, радушно относившаяся къ гостямъ.

Когда невѣстка Генерала удалялась, эта барышня была ея замѣстительницей.

И Генералъ-Губернаторъ прохаживался тутъ, смотря на веселящихся гостей.

Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ разговаривалъ и радовалъ ихъ сердца.

Былъ тамъ одинъ оживленный танецъ; всѣ гости восторгались.

Это былъ большой живой танецъ. Принесли къ танцующимъ поднос съ цвѣтами

И, раздавъ дѣвушкамъ цвѣты, сдѣлали подобіе цвѣтника.

Барышни давали цвѣты, кому хотѣли, и тѣ мужчины были избранниками ихъ сердца.

Они парами танцовали: взявшись за руки, они на томъ же мѣстѣ дѣлали кругъ.

Подобно этому, всѣ тогда, каждая пара отдѣльно, дѣлали круги.

Этотъ танецъ вызывалъ высокое удивленіе, такъ что никто не вспоминалъ даже о танцахъ Джамшида [1]).

Танцы продолжались въ эту ночь пять часовъ, и всѣ остались вполнѣ довольны.

Послѣ того пригласили гостей въ другую залу, говоря: «сдѣлайте честь закускѣ».

Приготовлены были разныя кушанья, всѣ чистыя, одно другаго чище.

Гости подошли къ столу и кушали съ удовольствіемъ.

Кушанья клали на тарелки, а стаканы наполняли сладкими напитками.

Все помѣщалось на столахъ. Но многимъ кушаньямъ названій я не знаю.

Кому что нравилось, тотъ то и кушалъ безъ стѣсненія.

Много слугъ было тамъ, и каждый исполнялъ свою обязанность.

По окончаніи закуски, гости вышли оттуда, вошли въ другую залу, какъ будто изъ цвѣтущей долины въ розовый цвѣтникъ;

Всѣ имѣли въ виду уходить домой.... Получивъ позволеніе отъ Генерала,

Мы, шестнадцать человѣкъ, радостно настроенные, вмѣстѣ съ русскими выразили искреннюю благодарность.

Происходившее развлеченіе кратко описано перомъ Фирката [2]).

---

[1]) Время баснословнаго Джамшида славилось разнообразными танцами. Н. О.

[2]) Туркест. тузем. газета 1891 г. № 4.

II. Во второй разъ, десятаго февраля, въ девять часовъ (вечера), какъ и въ первый разъ,

Были также у Господина Генералъ-Губернатора гости, и сердца ихъ веселились.

Въ этотъ вечеръ на небѣ луна открыла лицо свое и бросала на землю серебристые лучи....

Когда я шелъ по улицѣ и увидѣлъ (свѣтъ луны), сердце мое просіяло.

Домъ Генерала былъ такъ освѣщенъ, что легко было бы поднять упавшую иголку:

Много горѣло свѣчей, разставленныхъ на изгороди вдоль всей усадьбы.

При входѣ стояли нѣсколько человѣкъ, чтобы принимать гостей....

То же помѣщеніе, тотъ же садъ, тотъ же залъ; но иного рода былъ самый балъ....

Вышелъ Генералъ-Губернаторъ, обошелъ всѣхъ гостей, со всѣми одинаково поздоровался

И кланялся, говоря: «Добро пожаловать! Радъ видѣть васъ» [1]).

Но изъ чиновныхъ особъ было много новыхъ лицъ, и сосчитать всѣхъ было невозможно.

Также и въ числѣ дѣвицъ были еще болѣе красивыя и миловидныя, чѣмъ на первомъ балѣ.

Кромѣ дѣвицъ, вмѣстѣ съ ними было много и супругъ чиновниковъ.

На нихъ были высокой цѣны платья.

Граціозно выступали онѣ, какъ павы,—растилались ихъ шлейфы по полу.

Если скажу, что это былъ цвѣтникъ (то справедливо), потому что тамъ были розоликія;

Ихъ платья—пріятнаго цвѣта, какъ и розы, а ихъ уста,—какъ бутоны;

Если бы настоящая хна[2]) вздумала поспорить съ цвѣтомъ ихъ губъ, то заслужила бы наказаніе—попраніе ногами.

Ихъ станы—какъ стройные кипарисы; ихъ волосы спускались на лица въ видѣ гіацинтовъ;

Въ (пріятныхъ) рѣчахъ имъ уступили бы даже индійскіе попуган, а отъ ихъ (скромныхъ) взоровъ опустили бы свои глаза китайскія серны.

Среди нихъ двѣ хозяйки оказывали гостямъ полное вниманіе:

Одна изъ нихъ—невѣстка Генерала и еще одна дѣвица.

Онѣ всѣмъ гостямъ говорили пріятныя рѣчи.

---

[1]) Послѣднее выраженіе не буквально переведено съ подлинника, но смыслъ его тотъ.

[2]) Красный цвѣтокъ, употребляемый женщинами сартовъ для крашенія бровей.

Въ этомъ (живомъ) цвѣтникѣ обѣ онѣ имѣли платья цвѣта фіалки.
Подобныя *пери,* онѣ съ радушіемъ приглашали гостей въ гостиную.
Если бы я сталъ описывать ихъ качества, то сколько бы ни писалъ, не кончилъ бы....

Дѣвицы и дамы всѣ танцовали; движенія ихъ были въ тактъ музыкѣ;
Но и танцы въ этотъ разъ были иные, а не повторенные.
Прибывшіе (на балъ) развлекались, каждый по своимъ склонностямъ:
Одни стояли гдѣ-нибудь, другіе въ свое удовольствіе расхаживали по комнатамъ,
Одни сидѣли, другіе стояли и смотрѣли;
Одни были въ цвѣтникѣ [1]), другіе наслаждались чаепитіемъ;
Одни, взявшись рука-объ-руку съ друзьями, гуляли тамъ и сямъ.
Въ этихъ танцахъ всѣ находили большое удовольствіе; у всѣхъ исчезала печаль и тоска.

Этотъ балъ окончился въ два часа, и тотчасъ сѣли за столъ.
Въ томъ цвѣтникѣ, который служитъ для высшаго удовольствія, было особое мѣсто для мусульманъ (т. е. для нихъ приготовленъ былъ столъ въ зимнемъ саду).
По выходѣ изъ-за стола, всѣ собрались уходить.
Высокій хозяинъ благосклонно простился съ гостями и отпустилъ ихъ.
И я возвратился въ свое обиталище, какъ унылый соловей—въ свой прежній цвѣтникъ....
Я вспомнилъ тотъ цвѣтникъ, затосковалъ и наконецъ, подобно соловью, запѣлъ...[2]).

Эти стихи я написалъ кратко, но и при краткости исчерпалъ все.
Потому что, когда былъ первый балъ, я описалъ его подробно;
Если же и теперь я повторилъ нѣкоторыя слова, то на это есть причина:
Потому что я слышалъ благосклонныя слова, что сложилъ такіе стихи.
Невѣстка Генерала, хозяйка (бала), увидѣвъ меня тамъ, оказала мнѣ такую большую милость—
Сказала мнѣ нѣсколько ободрительныхъ словъ: всѣ слова ея были благосклонныя....
Я—бѣдный[3]) былъ очень обрадованъ; испуганное мое сердце успокоилось.
Я навсегда съ душевною благодарностію сохраняю и буду помнить такую милость.

---

[1]) Т. е. въ зимнемъ саду.
[2]) Т. е. сложилъ вышеприведенные стихи.
[3]) Т. е. маленькій человѣкъ.

Собственно это стихотвореніе—для мусульманъ, эти слова для разумѣющихъ.

Мнѣ представилось нужнымъ написать и объяснить имъ, чтобы и они, услышавъ, узнали и порадовались въ сердцѣ.

Такъ, мы мусульманскій народъ—большой народъ и нѣсколько лѣтъ живемъ среди русскихъ;

Въ домѣ Генералъ-Губернатора въ разное время балы бывали, но мы не видали, каковы они.

Хотя въ сторонѣ отъ Ташкента много живетъ мусульманъ, однако они не бывали среди русскихъ и не видывали такихъ развлеченій.

И въ газетѣ не читали, не слыхали или не имѣли желанія получать ее.

А развлеченіе это—въ томъ, что собираются въ большомъ залѣ.

И танцуютъ тамъ нѣсколько часовъ молодые люди съ дѣвицами, женщины съ мужчинами.

Другъ съ другомъ они разговариваютъ и открываютъ путь къ знакомству.

Проявляютъ хорошее обращеніе другъ съ другомъ, манеры пріятныя и хорошія.

Видя многихъ людей, (присутствующіе) берутъ съ нихъ примѣры, обращаютъ вниманіе на ихъ нравы

И этимъ пріобрѣтаютъ много опытности; и правила вѣжливости среди нихъ совершенствуются[1])....

Конечно, русскій читатель найдетъ въ этихъ стихахъ много наивнаго, встрѣтитъ своеобразныя прикрасы и преувеличенія.... Но все это естественно, если принять во вниманіе, что туземный поэтъ никогда ничего подобнаго не видалъ да и не могъ вообразить себѣ. Удивляться ли, что *бѣдный* въ буквальномъ смыслѣ слова поэтъ, который можетъ по-праву сказать: omnia mea mecum porto, поражается прежде всего цѣлыми рядами ровныхъ и неломанныхъ стульевъ и считаетъ, сколько свѣчей было заправлено въ люстрахъ?... Онъ съ своей точки зрѣнія отмѣтилъ и то, что кушанья на балу для столь большаго числа гостей были чисто приготовлены, потому что и у сартовъ собираются гости въ большомъ числѣ, но кушанья для нихъ варятся среди двора, въ котлахъ....

---

[1]) Туркест. тузем. газ. 1891 г. № 7.

Вообще, надо хорошо знать бытъ туземца, чтобы понять ошеломляющее впечатлѣніе, производимое на него большимъ русскимъ баломъ. А затѣмъ надо принять въ соображеніе и то, что туземные поэты имѣютъ всегда въ запасѣ стереотипныя красивыя фразы и сравненія, которыя они и примѣняютъ потомъ къ дѣлу, какъ только представляется подходящій случай. Вотъ какъ самъ поэтъ объяснилъ свое положеніе (въ стихахъ же):

Я пишу о положеніи поэта, объясняю настоящее прошедшимъ.

(Поэтъ), что увидитъ хорошаго въ мірѣ, то излагаетъ, описываетъ въ хорошихъ выраженіяхъ:

Если гдѣ-нибудь будетъ хорошее мѣсто, красивое зданіе или вообще усадьба,

Или будетъ хорошій садъ съ отличнымъ мѣстомъ отдохновенія, въ которомъ каждый человѣкъ всегда радуется,

Или будетъ обширная площадь, при видѣ которой сердце приходитъ въ восторгъ,

Или будутъ люди, достигшіе совершенства, или человѣкъ отличающійся красотою,—

Какимъ образомъ поэтъ скажетъ объ этихъ предметахъ худо, не сказавъ хорошаго слова?

Хорошему человѣку свойственно хорошо говорить о хорошихъ предметахъ; дурная привычка—говорить дурныя слова.

У кого есть умъ и разумѣніе, тотъ самъ не позволитъ себѣ сказать дурное слово....

Напримѣръ: Саади, путешествуя, писалъ о многихъ видѣнныхъ имъ предметахъ.

Онъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по міру; въ каждомъ городѣ онъ проводилъ по нѣскольку дней;

Развлекаясь въ этихъ городахъ, онъ оставался тамъ по нѣскольку дней,

Видѣлъ тамъ чуждые ему обычаи, а вмѣстѣ съ обычаями и религіозные обряды.

Удивившись, онъ писалъ объ этомъ то прозой, то длинными, то короткими стихами....

Если кто увидитъ что-нибудь невиданное и удивится, то удивительно удивленіе другаго безъ причины.

Напримѣръ: мы—мусульманскій народъ, особенно нѣкоторые жители Ферганы[1])

[1]) Авторъ—уроженецъ Ферганы и временно жилъ въ Ташкентѣ. Н. О.

Отправившись въ русскій городъ и увидѣвъ тамъ невиданные обычаи и порядки,

Возможно, что удивились и изумились....

Если поэтъ, гуляя, увидитъ что-нибудь удивительное и напишетъ объ этомъ стихи,—

Красота его стиховъ—въ высокомъ слогѣ, каковы бы ни были слова его.

Напримѣръ: мусульманскіе поэты, очень искусные въ стихотворствѣ,

Были: Хафизъ, Саади, Фирдауси. Имена этихъ трехъ поэтовъ—какъ знамена въ мірѣ....

Сколько возвышенныхъ словъ сказали они! И образованные люди слова ихъ одобряютъ.

Фирдауси въ «Шахнама» такъ восторженно разсказываетъ объ одной большой битвѣ:

«Отъ пыли, на полѣ битвы поднятой лошадьми, земля стала *шесть*, а небо *восемь*[1]).

Въ такихъ выспренихъ образахъ онъ высказалъ это.—

А когда же въ самомъ дѣлѣ небесъ было восемь, а земель шесть?!

И этотъ стихъ намъ нравится, потому что въ немъ много прелести.

Однако наши стихи русскимъ людямъ не понятны,

Потому что они читаютъ и хорошо знаютъ своихъ поэтовъ—

Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Эти три поэта писали своеобразно и показали стихотворство въ своихъ сочиненіяхъ.

Наши стихи не похожи на тѣ и образы наши не похожи на ихніе.

Неудивительно, если и не понравятся (наши стихи), неудивительно, если не будутъ брать ихъ въ руки.

Это недовольство не безъ причины- Если (наши стихи) не нравятся, то не удивительно,

Потому что, что бы ни было, мы пишемъ соотвѣтственно своимъ склонностямъ:

Мы пишемъ, когда сердце восторгается и когда оно погружается въ печаль:

Каково состояніе (духа), соотвѣтственно тому будетъ и содержаніе (стиховъ).

Вообще, мы пишемъ въ хорошихъ выраженіяхъ и (что видѣли) объясняемъ своему народу[2]).

---

[1]) То есть „*Отъ лошадиныхъ копытъ цѣлый слой земли поднялся къ небу и образовалъ восьмой слой неба, а земля уменьшилась на одинъ слой*“.

[2]) Туркест. тузем. газета 1891 г. № 6.

Среди почетныхъ туземцевъ г. Ташкента до 1892 г. (годъ смерти) обращалъ на себя вниманіе ишанъ Абулъ-Касымъ-ханъ, считавшій своихъ послѣдователей (мюридъ) тысячами и вообще пользовавшійся особымъ почетомъ не только въ Ташкентѣ, но и въ окрестностяхъ. И онъ не уклонялся отъ представленій къ русскимъ начальствующимъ лицамъ и всегда находился давать умные и вмѣстѣ съ тѣмъ скромные отвѣты русскому начальству. Я лично былъ свидѣтелемъ, съ какимъ тактомъ почтенный Абулъ-Касымъ-ханъ поддерживалъ разговоръ съ Генералъ-Адъютантомъ Н. О. Розенбахомъ во время завтрака, устроеннаго 13 іюля 1884 года для представителей туземнаго населенія г. Ташкента и ташкентскаго уѣзда. Кромѣ того, я лично былъ два раза любезно принятъ Абулъ-Касимъ-ханомъ въ его домѣ, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ самаго разносторонняго содержанія и вынесъ изъ этого посѣщенія пріятное впечатлѣніе. Онъ просидѣлъ со мной два часа, разговаривая о разныхъ предметахъ. Будучи самъ ученымъ человѣкомъ и стараясь давать образованіе учащимся, онъ израсходовалъ около тридцати тысячъ рублей на устройство въ Бишъ-агачской части, противъ своего двора, хорошаго помѣщенія для школы (изъ жженаго кирпича) и даетъ содержаніе иногда ста пятидесяти, иногда ста ученикамъ, учащимся въ этой школѣ, и кромѣ того имъ же выдаетъ ежегодно значительную сумму денегъ.

Разговаривая со мной о просвѣщеніи, онъ съ печалью высказался, что въ настоящее время среди мусульманъ не только нѣтъ такихъ великихъ ученыхъ, какіе были въ древнее время, какъ, напримѣръ: Имамъ Мухаммадъ Газзали, Мауляви Руми и подобные имъ, но и такихъ людей нѣтъ, которые бы читали и обсуждали ихъ сочиненія. Заговоривъ о преимуществахъ знанія, онъ сказалъ: „подобно тому, какъ люди умираютъ безъ пищи, и сердце человѣка безъ знаній мертво“. Разсуждая о новыхъ наукахъ, извѣстныхъ въ настоящее время въ Европѣ, онъ сказалъ: „отъ усвоенія знаній какого бы ни было народа получается только польза, такъ какъ каждый народъ, усвоя знанія другого

народа, придаетъ новую силу своему собственному знанію". Когда я разсказалъ ему о томъ, что въ Ташкентѣ, 22 іюля 1885 г. съ разрѣшенія Господина Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, будетъ устроена выставка , цѣлью показать лучшій уходъ за деревьями, плодами и цвѣтами этого края, онъ сказалъ, что занятіе земледѣліемъ вознаграждается милостію Господа Всевышняго и прибавилъ: „покойный родитель мой денегъ мнѣ не оставилъ, но я, занимаясь земледѣліемъ, пріобрѣлъ капиталъ, на который устроилъ упомянутую школу и изъ котораго даю содержаніе находящимся въ ней ученикамъ"[1]). Въ 1892 году, во время холерныхъ безпорядковъ въ г. Ташкентѣ, Абулъ-Касымъ-ханъ былъ во главѣ представителей ташкентскаго туземнаго населенія, подававшихъ Генералъ-Губернатору Барону А. Б. Врев-скому петицію слѣдующаго содержанія:

«Прошло двадцать семь лѣтъ со времени подчиненія этого края Россійскому Государству, а до этого времени городъ (Ташкентъ), находясь подъ властью киргизъ и кипчаковъ, видѣлъ разные безпорядки и волненія; но послѣ вступленія русскихъ въ эту страну городъ нашъ благоустроился, улицы исправлены, базаръ и жилища приняли красивый видъ; земледѣліе и торговля наши увеличились,—и мы радовались наступленію спокойствія. Поэтому за Великаго Русскаго Государя Императора мы всегда совершали молитвы и исполняли предписанія назначаемыхъ губернаторовъ и другихъ старшихъ и младшихъ начальниковъ,—и радовались. Извѣстно, что, когда войска ходили въ бухарскіе предѣлы, а также во время смутъ въ Ферганѣ, и когда войска ходили въ Хивинское ханство, мы не отказывали въ помощи, зависѣвшей отъ насъ, и никакихъ безпорядковъ не производили, а показывали преданность нашу и пользовались отъ губернаторовъ довѣріемъ и вниманіемъ. Вполнѣ сознавая покровительство и попеченіе о насъ Великаго Императора, мы оружія не хранили и пребывали въ спокойствіи и во всякомъ благополучіи. Но двадцать четвертаго іюня сего года, когда большая часть городскаго населенія находились въ степи и садахъ, празднуя день жертвоприношенія, нѣсколько безголовыхъ безумцевъ или, можетъ быть, подчинившіяся людямъ, интриговавшимъ изъ-за власти, отправились своевольно къ старшему аксакалу съ просьбою относительно покойниковъ; а въ этой средѣ могли быть злонамѣренные люди, которые, исполняя свой

---

[1]) Туркест. тузем. газета 1885 г. № 22.

замыселъ, вошли въ домъ старшаго аксакала и забрали его имущество и даже имѣли дерзость отправиться въ Управленіе начальника города и тамъ произвели смятеніе. Эти люди должны быть извѣстны старшему аксакалу и бывшему начальнику города, самому полковнику Путинцеву, которыхъ они узнаютъ, если увидятъ; и если былъ (въ этомъ дѣлѣ) подущатель, то и его должны знать.

«Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Вашей милости, мы надѣемся на Васъ, что Вы съ великою милостью примите настоящее наше прошеніе, написанное слезами и съ полной искренностью, разслѣдуете происшедшій случай и, обнаруживши тѣхъ лицъ, которыя произвели такой безпорядокъ, подвергнете ихъ наказанію, какъ виновныхъ, по закону. Эти злонамѣренные люди сконфузили въ глазахъ начальства все ташкентское населеніе. Но что касается всѣхъ вообще ташкентскихъ жителей, то у нихъ не было свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ и никто не сочувствовалъ поступку этихъ безголовыхъ людей, который они совершили вдругъ, по собственной своей волѣ, и потому сами ответственны за совершенное ими дѣло, а прочіе люди не должны быть виновны. Поэтому мы, склонивъ голову, съ покорностью обращаемся къ Вашему Высокопревосходительству, нашему Главному Начальнику, съ усерднѣйшей просьбой принять милостиво наше настоящее прошеніе и дать намъ возможность спокойно совершать богослуженіе наше въ мечетяхъ и ученіе въ мадрасахъ и также спокойно, какъ было и прежде, совершать молитву за Великаго Государя и за главныхъ начальниковъ нашихъ. 1892 г. 29 іюня.

Выслушавъ и принявъ это прошеніе, Главный Начальникъ края, обращаясь къ депутаціи, сказалъ:

«Узнавъ въ Чимганѣ о происшедшихъ 24 іюня въ Ташкентѣ безпорядкахъ, я долженъ былъ донести объ этомъ. Великій Государь Нашъ, несомнѣнно, будетъ глубоко опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Въ числѣ ста слишкомъ милліоновъ подданныхъ Нашего Великаго Царя заключается много разныхъ племенъ, въ томъ числѣ и туземцы Туркестанскаго края. Всѣхъ ихъ Его Императорское Величество одинаково любитъ, какъ Отецъ своихъ дѣтей, обо всѣхъ неусыпно заботится. Счастіе и благополучіе всѣхъ Его подданныхъ заключается въ безпредѣльной любви къ Нему и въ исполненіи Его высокой Воли и распоряженій поставленныхъ Имъ начальниковъ. За три года управленія моего краемъ я полюбилъ трудолюбивыхъ и преданныхъ порядку сартовъ. Увѣренъ, что въ происшедшихъ безпорядкахъ большинство населенія не участвовало и имъ не сочувствовало, но—здѣсь голосъ Его Высокопревосходительства сталъ строгимъ—знаю также, что въ этихъ безпорядкахъ принимали участіе вліятельныя лица и даже ишаны; они-то, эти дурные, злонамѣренные люди, и были главными виновниками; они и

будутъ наказаны всего строже. Объясненія ваши принимаю. Я прикажу вывести сегодня войска изъ города. Не сомнѣваюсь, что порядокъ, въ которомъ вы мнѣ порукою, болѣе не нарушится. Въ помощь начальнику города назначено особое лицо для ближайшаго управленія туземною частію города. Всѣ прежніе народные судьи и аксакалы, по приказанію моему, смѣнены за то, что во время безпорядковъ попрятались, не имѣя достаточно мужества исполнить свои обязанности. Надѣюсь, что вновь назначенные окажутся соотвѣтствующими возлагаемымъ на нихъ должностямъ. Объявите населенію о томъ, что вы отъ меня слышали».

Выслушавъ рѣчь Его Высокопревосходительства, депутація удалилась. Вслѣдъ за этимъ военный губернаторъ отправился въ азіатскую часть города, гдѣ его ожидала та же депутація во главѣ собравшихся въ большомъ числѣ жителей. Обращаясь къ нимъ, генералъ-лейтенантъ Гродековъ сказалъ, что милостивый пріемъ Главнымъ Начальникомъ края депутаціи и представленнаго ею прошенія составляетъ большое счастіе для населенія, что Генералъ-Губернаторъ въ отеческой снисходительности своей приказалъ вывести изъ города войска, что населеніе, конечно, оцѣнитъ эту милость и поэтому немедленно возвратится къ обычнымъ занятіямъ, въ точности исполняя распоряженія начальства[1]).

Почтенный Абулъ-Касымъ-ханъ, потрясенный событіями послѣднихъ дней, которыя имѣли особенное вліяніе на него при его преклонномъ возрастѣ, вскорѣ послѣ этого (4 іюля) умеръ отъ холеры. Любопытно, что ташкентскіе сарты приписали его смерти наставшее затѣмъ прекращеніе холеры. Они говорили, что смерть праведнаго человѣка всегда служитъ умилостивленіемъ Божія гнѣва, вызваннаго грѣхами людей и проявившагося въ холерной эпидеміи....

Другимъ выдающимся сартомъ можно считать Мухитдина-ходжу, занимавшаго во время холерныхъ безпорядковъ должность народнаго судьи въ Сибзарской части гор. Ташкента и смѣщеннаго тогда съ должности. Онъ, сынъ послѣдняго въ Ташкентѣ кази-каляна, хорошо знаетъ всѣхъ прежнихъ и настоящихъ русскихъ начальствующихъ лицъ города, до сихъ поръ поддержи-

---

1) Туркест. Вѣдом. отъ 7 іюля 1892 г. № 27.

ваетъ знакомство съ русскими людьми и держитъ себя съ достоинствомъ. Онъ былъ въ Москвѣ на коронаціи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, былъ удостоетъ Всемилостивѣйшаго личнаго вниманія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й степени и прекраснаго фіолетоваго цвѣта бархатнымъ халатомъ. Туркестанскіе генералъ-губернаторы награждали его почетными халатами и медалями. Въ 1891 году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Бывая въ домахъ русскихъ людей, онъ и въ своемъ домѣ завелъ нѣкоторыя принадлежности русскаго дома: стулья, тарелки, ложки, ножи и вилки, устроилъ въ одной изъ своихъ комнатъ русскую печку и въ сухую погоду ѣздитъ въ русскій городъ на собственной телѣжкѣ русскаго образца. Заслуживаетъ вниманія и его любознательность: нѣсколько разъ онъ былъ въ театрѣ (въ Москвѣ и Ташкентѣ), на концертѣ, въ мужской и женской гимназіяхъ и учительской семинаріи на годичныхъ актахъ, на урокахъ нѣкоторыхъ преподавателей, на литературно-музыкальныхъ вечерахъ и присутствовалъ при бракосочетаніи дочери бывшаго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта Н. О. Розенбаха (бракосочетаніе совершалось въ домовой церкви Ташкентской женской гимназіи, и Мухитдину-ходжѣ удобно было видѣть совершеніе брака изъ сосѣдняго съ церковью актоваго зала). Его домъ посѣщали: Министръ Финансовъ Н. А. Вышнеградскій, Министръ Земледѣлія С. А. Ермоловъ и Тайный Совѣтникъ Кобеко. Его посѣщаютъ и путешественики иностранцы. Изъ разговоровъ съ нимъ можно заключить, что онъ очень хорошо понимаетъ и цѣнитъ преимущества разныхъ сторонъ русской жизни и вообще не относится съ закрытыми глазами ко всему новому, совершающемуся вокругъ него. Выше, на стр. 104 приведена его рѣчь, которую онъ говорилъ 15 іюня 1886 года, въ день празднованія 21-й годовщины взятія Ташкента русскимъ отрядомъ и освященія памятника надъ могилою русскихъ воиновъ, павшихъ во время штурма. Черезъ два года, при открытіи 29 іюля 1888 г. вновь отстроенной мечети Ходжа-Ахраръ, Мухитдинъ-ходжа, обра-

щаясь къ генералъ-адъютанту Розенбаху, прочиталъ, при многолюдномъ собраніи, въ этой мечети, слѣдующій адресъ:

Ваше Высокопревосходительство!

„Съ тѣхъ поръ, какъ Вы, по Высочайшему повелѣнію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, прибыли управлять нами, Вы никогда не оставляли насъ Вашимъ милостивымъ вниманіемъ.

Въ особенности въ настоящій день Вы оказали намъ чрезвычайную милость, удостоивъ насъ своимъ личнымъ посѣщеніемъ для передачи намъ мечети, отстроенной по милости ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и тѣмъ доставили намъ безпредѣльную радость: мы не можемъ вполнѣ выразить словами свою благодарность за такую милость Вашу. Ваше Высокопревосходительство! Вы—Главный Начальникъ для русскаго и для мусульманскаго населенія Туркестанскаго края; и хотя мы пребываемъ въ мусульманской религіи, но Вы, занимая такой высокій постъ, оказали намъ, мусульманамъ, такое же покровительство, какое оказали и русскимъ въ отношеніи ихъ религіи. Доказательствомъ этого служитъ то, что 11 іюля, по Вашему благому намѣренію, былъ освященъ для русскаго населенія новый большой храмъ, а 29 іюля была открыта новая соборная мечеть, отстроенная для насъ, мусульманъ, по Высочайшей милости ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, при Вашемъ благосклонномъ участіи. Открытіе въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ двухъ храмовъ для двухъ разновѣрныхъ народовъ ясно даетъ намъ понять, что милостивое вниманіе Ваше одинаково къ обоимъ этимъ народамъ. Никогда не забывая Вашей милости и въ особенности настоящій день, мы прежде всего молились Богу Всевышнему за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, за ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ и за Царствующій Домъ, а также молились и за Васъ, и никто не забудетъ такой милости Вашей.

„Повсемѣстно на земномъ шарѣ и во всѣ времена у образованныхъ народовъ наиболѣе почитаются два предмета: одинъ изъ нихъ—религія, а другой—знаніе, и каждый человѣкъ, оказывающій покровительство этимъ двумъ предметамъ, болѣе высокой милости

оказать намъ не можетъ, а Ваше Высокопревосходительство всегда заботились объ успѣхахъ этихъ двухъ сторонъ нашей жизни, и мы обязаны всегда молиться за Васъ, хорошо сознавая значеніе этой милости Вашей.

„Господинъ Военный Губернаторъ всегда заботился о скорѣйшемъ и лучшемъ выполненіи этихъ двухъ дѣяній, согласно благихъ намѣреній Вашихъ, и дѣлалъ соотвѣтственныя къ тому распоряженія; поэтому мы молимся и за него. Для выполненія распоряженій Господина Военнаго Губернатора много постарался и начальникъ нашъ, полковникъ Путинцевъ, и мы остаемся много благодарны ему.

„Пользуясь настоящимъ случаемъ, покорнѣйше просимъ Ваше Высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА наши вѣрноподданническія чувства и преданность“ [1]).

30 августа 1890 года, въ память 25-тилѣтія русскаго управленія Ташкентомъ, въ этомъ городѣ, при большомъ числѣ русскихъ и туземныхъ жителей, была открыта сельско-хозяйственная и промышленная выставка, которая должна была служить къ развитію естественныхъ богатствъ края. Казій Мухитдинъ-ходжа, принимавшій участіе въ этой выставкѣ, писалъ по этому поводу въ Туземную газету:

«Съ Высочайшаго соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по приказу Господина Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Лейтенанта Барона Вревскаго, трудами Господина Военнаго Губернатора Генералъ-Лейтенанта Гродекова, 30 августа, въ городѣ Ташкентѣ была открыта весьма полезная для всего населенія края выставка. Этотъ день былъ высокоторжественнымъ днемъ Тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Въ два часа пополудни, Его Высокопревосходительство изволилъ прибыть въ садъ, въ которомъ устроена выставка, со всѣми начальствующими лицами; вмѣстѣ съ ними были: глава русскаго духовенства, архіерей, и много русскихъ священниковъ.

«По окончаніи богослуженія, въ саду выставки начали играть музыканты, а начальствующія лица отправились осматривать разставленные на

---

[1]) См. Турк. тузем. газ. за 1888 г. № 30.

выставкѣ предметы. По предложенію начальствующихъ лицъ, и я представилъ на выставку много книгъ рѣдкаго письма съ золоченіемъ и рисунками, родословную и документы древнихъ временъ [такъ, напримѣръ, въ числѣ книгъ и документовъ есть рукописи, писанныя 500—600 лѣтъ назадъ, а также родословная] и были разложены въ особомъ павильонѣ. Его Высокопревосходительство зашелъ и въ этотъ павильонъ. Въ это время я находился около дверей этого большого павильона и встрѣтилъ Генералъ-Губернатора. Его Высокопревосходительство обратилъ на меня свое милостивое вниманіе и подалъ мнѣ руку, а я отъ лица мусульманскаго населенія города Ташкента поздравилъ Его Высокопревосходительство прежде всего съ высокоторжественнымъ днемъ тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, затѣмъ со днемъ ангела и съ днемъ открытія выставки. Его Высокопревосходительство ласково принялъ мое поздравленіе и, остановившись при входѣ, въ отвѣтъ на мое поздравленіе, поблагодарилъ меня и сказалъ: «здѣшній воздухъ благорастворенный и орошеніе хорошее; въ такой благодатной странѣ всѣмъ необходимо трудиться для Бога и для себя; эти труды, безъ сомнѣнія, принесутъ пользу и счастіе населенію. Особенное назиданіе можно вынести отъ предметовъ этой выставки». Вошедши послѣ того внутрь помѣщенія, Генералъ-Губернаторъ разсматривалъ книги и другіе предметы и о каждой вещи предлагалъ вопросы, а я отвѣчалъ; спрашивалъ онъ и о родословной моего отца, и я далъ отвѣтъ. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ переписать названія книгъ съ объясненіемъ ихъ содержанія и представить ему съ переводомъ. Я принялъ это приказаніе къ исполненію. Затѣмъ Генералъ-Губернаторъ осматривалъ другія зданія и предметы выставки и я ходилъ вмѣстѣ. Все было осмотрѣно.

«По истинѣ, кто внимательно осмотритъ эту выставку, тотъ вынесетъ изъ нея много назидательнаго; не видавши глазами предметовъ, выставленныхъ тамъ, нельзя дать и объясненія имъ» [1]).

Но вотъ еще одна ступень, дальнѣйшая. Саттаръ-ханъ Абдулъ-Гафаровъ, чимкентскій уроженецъ, бывшій кокандскій казій, потомъ коллежскій регистраторъ, затѣмъ переводчикъ Сыръ-дарьинской поземельной комиссіи и Туркестанской туземной газеты, а теперь народный судья гор. Чимкента.

Я не буду говорить здѣсь о немъ, потому что ниже приводятся его личныя воспоминанія, а только замѣчу, что это—первый туркестанскій сартъ, простершій свое сближеніе съ русскими далѣе

---

[1]) Туркест. тузем. газета отъ 6 сентября 1890 г. № 35.

всѣхъ и рѣзче всѣхъ своихъ соплеменниковъ; самъ онъ носитъ теперь русскій чиновничій мундиръ, когда является къ начальству; жена его съ открытымъ лицомъ бывала въ русскихъ домахъ; два сына ея учились въ классической гимназіи до пятаго класса, а третій еще продолжаетъ учиться. Угловатая архитектура его дома наглядно говоритъ, какъ трудно сарту усвоить сразу формы чуждой ему жизни....

Есть и въ другихъ городахъ Туркестанскаго края сарты, понимающіе значеніе общенія съ русскими и поддерживающіе это общеніе; но въ селеніяхъ, особенно въ сторонѣ отъ большой дороги, конечно, нельзя встрѣтить такихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ не нужно забывать, что сарты прожили подъ русскимъ управленіемъ въ разныхъ мѣстахъ края только 20—30 лѣтъ, а такой періодъ, сравнительно съ періодомъ подданства татаръ и кавказскихъ народовъ и др., весьма незначителенъ и долженъ служить къ оправданію Туркестанскихъ туземцевъ.

Нельзя при этомъ оставить безъ вниманія слѣдующаго замѣчанія Г. Миддендорфа относительно предстоящей русскому правительству и русскому народу задачи облагороженія сартовъ. Онъ говоритъ: „И вотъ мы внезапно очутились предъ одною изъ наиболѣе трудно-одолимыхъ помѣхъ для облагороживанія сарта: онъ закутываетъ лицо своей жены въ непроницаемый мракъ, онъ запираетъ свою подругу жизни. Возстановленіе нормальной семейной жизни должно бы начаться скидываніемъ покрывала; но это сдѣлалось невозможнымъ[1]); русскіе принесли съ собою въ эту страну также европейскую проституцію, и открытое лицо сдѣлалось ея вывѣскою(?!). Все честное закуталось еще плотнѣе прежняго. Наиболѣе разумные изъ туземцевъ, откровенно заявлявшіе мнѣ о тѣхъ благодѣяніяхъ, какія далъ имъ европейскій порядокъ вещей, горько жаловались, однако, на два порочныхъ явленія, прежде невѣдомыя(?!), а нынѣ развившіяся, такъ сказать, подъ защитою правительства, именно на воровство и проституцію, занесенныя

---

[1]) Почему знать? Придетъ время,—и будетъ возможно. Вѣдь, у татаръ уже значительно приблизилось къ тому время. Н. О.

нашими войсками, тогда какъ прежніе тираны искореняли это зло варварскими наказаніями; напримѣръ, вору отсѣкали руку, а женщина легкаго поведенія наказывалось смертью. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ госпиталяхъ, послѣ эндемическихъ перемежающихся лихорадокъ, сифилисъ—наиболѣе распространенная болѣзнь. Ослабимъ это проклятіе, которые всюду несетъ за собою цивилизація при первомъ своемъ появленіи, указаніемъ на слѣдующіе результаты: запрещеніе въ Ферганѣ знаменитыхъ въ своемъ вродѣ бачей и трактировъ, которое шекулировали ими, остановило развитіе омерзительнаго порока на Востокѣ, или, по крайней мѣрѣ, положило конецъ открытому почитанію его“ [1]).

Я не могу не высказать своего удивленія тому, что г. Миддендорфъ вполнѣ повѣрилъ жалобѣ ферганскихъ сартовъ и назвалъ воровство и проституцію невѣдомыми прежде пороками сартовъ, хотя самъ же упоминаетъ объ отрѣзываніи руки у вора и о наказаніи смертью женщинъ легкаго поведенія. О способахъ этихъ наказаній въ наше время и читать тяжело. Ф. Назаровъ былъ свидѣтелемъ такой ужасной смерти, воспоминаніе о которой приводило его въ содроганіе и послѣ. Онъ видѣлъ въ Кокандѣ, какъ за покражу 30 барановъ отрубили вору кисть правой руки, а потомъ обмакнули руку, для прекращенія кровотеченія, въ горячее масло и отпустили домой.... Онъ видѣлъ также, какъ 17-ти лѣтнюю дѣвушку, обличенную въ преступной связи (по любви) съ однимъ чиновникомъ, въ назначенный день вывели на базарную площадь и закопали по грудь въ землю. Палачъ первый ударилъ ее въ голову камнемъ, а за нимъ и весь народъ бросалъ въ нее камнями и такимъ образомъ размозжили ей всю голову. Родственники ея потомъ вырыли ея тѣло и похоронили [2])... Я самъ слышалъ, что въ прежнее время въ Ташкентѣ и Бухарѣ такихъ женщинъ завертывали въ саванъ и сбрасывали на каменный помостъ съ высокаго минарета.... Въ этихъ городахъ мнѣ указывали и мѣста

---

[1]) Очерки Ферганской долины, стр. 365—366.

[2]) Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи, стр. 76—78 (С.-Пб. 1821).

такой казни. Поэтому скажу, что хотя „наиболѣе разумные“ туземцы Ферганы горько жалуются, что воровство и проституція невѣдомы были туземцамъ до прихода русскихъ войскъ[1]), но они не правы. Проституціи съ открытыми домами терпимости, конечно, не было среди сартскаго населенія въ ханское время, но были за то другія формы разврата и разные гнусные пороки, а о воровствѣ излишне и говорить. И развѣ наше правительство покровительствуетъ названнымъ двумъ порокамъ? Если оно не рѣжетъ ворамъ руки и не узаконило избіеніе камнями женщинъ за нарушеніе супружеской вѣрности, то отсюда еще далеко до заключенія ферганскихъ туземцевъ. Лучше посмотримъ на несомнѣнныя благодѣянія русскаго завоеванія Ташкента для туземцевъ: дурное рѣжетъ глазъ и вызываетъ жалобы, а хорошее не всегда оцѣнивается настоящимъ образомъ побѣжденными, особенно иноплеменными и иновѣрными[2]).

Уже самое завоеваніе Ташкента должно быть признано благодѣтельнымъ для сартовъ фактомъ. Значитъ, велика была внутренняя неурядица въ этомъ городѣ, значитъ велико было нравственное безсиліе войскъ и населенія, защищавшихъ укрѣпленный городъ, если ничтожный отрядъ непріятеля (1900 штыковъ) проникъ за городскія стѣны и удержался въ нихъ. Къ сожалѣнію, характеръ внутренней жизни Ташкента, во время завоеванія его, намъ почти совершенно не извѣстенъ; только по описанію внутреннихъ неуря-

---

[1]) Такія жалобы мнѣ приходилось слышать и въ Ташкентѣ.

[2]) Серъ Генри Россель, бывшій резидентъ при дворѣ Низама (въ Гайдерабадѣ, въ Индіи) съ 1811 по 1820 годъ, въ письмѣ своемъ на имя Собранія директоровъ отъ 21 сентября 1824 г., между прочимъ писалъ, что индійскіе подданные Англіи «имѣютъ такія же требованія, какъ и всѣ другіе народы въ мірѣ; любятъ, чтобы ими управляли люди, говорящіе однимъ съ ними языкомъ, исповѣдующіе ту же религію, слѣдующіе тѣмъ же обычаямъ и, что́ весьма естественно, предпочитаютъ самую жестокую, самую грубую систему,—лишь бы она была произведеніемъ ихъ собственной почвы,—самымъ кроткимъ, самымъ утонченнымъ постановленіямъ, начертаннымъ по чужеземному образцу и приведеннымъ въ исполненіе чужеземцами». «Нѣтъ сомнѣнія, что наши уставы относительно управленія писаны по внушеніямъ самымъ благонамѣреннымъ, самымъ человѣколюбивымъ; но наши законы и обычаи, наши идеи и формы судопроизводства столь же неприличны (непригодны?) состоянію общества въ Индіи, сколько наши дома и одежда тамошнему климату». (Англійская Индія въ 1843 году. Соч. графа Эд. Варрона. Изд. Пл. Голубкова. Часть первая. Москва, 1845 г. стр. 223—224).

дицъ, происходившихъ прежде въ этомъ городѣ, мы можемъ предполагать, что и въ 1865 г. въ Ташкентѣ порядка было мало.

„Въ Ташкентѣ, говоритъ Арасланов, „ханы производятся такимъ образомъ, что кто усилится и хана убить можетъ, тотъ себѣ ханство тѣмъ и получитъ; и народъ уже тому, когда убьетъ, не препятствуетъ, а напротивъ того—ежели еще кто выищется и того уже убійцу убьетъ, то оной потому же и ханство принять удостоится“.

„Прежде Ташкентомъ владѣлъ ханъ Юлбарсъ, изъ Киргизъ-кайсацкой орды, „обще“ съ Тюле-біемъ (у котораго есть домъ въ Ташкентѣ, откуда и жена его родомъ). Тогда Ташкентъ былъ подчиненъ Большой Киргизъ-кайсацкой Ордѣ. Тюле-бій съ своими „старшинами“ бралъ съ Ташкента ежегодную дань въ 40 тысячъ „тенегъ“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Юлбарса „не стало; не знаемо убитъ, не знаемо выгнанъ вонъ отъ тутошнихъ Сартовъ“. Въ этомъ темномъ дѣлѣ главную роль игралъ Кусекъ-бекъ, который и завладѣлъ Ташкентомъ, но „токмо ханомъ отъ народа и понынѣ еще не учиненъ“. Хотя Кусекъ выжилъ Тюле-бія изъ города, но не могъ лишить его прежнихъ правъ на Ташкентское ханство, такъ что Тюле-бій и старшины Большой Орды попрежнему получаютъ съ Ташкента дань. Ташкентцы не могутъ отказаться отъ нея, такъ какъ они „весьма утѣснены“ кочевьями Киргизъ-кайсаковъ, которыя близко подходятъ къ городскимъ „пашнямъ и дровосѣкамъ“. Когда Ташкентцы вздумаютъ „не удовольствовать“ Киргизовъ, то изъ города нельзя бываетъ выѣхать даже за дровами и на пашни, а кто осмѣлится выѣхать, того Киргизы „забираютъ въ полонъ“.

„Хотя Кусекъ „дѣйствительнаго ханства“ еще не получилъ, „но такъ усилился, что наче настоящаго хана“. Причину этого Арасланов видитъ въ томъ, что онъ имѣетъ „родъ свой весьма великъ“ (трехъ сыновей и пр.). Кромѣ того, онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ здѣшнихъ „знатныхъ батырей“, которыхъ Кусекъ „къ себѣ въ ближніе старшины подобралъ и весьма ихъ награждаетъ“. Но народъ имъ недоволенъ, потому что „за самыя

малыя дѣла со всѣми домами разоряетъ". Однако Ташкентцы „сами дивятся, что у нихъ никогда ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали, а Кусекъ 4-й годъ уже сидитъ"...

„Впрочемъ, въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ образовался тамъ заговоръ противъ Кусека. Подъ предводительствомъ бека Сали-Хузя (который нѣкогда самъ въ Ташкентѣ „нѣсколько ханствовалъ"), собралось заговорщиковъ около 40 Сартовъ. Они порѣшили убить Кусека и посадить на ханство Сали-бека. Въ назначенную ночь заговорщики собрались ко двору Кусека, отворили „дворовые ворота" и пробрались до „покоя", гдѣ Кусекъ „спалъ съ невѣстою".... При немъ былъ одинъ изъ его прислужниковъ. Покой былъ запертъ. Только что „согласники" (заговорщики) стали ломиться въ дверь „покоя", какъ прибѣжала толпа, предводительствуемая сыновьями Кусека и Шукуръ-батыремъ (у котораго Арасланов и Юсуповъ жили въ Ташкентѣ) и отбила „согласниковъ" отъ ханскаго покоя. Пятеро заговорщиковъ были пойманы, а остальные разбѣжались и „пропали безвѣстно". Оказалось, что одинъ изъ „согласниковъ", Сартъ, измѣнилъ товарищамъ, „испужався" ихъ замысла. Когда они отправились къ ханскому двору, этотъ Сартъ побѣжалъ къ сыновьямъ Кусека и къ Шукуръ-батырю и предупредилъ ихъ о заговорѣ. Кусекъ жестоко отомстилъ „согласникамъ". Какъ всѣ пятеро пойманныхъ, такъ отцы и братья важнѣйшихъ изъ бѣжавшихъ заговорщиковъ—всего около 25 человѣкъ—были казнены: иныхъ повѣсили, другимъ отрубили головы, нѣкоторыхъ „кололи".... Кусекъ, родичи его и старшины разобрали „въ холопство" женъ и дѣтей казненныхъ. Дома ихъ были „въ конецъ" разорены.

„Тюле-бій, котораго Кусекъ выжилъ изъ Ташкента, питаетъ къ своему врагу большую ненависть. Онъ много разъ „войною наступалъ на Ташкентъ и убилъ нѣсколько родичей Кусека и замышлялъ убить его самого, пользуясь услугами Ташкентскихъ сартовъ, изъ которыхъ многіе „дружны" Тюле-бію. Послѣдній охотно принимаетъ всѣхъ тѣхъ сартовъ, которые бѣгутъ изъ Ташкента отъ притѣсненій Кусека. „Согласники" бѣжали главнымъ

образомъ именно къ Тюле-бію. Самъ Тюле-бій, однако, не рѣшается въѣхать въ Ташкентъ, такъ какъ Кусекъ грозился, что непремѣнно поймаетъ его и „посадитъ въ заточеніе“. Въ разстояніи полудня отъ Ташкента, Тюле-бій поставилъ „городокъ“, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ изъ рѣки Цырцюка[1]) проведенъ каналъ въ Ташкентъ. Городокъ населенъ главнымъ образохъ выходцами изъ Ташкента, бѣжавшими отъ Кусека, также выѣхавшими изъ другихъ мѣстъ, „полоненными людьми“ и проч. Всѣ они пашутъ здѣсь хлѣбъ на Тюле-бія. Но задача постройки городка была совсѣмъ другая: онъ поставленъ „съ такимъ утѣсненіемъ“ для Ташкента, что если Тюле-бій захочетъ, то можетъ запрудить каналъ и отвести воду въ другую сторону, т. е. можетъ заставить Ташкентцевъ умереть отъ жажды и голода, такъ какъ городъ и пашни горожанъ останутся безъ воды“[2]).

Мы, живущіе въ Ташкентѣ черезъ 30 лѣтъ послѣ его завоеванія, не можемъ, конечно, представить себѣ всего того, что происходило въ Ташкентѣ на первыхъ дняхъ послѣ 15 іюня 1865 г. А эти дни, безъ сомнѣнія, были тяжелы для завоевателей.... И что же? Не далѣе, какъ на четвертый день послѣ взятія города, т. е. 18 іюля, генералъ Черняевъ, въ сопровожденіи своего немногочисленнаго штаба и пяти казаковъ, ѣдетъ по глухимъ улицамъ громаднаго города, многіе жители котораго не были еще твердо увѣрены въ человѣческомъ образѣ побѣдителей-невѣрныхъ.... Что же долженъ былъ думать и чувствовать въ эти первые дни побѣдитель?... Что думали и чувствовали побѣжденные?... Несомнѣнно, что взятіе Ташкента произвело на ташкентцевъ ошеломляющее дѣйствіе, такъ что они сами ясно не сознавали своего новаго положенія въ то время. Да и кто можетъ вообразить, что значитъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ людьми, въ рукахъ которыхъ жизнь и смерть, неприкосновенность домашняго очага и, что особенно важно для мусульманъ, неприкосновенность ихъ религіи? Мнѣ разсказывали нѣкоторые туземцы, что они съ покорностію

---

[1]) Т. е. Чирчикъ. И. О.

[2]) Русскій Архивъ 1888 г. кн. 8, стр. 413—414.

волѣ Божіей ожидали отъ русскихъ всего худшаго, начиная съ избіенія жителей и кончая отмѣной ислама. И вдругъ они видятъ, что по ихъ улицамъ ѣдетъ тихо и спокойно счастливый, почти баснословный побѣдитель; видятъ, что и онъ самъ, и его спутники не одноглазыя страшныя чудовища[1]), а настоящіе и притомъ благообразные люди; видятъ, что „Генералъ Черняевъ[2])“, державшій въ страхѣ окрестности Ташкента, привѣтливо кланяется побѣжденнымъ, вступаетъ мирно въ жилище главнаго представителя ислама, казы-каляна Хакима-ходжи[3]), довѣрчиво принимаетъ его угощеніе и бесѣдуетъ съ нимъ....

Не имѣя возможности представить положеніе русскихъ въ Ташкентѣ въ первое время по взятіи его, я тѣмъ не менѣе предполагаю, что завоеватель Ташкента не былъ увѣренъ въ полномъ умиротвореніи враждовавшихъ партій въ городѣ. Такое предположеніе подтверждается высылкою изъ города болѣе опасныхъ лицъ и особенно Салихъ-бека, а равно и уступчивостью побѣдителя.... Тѣмъ не менѣе городъ былъ взятъ; нужно было управлять имъ и всѣми прежде завоеванными городами. Но устроить самостоятельное управленіе въ Ташкентѣ едва ли было тогда возможно: для организаціи новаго управленія въ Ташкентѣ нужно было имѣть свободное отъ военныхъ заботъ и спокойное время; необходимо было знакомство съ законами страны, съ нравами и обычаями жителей, не имѣвшими ничего общаго съ русскими нравами и законами; необходимы были разные чиновники-администраторы, достаточныя матеріальныя средства и извѣстныя полномочія.... Завоеватель же Ташкента находился во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ незавидномъ положеніи, и переживаемое имъ послѣ завоеванія Ташкента время было, несомнѣнно, очень тревожное,

---

[1]) Многіе туземцы именно были убѣждены, что русскіе солдаты—страшныя, одноглазыя чудовища, какъ я объ этомъ нѣсколько разъ слышалъ отъ разныхъ жителей Ташкента и Чимкента.

[2]) Киргизы по свойству своей фонетики, произносили фамилію М. Г. Черняева, «Ширинпиъ», а мѣстные острословы растолковали значеніе этого слова, какъ «намѣстника самого льва» (ширъ-наибъ) т. е. непобѣдимаго полководца. Н. О.

[3]) Отецъ Мухитдина-ходжи. См. стр. 130.

а потому едва ли исторія осудитъ его за то, что онъ не успѣлъ приступить къ организаціи управленія въ завоеванной странѣ, прежде чѣмъ былъ отозванъ изъ Ташкента....

Самостоятельное управленіе Ташкентомъ и всѣмъ Туркестанскимъ краемъ началось только съ 1867 года, когда было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство. До прибытія въ Ташкентъ Генералъ-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, жители Ташкента не знали, строго говоря, новаго, русскаго управленія, какъ объ этомъ разсказывалъ мнѣ одинъ почтенный пожилой туземецъ. Передаю его разсказъ въ дословномъ почти переводѣ:

„До пріѣзда Генерала Кауфмана въ Ташкентъ, мы видѣли нѣсколькихъ начальниковъ русскихъ: Генерала Черняева, Генерала Романовскаго, генерала Крыжановскаго. Всѣ они казались намъ людьми простыми, добродушными. Мы удивлялись, что они ходили по городу пѣшкомъ, посѣщали наши дома, раскланивались, разговаривали съ нами при встрѣчѣ и оставляли насъ жить, какъ мы жили дотолѣ; но русскаго закона мы еще не знали.... Но вотъ 7 ноября 1867 г. подъѣхалъ къ Ташкенту новый начальникъ, Генералъ Кауфманъ. День былъ сырой; на дорогѣ было грязно. За чертой города Генералъ пересѣлъ изъ экипажа на верховую лошадь, и всѣ лица, бывшія при немъ——также; сотня казаковъ съ саблями на-голо сопровождала его. Крупною рысью ѣхали они по нашему городу, при оглушительныхъ звукахъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ одномъ мѣстѣ представители туземцевъ приготовились встрѣтить новаго начальника хлѣбомъ-солью. Приблизившись къ намъ, вся эта внушительная кавалькада, по командѣ передоваго офицера, сразу остановилась. Генералъ принялъ хлѣбъ-соль и, поблагодаривъ жителей, сказалъ имъ приблизительно слѣдующее: „Меня прислалъ БѢЛЫЙ ЦАРЬ, мой Государь, управлять сдѣшнимъ краемъ. Благодарю васъ за хлѣбъ-соль, которою вы встрѣчаете меня; но я не могу сейчасъ долго остановиться и говорить съ вами, а приглашу васъ для этой цѣли къ себѣ, какъ только отдохну отъ продолжительной и утомительной дороги; теперь же я скажу вамъ одно: будемъ жить мирно и стремиться

къ добру, а *„кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“*, какъ говоритъ русская пословица“.—Сказавъ эту краткую, но внушительную рѣчь, Генералъ и всѣ сопровождавшія его лица и казаки полною рысью поѣхали дальше, къ русскому городу. Топотъ лошадей, блескъ казачьихъ сабель и грохотъ пушекъ произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе; мы долго не могли одуматься и, когда пришли въ себя, сказали: *„вотъ когда прибылъ настоящій-то Урусъ!“*...

Неподдѣльное чувство и тонъ разскащика невольно дѣйствовали на меня, и я входилъ въ самый духъ разсказа. По этому разсказу можно до нѣкоторой степени судить, что первый Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ, съ перваго для своей жизни въ Ташкентѣ, явился въ глазахъ туземцевъ настоящимъ представителемъ русской Верховной власти въ краѣ, почему его туземцы и называли *„Ярымъ-падша“*, т. е. полуцарь[1]).

Незабвенный устроитель Туркестанскаго края грозно и честно держалъ русское имя въ краѣ, умѣлъ поддерживать престижъ Великой Россіи въ глазахъ туземцевъ. Генералъ-Адъютантъ фонъ-Кауфманъ съ энергіей и вполнѣ обдуманно принялся за организацію управленія новообразованнымъ генералъ-губернаторствомъ во всѣхъ его частяхъ и, располагая большими нравственными и матеріальными средствами, достигъ большихъ результатовъ. Въ Проектѣ своего всеподданнѣйшаго отчета по управленію краемъ за время отъ 7 ноября 1867 года по 25 марта 1881 года онъ говорилъ, что истекшіе годы были для внутренней исторіи среднеазіатскихъ владѣній важнымъ и благотворнымъ періодомъ всесторонняго устроенія въ духѣ началъ, указанныхъ ему Высочайшими повелѣніями,... что „недавно еще враждебныя намъ сосѣднія страны нынѣ ищутъ себѣ въ благодѣяніяхъ высокаго

---

[1]) Это названіе близко напоминаетъ «Вице-короля» Индіи, что сознавалъ и самъ покойный Генералъ-Губернаторъ. Его торжественные выѣзды и встрѣчи, устраиваемыя ему въ Ташкентѣ, а также парады въ высокоторжественные дни, пріемы бухарскихъ и авганскихъ пословъ производили на туземцевъ сильное впечатлѣніе, чему я лично былъ много разъ свидѣтелемъ. И нельзя осуждать покойнаго за эту торжественную внѣшность, которая на первыхъ порахъ русскаго управленія Туркестаномъ была необходима. Н. О

покровительства БѢЛАГО ЦАРЯ единственное прочное условіе спокойнаго и мирнаго существованія".

Далѣе въ Проектѣ отчета безпристрастно говорилось:

„Учрежденіе Генералъ-Губернаторства застало русскій элементъ и русскую власть въ краѣ пріютившимися въ лагерѣ, только что остановленномъ на походѣ и готовящемся стать на зимнія квартиры. Русскія жилища, помѣщенія войскъ и учрежденій, все это имѣло характеръ временный и видъ безпорядочный, почти нищенскій. Ничто не внушало по внѣшности покоренному населенію мысли о прочности завоеванія; все, напротивъ, давало ему поводъ держаться надежды на скорое освобожденіе отъ горсти русскихъ[1]), мужество и оружіе которыхъ было испытано, но вліяніе порядка и началъ, которыхъ русская побѣда была только провозвѣстницею, еще не ощущалось, не чувствовалось.

„Обаяніе оружія могло уже исчезать при подобныхъ условіяхъ, а между тѣмъ гораздо болѣе глубокое и мощное вліяніе новаго строя государственнаго и новой цивилизаціи еще не возвѣщалось. Изъ законовъ нашихъ дѣйствовали одни полевые законы, примѣняющіеся и на территоріи, на которую никакихъ притязаній не заявляется законодателемъ. Всѣ русскія учрежденія имѣли одно внѣшнее наблюдательное значеніе, не принимая на себя никакого учредительнаго почина и ни во что не входя. Ограниченныя полномочія ихъ были неясны ни для нихъ самихъ, ни для массы населенія, не опредѣленныя никакими точными постановленіями. Подати, судъ, полиція и повинности оставались прежнія, стародавнія; но чуждыя русскимъ начальникамъ, не отмѣненныя и вмѣстѣ съ тѣмъ не признанныя организующею властью, эти обычные порядки населенія падали, искажались и по прихоти произвола и случая утрачивали свой прежній обычный характеръ....

„Внутренняя организація края и болѣе правильныхъ учрежденій въ немъ представлялись дѣломъ неотложной необходимости.

---

[1]) См. ниже «Воспоминанія Саттаръ-хана». Н. О.

Всѣ первыя усилія новой администраціи обращены были на это дѣло, при многочисленныхъ трудностяхъ съ полнымъ успѣхомъ законченное къ 1869 году. Образованіе опредѣленной системы управленія и податей, разъясненіе существеннѣйшихъ правъ, льготъ и обязанностей населенія, организація правильнаго народнаго суда были приняты народомъ съ довѣріемъ и съ доброжелательствомъ къ власти. Послѣдовавшее затѣмъ устройство и улучшеніе путей сообщенія, возведеніе публичныхъ и общественныхъ зданій, обезпеченіе торговли и караванныхъ путей, устройство общеполезныхъ учрежденій разнаго рода, возстановленіе и усовершенствованія ирригаціонныхъ системъ, облегченія и гарантіи для труда и народной промышленности, залѣчивая многочисленныя раны, причиненныя предшествовавшими смутами и войною, съ каждымъ днемъ упрочивали наше положеніе внутри занятыхъ территорій, водворяя идею безповоротности и благотворности русскаго владычества въ краѣ и въ умахъ сосѣднихъ народовъ...

„Экономическое благосостояніе края, поставленное въ благопріятныя условія, возросло и поднялось повсемѣстно до уровня, неслыханнаго при туземныхъ правительствахъ, и тѣмъ болѣе въ смутную пору перваго занятія края. О томъ свидѣтельствуетъ быстрое увеличеніе народонаселенія, прибывающаго нынѣ ежегодно по меньшей мѣрѣ на 4%, и еще болѣе значительное на ряду съ симъ увеличеніе запашекъ и промысловъ, разростаніе культурныхъ осѣдлостей, дѣятельный приливъ рабочей, торговой и земледѣльческой эмиграціи изъ сосѣднихъ владѣній....

„Водвореніе спокойствія, обезпеченіе личности и имущества возвратило бѣжавшее съ своихъ полей населеніе и ежегодно обращаетъ къ производительному труду значительныя массы бѣдняковъ, эмигрирующихъ къ намъ изъ смежныхъ владѣній, и бѣднѣйшихъ киргизъ, безполезно бродившихъ прежде съ болѣе богатыми родовичами. Развивающаяся экономическая дѣятельность охватываетъ и перевоспитываетъ всѣ инстинкты массы, ставя ее все болѣе и болѣе довѣрчивою и послушною передъ русскою

властью, въ которой народъ уже не видитъ чуждаго ему и временнаго элемента одной силы“ [1]).

Во всеподданнѣйшей запискѣ третьяго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта Н. О. Розенбаха, отъ 29 сентября 1888 года, представленной имъ на Всемилостивѣйшее благовоззрѣніе Государя Императора указаны слѣдующія главнѣйшія мѣропріятія русской власти въ краѣ, направленныя къ выгодамъ туземнаго населенія гор. Ташкента [2]).

Основанная въ 1884 году Ташкентская гренажная станція за четыре года работъ, посвященныхъ изученію настоящаго состоянія мѣстнаго шелководства и разработкѣ раціональной программы необходимыхъ мѣропріятій къ поднятію этой важной отрасли туркестанской промышленности, въ 1888 г. уже достигла результатовъ, которые въ главныхъ чертахъ заключаются въ слѣдующемъ: научнымъ способомъ констатировано опасное положеніе туземнаго шелководства, зависящее отъ болѣзненности всѣхъ воспитываемыхъ въ краѣ породъ шелковичнаго червя, не исключая и лучшихъ изъ этихъ породъ, пользующихся наибольшею извѣстностью у нашихъ московскихъ фабрикантовъ (такъ называемыхъ *хивинской* и *вардани*). Ухудшеніе мѣстныхъ породъ, какъ оказалось, проявляется въ такой уже степени, что, по изслѣдованіямъ завѣдывающаго станціею, никакой нѣтъ надежды на самую возможность ихъ возрожденія, и единственнымъ средствомъ помощи туземному шелководству представлялось одно лишь возможно широкое введеніе въ культуру въ краѣ здоровыхъ породъ шелкопряда иноземнаго происхожденія путемъ производства и распространенія между шелководами грены, выводимой такъ называемымъ целлюлярнымъ способомъ. Съ этою цѣлью, испытавъ предварительно до

---

[1]) См. Проектъ всеподданнѣйшаго отчета Ген.-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. 7 Ноября 1867 г.—25 Марта 1881 года. (Сост. П. И. Хомутовымъ). Изданіе военно-ученаго комит. Глав. Штаба (С.-Петербургъ, 1885). Введеніе, стр. 1—11.

[2]) Изъ названной всеподданнѣйшей записки (сост. П. И. Хомутовымъ), согласно ближайшей задачи настоящей главы, сокращенно приводится, въ буквальныхъ выраженіяхъ, что наиболѣе касается ташкентскихъ сартовъ. Н. О.

шести болѣе извѣстныхъ иноземныхъ породъ и остановившись на лучшихъ изъ нихъ, Ташкентская станція оказалась въ состояніи съ весны слѣдующаго года приступить и къ безплатной раздачѣ здоровой целлюлярной грены населенію.

Сверхъ того, для возможно большаго распространенія въ средѣ туземныхъ шелководовъ правильныхъ понятій о наиболѣе выгодныхъ и раціональныхъ способахъ воспитанія шелковичныхъ червей и ухода за ними, по распоряженію Генералъ-Губернатора, было составлено и напечатано въ переводѣ на туземный языкъ популярное наставленіе, которое и роздано населенію во всѣхъ пунктахъ городскихъ и сельскихъ, гдѣ распространено занятіе шелководствомъ [1]). Въ виду опасности занесенія въ край филоксеры и принимая во вниманіе, что дальнѣйшее расширеніе туркестанскихъ виноградниковъ можетъ итти съ полнымъ успѣхомъ, опираясь и на одни средства мѣстныхъ питомниковъ [2]), въ коихъ имѣется уже значительное количество акклиматизированныхъ лучшихъ европейскихъ сортовъ винограда, Генералъ-Адъютантъ Розенбахъ ходатайствовалъ предъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ о безусловномъ запрещеніи ввоза въ предѣлы Туркестанскаго генералъ-губернаторства виноградной лозы какого бы то ни было возраста.

Въ концѣ 1886 г., Ген.-Ад. Розенбахъ входилъ въ сношеніе съ Министромъ Государственмыхъ Имуществъ, и вслѣдствіе этого въ Ташкентъ былъ высланъ экземпляръ американской плодосушилки съ необходимыми при ней снарядами и подробными наставленіями объ огневой сушкѣ плодовъ. Для производства опытовъ сушки снаряды эти были переданы Туркестанскому отдѣлу Императорскаго Россійскаго Общества садоводства, обратившему на это дѣло особенное свое вниманіе. Введеніе и распространеніе въ

---

[1]) Общая стоимость шелковаго производства въ ташкентскомъ раіонѣ въ 1888 г. достигала до 100 т. р., какъ замѣчено въ отчетѣ Военнаго Губернатора области. Н. О.

[2]) Въ Ташкентѣ и Ташкентскомъ уѣздѣ въ 1888 г. было занято виноградниками всего 2708 десят., съ которыхъ было собрано 2,166.200 пуд. винограда, продававшагося въ Ташкентѣ по 30—60 коп. за пудъ. (Отч. Воен. Губернатора).

кра̀ огневаго способа сушки плодовъ можетъ имѣть очень важное значеніе для Русскаго Туркестана съ его обширнымъ садоводствомъ, составляющимъ любимый промыселъ населенія, тѣмъ болѣе, что и при теперешнемъ первобытномъ способѣ веденія дѣла, сушеные фрукты составляютъ одну изъ видныхъ статей мѣстнаго торговаго вывоза.

Въ ряду мѣръ содѣйствія развитію туземной промышленности особенно важное значеніе для края имѣло устройство періодическихъ выставокъ мѣстныхъ произведеній, что хорошо сознавалось уже и прежнею Туркестанскою администраціей. По прибытіи въ край въ 1884 г., Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ Розенбахъ обратилъ на это дѣло должное вниманіе и тогда же поручилъ особой коммиссіи выработать болѣе соотвѣтственную программу для устройства мѣстныхъ выставокъ, съ тѣмъ, чтобы предположенія эти имѣли характеръ нормальной программы періодическихъ выставокъ сельско-хозяйственныхъ, кустарно-промышленныхъ и заводско-промышленныхъ. Устроенная осенью 1885 г. сельско-хозяйственная выставка въ г. Ташкентѣ имѣла успѣхъ настолько значительный, что Отдѣлъ общества садоводства призналъ возможнымъ взять на себя устройство и дальнѣйшихъ періодическихъ выставокъ на тѣхъ же основаніяхъ. На осенней сельско-хозяйственной выставкѣ въ г. Ташкентѣ, въ 1886 г., присоединены были отдѣлы: кустарно-промышленный и фабрично-заводскій. Самая выставка, происходившая съ 8 по 21 сентября 1886 г., удалась вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ ней принимали участіе 725 экспонентовъ, въ томъ числѣ 139 русскихъ и 586 туземцевъ, при чемъ 220 экспонентамъ были присуждены преміи и награды, состоявшія изъ медалей золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, похвальныхъ отзывовъ, а также почетныхъ и подарочныхъ халатовъ. Въ виду успѣшнаго результата выставки 1886 г., было предположено устроить выставку въ Ташкентѣ въ 1890 году. Обсужденіе и разработка программы предположенной выставки были возложены на особую, учрежденную въ маѣ 1888 года, коммиссію, подъ предсѣдательствомъ Военнаго

Губернатора Сыръ-Дарьинскій области, Генералъ-Маіора Н. И. Гродекова (нынѣ помощникъ Приамурскаго ген.-губернатора).

Особаго вниманія по чрезвычайной важности своей для края заслуживаетъ вопросъ о сбереженіи естественныхъ запасовъ дикорастущаго лѣса въ горныхъ мѣстностяхъ, а также саксаульныхъ и другихъ зарослей въ песчаныхъ степяхъ генералъ-губернаторства. По этому предмету были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) воспрещена безусловно рубка сырорастущаго саксаула и другихъ степныхъ зарослей съ цѣлью промышленнаго обжиганія изъ нихъ угля; 2) надзоръ за соблюденіемъ этого распоряженія былъ возложенъ, подъ особымъ попеченіемъ мѣстной уѣздной администраціи, на лѣсныхъ объѣздчиковъ и 3) подтверждено прежнее распоряженіе о запрещеніи вывоза угля за границы генералъ-губернаторства, при чемъ, для обезпеченія исполненія этой мѣры, усиленъ таможенный надзоръ назначеніемъ нѣсколькихъ стражниковъ изъ русскихъ людей.

Изъ числа мѣръ, относящихся къ городскому хозяйству и благоустройству, въ запискѣ упомянуто о послѣдовавшемъ разрѣшеніи вопроса о передачѣ г. Ташкенту незанятой территоріи бывшей Ташкентской ярмарки и о капитальной перестройкѣ лавокъ и помѣщеній туземнаго ташкентскаго базара, съ шоссированіемъ улицъ этого обширнаго центра средне-азіатской торговли, до самаго послѣдняго времени остававшихся почти непроѣздными отъ вѣками копившейся на нихъ грязи.

Въ интересахъ болѣе правильнаго устройства въ краѣ врачебныхъ учрежденій, было обращено особенное вниманіе на устройство въ наиболѣе населенныхъ изъ городскихъ центровъ Туркестанскаго края амбулаторныхъ лѣчебницъ для туземныхъ женщинъ и дѣтей, съ исключительно женскимъ персоналомъ врачей и прислуги. Образцомъ въ этомъ случаѣ служила лѣчебница, устроенная въ г. Ташкентѣ въ концѣ 1883 года, которая уже въ первый годъ своей полезной дѣятельности снискала полное сочувствіе и довѣріе къ себѣ со стороны женскаго населенія туземнаго города. Въ лѣчебницѣ исключительнѣе, чѣмъ гдѣ либо, сказалась насущ-

ная потребность мусульманскаго города, половина туземнаго населенія коего, безъ такого рода учрежденія, оставалась бы въ силу религіознаго закона, строго соблюдаемаго, безъ научно-медицинской помощи въ дѣлѣ охраненія здоровья[1]).

Для обезпеченія бѣднѣйшему населенію, сельскому и кочевому, дешеваго и доступнаго кредита, въ видахъ ограниченія разорительной для этого населенія эксплуатаціи народной нужды ростовщиками изъ сартовъ, татаръ и индійцевъ, въ 1884 году устроено было 11 уѣздныхъ ссудныхъ кассъ, съ капиталомъ слишкомъ въ 230.000 руб., дѣйствующихъ съ того времени во всѣхъ уѣздахъ областей Сыръ-Дарьинской и Самаркандской, а также и въ Наманганскомъ уѣздѣ Ферганской области.

Приведенныя въ запискѣ Генералъ-Адъютанта Розенбаха мѣропріятія Туркестанской администраціи, имѣвшія вліяніе на развитіе мѣстной производительности, необходимо дополнить свѣдѣніями объ улучшеніи садоводства въ краѣ. Мѣстныя плодовыя деревья, при однообразіи породъ, не отличались качествомъ фруктовъ: яблоки, груши, дули, абрикосы и пр., до прихода въ край русскихъ, не могли похвалиться нѣжностью вкуса; русскіе любители садоводства, съ большими затратами своихъ денежныхъ средствъ и приложеніемъ личнаго труда, развели въ Ташкентѣ (и другихъ городахъ) лучшія европейскія породы плодовыхъ деревьевъ, послѣ чего туземцы, безъ всякихъ затратъ и усилій съ своей стороны, переносятъ улучшенныя породы въ свои обширные сады. Кромѣ того, ташкентскіе сарты служатъ и главными продавцами этихъ фруктовъ въ Ташкентѣ. Основанный въ 1885 г. въ Ташкентѣ Отдѣлъ Императорскаго Общества садоводства[2]) съ своей стороны стремился придать садоводству характеръ самостоятельной отрасли мѣстнаго производства, заботясь при этомъ не только объ усовершенствованіи культуры плодовыхъ деревьевъ,

---

[1]) См. Обзоръ десятилѣтней дѣятельности амбулаторной лѣчебницы для туземныхъ женщинъ и дѣтей въ г. Ташкентѣ (1883—1894). Состав. женщинами-врачами: А. Послявской и Е. Мандельштаммъ. (Ташкентъ, 1894).

[2]) Въ 1895 г. преобразованъ въ Сельско-хозяйственное общество.

но и объ отысканіи сбыта продуктовъ садоводства. Тоже нужно сказать и о табаководствѣ, которое еще до прихода русскихъ было извѣстно въ краѣ, но съ приходомъ русскихъ несомнѣнно улучшилось. Къ улучшенію породы рогатаго скота русскою администраціей также были приняты мѣры, а двумя частными лицами—Коммерціи совѣтникомъ Ивановымъ и Потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Сяидъ-Азимбаевымъ—содержатся въ настоящее время два конскихъ завода. Хотя вліяніе этихъ мѣръ еще не ощутительно на мѣстномъ скотоводствѣ и коневодствѣ, но какъ фактъ мѣропріятія къ этому существуютъ и въ будущемъ могутъ принести пользу мѣстному населенію.

Не перечисляя всѣхъ отдѣльныхъ видовъ мѣстной промышленности и не указывая въ каждомъ изъ нихъ того или другого улучшенія подъ вліяніемъ русскаго управленія[1]), должно сказать, что,—при всей косности туземной производительности, косности, объясняемой главнымъ образомъ необыкновенною разсчетливостію, сартовъ, не затрачивающихъ ни одного рубля безъ увѣренности получить прибыль,—ташкентскіе сарты, съ приходомъ русскихъ, расширили свой свободный трудъ въ разныхъ отрасляхъ мѣстнаго производства и получили возможность заработывать большія деньги, о чемъ они въ прежнее, ханское, время и думать не могли. Достаточно представить себѣ, что съ самаго вступленія русскихъ войскъ въ Ташкентъ и до настоящаго времени все русское населеніе города Ташкента и русскія войска получаютъ всѣ съѣстные продукты изъ рукъ сартовъ (и частію киргизъ), такъ что въ этомъ смыслѣ русскіе являются только потребителями и потребителями необыкновенно выгодными для туземцевъ. Получаемое русскими чиновниками содержаніе и прибыли русскихъ торговцевъ переходятъ естественно въ руки сартовъ.—Русскихъ капиталистовъ въ строгомъ смыслѣ слова въ Ташкентѣ нѣтъ, а среди сартовъ есть уже несомнѣнно очень богатые люди, число которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

---

[1]) См. Обзоръ Сыръ-Дарьинской области за 1888 годъ. Прложеніе къ всеподданнѣйшему отчету Военнаго Губернатора. Ташкентъ, 1890 г.

Словомъ: если судить о хорошихъ сторонахъ русскаго вліянія на ташкентскихъ сартовъ по настоящему матеріальному ихъ благосостоянію, то съ этой стороны не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что русское управленіе Ташкентомъ за минувшія 30 лѣтъ обогатило туземное населеніе города такъ, какъ оно не могло никогда обогатиться. Русская администрація съ своей стороны дѣлаетъ все, что клонится къ улучшенію быта населенія края. Если бы было возможно сравнить настоящее положеніе этого города съ положеніемъ предъ занятіемъ его отрядомъ Генерала М. Г. Черняева въ 1865 году, то сравненіе вышло бы въ пользу современнаго Ташкента, подъ русскимъ управленіемъ расширившагося, облагообразившагося и разбогатѣвшаго. Тоже нужно сказать и о другихъ городахъ края.

Вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго общества, П. П. Семеновъ, въ докладѣ своемъ общему собранію Общества, 5 октября 1888 года, сдѣлалъ такой отзывъ о Ташкентѣ, на основаніи личнаго осмотра города:

„Ташкентъ, какъ главный культурный русскій центръ въ нашихъ средне-азіятскихъ владѣніяхъ, производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Рядомъ съ 100-тысячнымъ туземнымъ азіатскимъ городомъ выросъ въ теченіе четверти столѣтія цвѣтущій и обширный русскій городъ въ 30 тысячъ жителей. Видъ Ташкента съ вновь строящейся[1]) общирной мечети очарователенъ: это—цѣлое море садовъ, въ которомъ утопаютъ строенія города, особливо въ русской его части.

„Однимъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ культурныхъ учрежденій города служитъ гренажная станція, основанная для снабженія здоровою греною, т. е. яичками шелковыхъ червей, Туркестанскаго края, въ которомъ болѣзнь шелковыхъ червей, какъ это было лѣтъ 25 тому въ Италіи, грозила окончательнымъ уничтоженіемъ шелководства во всемъ Туркестанѣ. На станціи производится, основанная на микроскопическомъ осмотрѣ, тща-

---

[1]) П. П. Семеновъ былъ въ Ташкентѣ въ началѣ Іюня 1888 г. Н. О.

тельная сортировка сѣмянъ, или яичекъ, шелковыхъ червей и отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ. Опытъ показалъ, что это средство—единственное въ борьбѣ съ развитіемъ болѣзни шелковыхъ червей, и отъ развитія гренажныхъ станцій зависитъ обезпеченіе развитія шелководства, какъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства въ краѣ.

„Попытки улучшенія въ другой, еще болѣе важной отрасли народнаго хозяйства Туркестанскаго края, а именно—хлопчатобумажной производительности, осуществились въ нѣкоторыхъ частныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ значительнаго техническаго усовершенствованія достигъ, посѣщенный мною хлопкоочистительный заводъ купца Лахтина (нынѣ Бр. Каменскихъ).

„Особенно интересовали меня русскія мусульманскія училища[1]), такъ какъ именно въ этихъ училищахъ всего болѣе выражается вліяніе русскаго просвѣщенія на туземное населеніе. Одно изъ этихъ училищъ, посѣщенное мною, произвело на меня самое благопріятное впечатлѣніе.

„Не менѣе интересны въ мусульманской части города и лечебныя заведенія, оспопрививательное заведеніе, въ которомъ оспенная матерія добывается съ необыкновенною аккуратностью и опрятностью туземцами, подъ присмотромъ русскихъ медиковъ, амбулаторная мужская и дѣтская лечебница[2]), въ которую приходятъ туземцы съ большимъ довѣріемъ и въ большомъ количествѣ, принося съ собою и своихъ больныхъ дѣтей, къ которымъ относятся съ большою нѣжностію. Но всего интереснѣе—недавно устроенная попеченіемъ женщинъ-врачей, амбулаторная женская лечебница, впервые давшая возможность оказывать какую бы то ни было медицинскую помощь женскому населенію, остававшемуся безъ всякой медицинской помощи, такъ какъ помощью врачей мусульманки

---

1) Говорится о русско-туземныхъ школахъ. Н. О.

2) Г. Семеновъ, очевидно, смѣшалъ названія существующихъ въ Ташкентѣ амбулаторій; въ Ташкентѣ двѣ амбулаторіи: мужская и женская; больныя дѣти приносятся своими матерями въ женскую лѣчебницу, которая была открыта прежде мужской, именно, въ концѣ 1883 года. Н. О.

пользоваться не могли. Сначала женская лечебница посѣщалась только женщинами простыхъ классовъ, а теперь пріобрѣла такое всеобщее довѣріе, что и ташкентскія туземныя аристократки охотно[1]) посѣщаютъ больницу. Въ научно-медицинскомъ отношеніи больница эта съ своими обстоятельными записями дала не мало интересныхъ результатовъ; такъ, напримѣръ, оказалось, что распространеніе зоба, обычное между мужчинами въ Кокандѣ и заставившее мѣстную администрацію избрать областнымъ городомъ Ферганы не Кокандъ, а Новый Маргеланъ, теперь константировано и притомъ въ сильной степени между женскимъ населеніемъ Ташкента, между тѣмъ какъ между мужскимъ населеніемъ города зобы почти не встрѣчаются. Это обстоятельство, повидимому, указываетъ, что развитіе зоба обусловливается не столько климатическими условіями данной мѣстности, сколько условіями жизни населенія, которыя въ мусульманскихъ странахъ весьма различны для мужскаго и женскаго населенія.

„Обширная мусульманская соборная мечеть, къ радости туземнаго населенія, воздвигается въ мусульманской части города, самую интересную и характерную часть котораго составляетъ базаръ, поставленный, благодаря разумнымъ полицейскимъ и административнымъ мѣрамъ, въ несравненно лучшія гигіеническія условія, безъ особого стѣсненія своеобразной азіатской торговли“[2]).

5-го Декабря 1888 года состоялось Высочайшее повелѣніе о распространеніи на городъ Ташкентъ дѣйствующаго нынѣ въ большей части городовъ Россійской Имперіи Городоваго положенія, Высочайше утвержденнаго 16 Іюня 1870 г., съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. По этому случаю, 15 января 1890 года, въ 12 часовъ дня, въ помѣщеніи Ташкентской Городской Думы собрались русскіе и мусульманскіе гласные и въ присутствіи Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской области, Ге-

---

1) Это сказано преувеличенно. См. Отчетъ женщинъ-врачей. Н. О.

2) «Туркестанъ и Закаспійскій край въ 1888 году». Извѣстія Имп. Рус. Геог. Общества, т. XXIV. 1888 г., вып. V, стр. 316, 318, 325—326.

нералъ-Маіора Гродекова, выслушали прочитанное Городскимъ Головой, полковникомъ Путинцевымъ, Высочайшее повелѣніе, а затѣмъ русскіе гласные, во главѣ съ Военнымъ Губернаторомъ области, вознесли благодарственное Господу Богу моленіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику и Всему Царствующему Дому. Въ это время гласные мусульмане въ другой залѣ, въ присутствіи Городскаго Головы, совершили свою молитву за Государя Императора. По окончаніи молебствія русскихъ гласныхъ, мусульманскіе гласные вошли въ главную думскую залу, и тогда полковникъ Путинцевъ поздравилъ всѣхъ съ Высочайшею милостію и отправилъ въ С.-Петербургъ, на имя Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта Розенбаха, отъ лица гласныхъ, телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Державною волею Императорскаго Величества, древнѣйшій въ мусульманской Азіи Ташкентъ, только четверть вѣка тому назадъ воспріявшій сѣмена европейской культуры и ставшій центральнымъ пунктомъ ввѣреннаго Вашему Высокопревосходительству Туркестана, вступаетъ нынѣ, въ муниципальномъ отношеніи, въ великую семью городовъ Россійской имперіи. Знаменательнымъ въ жизни городскаго общества актомъ Державной Воли, начертаннымъ пятаго минувшаго декабря, еще прочнѣе и неразрывнѣе укрѣпляется та политическая связь между двумя національностями, которая положена въ основу дѣйствій Вашего Высокопревосходительства на поприщѣ сліянія туркестанской колоніи съ метрополіею. Дарованныя ташкентскому городскому обществу, состоящему изъ разнородныхъ элементовъ, соединившихся между собою по волѣ Провидѣнія и судебъ историческихъ, права самоуправленія, на началахъ Городоваго Положенія 1870 года, открываютъ ему широкій и свободный путь къ умственному и нравственному развитію и преуспѣянію экономическому. Шествуя по этому пути рука-объ-руку, обѣ національности будутъ постепенно, но прогрессивно сливаться между собою въ общую семью, родственную по политическимъ стремленіямъ съ русскимъ народомъ.

„Одушевленное этими мыслями и надеждами, стотысячное ташкентское городское общество, въ лицѣ представительницы своей, Городской Думы, принесло сегодня благодарственное Господу Богу молебствіе о здравіи и долгоденствіи Императора Всероссійскаго и Государя Туркестанскаго, даровавшаго гор. Ташкенту права, которыми пользуются коренные города имперіи.

„Сливаясь со всѣмъ русскимъ народомъ въ чувствѣ благоговѣнія предъ Всемогущимъ Промысломъ, чудесно спасшимъ Помазанника своего и Августѣйшее Семейство Его въ страшный день крушенія Императорскаго поѣзда на Курско-Харьковской желѣзной дорогѣ, и въ чувствахъ безпредѣльной вѣрноподданнической преданности Государю Императору, Городская Дума почтительнѣйше проситъ Ваше Высокопревосходительство повергнуть эти сердечныя чувства къ стопамъ Его Императорскаго Величества“.

Начальникъ Главнаго Штаба увѣдомилъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, что представленіе Его Высокопревосходительства съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ жителей г. Ташкента было повергнуто на Высочайшее Государя Императора благовоззрѣніе, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: благодарить отъ Имени Ихъ Величествъ жителей г. Ташкента и Городскую Думу за выраженныя сердечныя вѣрноподданническія чувства [1]).

15 мая 1888 года состоялось открытіе желѣзной дороги, приблизившее къ Россіи древнюю столицу грознаго Тимура, наводившаго трепетъ на средневѣковую Европу. Эта дорога сближаетъ съ русскимъ народомъ не только сартовъ Туркестана, но и бухарцевъ и туркменъ. Рядомъ почти съ недоступной еще недавно Бухарой, теперь растетъ русскій городъ—Новая Бухара—съ вокзаломъ желѣзной дороги и русскою церковію; въ Асхабадѣ и Мервѣ, среди окружающихъ эти мѣста песковъ, возникли также новые русскіе города. Ташкентская Городская Дума какъ

---

[1]) Туркестан. Туземн. газета за 1889 г. №№ 3 и 9.

представительница интересовъ русскаго и сартскаго населенія гор. Ташкента, въ телеграммѣ своей, отправленной въ Самаркандъ, на имя Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта Розенбаха, по случаю открытія дороги, такъ выразила свои мысли и чувства, вызванныя этимъ многознаменательнымъ фактомъ, одновременно изумившимъ Азію и Европу:

„Пятнадцатаго сего мая, въ восьмой годъ счастливаго царствованія обожаемаго всею стомилліонною Россіей Государя Императора и въ знаменательный день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Ташкентская Городская Дума, представительница стотысячнаго русскаго и мусульманскаго населенія города Ташкента, какъ центрально-административнаго пункта Туркестанскаго края, считаетъ своимъ долгомъ выразить Вашему Высокопревосходительству привѣтствіе въ знаменательный для Средней Азіи день соединенія ея рельсовымъ путемъ съ землею кореннаго русскаго народа и со всѣмъ цивилизованнымъ европейскимъ міромъ. Съ этого великаго дня, который на вѣчныя времена запечатлѣется на скрижаляхъ политической и военной исторіи нашего отечества, семнадцатимилліонная страна, еще вчера разобщенная съ европейскимъ міромъ огромными и труднопроходимыми степными пространствами, служащими жилищемъ полудикихъ номадовъ, навсегда соединяется съ Европою такимъ путемъ, по которому пройдутъ въ эту страну блага культуры народовъ новаго міра.

„Во времена глубокой древности, Мавераннагръ, въ центрѣ котораго прошла русская желѣзная дорога, освящаемая и открываемая въ пятый годъ Вашего управленія Туркестанскимъ краемъ, заключающимъ въ себѣ значительную часть страны, когда-то носившей это малоизвѣстное современной исторіи названіе, служилъ средоточіемъ своеобразной арабской цивилизаціи и пунктомъ, чрезъ который совершалось широкое торговое движеніе съ запада на востокъ, изъ Европы въ Азію. Сильныя и могущественныя орды монголовъ, съ которыми не могли бороться культурные народы Мавераннагра, довели эту цвѣтущую и богатую страну до пол-

наго политическаго, экономическаго и нравственнаго упадка, и въ послѣднія столѣтія она представляла собою грушу мелкихъ ханствъ, правители которыхъ постоянно враждовали между собою и, раззоряя войною управляемые ими народы, довели ихъ до того, немыслимаго въ благоустроенныхъ государствахъ состоянія, когда люди не имѣютъ права считать обезпеченными отъ произвола и насилія ни свою собственность, ни свою личность, ни даже жизнь. Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія, часть древняго Мавераннагра была покорена силою русскаго оружія и, державною волею покойнаго Императора, вошла въ составъ Русскаго царства. Въ этотъ переходный періодъ, въ жизни многомилліоннаго мусульманскаго міра произошелъ роковой историческій переломъ, послѣ котораго народы Средней Азіи, подъ скипетромъ могущественнаго Бѣлаго Царя, вступили на путь мирнаго, въ духѣ русской гражданственности, историческаго развитія и экономическаго прогресса.

„Прогрессивному шествію по этому пути окажетъ огромное содѣйствіе проведенный изъ Европейской въ Средне-Азіятскую Россію рельсовый путь, торжественное открытіе котораго празднуется сегодня.

„Съ проведеніемъ средне-азіятской желѣзной дороги, врѣзавшейся въ самое сердце когда-то богатой и промышленной Согдіаны, цѣлые вѣка находившейся въ упадкѣ, а нынѣ снова воскресающей къ жизни, осуществилась, но уже въ современныхъ, болѣе совершенныхъ формахъ, завѣтная и геніальная мысль великаго преобразователя Россіи, Императора Петра Великаго, такъ горячо и неотступно стремившагося проложить Аму-дарьинскій водный путь чрезъ средне-азіятскія ханства, обѣщавшій, по его государственнымъ соображеніямъ, неисчислимыя торговыя и промышленныя выгоды для Россіи. Пути сообщенія играютъ великую роль въ жизни государствъ, способствуя развитію международныхъ сношеній, торговли и промышленности, а слѣдовательно и цивилизаціи; но средне-азіятскій желѣзный путь будетъ имѣть на многіе годы не только это общее, но и особенное значеніе:

пролегая чрезъ огромную, степную территорію, по границѣ Хивинскаго ханства и чрезъ Бухарію, ведущую обширную торговлю съ Россіею сырьемъ, хлопкомъ, шелкомъ и разными другими произведеніями животнаго и растительнаго царствъ, и имѣя служить путемъ для ввоза въ Среднюю Азію фабрикатовъ русской промышленности, которымъ недоступны рынки Западной Европы, средне-азіятская желѣзная дорога будетъ имѣть значеніе не только въ индустріальномъ отношеніи, но и въ смыслѣ нравственнаго фактора, долженствующаго вліять на ускореніе сближенія двухъ народностей въ общую русскую семью.

„Періодъ войнъ за русское господство въ Средней Азіи, продолжавшійся почти четверть вѣка, окончился. Уничтоживъ рабство въ средне-азіятскихъ ханствахъ, существовавшее до появленія русскихъ, уполномоченные представители Бѣлаго Царя выполнили одну изъ величайшихъ миссій, возложенныхъ Провидѣніемъ на европейскія государства, находящіяся въ сосѣдствѣ съ азіятскими. Теперь наступилъ періодъ мирнаго развитія экономическаго и нравственнаго,—наступилъ періодъ вторженія въ умственный и нравственный міръ этихъ народовъ не съ тѣмъ оружіемъ, которое покоренную Центральную Азію привело къ подножію Русскаго Престола, а съ другимъ, столь-же могущественнымъ, но еще болѣе плодотворнымъ: съ оружіемъ умиротворенія, умственнаго прогресса и экономическаго развитія. Рельсовый путь, соединившій Европу съ Азіей, Западъ съ Востокомъ, новый міръ со старымъ, цивилизованныя государства съ странами, государственный строй которыхъ постоянно колебался отъ народныхъ волненій и непрекращавшихся безурядицъ, есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ, имѣющихъ служить залогомъ тѣхъ благъ европейской цивилизаціи, свѣтъ которой озаритъ средне-азіятскій мусульманскій міръ[1])....

---

[1]) Текстъ этой телеграммы въ переводѣ на сартскій языкъ напечатанъ въ № 20 Туземной газеты отъ 21 мая 1888 г. Миръ-Сиидъ-Ахадъ-ханъ, родственникъ Бухарскаго Амира, проживавшій въ Ташкентѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (умеръ въ 1895 г. въ Ташкентѣ) сообщилъ автору настоящаго изданія слѣдующее: «Лѣтомъ 1889 года, я для

Съ того времени прошло всего восемь лѣтъ, какъ Ташкентъ и Фергана соединяются уже строящеюся желѣзной дорогой отъ Самарканда. Проведеніе новой линіи „Самаркандъ-Андижанъ“ еще болѣе сблизитъ Русскій Туркестанъ съ Россіей и еще болѣе расширитъ мѣстную, особенно хлопковую промышленность. Уже въ и въ настоящее время въ городахъ Кокандѣ, Наманганѣ и Андижанѣ производятся милліонныя закупки хлопка для разныхъ русскихъ мануфактуръ, а въ будущемъ площадь, засѣваемая хлопкомъ, должна будетъ увеличиться.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ четвертаго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора Барона А. Б. Вревскаго за 1889—1895 гг. указано, что населеніе края, исчислявшееся въ 1880 году въ 2.269.520 душъ обоего пола, увеличилось за 13 лѣтъ приблизительно на 37%, то есть достигло цифры 3.102.385 душъ, и что весь этотъ приростъ касается осѣдлаго населенія края, тогда какъ за указанный періодъ число кочевниковъ (киргизъ) уменьшилось вслѣдствіе осѣданія ихъ, ясно обнаружившагося за это время.

поправленія своего здоровья ѣздилъ въ Чимганскія горы, находящіяся въ 80 верстахъ отъ Ташкента. Проживъ тамъ нѣсколько времени, я, на возвратномъ пути въ Ташкентъ, ночью проѣзжалъ по степи, гдѣ протекаетъ новый «Искандеръ-арыкъ». Хотя ночь была только звѣздная и луны не было видно, проѣзжающій могъ однако различать на пути человѣческія фигуры. И вотъ, среди ночной тишины, въ совершенно безлюдной мѣстности, я догналъ женщину-мусульманку,—очевидно, бѣдную вдову, которая съ своею маленькою дочерью и сыномъ шла впереди меня, неся на головѣ корзину съ хлопкомъ. Изъ состраданія къ бѣдной женщинѣ, я остановился и спросилъ ее, куда она идетъ и какъ не боится идти одна ночью по такой пустынной мѣстности? Бѣдная женщина отвѣчала мнѣ, что она днемъ собрала нѣсколько фунтовъ хлопка и теперь спѣшитъ прибыть къ утру на ближайшій базаръ, чтобы продать тамъ свой хлопокъ; къ этому она прибавила: «Еслибы я боялась, что дурные люди обидятъ меня ночью въ такой безлюдной мѣстности, то я, конечно, не рѣшилась бы одна отправиться въ путь»... Такой отвѣтъ одинокой бѣдной вдовы успокоилъ меня за нее и за ея дѣтей, и я пожелалъ ей благополучно добраться до караванъ-сарая, а самъ подумалъ: «Хвала Богу! Мы, ташкентцы, пользуемся теперь такимъ спокойствіемъ, что и бѣдная вдова не боится итти ночью по безлюдной дорогѣ! И я самъ, хотя и мужчина, ѣду въ ночной тишинѣ и прохладѣ, нисколько не безпокоясь за свою безопасность. А прежде было не то: прежде нельзя было не только беззащитной женщинѣ, но и одинокому мужчинѣ ѣхать ночью по степи»... Подумавъ это, я слѣзъ съ лошади и вознесъ ко Всевышнему усердную молитву за Государя Императора, подъ могущественнымъ покровительствомъ Котораго мы, мусульмане туркестанскіе, наслаждаемся безопасностью и миромъ». (Напечат. въ № 1 Тузем. газеты за 1890 годъ).

Въ связи съ этимъ знаменательнымъ явленіемъ, интереснымъ и какъ историческій процессъ перехода кочевниковъ къ осѣдлой жизни, естественно значительно расширилась и площадь обрабо-тываемыхъ земель, такъ что въ 1893 г. общая земледѣльческая площадь въ Туркестанскомъ краѣ исчислялась приблизительно въ 2.079.370 дес. На этой площади въ 1893 г. собрано было зерновыхъ хлѣбовъ до 48 мил. пудовъ и американскаго хлопка болѣе 2 мил. пуд. Хлопководство имѣетъ особенно важное зна-ченіе для края и для Россіи, такъ какъ вывозъ этого продукта изъ Туркестана, обогащая мѣстное населеніе, въ тоже время дѣ-лаетъ большую государственную экономію, задерживая въ Имперіи почтенную сумму. Выгодность и быстрое развитіе этой отрасли мѣстной сельско-хозяйственной промышленности очевидно изъ со-поставленія слѣдующихъ цифръ: въ 1883 г. посѣвы американ-скаго хлопчатника занимали всего лишь нѣсколько десятинъ въ краѣ, въ 1884 г.—450 дес., а въ 1887 г. уже до 14.500 дес., давшихъ болѣе 200.000 пуд. чистаго волокна на сумму болѣе 1.500.000 руб. Въ 1888 г. очищеннаго хлопка было собрано уже болѣе 1 мил. пуд. на сумму около $7^1/_2$ мил. рублей, а въ 1893 г. болѣе 2 мил. пуд. на сумму до 17 мил. руб.

Точно также и садоводство въ краѣ быстро развивается и улучшается. Въ краѣ разводятся: яблоки, абрикосы, персики, сливы, груши, айва, вишныя ягоды, черешни, вишни, грецкій орѣхъ, фисташки, миндаль. Но особенное значеніе для населенія имѣетъ давно развитый въ краѣ, а при русскомъ правленіи значи-тельно улучшившійся промыселъ разведенія винограда, поддержи-вающій русское виноділіе. Въ 1890 г. съ мѣстныхъ виноград-никовъ было собрано до $6^1/_2$ мил. пуд. на сумму до 3 мил. руб. А разныхъ сушеныхъ фруктовъ было вывезено на сумму до пол-милліона руб. Шелководство въ краѣ, нѣкогда обширное и со-всѣмъ было упавшее, было энергично поддержано русскою адми-нистраціей, и въ 1894 году было вывезено изъ края 6572 пуда коконовъ на сумму болѣе 1 мил. руб. Несомнѣнно, развились въ краѣ и разные мелкіе (кустарные) промыслы сартовъ.

Вообще необходимо замѣтить, что вмѣстѣ съ быстрымъ возрастаніемъ производительности края увеличиваются и торговые обороты сартовъ. Въ 1889 г. торговые обороты края по обмѣну съ рынками Европейской Россіи простирались до $6^1/_2$ мил. руб., а въ 1893 г. возросли до 32 мил. руб., такъ какъ вывозъ американскаго хлопка составляетъ 80% всего вывоза изъ Туркестана.

Однихъ этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы сказать, что производительныя силы края при русскомъ управленіи весьма значительно возросли и продолжаютъ развиваться, а съ предстоящимъ улучшеніемъ путей сообщенія въ краѣ сарты еще болѣе должны обогатиться, что они ясно сознаютъ и сами. Развѣ могли сарты когда-нибудь прежде, во время мусульманскаго господства въ Туркестанѣ, думать, что они будутъ пользоваться правильнымъ почтовымъ сообщеніемъ, желѣзно-дорожнымъ путемъ, телеграфомъ и помощью кредита отъ Государственнаго Банка и частныхъ банкирскихъ конторъ. Съ русскимъ управленіемъ для торговыхъ оборотовъ сартовъ настала самая благопріятная эпоха: *спросъ* сильно, до небывалыхъ размѣровъ, увеличился и для *предложенія* есть всѣ необходимыя условія, въ числѣ которыхъ первое и самое главное—внутреннее и внѣшнее умиротвореніе края и личная безопасность, чѣмъ сарты по преимуществу до занятія края русскими не пользовались. До русскаго управленія, городскіе сарты, даже въ Ташкентѣ, съ наступленіемъ вечера, запирали городскія ворота, а находившіеся за городомъ спѣшили къ вечеру прибыть за черту городской стѣны... (См. ниже „Воспоминанія Сатархана“).

Постепенно развивается и дѣло врачебной помощи туземному населенію: въ 1880 году за врачебною помощію обращались къ русскимъ врачамъ 20.757 чел., а въ 1893 году 122.884 чел. Въ этомъ отношеніи туземцы пользуются, кромѣ военныхъ госпиталей, городскими больницами, амбулаторными лѣчебницами, амбулаторными фельдшерскими пунктами, родильнымъ покоемъ и глазной лѣчебницей. Особеннаго вниманія, съ точки зрѣнія сближенія туземнаго населенія съ русскимъ, заслуживаютъ женскія

амбулаторныя лѣчебницы. Живое непосредственное общеніе туземныхъ женщинъ съ образованными женщинами-врачами вноситъ въ замкнутую и недоступную мусульманскую семью животворящій лучъ свѣта и притомъ, по самой сущности своей, не рѣжащій мусульманскій глазъ, а успокаивающій.

Наконецъ, въ санитарномъ отношеніи русскою администраціей сдѣлано очень много для туземнаго населенія не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Помимо улучшенія дорогъ, въ ханское время часто непроѣздныхъ, въ 25 лѣтъ русскаго управленія краемъ, въ значительной степени уничтожены источники гніющихъ водъ, установленъ надзоръ за чисткой прудовъ (хаузъ) и проточныхъ каналовъ (арыкъ), за опрятнымъ содержаніемъ скотобоенъ, бань, заводовъ, каравань-сараевъ, базаровъ, улицъ и кладбищъ. Послѣднія, устраивавшіяся обыкновенно среди жилыхъ центровъ, въ городахъ и селахъ и загрязнявшія почву, воду и воздухъ, въ Ташкентѣ закрыты и перенесены за черту города.

Словомъ: для туземнаго населенія сдѣлано и дѣлается такъ много, сколько въ силахъ сдѣлать администрація края при небольшихъ денежныхъ средствахъ и при косности невѣжественнаго и фанатичнаго туземнаго населенія.

IV.

ТУРКЕСТАНСКАЯ ТУЗЕМНАЯ ГАЗЕТА И РУССКО-ТУЗЕМНЫЯ ШКОЛЫ.

„Просвѣщать постепенно инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и народностію составляетъ задачу величайшей государственной важности".

Гр. Д. А. Толстой.

Туркестанская туземная газета издается въ Ташкентѣ съ 1870 года. Первоначально она составляла особое приложеніе къ Туркестанскимъ Вѣдомостямъ и издавалась на небольшихъ полулистахъ подъ заглавіемъ: ترکستان ولایتی‌نی گزیتی. Она имѣла цѣлію распространеніе между туземцами Туркестанскаго края свѣдѣній о распоряженіяхъ русскаго правительства и мѣстной администраціи. Съ 1871 г. эти „Приложенія" печатались на листахъ малаго формата (четверть листа) и выходили *четыре* раза въ мѣсяцъ: два раза на сартскомъ языкѣ и два раза на киргизскомъ. Къ редакціи Туркестанскихъ Вѣдомостей названныя „Приложенія" не имѣли никакихъ другихъ отношеній, кромѣ денежныхъ разсчетовъ, такъ какъ расходъ по изданію этихъ „Приложеній" покрывался изъ общаго кредита, ассигнованнаго на изданіе Туркестанскихъ Вѣдомостей и находившагося въ вѣдѣніи редактора этой газеты. Въ такомъ положеніи „Приложенія" находились тринадцать лѣтъ, до 1883 года. Изданіемъ ихъ сначала завѣдывалъ состоявшій при генералъ-губернаторѣ переводчикъ Ш. Ибрагимовъ, а потомъ переводчикъ генералъ-губернаторской канцеляріи Х. Чанышевъ.

Съ начала 1883 г. редакція этихъ „Приложеній“, по приказанію Туркестанскаго генералъ-губернатора, генер.-лейтенанта Черняева, была передана мнѣ. При этомъ мнѣ было приказано главнымъ начальникомъ Туркестанскаго края прекратить изданіе Приложеній на киргизскомъ языкѣ и начать еженедѣльное изданіе небольшой газеты на сартскомъ языкѣ (приказъ по военно-народному управленію отъ 30 января 1883 года за № 29). На расходы по изданію этой газеты въ 1883 г. было отпущено въ мое распоряженіе 2640 руб., и газета печаталась въ количествѣ 500 экземпл. Въ концѣ 1884 г. я получилъ отъ генералъ-адъютанта Розенбаха предложеніе издавать туземную газету, съ начала 1885 года, съ буквальнымъ русскимъ переводомъ сартскаго ея текста, вслѣдствіе чего долженъ былъ увеличиться и размѣръ листа газеты [1]).

Что касается характера туземной газеты, то онъ опредѣляется назначеніемъ ея, главнымъ образомъ, для туземныхъ должностныхъ лицъ Туркестанскаго края, съ цѣлію ознакомленія ихъ съ распоряженіями мѣстной администраціи и распространенія среди нихъ полезныхъ свѣдѣній, преимущественно изъ исторіи и географіи. Съ начала 1887 года Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ было разрѣшено самостоятельное изданіе Туземной газеты по слѣдующей программѣ:

I. Высочайшія повелѣнія, Высочайшія телеграммы, Высочайшія награды и пожертвованія, касающіяся туземнаго населенія; краткія сообщенія о высокоторжественныхъ дняхъ.

---

[1]) Въ № 1 газеты за 1885 годъ было по этому поводу напечатано:

«Господинъ Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Розенбахъ, назначенный Высочайшимъ приказомъ Его Величества Государя Императора на должность Генералъ-Губернатора въ этомъ краѣ, по прибытіи въ край въ минувшемъ 1884 г., изволилъ обратить свое высокое вниманіе на чрезвычайную пользу изученія населеніемъ этого края русскаго языка и грамоты. Съ этою цѣлію онъ нѣсколько разъ указывалъ на это почетнымъ представителямъ туземцевъ-мусульманъ, а для того, чтобы сдѣлать болѣе легкимъ изученіе дѣтьми мусульманъ русскаго языка и грамоты. Его Высокопревосходительство приказалъ открыть въ Ташкентѣ особую школу.

«Кромѣ того, усиленно заботясь о томъ, чтобы выходящая на сартскомъ языкѣ газета приносила жителямъ этого края больше пользы, Его Высокопревосходительство всегда освѣдомлялся о томъ, какія свѣдѣнія и о какихъ происшествіяхъ печатается въ этой газетѣ... и приказалъ издавать эту газету въ будущемъ году съ русскимъ переводомъ»

II. Распоряженія Туркестанскаго генералъ-губернатора и военныхъ губернаторовъ, имѣющія отношенія къ туземному населенію края; приговоры русской судебной власти, касающіеся туземцевъ, и общія правительственныя распоряженія, распространяемыя на Туркестанскій край.

III. Краткіе разсказы изъ жизни русскихъ государей. Замѣчательныя событія въ жизни русскаго народа и въ жизни другихъ государствъ, представляющія интересъ для туземцевъ. Мѣстныя извѣстія, касающіяся, промышленности и сельскаго хозяйства и разныя извѣстія.

IV. Объявленія Почтово-Телеграфнаго округа и другихъ правительственныхъ учрежденій Туркестанскаго края и частныя объявленія.

Эту программу туземная газета выполняла и выполняетъ до настоящаго времени. При общемъ, оффиціальномъ, характерѣ газеты, въ ней печатались: краткія сообщенія изъ жизни Всероссійскаго Императорскаго Дома; высокоторжественные дни всегда отмѣчались въ газетѣ съ поясненіемъ событій, лежащихъ въ основѣ этихъ торжествъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ печатались и Высочайшіе манифесты.

Съ цѣлію ознакомленія туземнаго населенія съ исторіей русскаго народа, въ газетѣ за 1886 г. были помѣщены краткія свѣдѣнія о русскомъ государствѣ съ основанія его до настоящаго времени; кромѣ того, въ газетѣ печатались отдѣльные разсказы изъ жизни русскихъ государей: Петра Великаго, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. О путешествіи Императорской фамиліи на Кавказъ въ 1888 г. и о событіи 17 августа 1888 г. было своевременно напечатано въ газетѣ. Упоминалось въ газетѣ и о пріѣздахъ въ Россію царствующихъ особъ Западной Европы для свиданія съ Русскимъ Государемъ Императоромъ. Въ 1894 году печатались въ газетѣ свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни Императора Александра III и стихи на кончину Его. (См. прилож.). О вступленіи на престолъ Императора Николая

Александровича было печатано въ нѣсколькихъ №№ газеты. Въ 1895 году печатались сообщенія о русскомъ посольствѣ въ Бухару и Хиву по случаю вступленія на Всероссійскій престолъ Императора Николая II.

Кромѣ того, въ газетѣ упоминалось о выдающихся случаяхъ изъ жизни русскаго народа (особенно о замѣчательныхъ по своимъ размѣрамъ и цѣлямъ пожертвованіяхъ) и сообщались краткія свѣдѣнія о современномъ состояніи Россіи.

Приказы и другія распоряженія Туркестанскаго генералъ-губернатора, а также приказы и распоряженія военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области и начальника гор. Ташкента, касающіеся туземцевъ, печатались въ газетѣ или въ переводѣ подлиннаго текста, или въ извлеченіи. Сюда-же относятся разъясненія разныхъ распоряженій русской администраціи края, касающихся туземцевъ, а также общія русскія правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ Туркестанскому краю, и приговоры русской судебной власти по дѣламъ туземцевъ. О поѣздкахъ генералъ-губернатора по краю, о пріемахъ представителей туземнаго населенія генералъ-губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ Сыръ-дарьинской области, о посѣщеніи разными начальствующими лицами туземнаго города и русско-туземныхъ школъ въ газетѣ своевременно дѣлались сообщенія.

Въ „Разныхъ извѣстіяхъ“ печатались краткія свѣдѣнія о выдающихся фактахъ изъ жизни разныхъ странъ, при чемъ болѣе подробныя замѣтки касались Россіи и Азіи. Извѣстія, касающіяся Туркестанскаго края въ его настоящемъ положеніи, помѣщались въ газетѣ предпочтительно предъ другими. Сюда относятся не только оффиціальныя, но и частныя извѣстія, извлеченія изъ отчетовъ военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области, амбулаторныхъ лѣчебницъ разныхъ городовъ края, ссудныхъ кассъ, свѣдѣнія о русско-туземныхъ школахъ и о русскихъ школахъ, въ которыхъ обучаются дѣти туземцевъ, и пр. Въ газетѣ было помѣщено краткое извлеченіе изъ исторіи Чингизъ-хана и нѣсколько разсказовъ изъ жизни Тимура, а также описаніе древностей Са-

марканда и Сарьяма. Чтобы познакомить туземцевъ съ исторіею древнихъ и новыхъ народовъ, въ газетѣ, кромѣ законченныхъ очерковъ Индіи, Китая и Египта, также помѣщались извѣстія о разныхъ современныхъ народахъ. Съ цѣлью ознакомленія туземцевъ съ выдающимися явленіями природы, въ газетѣ помѣщались краткія статьи о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, о землетрясеніяхъ, а въ 1890 году печатался переводъ краткаго учебника физической географіи. Общія географическія свѣдѣнія, касающіяся всего земнаго шара, были помѣщены въ газетѣ за 1884 и 1887 гг. Приэтомъ нужно имѣть въ виду, что небольшой размѣръ туземной газеты, при двойномъ текстѣ, не дозволяетъ помѣщать въ каждомъ № ея много матеріала.

Нѣкоторыя статьи, печатавшіяся въ газетѣ, въ отдѣльныхъ оттискахъ высылались безплатно подписчикамъ. Въ разные годы было издано такимъ образомъ нѣсколько брошюръ, путемъ перевертки изъ разныхъ №№ газеты, именно: въ 1884 г.—О вредномъ дѣйствіи опіума, кукнара, хашиша, анаши, водки и тому подобныхъ веществъ (35 стр.); О дифтеритѣ и скарлатинѣ—ст. областнаго врача; въ 1885 г. О хлопководствѣ (31 стран.); въ 1886 г. издана первая карта всѣхъ частей свѣта съ мусульманскими надписями важнѣйшихъ городовъ; въ 1887 году изданъ переводъ разсказа Гр. Л. Н. Толстаго „*Чѣмъ люди живы?*“ (38 стран.); въ 1888 г.: О бѣшенствѣ собакъ и о заболѣваніи людей водобоязнію (7 страницъ); въ 1889 году: Краткая исторія Египта, съ приложеніемъ гравюръ (44 стран.) и Десятидневная поѣздка Туркестанскаго Генералъ-Губернатора Генералъ-Адъютанта Николая Оттоновича Розенбаха въ Ферганскую область въ маѣ мѣсяцѣ 1889 года (44 стр.); въ 1890 году: Разсказы изъ физической Географіи, на сартскомъ языкѣ. Излож. по сочиненію профессора А. Гейки. Вып. 1-й (стр. 1—46). Въ 1889 году при газетѣ было разослано подписчикамъ ея краткое наставленіе объ уходѣ за шелковичными червями (7 стр.), а въ 1890 году подробное объявленіе о Туркестанской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ въ гор. Ташкентѣ (35 стр.),—объ брошюры на сарт-

скомъ языкѣ. Въ 1895 г. въ газетѣ было напечатано подробное извлеченіе изъ отчета Россійскаго консульства въ Джеддѣ относительно мусульманскихъ богомольцевъ (русскихъ подданныхъ) въ Меккѣ и Мединѣ и разъясненіе туземцамъ о подготовляемой въ Россіи всеобщей переписи. Въ разные годы въ газетѣ печатались также разъясненія относительно археологическихъ находокъ и о раскопкахъ въ краѣ, а въ настоящемъ году печатается переводъ устава Туркестанскаго кружка любителей археологіи.

При газетѣ издается ежегодно, въ видѣ безплатнаго приложенія, стѣнной календарь, съ Россійскимъ государственнымъ гербомъ, на большомъ печатномъ листѣ и содержитъ слѣдующія свѣдѣнія: годъ отъ Рождества Христова и годъ гиджры; годъ отъ основанія Русскаго государства и годъ царствованія Государя Императора, въ особыхъ рамкахъ; годъ отъ сотворенія міра и число дней въ текущемъ году, съ обозначеніемъ високоснаго или невисокоснаго года. Въ календарѣ на 1890-й и слѣдующіе годы выставленъ и 1865 годъ, съ указаніемъ исполнившагося 25-тилѣтія со дня взятія Ташкента и времени открытія Ташкентской выставки. Кромѣ мѣсяцевъ, чиселъ и дней христіанскаго и мусульманскаго времясчисленій, въ календарѣ означаются высокоторжественные дни съ краткимъ поясненіемъ событій, лежащихъ въ основѣ русскихъ торжествъ, а также русскіе неприсутственные дни, дни двухъ главныхъ мусульманскихъ праздниковъ, поименовываются должности, чины и фамиліи начальствующихъ лицъ Туркестанскаго края: генералъ-губернаторъ, военные губернаторы трехъ областей и начальникъ Аму-Дарьинскаго Отдѣла и нѣкоторыя другія русскія должностныя лица. Въ календарѣ указывались также дни солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. Наконецъ, въ календаряхъ помѣщались рисунки: С.-Петербургскаго Зимняго Дворца, парохода, желѣзной дороги, а въ 1896 г. видъ Нижегородской всероссійской выставки.

Словомъ, Туземная газета разъясняетъ туземному населенію Туркестанскаго края распоряженія мѣстной администраціи, знакомитъ туземцевъ съ Россіей и русскимъ народомъ, указываетъ

имѣ на пользу изученія русскаго языка и русской грамоты, примѣнительно къ понятіямъ сартовъ, большинство которыхъ смотритъ еще на европейское образованіе, какъ на нѣчто несовмѣстимое съ мусульманскимъ міровозрѣніемъ. Современные сарты въ этомъ отношеніи напоминаютъ русскихъ XVII вѣка, говорившихъ: „Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ(!) астрономъ не чптахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“ [1])... Извѣстно, что учрежденіе южно-руссами школъ съ новыми, не преподававшимися дотолѣ, предметами недружелюбно встрѣчено было тогда нѣкоторыми ревнителями православія съ консервативнымъ образомъ мыслей. „Сила духа—говорили они—не въ художествѣ вышняго наказанія и философскаго постиженія обрѣтается, но вѣрою смиренномудрія даруется. Хитрорѣчіемъ простота и буяя премудрость Божія безчестится, крестъ Христовъ поруганъ бываетъ... Латинская премудрость—прямая дорога къ аду. Реторики, діалектики и прочія поганскія (латинскія) хитрости и руководства суть изобрѣтенія діавола, ведущаго борьбу съ словянскимъ языкомъ, какъ съ сильнымъ, плодоноснѣйшимъ и самымъ пріятнѣйшимъ Богу“. Подобные взгляды на образованіе служили немалою преградою къ расширенію объема преподававшихся въ юго-западныхъ русскихъ школахъ наукъ,—тѣмъ болѣе что подобные взгляды и наставленія зачастую исходили отъ лицъ, извѣстныхъ своею приверженностью къ православію и пользовавшихся сильнымъ вліяніемъ въ средѣ южно-русскаго народонаселенія [2]). Подобно этому, и туркестанскіе туземцы недовѣрчиво относятся къ разнымъ нововведеніямъ русской администраціи, особенно касающимся образованія туземцевъ. Подъ вліяніемъ безтолковыхъ

---

[1]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣд. П. Пекарскаго. Томъ I, стр. 3. С.-Петербургъ. 1862

[2]) Ст. Голубева «Школы до-Могилянскія въ Юго-Западной Руси и основаніе Могилянской коллегіи». Историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности. Вып. III. Составилъ В. Покровскій. Москва, 1888 г. стр. 241

людей, и среди сартовъ появляются иногда нелѣпыя предположенія относительно нововведеній въ школѣ, какъ напримѣръ: опасеніе быть взятымъ въ солдаты или быть окрещеннымъ.

Поэтому, чтобы установить правильный взглядъ на туземную газету, должно имѣть въ виду, что хотя она издается въ концѣ XIX в., но издается для сартовъ (и киргизовъ), о которыхъ только-что было замѣчено, что они, въ отношеніи умственнаго своего развитія, напоминаютъ собою русскихъ XVII и начала XVIII в.в. Русское управленіе въ краѣ неизбѣжно вывело сартовъ на новый жизненный путь, на путь преобразованія ихъ быта, которое совершается естественно, безъ принудительныхъ мѣръ. Поэтому и вопросъ о томъ, какой смыслъ и какое значеніе имѣетъ туземная газета для сартовъ, самъ собою разъясняется указаніемъ соотвѣтствующей параллели въ жизни русскихъ. Въ Исторіи Россіи С. Соловьева, по поводу изданія первыхъ „Вѣдомостей“ говорится: „Послѣ школъ и книгъ третьимъ могущественнымъ средствомъ для умственнаго развитія, для расширенія умственной сферы русскаго человѣка, могущественнымъ средствомъ для уничтоженія прежней замкнутости и застоя было сообщеніе свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Россіи и въ другихъ земляхъ. До Петра знать, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ, было привиллегіею правительства; извлеченія изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ и бережно хранились, какъ тайна. Петръ хотѣлъ, чтобъ всѣ русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ. 17-го декабря 1702 года великій Государь указалъ: *по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, и для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать въ монастырскій приказъ, откуда тѣ вѣдомости отсылать на Печатный дворъ.* Указъ былъ исполненъ, и съ 1803 г. начали издаваться въ Москвѣ куранты подъ заглавіемъ: „*Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ*

достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“ [1]).

Первыя русскія вѣдомости печатались въ количествѣ 1000 экземп. и выходили въ неопредѣленные сроки, вѣроятно, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ [2]). Печатались первыя вѣдомости сначала церковно-славянскимъ шрифтомъ, а потомъ то церковнымъ, то гражданскимъ. О содержаніи первыхъ №№ Московск. Вѣдомостей извѣстно, что впереди печатались русскія извѣстія, излагавшіяся вообще довольно безпристрастно. Такъ, напримѣръ, въ № отъ 2 января 1703 года, вслѣдъ за сообщеніемъ объ отлитіи въ Москвѣ „пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мартировъ“, помѣщено извѣстіе о московскихъ школахъ, доказывающее, между прочимъ,

---

[1]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочин. С. Соловьева. Томъ пятнадцатый. Изданіе второе. Москва, 1873 г. Стр. 96—97. Ср. соч. Пекарскаго, Т. II.

[2]) Въ продолженіе перваго 1703 г. было напечатано всего 39 №№, объемомъ отъ 2 до 7-ми стран., въ 8-ю долю, съ отдѣльною нумераціей, а иногда и вовсе безъ помѣтки страницъ. (Пекарскій, Т. II.) Туркестанская туземная газета въ 1895 году печаталась въ количествѣ 725 экземп., при 50 еженедѣльныхъ №№, и высылалась въ слѣдующіе города и уѣзды Туркестанскаго края и внутренней Россіи:

въ г. Ташкентъ	52	въ Петербургъ	7
» Ташкентскій уѣздъ	27	» Самаркандъ и уѣздъ	72
» Енисейскъ	1	» Туркестанскій участокъ	22
» Андижанъ и уѣздъ	59	» Ура-тюбе и участокъ	16
» Ауліеата и уѣздъ	14	» Хиву	2
» Гельсингфорсъ	1	» Ходжентъ и уѣздъ	17
» Джизакъ и уѣздъ	89	» Чимкентъ и уѣздъ	21
» Казалинскъ и уѣздъ	14	» Чиназъ	4
» Казань	3	» Чустъ и уѣздъ	21
» Катта-курганъ и уѣздъ	26	» Шураханъ	22
» Кашгаръ	1	» Константинополь	1
» Кокандъ и уѣздъ	52	» Керки	1
» Новый-Маргеланъ, Старый-Маргеланъ и уѣздъ	59	» Чарджуй	1
» Мерке и участокъ	14	» Оренбургъ	1
» Наманганъ и уѣздъ	26	» Кульджу	1
» Пукусъ и уѣздъ	31	» Москву	2
» Бахчисарай	1	» Пскентъ	1
» Бухару	2	» Мервъ	1
» Омскъ	1	» Асхабадъ	1
» Ошъ и уѣздъ	11	» Джулекъ	1
» Перовскъ и уѣздъ	16	Итого	715

что школы составляли для Императора Петра I предметъ большой заботливости: „Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили“. „Въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ“.

Затѣмъ слѣдовали извѣстія о томъ, что „на Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужска и женска полу 386 человѣкъ“. Или: „Изъ Сибири пишутъ: Въ китайскомъ государствѣ іезуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иныя изъ нихъ и смертію казнены“.

За русскими извѣстіями слѣдовали извѣстія заграничныя, получавшіяся изъ европейскихъ газетъ и изъ оффиціальной переписки русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ; потому заграничныя извѣстія начинались выраженіемъ: „Изо Львова, Стекольны (Стокгольма), изъ Парижа, изъ Персиды и т. п.—пишутъ“ [1]).

Приведенная выше параллель между современными сартами и русскими XVII в. можетъ служить лучшимъ доказательствомъ той мысли, что принятая туземною газетой программа является самою естественною. Если русскіе XVII ст. не сразу привыкли къ газетѣ, то *какъ* требовать этого отъ сартовъ XIX в., изъ которыхъ многіе только грамотны. Извѣстно также, что и въ Индіи туземныя газеты долгое время оставались простыми „*акбарами*“ (извѣстіями), ограничивавшимися сообщеніемъ современныхъ новостей; если-же въ нихъ говорилось о предметахъ болѣе возвышенныхъ, то кругъ читателей ихъ не простирался далѣе главныхъ городовъ каждаго президентства, гдѣ только и могли понимать ихъ [2]). О туркестанскихъ туземцахъ пока и этого сказать нельзя, потому что мысль ихъ еще не пріучена къ формамъ европейскаго изложенія.

Любопытную также справку къ нашему вопросу даетъ Исто-

---

[1]) Очерки исторіи русской литературы. Соч. Г. Караулова. Т. I. Изданіе третье. Москва, 1888 г., стр. 257; ср. соч. Пекарскаго, т. II.

[2]) Англійская Индія въ 1843 году. Соч. Гр. Э. Варрэна. Изд. В. Голубкова. (Москва, 1845 г.) ч. 3, стр. 379.

рическій Вѣстникъ (іюль 1895 г.). Въ 1859 году въ Ригѣ былъ сдѣланъ первый опытъ изданія русской газеты „Остзейскій Вѣстникъ“, которая просуществовала всего съ 3 января 1859 г. по 4 апрѣля того же года. Редакторъ надѣялся на успѣхъ своего изданія и на то, что русское рижское купечество поддержитъ его „Вѣстникъ“. Однако редактору не удалось придать своей газетѣ мѣстнаго интереса; онъ мѣнялъ программу газеты, стараясь угодить русской купеческой публикѣ, но успѣха не имѣлъ: у него было всего 140 подписчиковъ и притомъ собственно въ Остзейскомъ краѣ 111 челов., между тѣмъ какъ общее число жителей Лифляндской, Эстлянтской и Курляндской губерній простиралось до 1.666,400 чел. № 39-й газеты былъ послѣднимъ ея №-мъ. Причиною такого неуспѣха газеты было главнымъ образомъ равнодушіе публики, съ которымъ черезъ 10—12 лѣтъ затѣмъ подобнымъ-же образомъ боролся „Рижскій Вѣстникъ“, поддержанный въ первые годы своего существованія московскимъ, а не мѣстнымъ купечествомъ[1]).

Приведенныя историческія параллели и послѣдняя справка могутъ въ значительной степени оправдать Туркестанскую туземную газету и со стороны ея содержанія, и малаго распространенія среди туземцевъ, которые естественно не могутъ прежде всего не думать, что и 3 р. (годовая плата)—деньги. Притомъ разныя извѣстія, особенно интересныя, они умѣютъ передавать другъ другу при помощи базара быстро и даромъ. Сколько можно судить, на основаніи 12-тилѣтняго опыта, современныхъ сартовъ болѣе всего занимаютъ извѣстія, касающіяся личнаго ихъ благосостоянія. Научнаго интереса въ европейскомъ смыслѣ они еще не имѣютъ и мало придаютъ значенія даже современнымъ открытіямъ науки, если изъ этихъ открытій не могутъ извлечь положительной выгоды. Извѣстія о наградахъ туземцевъ, похвалы и одобренія русскаго начальства пріятно затрогиваютъ ихъ само-

---

1) Ст. Вѣтринскаго: «Первая русская газета въ Прибалтійскомъ краѣ», стр. 152—159.

любіе, а неблагопріятныя для личной чести сообщенія, хотя бы безъ указанія имени, обижаютъ ихъ и даютъ пищу разговорамъ на базарахъ. Вотъ два выдающіеся случая: когда въ 1894 г. въ газетѣ была напечатана замѣтка, въ разъясненіе новой инструкціи, данной въ руководство туземнымъ школамъ (мадраса), при чемъ были указаны недостатки внутренней жизни этихъ школъ, то представители ташкентскихъ мадраса обидѣлись и собирались жаловаться начальству на автора статьи и редактора. Вскорѣ послѣ того редакторъ получилъ отпускъ для поѣздки въ Россію, а газета была пріостановлена на время его отсутствія, по распоряженію генералъ-губернатора; тогда нѣкоторыя обиженныя лица старались распространять на базарѣ нелѣпый вымыселъ, что редакторъ уѣхалъ и газета больше издаваться не будетъ, именно изъ-за той статьи. Но редакторъ ранѣе срока возвратился изъ отпуска и закончилъ печатаніе статьи, непріятной для учащихъ (мударрисъ) и учащихся (муллы) въ туземныхъ школахъ.—Другой случай касался выборовъ должностныхъ лицъ. По поводу подкуповъ и ссоръ среди Омскихъ киргизъ предъ выборами, въ газетѣ была помѣщена въ 1895 г. замѣтка туземца о томъ, что и въ Ташкентѣ выборы сопровождаются интригами и подкупами. Одно должностное лицо (казій), принявшее на свой счетъ эту рѣзкую замѣтку, заявило свою личную обиду начальству, и редактору пришлось давать объясненіе по этому поводу и. д. генералъ-губернатора. Между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ тотъ же самый казій пользовался въ газетѣ постояннымъ вниманіемъ: благодарности и одобренія русскаго начальства этому лицу печатались постоянно, причемъ и самое лицо называлось по имени, что вызывало у другихъ казіевъ непріятныя чувства.

Въ заключеніе, редакторъ газеты считаетъ позволительнымъ заявить, что къ нему не разъ предъявляемы были со стороны русскихъ и туземцевъ трудно выполнимыя требованія, что онъ незаслуженно подвергался осужденію, а дважды[1]) печатнымъ

---

[1]) Восточное Обозрѣніе 1883 г. № 52 (отв. въ Туркест. Вѣдом. 1884 г. № 5) и Окраина 1895 г. № 5 (Фельетонъ).

насмѣшкамъ, тогда какъ образованные иностранцы (Бастіанъ, Мориссонъ, Ленсдель), посѣщавшіе Ташкентъ и разсуждавшіе съ редакторомъ о туземной газетѣ, высказывали ему непритворное удивленіе, какъ онъ можетъ держать въ своихъ рукахъ столь капризное дѣло при такомъ ничтожномъ бюджетѣ газеты (2963 р. на всѣ расходы), безъ возможности имѣть сотрудниковъ. Сотрудники изъ туземцевъ почти невозможны, потому что они не понимаютъ требованій условій печати и притомъ не могутъ отрѣшиться въ своихъ сообщеніяхъ отъ личныхъ разсчетовъ, а русскіе корреспонденты совсѣмъ не заинтересованы въ этомъ изданіи. Главное затрудненіе для редактора Туземной газеты заключается въ ея маломъ размѣрѣ, вслѣдствіе чего №№ ея часто бываютъ наполнены только свѣдѣніями оффиціальнаго характера; а остающееся свободное мѣсто въ газетѣ приходится замѣщать съ большимъ разборомъ, какъ того требуютъ программа газеты и уровень развитія ея читателей, среди которыхъ есть простые, грамотные только, туземцы. Да и ученые туземцы, по складу своего образованія, многихъ современныхъ положеній не способны понимать; говорить же въ газетѣ о предметахъ мусульманской учености не входитъ въ задачу газеты. Между тѣмъ туземцы не понимаютъ этого и при каждомъ случаѣ готовы заявить о своемъ недовольствѣ, какъ это было недавно съ киргизской газетой[1]).

Но во всякомъ случаѣ очевидно, что теперь сарты начинаютъ цѣнить печатное слово выше базарныхъ разговоровъ, а это уже служитъ ручательствомъ за возможность успѣха для газеты, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ.

---

[1]) «Киргизская Степная Газета» издается въ г. Омскѣ съ русскимъ переводомъ. Въ № 49 отъ 24 декабря 1895 г., было напечатано письмо одного киргиза, въ которомъ онъ статьи русскихъ сотрудниковъ Киргизской газеты считаетъ безполезными для киргизъ, вслѣдствіе незнанія русскими нравовъ и быта киргизъ. Далѣе авторъ письма упрекаетъ сотрудниковъ-киргизъ въ томъ, что они хвалятъ въ газетѣ распоряженія начальства и притомъ подписываютъ свое имя, чтобы обратить на себя вниманіе того же начальства. Наконецъ, авторъ письма выражаетъ недовольство свое и на то, что одинъ изъ сотрудниковъ-киргизъ обвиняетъ въ газетѣ своихъ сородичей въ пристрастіи къ конокрадству.

Первая русско-туземная школа въ Туркестанскомъ краѣ была открыта въ Ташкентѣ 19-го декабря 1884 года. Прямая задача этой школы состояла въ томъ, чтобы дать туземному населенію азіатской части города возможность обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ и русскому языку. Эта часть города, расположенная въ сторонѣ отъ русской части, населена почти исключительно сартами, среди которыхъ только нѣсколько человѣкъ знали русскій языкъ, а между тѣмъ настоятельная нужда такого знанія съ каждымъ годомъ давала себя чувствовать. Отношенія къ русской администраціи и суду, промышленныя и торговыя дѣла съ русскими ясно указывали туземцамъ на пользу и необходимость знанія русскаго языка. Затрудненіе на первыхъ порахъ представилось въ отысканіи подходящаго дома и учителя; но то и другое было скоро устранено. При посѣщеніи азіатскаго Ташкента главнымъ начальникомъ края, генер.-адъют. Н. О. Розенбахомъ, туземецъ Сеидъ-Азимбаевъ обратилъ на себя вниманіе своею правильною русскою рѣчью. Изъ разговора выяснилось, что молодой человѣкъ-сартъ своимъ знаніемъ русскаго языка обязанъ покойному своему отцу Сеидъ-Азимбаю и въ память своего покойнаго отца предложилъ даровое помѣщеніе въ своемъ богатомъ домѣ подъ училище. Намѣченъ былъ и первый учитель для этой своеобразной школы, г. Наливкинъ, основательно изучившій жизнь сартовъ, ихъ языкъ, нравы и обычаи. Онъ (бывшій офицеръ-артиллеристъ), единственно изъ любви къ дѣлу, нѣсколько лѣтъ провелъ въ сартовскомъ селеніи, чтобы пройти дѣйствительную школу сартовской жизни. Только такой человѣкъ и могъ пользоваться уваженіемъ со стороны туземцевъ.

Открытіе училища состоялось, въ присутствіи военнаго губернатора генералъ-маіора Н. И. Гродекова, начальника города и городскаго головы—полковника Путинцева, директора учительской семинаріи Ю. Ф. Крачковскаго, директора мужской гимназіи Н. П. Остроумова, гласныхъ думы и представителей туземнаго населенія, а также родителей тѣхъ дѣтей, которые поступали въ школу. Множество туземцевъ, разнаго возраста и званія, съ любо-

пытствомъ окружали училищное зданіе. Ко времени открытія училища собралось 39 мальчиковъ, которые, по мусульманскому обычаю, всѣ сидѣли на разостланныхъ коврахъ и ватныхъ одѣялахъ съ книгами въ рукахъ. Никакой классной мебели въ школѣ не было, такъ какъ это не въ обычаѣ у туземцевъ, и на первыхъ порахъ нужно было дѣйствовать очень осторожно, чтобы разными мелочными, ничтожными на нашъ взглядъ нововведеніями не подорвать довѣрія туземцевъ къ школѣ. Поздравивъ собравшихся туземцевъ съ открытіемъ перваго у нихъ русскаго училища, генералъ-маіоръ Гродековъ замѣтилъ, что учрежденіемъ этого училища, по мысли главнаго начальника края, дается туземцамъ возможность изучить языкъ того государства, гражданами котораго они состоятъ и съ жителями котораго ведутъ такія обширныя торговыя и промышленныя предпріятія. Настоящее взрослое поколѣніе сознаетъ уже необходимость этого знанія; тѣмъ болѣе потребуется знаніе русскаго языка отъ подростающаго поколѣнія. На слова губернатора, переданныя присутствовавшимъ туземцамъ переводчикомъ, послѣдніе говорили, что радуются настоящему событію, съ полнымъ сочувствіемъ принимаютъ его и постараются воспользоваться имъ для блага своихъ дѣтей. Указавъ затѣмъ на пользу ученія вообще и совѣтуя не смущаться тѣмъ, что въ началѣ каждое пріобрѣтеніе дается съ трудомъ, начальникъ области указалъ на результаты этого дѣла. „Счастливъ для васъ этотъ день вашей жизни; да будетъ же благословенъ и тотъ часъ, когда послѣдовало у васъ открытіе этого училища“, заключилъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ присутствовавшимъ туземцамъ. Разспросивъ затѣмъ подробно каждаго ученика, кто онъ и чѣмъ занимаются его родители, генералъ-маіоръ Гродековъ многихъ дѣтей заставлялъ читать потуземному и пожелалъ имъ крѣпнуть физически и успѣвать въ изученіи русскаго языка на радость своимъ родителямъ и на пользу нашего общаго Русскаго государства.

Затѣмъ начальникъ города, полковникъ Путинцевъ, обращаясь къ генералъ-маіору Гродекову, указалъ на центральное

положеніе Ташкента въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ и на большое значеніе для его обывателей русской грамотности, а въ тоже время и на отсталость его въ этомъ отношеніи. Затѣмъ онъ продолжалъ, что и въ Ташкентѣ потребность въ русской грамотности сознавалась, хотя и не высказывалась явно, но для удовлетворенія этой потребности принимались мѣропріятія, которыя, къ сожалѣнію, не достигали цѣли отчасти потому, что хотѣли обучать дѣтей туземцевъ въ нашихъ русскихъ училищахъ, гдѣ ихъ дѣти лишены были бы возможности обучаться своему вѣроученію. Другимъ препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ служила отдаленность русскихъ училищъ отъ туземной части города и неудовлетворительное состояніе городскихъ дорогъ, особенно весною и осенью, т. е. въ самое учебное время. И въ русской части города приходится часто слышать жалобы родителей на дальность разстоянія школы и на неудовлетворительное состояніе улицъ, что нерѣдко служитъ причиною неаккуратнаго посѣщенія дѣтьми учебнаго заведенія; но это нежеланное явленіе въ русскомъ Ташкентѣ не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ Ташкентомъ азіатскимъ, и каждый, можно быть увѣреннымъ, по этому одному уже будетъ къ туземцамъ снисходителенъ. Съ открытіемъ училища въ азіатской части Ташкента, въ самомъ ея центрѣ, съ обученіемъ въ школѣ русской грамотности и мусульманскому вѣроученію, устраняются прежнія препятствія. Затѣмъ не малое значеніе, особенно для начала дѣла, имѣетъ выборъ непосредственнаго руководителя школы: необходимо, чтобы и дѣти, и ихъ родители относились къ такому руководителю съ полнымъ довѣріемъ. Только такая увѣренность гарантируетъ успѣхъ учащихся и спокойствіе населенія. Сказавъ о назначеніи г. Наливкина въ школу учителемъ, полковникъ Путинцевъ замѣтилъ, что населеніе города отнеслось къ такому назначенію съ полнымъ довѣріемъ и спокойствіемъ; имѣющія дѣтей почетныя лица—казіи, яглямы, аксакалы, гласные думы, торговый классъ отдали своихъ дѣтей въ открываемое училище, чтобы тѣмъ положить начало дѣлу и послужить примѣромъ для всѣхъ другихъ.

Оставляя другія подробности открытія первой русско-туземной школы въ Ташкентѣ, приведемъ взглядъ представителя учебнаго вѣдомства на ея значеніе:

„Это, повидимому, скромное и малое дѣло, если всмотрѣться въ него ближе и внимательнѣе, является великимъ, дѣломъ первой государственной важности. Край въ свое время такъ или иначе завоеванъ и онъ становится не малою частицею нашего обширнаго отечества. Сліяніе, ассимиляція съ метрополіей здѣсь само собою подразумѣваются. Но какъ достигнуть этого? Одно и главнѣйшее условіе—возможно широкое распространеніе отечественнаго языка. Если бы туземцы, сарты и киргизы, свободно заговорили по-русски, то русское дѣло въ краѣ можно было бы считать утвердившимся. Фактъ общеизвѣстный, что мы—духовныя дѣти того государства, того народа, на языкѣ котораго говоримъ. Съ этой точки зрѣнія слова генералъ-маіора Гродекова, что день открытія русскаго училища въ азіатскомъ Ташкентѣ долженъ быть счастливѣйшимъ днемъ въ жизни туземцевъ, что долженъ быть благословенъ часъ его открытія,—слова эти имѣютъ глубокій историческій смыслъ и славную будущность. Вновь открытое училище будетъ прототиномъ всѣхъ другихъ подобныхъ училищъ; оно является такимъ образомъ маленькимъ зерномъ, роскошные и желанные всходы котораго должны все болѣе и болѣе покрывать дикія духовныя пустыни и дебри. А все это вмѣстѣ должно повести къ сліянію Азіи съ Европой, къ удаленію нравственнаго и духовнаго застоя и вступленію на путь истинной культуры, истиннаго прогресса[a 1]).

Въ циркулярѣ по учебному вѣдомству Туркестанскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Н. О. Розенбахъ (отъ 30 сентября 1886 года) писалъ начальникамъ областей края:

„Однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ моему ходатайству объ открытіи русско-мусульманскихъ школъ для туземцевъ послужили какъ заявленія объ этомъ со стороны ихъ самихъ (на-

---

[1]) Туркест. Вѣдом. отъ 8 января 1895 г. № 1.

примѣръ, лучшихъ представителей мѣстнаго общества въ азіатской части г. Ташкента), такъ и главнымъ образомъ—желаніе мое способствовать зарожденію и укрѣпленію русскаго духа въ этомъ населеніи и развитію его въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. Подобно воспитанію отдѣльныхъ личностей, и воспитаніе цѣлыхъ человѣческихъ обществъ не должно быть предоставляемо на волю случая. Возможно, что и юныя общества, лишенныя всякихъ высшихъ благотворныхъ попеченій, возрастутъ и окрѣпнутъ, благодаря вліянію только одной благотворной среды, мощному темпераменту и счастливымъ обстоятельствамъ. Но если вообще такой ростъ является очень рѣдкимъ исключеніемъ и совершается притомъ медленно и съ большимъ трудомъ, то въ данномъ случаѣ на него никакъ нельзя расчитывать. До принятія Туркестанскаго края Всемилостивѣйшимъ Монархомъ въ подданство, мирные жители страны не знали мира. На ихъ трудовыхъ нивахъ не высыхала кровь, проливаемая постоянными заводчиками междоусобной смуты. Никто не зналъ своей собственности. Закономъ служила нерѣдко преступная воля случайно возвысившагося мятежника, противъ котораго въ свою очередь готовился уже заговоръ. Лесть, коварство, измѣна царили на каждомъ шагу. Вездѣ господствовало общее недовѣріе. Таковы грустныя страницы прошедшей исторіи бывшихъ здѣсь ханствъ; и не среди этого нравственнаго убожества возможно было зародиться мощному народному характеру, открытой прямотѣ, смѣлой честности; не при такихъ условіяхъ могла развиться здѣсь сельскохозяйственная промышленность, процвѣтать торговля. Нашъ долгъ теперь состоитъ въ томъ, чтобы юное, обезличенное общество туземцевъ поставить въ наиболѣе выгодныя условія для развитія его естественныхъ способностей, сгладить ему путь, представить средства и всѣ необходимыя и полезныя орудія прогресса для его нравственнаго и матеріальнаго роста.

„Лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ этому должны послужить вновь открываемыя школы. Онѣ ближайшимъ и самымъ вѣрнымъ путемъ объединятъ бытовые и экономическіе интересы

всѣхъ народностей, заселяющихъ Туркестанскій край, съ общегосударственными, и такимъ образомъ легче всего посодѣйствуютъ къ прочному и окончательному сліянію всѣхъ этихъ народностей съ великой семьей кореннаго русскаго народа въ нашей могущественной метрополіи. Еще при открытіи первой русско-мусульманской школы въ азіатской части гор. Ташкента, почти два года тому назадъ (19 декабря 1884 г.) сказалось въ туземцахъ сознаніе того, что русская государственная власть—родная для нихъ власть, что русскій языкъ долженъ сдѣлаться роднымъ ихъ языкомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ это сознаніе значительно развилось, окрѣпло. Почти во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края пришлось открыть при училищахъ вечернія курсы для взрослыхъ туземцевъ, чтобы облегчить имъ возможность усвоенія русской рѣчи, а въ Ташкентѣ, кромѣ того, многіе туземцы изучаютъ русскій языкъ и частнымъ образомъ. Вновь открываютъ двери для всякаго, желающаго изучить русскую грамоту, не устраняя въ то же время туземцевъ отъ усвоенія ими религіозныхъ воззрѣній и грамоты. Вводимая въ открываемыхъ школахъ система образованія не имѣетъ въ виду лишить послѣднихъ религіознаго характера. Напротивъ, для успѣха русско-мусульманской школы считается необходимымъ, чтобы въ ней преподавался туземцамъ законъ ихъ вѣры ихъ же муллой. Введеніе такой мѣры имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ, гарантируя туземцамъ свободу религіозныхъ убѣжденій, оно лишаетъ всякаго основанія продолжающее гнѣздиться еще кой-гдѣ опасеніе, что русская школа стремится къ уничтоженію среди туземцевъ ихъ религіознаго міровоззрѣнія. И во-вторыхъ, лишая почвы пріютившійся подъ благовиднымъ предлогомъ въ мусульманскихъ школахъ сепаратизмъ, оно постепенно поведетъ къ ихъ сліянію съ открываемыми вновь русскими школами грамотности въ туземныхъ селеніяхъ и аулахъ. Черезъ это откроется возможность установить дѣйствительный и постоянный контроль за направленіемъ мусульманскихъ школъ вообще, дѣлать имъ необходимыя указанія, помогать въ ихъ нуждахъ, а въ случаѣ—и противодѣйствовать

злонамѣреннымъ проповѣдникамъ, которые среди кочеваго населенія проводятъ обманныя идеи и неправильно истолковываютъ распоряженія правительственной власти.

„Въ видахъ возможно болѣе близкаго приноровленія открываемыхъ школъ къ мѣстнымъ требованіямъ и бытовымъ условіямъ среды, для которой онѣ предназначаются, мною предположено дать имъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующее устройство:

1. По отношенію учебной программы ограничить преподаваніе сообщеніемъ основныхъ началъ русской грамотности, т. е. пріученіемъ къ правильному чтенію, письму и счету (ариѳметикѣ) въ предѣлахъ, строго-необходимыхъ для элементарныхъ потребностей инородческаго быта, а главнымъ образомъ—направить усилія къ возможно болѣе совершенному усвоенію туземцами русской рѣчи и къ наибольшему навыку въ употребленіи обыденнаго русскаго, разговорнаго языка.

2. По отношенію матеріальной обстановки—ограничиться самымъ необходимымъ въ такой мѣрѣ, чтобы школы эти въ мѣстностяхъ, занятыхъ кочевымъ населеніемъ, имѣли возможность безъ затрудненій слѣдовать за передвиженіемъ ауловъ въ ихъ періодическихъ перекочевкахъ; вообще же дать всѣмъ имъ недорого стоющую постановку, которая бы не производила слишкомъ замѣтной розни съ примитивнымъ складомъ домашней жизни инородцевъ. Образцомъ въ этомъ отношеніи должна послужить русско-мусульманская школа въ Ташкентѣ, съ обстановкой которой и вообще съ веденіемъ въ ней дѣла и должны познакомиться всѣ, назначаемые на должности учителей во вновь открываемыя школы.

3. Въ отношеніи школьнаго управленія, возложить веденіе дѣла на одного только учителя, съ тѣмъ условіемъ, чтобы независимо отъ педагогической подготовки, онъ обладалъ знаніемъ нарѣчія той народности, для которой предназначено данное училище.

„Небольшое, сравнительно, на первое время число (18) школъ, проектируемыхъ на счетъ казны, несомнѣнно заслужитъ довѣріе туземцевъ и будетъ постепенно увеличиваться на ихъ собственный счетъ.

„Такое увеличеніе и возможно широкое распространеніе русско-мусульманской школы тѣмъ болѣе желательно, что оно должно привести къ плодотворнымъ результатамъ. Повторяю, что судьба народа, его процвѣтаніе или упадокъ зависятъ въ послѣдней инстанціи отъ направленія и состоянія его школъ. Народъ, имѣющій самыя лучшія училища—это первый народъ: если онъ не первый сегодня, будетъ имъ завтра“ [1]).

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что всѣ сарты отнеслись къ новооткрытымъ школамъ съ расположеніемъ и довѣріемъ. Самое открытіе школъ, особенно внѣ Ташкента, происходило при значительномъ давленіи сверху: главный начальникъ края генералъ-адъютантъ Н. О. Розенбахъ желалъ провести свой взглядъ возможно шире, а одинъ уѣздный начальникъ проявилъ усердіе свое чрезъ мѣру. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя русско-туземныя школы были открыты преждевременно и были пополняемы *шемными* дѣтьми бѣдняковъ; образовалась негласно новая повинность, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „школъ-пули“—деньги на школу, которыя шли на наемъ подставныхъ дѣтей бѣдняковъ взамѣнъ дѣйствительныхъ сыновей вліятельныхъ сартовъ. Разумѣется, такія школы не привились къ населенію, и ихъ пришлось перевести въ другіе пункты. Были и злонамѣренные люди, стращавшіе сартовъ нелѣпою выдумкою, что вновь открытыя школы имѣютъ цѣлію подготовить дѣтей ихъ къ отбыванію воинской повинности и даже къ крещенію. Это безсмысленное запугиваніе шло, очевидно, отъ татаръ, такъ какъ внутри Россіи подобные же страхи татары распространяли среди другихъ инородцевъ Поволжья и сами противились введенію въ своихъ школахъ русскаго языка. Наконецъ, и сами сарты не могли такъ скоро проникнуться мыслію о необходимости сближенія съ русскимъ управленіемъ, съ русскими законами и съ самимъ русскимъ народомъ. Торговцы въ городахъ сами-собой учились русскому языку: это было выгодно имъ и давалось легко. Не то было съ

---

[1]) Туркест. Вѣдом. отъ 14 октября 1886 г. № 40.

учеными представителями сартскаго населенія: казіи, мударрисы, аглямы, муфтіи, аксакалы и пр., если и сознавали про себя очевидную выгоду знанія русскаго языка, то лицемѣрно скрывали это сознаніе предъ народомъ, чтобы не прослыть отступниками отъ народныхъ взглядовъ и измѣнниками своей вѣрѣ (по мусульманской логикѣ это выходитъ послѣдовательно). Даже въ Ташкентѣ туземныя должностныя лица, за исключеніемъ двухъ-трехъ, до сихъ поръ русскаго языка не знаютъ и русской грамотѣ не научились; въ туземныхъ школахъ (мадраса и мактабъ) о русскомъ языкѣ и помину нѣтъ. Поэтому въ туземной газетѣ не разъ печаталось разъясненіе относительно неосновательности предубѣжденія сартовъ противъ русскаго языка и грамоты; въ тѣхъ же видахъ газета съ 1885 года и до сихъ поръ печатается съ русскимъ текстомъ.

Въ концѣ 1891 года Туркестанскій генералъ-губернаторъ Баронъ А. Б. Вревскій въ циркулярѣ своемъ на имя военныхъ губернаторовъ областей края писалъ: „При близкомъ и подробномъ ознакомленіи съ русско-туземными школами, существующими въ краѣ шестой годъ, оказывается, что школы эти заняли среди туземнаго населенія устойчивое положеніе. Мѣстные жители относятся къ нимъ безъ противодѣйствія и безъ фанатической непріязни. Наиболѣе здравомыслящіе сарты и киргизы довѣрчиво помѣщаютъ въ эти школы своихъ дѣтей и довольны успѣхами ихъ въ знаніи русскаго языка, въ умѣньѣ говорить, читать, писать и считать по-русски. Разсказы о вербованіи сартовскихъ дѣтей въ русско-туземныя школы принудительными, будто бы, мѣрами или подкупаніемъ отошли въ область преданій. Тѣмъ не менѣе настоящимъ положеніемъ русско-туземныхъ школъ довольствоваться нельзя и оставлять ихъ въ такомъ положеніи не слѣдуетъ. Число учащихся въ каждой школѣ незначительно, даже въ городахъ и кишлакахъ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Ученики посѣщаютъ русскую школу крайне неаккуратно, и многіе, не утвердившись въ знаніяхъ, перестаютъ учиться, когда хотятъ. Результаты отъ такого ученія, за немно-

гими исключеніями, ничтожны и не соотвѣтствуютъ затратѣ значительныхъ суммъ (свыше 23000 руб. въ годъ), которыя расходуются на содержаніе туземныхъ школъ изъ государственнаго казначейства и изъ сбора съ мѣстнаго населенія.

„Причина неудовлетворительнаго состоянія русско-туземныхъ школъ очевидна. До сихъ поръ туземцы, за исключеніемъ, можетъ быть, торгующихъ съ русскими или на русскихъ базарахъ, не могутъ понять того, какое значеніе имѣетъ для ихъ дѣтей обученіе по-русски, какую пользу можетъ приносить имъ знаніе русскаго языка, какъ разговорнаго, такъ особенно книжнаго, ради чего должны они посылать дѣтей своихъ въ русскую школу, изъ которой если и выносятся полезныя знанія, то нигдѣ и ни къ чему не приложимыя. Этого мало. Усердные къ ученію юноши, обучившись русскому языку и не находя въ жизни никакого приложенія своихъ знаній къ дѣлу, легко и скоро забываютъ то, чему учились, тѣмъ болѣе, что въ домашнемъ быту не имѣютъ ни возможности говорить, ни потребности читать и писать по-русски.

„Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и восчувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя сообщаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное общеніе средне-азіятской окраины съ русскою народностью и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не приводитъ къ желательной цѣли: дѣти, приступая къ ученію не по желанію родителей или родственниковъ, а по внѣшнему понужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русской школы и русскаго правительства.

„Настало время поставить дѣло такъ, чтобы въ русской и только въ русской школѣ туземцы видѣли носительницу и насадительницу знаній, необходимыхъ для всякаго рода общественной службы и дѣятельности, чтобы знали о неприложимости

къ настоящему государственному и общественному строю ихъ быта тѣхъ ученій, которыя выносятся изъ мадраса и мактаба. Бытъ этотъ самъ собою, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, предъявляетъ требованія на такія знанія и умѣнья, которыхъ не даютъ и не могутъ дать школы мусульманскія. А туземцы, какъ и всѣ простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороной книжнаго ученія, его приложимостью къ практическимъ цѣлямъ.

„Мѣстные мусульмане, знающіе русскій языкъ, могутъ и должны пользоваться имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не только при отправленіи обязанностей казіевъ, біевъ, волостныхъ управителей, аксакаловъ и состоящихъ при сихъ лицахъ мирзъ, а также сельскихъ старшинъ, всѣхъ полицейскихъ служителей въ русскихъ частяхъ каждаго города и, по крайней мѣрѣ, старшихъ въ частяхъ туземныхъ, не только при этихъ обязанностяхъ, но и при другихъ разнообразныхъ службахъ и занятіяхъ въ областныхъ правленіяхъ, судахъ, казначействахъ, банкахъ, почтовыхъ конторахъ, при работахъ по садоводству и особенно по ирригаціи. Для подготовки къ послѣднимъ занятіямъ, ученикамъ русско-туземныхъ школъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, слѣдуетъ сообщать главнѣйшія свѣдѣнія и умѣнья, необходимыя для выполненія культурныхъ работъ и для правильнаго наблюденія за ними.

„Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь просить Ваше Превосходительство неотложно принять настоятельныя мѣры къ тому, чтобы отнынѣ туземцы, знающіе русскій языкъ, избирались и назначались на указанныя и другія должности и службы предпочтительно предъ незнающими его и чтобы сущность настоящаго распоряженія возможно чаще была оповѣщаема и уясняема населенію ввѣреннаго мнѣ края“ [1]).

Но и обѣщанныя въ циркулярѣ поощренія не могли сразу измѣнить положенія дѣла частію потому, что обучавшіяся въ

---

[1]) Тузем. газета 1892 г. № 3.

русско-туземныхъ школахъ дѣти туземцевъ, и по выходѣ изъ школы, оставались еще въ большинствѣ случаевъ несовершенно-лѣтними и потому не могли выступать въ дѣятельной роли должностныхъ лицъ. Были и другія препятствія, зависѣвшія иногда отъ личнаго усмотрѣнія тѣхъ начальниковъ, которые могли бы поощрить обучавшихся въ этихъ школахъ туземцевъ... Но изложенный въ циркулярѣ взглядъ поддерживался въ населеніи; сарты съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе убѣждаются въ необходимости и пользѣ обученія своихъ дѣтей русскому языку и русской грамотѣ: къ 1 января 1896 года въ 14 русско-туземныхъ школахъ Сыръ-Дарьинской области обучалось 402 туземныхъ мальчика, да въ 6 городскихъ училищахъ 104 мальчика. Въ Ферганской и Самаркандской областяхъ въ русскихъ и русско-туземныхъ школахъ обучалось 309 мальчиковъ; на вечернихъ курсахъ при разныхъ школахъ обучалось 200 взрослыхъ туземцевъ. Цифры эти значительны, особенно если принять во вниманіе недавнее существованіе русско-туземныхъ школъ въ краѣ (съ конца 1884 г.) и своеобразные взгляды туземцевъ на образованіе вообще и на предметъ обученія языку иноплеменныхъ и иновѣрныхъ побѣдителей. Слѣдуетъ припомнить, что и русскіе временъ Петра I всѣми мѣрами противились новымъ, заводимымъ Преобразователемъ Россіи школамъ. Достаточно сказать, что указъ 1708 г. объ обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ греческому и латинскому языкамъ сопровождался неоднократными подтвержденіями обязательности такого обученія и, несмотря на это, герой современной Петру I интермедіи сначала давалъ подъячимъ взятки, чтобы его дѣтей не брали въ семинарію, а когда и взятки не помогли, онъ говорилъ слѣдующія горькія слова:

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
И въ проклятую серимарію[1]) на муку обираютъ.

---

[1]) Т. е. семинарію.

О, мои дѣтушки сердечные,
Не на ученье васъ берутъ, но на мученіе безконечное.
Лучше вамъ не родитися на сей свѣтъ, а хотя и родится,
Того же часа киселемъ задавится и въ воду утопится.
О, мои милые дѣтушки,
И бѣлые лебедушки,
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ серимарію на муку отдалъ!
Прощайте, мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ не видать,
И съ вами ужъ никогда не живать [1]).

Въ Ташкентѣ казій Сибзарской части Мухитдинъ-ходжа, только послѣ десятилѣтняго существованія русско-туземныхъ школъ въ самомъ городѣ, рѣшился отдать въ одну изъ нихъ своего младшаго сына, въ которой онъ и подготовился къ поступленію въ 1895 г. въ Ташкентскую гимназію. Но и при этомъ онъ настаивалъ, чтобы сынъ его, хотя бы въ первый годъ своего обученія въ гимназіи, имѣлъ право носить домашнюю (туземную), а не общегимназическую одежду, что и было разрѣшено ему въ виду необязательности гимназической формы для учениковъ приготовительнаго класса.

---

1) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ В. Спб. т. I. 1862 г. стр. 448, 454.

V.

ВОСПОМИНАНІЯ САТТАРЪ-ХАНА АБДУЛЪ-ГАФАРОВА[1]).

Въ городѣ Чимкентѣ до сихъ поръ съ уваженіемъ вспоминаютъ почтеннаго Муминъ-хана-ходжу ишана, моего дѣда. Онъ жилъ восемьдесятъ три года и умеръ за пять лѣтъ до взятія Чимкента, т. е. въ 1859 году. Во время его жизни Чимкентъ, Ташкентъ и Кокандъ съ прилегающими къ нимъ землями составляли отдѣльныя владѣнія, часто враждовавшія между собою. Въ то время въ этихъ владѣніяхъ не было большаго порядка и грамотныхъ людей вообще было мало. Сношенія жителей разныхъ городовъ между собою и торговля, вслѣдствіе взаимной вражды жителей и неустроенныхъ путей, были очень затруднительны. Отъ Чимкента до Ташкента не было стоянокъ для отдыха проѣзжающихъ и для пріобрѣтенія ими необходимаго прокормленія себѣ и животнымъ. Кромѣ того, во время переѣзда изъ одного города въ другой, путешественники, опасаясь нападеній своевольныхъ киргизъ, выбирали для переѣзда самое хорошее время лѣта, собирались большими толпами и имѣли при себѣ тогдашнія оборонительныя принадлежности, въ родѣ кистеней и дубинъ. Но не смотря на это, дѣдъ мой отправился въ путь и добрался до Бухары для своего образованія. Проучившись тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился на свою родину, въ Чимкентъ, и былъ въ короткое время отличенъ жителями Чимкента, какъ человѣкъ

---

[1]) Эти воспоминанія были записаны мною со словъ самого Саттаръ-хана и печатались въ Туркестанской туземной газетѣ за 1890 годъ. Н. О.

ученый и благоразумный, способный подать полезный совѣтъ въ трудныхъ дѣлахъ, и былъ назначенъ на должность чимкентскаго казія. Въ этой должности дѣдъ мой былъ полезенъ чимкентцамъ не однимъ своимъ знаніемъ шаріата; онъ отечески заботился о благосостояніи своего роднаго города и его жителей и особенно о распространеніи грамотности среди его населенія. Однажды, зимой, предводитель отряда кокандскаго войска, таджикъ Зухуръ Диванъ-беги осадилъ Чимкентъ и держалъ городъ въ осадѣ... Наконецъ обѣ стороны помирились подъ условіемъ, чтобы чимкентцы приняли къ себѣ двѣсти человѣкъ изъ непріятельскаго отряда на жительство. Тогда Зухуръ обѣщалъ снять осаду и возвратиться назадъ. Чимкентцы приняли это условіе и впустили въ цитадель двѣсти кокандскихъ воиновъ. Послѣ того дѣдъ мой, проходя мимо кокандцевъ въ мечеть на молитву, услышалъ разговоръ ихъ между собою на персидскомъ языкѣ и понялъ, что они сговаривались произвести рѣзню въ Чимкентѣ и завладѣть городомъ. Объ этомъ дѣдъ мой тотчасъ же сообщилъ чимкентцамъ, а чимкентцы обезоружили кокандскихъ воиновъ и такимъ образомъ избавились отъ угрожавшей имъ бѣды.

Пробывши затѣмъ казіемъ много лѣтъ, дѣдъ мой пріобрѣлъ себѣ уваженіе въ народѣ и получилъ званіе ишана. Однажды одинъ житель Чимкента, имѣвшій тяжебное дѣло, принесъ моему дѣду въ подарокъ нѣсколько аршинъ холста. Дѣдъ, на основаніи шаріата, воспрещающаго получать отъ тяжущихся какіе-бы то ни было подарки, привязалъ однимъ концомъ принесшаго холстъ, а другимъ концомъ самого себя и въ такомъ видѣ водилъ чимкентца по городу, приговаривая: „таково наказаніе тому, о комъ думали, какъ о взяточникѣ“, а принесшаго холстъ онъ заставилъ кричать: „таково наказаніе тому, кто принесъ взятку!“ Обошедши такимъ образомъ нѣсколько городскихъ улицъ Чимкента, онъ отказался потомъ отъ должности казія.

Услышавъ, что Перовскъ уже взятъ русскими войсками, дѣдъ мой еще тогда неоднократно высказывалъ, что весь Туркестанъ будетъ завоеванъ русскими. Слышавшіе это отъ дѣда моего до

настоящаго времени считаютъ такія слова его какъ-бы предсказаніемъ. Я помню, какъ однажды онъ погладилъ меня (мнѣ было тогда 8—9 лѣтъ) по плечу и сказалъ: „вы будете жить уже подъ владычествомъ русскихъ“.

Прежній правитель Ташкентской области, Мирза-Ахмадъ кушбеги[1]) построилъ въ г. Чимкентѣ соборную мечеть и при ней мадрасу съ нѣсколькими кельями для учащихся; на содержаніе мадрасы онъ назначилъ доходы съ караванъ-сарая и бани, а главнымъ преподавателемъ наукъ въ мадрасѣ опредѣлилъ моего дѣда. Но дѣдъ мой, достигши преклонныхъ лѣтъ, не могъ уже выходить изъ дома и потому это мѣсто занялъ мой покойный отецъ, Абдулъ-Гафаръ-ходжа ишанъ. Мой отецъ сначала учился у своего отца (моего дѣда), а потомъ слушалъ лекціи въ Ташкентѣ, въ мадрасѣ „Ходжа-Ахраръ“, у главаго преподавателя Дамуллы Салихъ-бека[2]). Возвратившись въ Чимкентъ, онъ былъ назначенъ имамомъ въ своемъ кварталѣ и хатибомъ при соборной мечети; при этой же мечети онъ былъ преподавателемъ. Мирза-Ахмадъ парваначи назначилъ моего отца казіемъ въ Сарьямъ (теперь селеніе Чимкентскаго уѣзда); но отецъ мой, по сознанію большой отвѣтственности, соединенной съ этою должностью, отказался, руководясь преданіемъ отъ Мухаммада: „Кто приметъ на себя должность казія, тотъ зарѣзанъ безъ ножа“, и примѣромъ Имама-Агзама, который отказался отъ предложенной ему Гаруномъ ар-Рашидомъ должности казія, сказавъ: „Я лучше готовъ переплыть море“. (За это Имамъ-Агзамъ былъ наказанъ 90 ударами и умеръ въ тюрьмѣ).

Я родился въ 1259 г. гиджры (1843 г.) и на 12-мъ году началъ учиться у своего дѣда, а когда достигъ 14 лѣтъ, то прибылъ въ Ташкентъ, въ мадрасу „Шукуръ-ханъ“, во время

---

[1]) Кушбеги—первый министръ хана, а въ Бухарѣ и бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ—должность главнокомандующаго. Мирза-Ахмадъ въ настоящее время живетъ въ Ташкентѣ и не имѣетъ даже тѣни прежняго величія и власти. Портретъ его приложенъ къ настоящей книжкѣ. Н. О.

[2]) Онъ былъ высланъ изъ Ташкента ген. Черняевымъ. Н. О.

преподавательской дѣятельности Дамуллы Наръ-Мухаммада. Проучившись здѣсь шесть лѣтъ и достигши 20-ти лѣтняго возраста, я въ 1279 (1862) г. былъ назначенъ въ Чимкентъ муфтіемъ.

Въ то время ханы, согласно шаріату, назначали на должность муфтія людей ученыхъ и, смотря по городу, въ большіе города назначали большее число муфтіевъ, а въ небольшіе города—меньшее число. Обязанность муфтія состояла въ томъ, чтобы писать просьбы тяжущимся и дѣлать на этихъ просьбахъ надписи о томъ, подлежитъ ли написанная жалоба удовлетворенію по шаріату, или нѣтъ. Къ надписямъ муфтіи прикладывали свои печати. И кромѣ муфтіевъ, никто не могъ писать тяжущимся просьбы и жалобы. Тѣ муфтіи, которые были и старше по возрасту, и болѣе свѣдущими въ шаріатѣ, назывались *аглямами*. Большинство муфтіевъ, особенно во время разбирательства важныхъ дѣлъ, жили въ городѣ при казіи. Во время разбирательства тяжущихся сторонъ они выслушивали жалобы и отвѣты на нихъ и вмѣстѣ съ казіями обсуждали встрѣчавшіяся недоразумѣнія и сомнительные случаи. Тогда казій, по выслушаніи всѣхъ высказанныхъ мнѣній, постановлялъ рѣшеніе по единогласному или, по крайней мѣрѣ, по большинству высказанныхъ мнѣній. Казіи боялись оказывать тяжущимся противозаконное покровительство, а если казій оказывалъ кому-нибудь такое покровительство, то ханъ или правитель подвергалъ такого казія взысканію[1]).

Въ должности муфтія я оставался до взятія Чимкента русскими въ 1280 г. гиджры (1864 г.). Я зналъ свой шаріатъ, жилъ и разсуждалъ такъ же, какъ и всѣ мусульманскіе ученые. Я думалъ, что такимъ образомъ пройдетъ вся моя жизнь; но вотъ, по волѣ Божіей, пришли русскія войска и взяли нашъ городъ. Тогда въ городѣ было до 10 тысячъ войска и 43 пушки; при войскѣ находился главнокомандующій Мирза-Ахмадъ, и мы мало опасались угрожавшаго намъ нападенія со стороны неболь-

---

[1]) Такъ, одному казію въ Кокандѣ ханъ Худаяръ приказалъ выщипать половину бороды за неправильное рѣшеніе и за несознаніе въ своей неправотѣ. Н. О.

шаго русскаго отряда, тѣмъ болѣе что въ ожиданіи нападенія русскихъ городская стѣна была возобновлена и окружена глубокимъ и широкимъ рвомъ, а артиллеріей завѣдывали два опытные афганца. Мы были совершенно спокойны за неприступность городской стѣны, и я отправился на поминки. Это было, по русскому счисленію, 22 сентября 1864 г. День былъ вторникъ[2]). Вдругъ я услышалъ, что нашъ чимкентскій Бай-Мухаммадъ-бекъ скачетъ на лошади по улицѣ и кричитъ: „Богъ наказалъ насъ! Богъ наказалъ насъ!“ Я вмѣстѣ съ другими, бывшими на поминкахъ, спросилъ, что значитъ этотъ крикъ?—Мнѣ сказали, что русскіе вошли уже въ городъ... Отъ страха потерявъ присутствіе духа, я бросился вмѣстѣ съ другими чимкентцами бѣжать по направленію къ Ташкенту. Какъ бѣжалъ я, я не сознавалъ и пришелъ въ себя только тогда, когда былъ уже за рѣчкой Бадамомъ, на горѣ, вмѣстѣ съ толпой убѣжавшихъ чимкентцевъ. Добравшись до Ташкента, я прожилъ въ немъ около мѣсяца, пока не получилъ извѣстія, что мои родители и родственники остались въ живыхъ. Но выбраться изъ Ташкента мнѣ было трудно, потому что по дорогѣ въ Чимкентъ были выставлены военные караулы, чтобы никого не выпускать изъ Ташкента. Поэтому я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чимкентцами ушелъ по направленію къ Чимганскимъ горамъ и черезъ горы добрался до Чимкента.

Увидѣвшись съ родными, я сталъ жить въ своемъ домѣ и продолжалъ отправлять обязанности муфтія. Такъ прожилъ я года три, думая и чувствуя попрежнему. Хотя Ташкентъ былъ взятъ уже русскими въ 1865 г., но насъ не оставляла еще надежда на помощь Бухарскаго Амира, въ силу котораго мы сильно вѣрили. Мы думали, что если Музаффаръ-ханъ напишетъ только письмо русскому генералу, то онъ тотчасъ же оставитъ нашу страну и удалится съ своимъ войскомъ. Но надежда наша не сбылась: русскіе остались въ Ташкентѣ. Несмотря на это, у меня не было еще сознанія необходимости сближаться съ русскими, хотя я видѣлъ

---

2) Вторникъ у мѣстныхъ мусульманъ считается несчастнымъ днемъ. Н. О.

постоянно русскихъ въ Чимкентѣ. Тогда отдѣльнаго русскаго квартала въ Чимкентѣ еще не было, и потому, русскіе офицеры и солдаты жили на квартирахъ у сартовъ; но мы мало интересовались ими и мало знали о нихъ. Свѣдѣнія мои о русскихъ ограничивались только разсказами другихъ сартовъ, что русскіе не ѣдятъ лошадинаго мяса, а ѣдятъ свинину; что вмѣсто нашей бузы они употребляютъ свой особый напитокъ; что они любятъ больше всего пильмени и что во время принятія пищи употребляютъ какіе-то страшные желѣзные крючки, называемые вилками... Но вотъ наконецъ я случайно познакомился съ однимъ офицеромъ изъ русскаго войска, мусульманиномъ, артиллеристомъ Еникѣевымъ, и съ того времени мои мысли о русскихъ начали постепенно измѣняться.

Я продолжалъ исполнять обязанности муфтія въ Чимкентѣ, соблюдалъ въ точности требованія своего закона, а также и народные обычаи, а людей въ русскомъ платьѣ избѣгалъ. Упомянутый офицеръ Еникѣевъ услышалъ обо мнѣ и разъ пришелъ ко мнѣ, чтобы познакомиться со мною, но я принялъ его недовѣрчиво и обошелся съ нимъ грубо. Онъ понялъ, что сразу нельзя сблизиться со мною, потому что я былъ ревностнымъ исполнителемъ обрядовъ своей религіи; поэтому онъ просилъ меня читать Коранъ по умершимъ его родственникамъ и сталъ учиться у меня персидскому языку. За ученіе онъ предложилъ мнѣ деньги, но я не принялъ его деньги, потому что у насъ получать деньги за ученіе считалось неприличнымъ. Тогда онъ предложилъ учить меня русской грамотѣ, и я послѣ нѣкотораго колебанія согласился. Во время уроковъ онъ разсказывалъ мнѣ о жизни русскихъ и о разныхъ другихъ народахъ, а также сообщалъ мнѣ разныя научныя свѣдѣнія. Сначала разсказы его смущали меня, а потомъ мало-по-малу я началъ соглашаться съ нимъ, что жить въ отчужденности отъ русскаго народа нельзя. Я успокоился, когда подумалъ, что самъ Богъ послалъ русскихъ завоевать нашъ край, потому что все въ мірѣ дѣлается по Божію опредѣленію.

У насъ въ Чимкентѣ, какъ и въ Ташкентѣ, былъ и до

сихъ поръ есть обычай, называемый „*джура*“. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько человѣкъ соглашаются поочередно собираться другъ у друга на вечернія бесѣды *(гять)*. И я съ Еникѣевымъ приходилъ на *джуру*, но бесѣдовали больше между собою, а въ разговорахъ прочихъ членовъ собранія участія не принимали. За это меня не хвалили мои земляки; но къ этому прибавилось еще одно тяжебное дѣло. Умеръ одинъ богатый чимкентецъ, Рахимъ-бай, оставившій послѣ себя трехъ женъ и пять-шесть человѣкъ дѣтей. Опекуномъ былъ назначенъ сынъ его Муса. Муса мало заботился о сиротахъ, и мнѣ пришлось хлопотать за нихъ предъ казіемъ. Казій поддерживалъ Мусу, и я остался виноватымъ; на меня предъявленъ былъ искъ... А народъ сталъ чуждаться меня за то, что я обращался за помощію къ русскому судьѣ. Я вынужденъ былъ два раза ѣздить въ Ташкентъ: въ первый разъ къ военному губернатору, генералу Головачеву, а во второй разъ къ генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману.

Такъ какъ я не зналъ русскихъ порядковъ и не умѣлъ еще говорить по-русски, то мнѣ очень трудно пришлось въ Ташкентѣ: спросить было некого; переводчики же плохо понимали меня, потому что я выражался по книжному, съ примѣсью арабскихъ и персидскихъ словъ. Съ большимъ трудомъ я могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Когда я представлялся военному губернатору и генералъ-губернатору, то не могъ разсказать имъ ясно и толково свою просьбу; я остался неоправданнымъ предъ судомъ казіевъ и заплатилъ 500 руб. Въ то же время я былъ отставленъ отъ должности муфтія. Черезъ нѣсколько времени потомъ меня защитилъ русскій чиновникъ (Ю—въ), пріѣзжавшій въ Чимкентъ; я былъ назначенъ казіемъ въ городѣ Чимкентѣ, но черезъ девять мѣсяцевъ остался опять безъ должности. Тогда пріятель мой, офицеръ Еникѣевъ, посовѣтывалъ мнѣ подать прошеніе генералъ-губернатору о предоставленіи мнѣ должности учителя въ русско-туземной школѣ, которую генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ хотѣлъ открыть въ городѣ Чимкентѣ. Генералъ-губернаторъ благо-

склонно принялъ мое прошеніе и непремѣнно обѣщалъ исполнить мою просьбу. Я сталъ заниматься русскимъ языкомъ, но учился только четыре мѣсяца, потому что мой учитель Еникѣевъ отправился въ хивинскій походъ. По возвращеніи русскихъ войскъ изъ хивинскаго похода, генералъ-губернаторъ приказалъ открыть русскую школу въ Чимкентѣ. Учителемъ русскаго языка въ школѣ былъ назначенъ оренбургскій киргизъ Хасановъ, а я—учителемъ мусульманской грамоты. Это была первая русско-туземная школа въ краѣ; въ ней обучалось до 40 мальчиковъ. Къ этому времени населеніе города Чимкента забыло свою вражду ко мнѣ; возникшая противъ меня несправедливость разъяснилась въ мою пользу, и я имѣлъ вліяніе на своихъ знакомыхъ чимкентскихъ жителей, чтобы они отдавали своихъ сыновей въ русскую школу.

Учителемъ въ школѣ я былъ года два. Въ этомъ положеніи меня узналъ полковникъ Корольковъ, пріѣзжавшій въ Чимкентъ на ревизію. Когда онъ сталъ начальникомъ города Коканда, то вызвалъ меня въ Кокандъ на должность казія. Прослуживъ на этой должности три мѣсяца, я былъ отправленъ, по приказанію господина генералъ-губернатора, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мусульманами Туркестанскаго края (Джура-Бекъ, Ширъ-Мухаммадъ и Абдулла Ніязовъ) въ С.-Петербургъ, на съѣздъ оріенталистовъ. Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я представлялся генералъ-губернатору, былъ очень ласково принятъ имъ и получилъ отъ него почетный халатъ въ награду за службу и два дорогихъ халата (парчевый и китайскій шелковый) въ даръ лично отъ генералъ-губернатора. При этомъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ собственноручно подписалъ свидѣтельство на награжденіе меня почетнымъ халатомъ. Это было 22 іюля 1876 г.

Поѣздка въ Петербургъ доставила мнѣ возможность въ первый разъ увидѣть разные города и обѣ столицы Россіи и сравнить ихъ съ нашими туркестанскими городами. Въ Оренбургѣ я въ первый разъ увидѣлъ всѣ особенности русскаго города и удивлялся красотѣ и большимъ размѣрамъ каменныхъ домовъ, ширинѣ и прямизнѣ улицъ, чистотѣ дорогъ и т. д. Городъ Самара про-

извелъ на меня еще лучшее впечатлѣніе, и я еще болѣе удивлялся хорошимъ порядкамъ русскихъ городовъ. Въ Самарѣ я увидѣлъ самую большую рѣку Россіи—Волгу и любовался величиною ея и красотою ея береговъ. Сотни пароходовъ быстро бѣгали по Волгѣ въ разныя стороны. И я на пароходѣ доѣхалъ до гор. Сызрани. О пароходахъ я до того времени не имѣлъ понятія и тогда въ первый разъ узналъ ихъ устройство. До этого времени я видѣлъ паръ только во время кипяченія воды въ самоварѣ и во время приготовленія пищи на кухнѣ, но никакъ не могъ подумать, чтобы этотъ же самый паръ можно было, при помощи науки, заставить двигать огромныя колеса у парохода и тащить пароходъ съ большою скоростью, даже противъ теченія. Но еще болѣе я удивился, когда сѣлъ въ Сызрани въ вагонъ желѣзной дороги. Сначала мнѣ казалось непонятнымъ, какъ могутъ эти огромныя телѣги (вагоны) двигаться безъ лошадей; но я еще болѣе изумился, когда машина, при помощи того же пара, потащила за собою множество огромныхъ телѣгъ съ быстротою тридцати верстъ въ часъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и быстрѣе. На первыхъ же станціяхъ я старался узнать устройство паровой машины, и мое небольшое знаніе русскаго языка помогло мнѣ въ этомъ случаѣ. Я свободно обращался къ своимъ сосѣдямъ по вагону во время дороги съ разными вопросами относительно желѣзной дороги, и образованные сосѣди мои охотно отвѣчали на всѣ мои вопросы. Во время этихъ разговоровъ я болѣе и болѣе убѣждался, что мы, туркестанскіе мусульмане, жили однообразною жизнью, мало видѣли свѣтъ, мало знали людей другихъ государствъ и очень отстали во всѣхъ отношеніяхъ отъ русскаго народа.

Такъ мы доѣхали наконецъ до Москвы, этой древней столицы Русскаго государства. Въ этомъ огромномъ городѣ я совершенно терялся, но желаніе посмотрѣть такой замѣчательный городъ заставило меня выти изъ квартиры, и я долго ходилъ по улицамъ. И въ этомъ случаѣ снова помогло мнѣ небольшое знаніе русскаго языка: въ разныхъ мѣстахъ я останавливался, прочитывалъ разныя надписи на магазинахъ и обращался къ проходив-

шимъ людямъ съ вопросами. Мнѣ любезно давали отвѣты на мои вопросы. Эта черта въ характерѣ русскихъ людей мнѣ очень понравилась: я удивлялся, что русскіе люди не обращали внимания на мою туркестанскую одежду и безъ всякой гордости разговаривали со мною.

Изъ Москвы я вмѣстѣ съ своими спутниками отправился въ С.-Петербургъ. Когда мы прибыли въ эту столицу, то явились къ предсѣдателю съѣзда оріенталистовъ, русскому профессору В. В. Григорьеву. Онъ сообщилъ намъ время засѣданій съѣзда. Первое засѣданіе происходило въ университетской залѣ, 20 августа 1876 г. Профессоръ Григорьевъ въ своей рѣчи, обращенной къ ученымъ съѣзда, сказалъ, что „среди разъяреннаго моря разнузданныхъ страстей есть одно спокойное убѣжище—наука, къ которому стремятся ученые всѣхъ странъ и народовъ“. Въ доказательство этого онъ указалъ на присутствовавшихъ ученыхъ разныхъ государствъ Европы и Азіи. Эти ученые знали разные восточные языки: китайскій, еврейскій, арабскій, персидскій, монгольскій, турецкій и разные другіе; всѣ эти ученые имѣли только одну цѣль—стремленіе къ истинѣ. Вмѣстѣ съ учеными на съѣздѣ были разные инородцы: китайцы, турки, персы и проч. Мнѣ было удивительно и пріятно видѣть, какъ наука сближаетъ людей разныхъ племенъ и разныхъ вѣръ. Ученые европейцы говорили въ засѣданіяхъ на разныхъ языкахъ рѣчи, содержанія которыхъ я, къ сожалѣнію, не могъ самъ понимать; меня знакомили только съ главными мыслями ихъ рѣчей. Наконецъ, на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій съѣзда было и мнѣ предложено сказать нѣсколько словъ. Я затруднялся выбрать предметъ для своей рѣчи... Подумавъ о цѣли этихъ собраній, я сказалъ на персидскомъ языкѣ нѣсколько словъ о томъ, что до завоеванія Туркестана русскими мы, туркестанскіе мусульмане, жили обособленно, въ отчужденіи отъ образованныхъ европейскихъ народовъ; но, по волѣ Божіей, теперь мы, при посредствѣ русскаго народа, можемъ вступить въ общеніе съ европейскими народами и сдѣлаемся, такимъ образомъ, участниками общечеловѣческой жизни и научнаго прогресса. Рус-

скій профессоръ Григорьевъ отвѣчалъ на мою рѣчь также по персидски и сказалъ, что завоеваніе русскими Туркестана не имѣетъ цѣлью только обладаніе мусульманскимъ Туркестаномъ, а—общее благо двухъ сосѣднихъ народовъ, русскаго и туркестанскаго, и что покоренное русскими туркестанское населеніе присоединится къ общей жизни человѣчества. Моя рѣчь и отвѣтъ профессора Григорьева были выслушаны всѣми членами засѣданія и вызвали одобреніе.

Во время происходившихъ засѣданій съѣзда и послѣ я много думалъ о томъ, какъ образованные народы заботятся о наукѣ и общими силами стараются объ увеличеніи знаній и о распространеніи ихъ между всѣми народами. Я своими глазами увидѣлъ теперь ученыхъ людей разныхъ странъ и узналъ, что эти ученые дѣйствительно имѣли основательныя познанія въ исторіи и языкахъ вышеупомянутыхъ восточныхъ народовъ. Правительства образованныхъ государствъ съ своей стороны доставляютъ ученымъ возможность путешествовать по разнымъ странамъ, изучать языки разныхъ народовъ, ихъ нравы и обычаи, сравнивать жизнь разныхъ народовъ и разъяснять все, что есть непонятнаго въ исторіи. Свои знанія европейскіе ученые не оставляютъ при себѣ только, а печатаютъ ихъ для общаго свѣдѣнія. Эти сочиненія переводятся потомъ на языки разныхъ народовъ, и такимъ образомъ знанія каждаго европейскаго ученаго распространяются во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Кромѣ того ученые разныхъ странъ по очереди собираются въ разныхъ государствахъ и обмѣниваются своими мыслями. Такое отношеніе европейскихъ ученыхъ и ихъ правительствъ къ наукѣ вызвало у меня уваженіе къ нимъ.

Засѣданія происходили сначала по два раза въ день, а потомъ—по одному разу; 26, 29 и 30 августа засѣданій не было, такъ какъ эти дни были праздничные. Въ эти дни члены съѣзда осматривали достопримѣчательности С.-Петербурга и окрестности этой столицы. Въ музеяхъ мы осматривали разные рѣдкіе предметы, касающіеся восточныхъ народовъ, а въ Публичной Библіотекѣ—многочисленныя восточныя рукописи. Кромѣ того, намъ

показали старинныя географическія карты азіатскихъ странъ. Ничего подобнаго я раньше не видѣлъ и съ уваженіемъ отнесся къ собиранію и храненію русскимъ правительствомъ разныхъ древнихъ предметовъ.

26 августа, въ день коронаціи (нынѣ покойнаго) Государя Императора, мы ѣздили на военномъ пароходѣ въ Петергофъ. Во время дороги я въ первый разъ познакомился съ устройствомъ военнаго судна; офицеры парохода очень любезно намъ все показывали и разсказывали. Въ Петергофѣ мы катались по замѣчательнымъ во всемъ мірѣ садамъ и любовались необыкновенными и многочисленными фонтанами, потомъ осматривали дворцы. Въ 7 часовъ вечера мы собрались въ Большомъ Дворцѣ и сначала осмотрѣли его, а затѣмъ сѣли за столъ. Обѣдъ былъ превосходный: не только кушанья, но и самая посуда отличались великолѣпіемъ.

29 августа мы отправились въ Царское Село по желѣзной дорогѣ, а со станціи поѣхали въ придворныхъ экипажахъ въ Дворцовый Арсеналъ. Осмотръ сокровищъ Арсенала продолжался очень долго, и мы дивились богатству его. Здѣсь мы видѣли разные подарки Кокандскаго Хана и Бухарскаго Амира, присланные Русскому Государю Императору. Затѣмъ, послѣ прогулки по дворцовымъ садамъ, мы обѣдали въ Большомъ Дворцѣ. Этотъ обѣдъ также былъ великолѣпенъ. Послѣ обѣда мы снова въ придворныхъ экипажахъ отправились на прогулку въ Павловскъ, а вечеромъ, въ $10^1/_2$ часовъ, возвратились по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

Утромъ, 30 августа, мы катались на пароходахъ по рѣкѣ Невѣ и завтракали на пристани. Рѣка Нева—широкая и величественная. Своимъ величіемъ она соотвѣтствуетъ столицѣ могущественной Россіи.

31 августа происходило послѣднее засѣданіе оріенталистовъ. Ученые разныхъ странъ говорили прощальныя рѣчи. Профессоръ Григорьевъ благодарилъ всѣхъ ученыхъ гостей за то, что они почтили Петербургскій съѣздъ своимъ присутствіемъ, а француз-

скій ученый де-Рони высказалъ, что бывшіе на съѣздѣ иностранные гости никогда не забудутъ оказаннаго имъ радушнаго пріема и той пользы, какую этотъ съѣздъ принесъ наукѣ. Въ заключеніе онъ высказалъ, что въ памяти гостей и въ ихъ сердцахъ останется навсегда почтительная благодарность къ Его Императорскому Величеству, Государю Императору Россіи, за высокое покровительство наукѣ.

Этою рѣчью, въ $2^1/_2$ часа дня, собраніе закончилось, и съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ. Послѣ того всѣ гости были приглашены на прощальный обѣдъ. На этомъ обѣдѣ нѣкоторые ученые говорили рѣчи. Послѣднюю рѣчь сказалъ на латинскомъ языкѣ ученый профессоръ изъ Финляндіи, Лагусъ. Онъ пожелалъ, чтобы Востокъ и Западъ находились въ постоянномъ сближеніи между собою.

По окончаніи съѣзда, я и земляки мои, туркестанцы (г.г. Джура-бекъ, Ширъ-Мухаммадъ и Абдулла Ніязовъ), оставались еще нѣкоторое время въ Петербургѣ. Въ свободное время мы гуляли по городу и бесѣдовали въ своей квартирѣ о видѣнномъ и слышанномъ. Предметомъ нашего разговора иногда служило также деликатное обращеніе съ нами разныхъ русскихъ лицъ. Такъ, однажды, идя по Невскому проспекту, мы увидѣли идущаго на встрѣчу къ намъ военнаго генерала и задали себѣ вопросъ: неужели у русскихъ и высокопоставленныя лица одинаково вѣжливы и отзывчивы къ людямъ, даже незнакомымъ имъ? А намъ нужно было спросить, какъ прямѣе пройти на улицу, на которой мы жили. Я былъ смѣлѣе своихъ спутниковъ и рѣшился спросить о томъ идущаго навстрѣчу къ намъ генерала... Удивленію нашему не было границъ, когда почтенный русскій генералъ остановился и ласково объяснилъ намъ, по какой улицѣ мы должны были возвращаться на свою квартиру. Въ другой разъ мнѣ была надобность явиться къ г. оберъ-полиціймейстеру, генералъ-адъютанту Трепову, и я былъ весьма ласково принятъ и выслушанъ его превосходительствомъ. Всѣ низшіе чины петербургской полиціи были къ намъ предупредительны и внимательны,

такъ что, думалъ я, русская столица, Петербургъ, служитъ примѣромъ вѣжливости для всей обширной Россіи.

На возвратномъ пути изъ Петербурга въ Ташкентъ, я въ каждомъ городѣ сталъ замѣчать, что эти города кажутся мнѣ уже другими, а не такими, какими я ихъ нашелъ во время первой своей дороги въ Петербургъ. Даже Москва послѣ Петербурга показалась мнѣ уже не тою, а хуже; Самара и Оренбургъ вызвали у меня даже удивленіе сравнительно съ двумя столицами Россіи; когда же мы возвратились въ Ташкентъ, то онъ показался мнѣ бѣдной и неустроенной деревней...

Такъ бываетъ со всѣми людьми, когда они живутъ только въ своей странѣ и не видятъ, какъ живутъ другіе народы, даже ихъ близкіе сосѣди. Мы, туркестанцы, жили цѣлыя столѣтія въ своей странѣ и думали, что лучше, умнѣе и сильнѣе насъ никого нѣтъ на свѣтѣ. Отъ такого взгляда на себя у насъ являлось самомнѣніе, а самомнѣніе вело къ застою. И мы оказались въ положеніи чуть не малыхъ дѣтей. Я помню, какъ нѣкоторые туркестанцы и бухарцы, ѣздившіе въ Россію при посольствахъ, по возвращеніи на родину, желали увѣрить себя и своихъ соотечественниковъ, что Россія хуже Туркестана и Бухары.

Теперь, друзья-соотечественники, надѣюсь, никто изъ васъ не сомнѣвается болѣе въ могуществѣ и благоустройствѣ Россійской Имперіи. Особенно же для насъ поучительно, что Россія достигла такого своего могущества и благоустройства просвѣщеніемъ и близкими дружественными сношеніями съ сосѣдними образованными народами Европы.

По возвращеніи изъ Петербурга въ Ташкентъ, мы представлялись Туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, и были благосклонно приняты его высокопревосходительствомъ. На вопросъ господина генералъ-губернатора, какъ понравился намъ Петербургъ, я отвѣтилъ, что мнѣ и во снѣ не могло представиться все то, что я видѣлъ на-яву. Обласканный вниманіемъ его высокопревосходительства, я отправился въ Кокандъ къ исполненію своихъ казійскихъ обязанностей, которыя

и исполнялъ до 1881 года. При отправленіи обязанностей казія я болѣе всего встрѣчалъ затрудненій, а иногда и непріятнойстей со стороны переводчика. Дѣло въ томъ, что переводчики, пользуясь знаніемъ русскаго языка и русскихъ административныхъ порядковъ, держали себя передъ казіями и передъ населеніемъ съ важностію, по-начальнически; я же самъ зналъ русскій языкъ достаточно и въ крайнихъ случаяхъ могъ лично доложить о дѣлѣ и объясниться съ г. уѣзднымъ начальникомъ. Это переводчику не нравилось, и у насъ выходили непріятности, окончившіяся доносомъ на меня, что и побудило меня просить начальство освободить меня отъ обязанностей казія. Но г. военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Абрамовъ, принимая во вниманіе, что, по произведенному уѣзднымъ начальникомъ дознанію, я оказался совершенно правымъ и что ни одно изъ указанныхъ въ доносѣ обвиненій не подтвердилось, не видѣлъ причины уволить меня отъ должности казія и предложилъ уѣздному начальнику предписаніемъ убѣдить меня[1]) оставаться въ должности и не обижаться доносомъ, ибо, писалъ онъ, дурныхъ людей, способныхъ на доносы, вездѣ много. Я успокоился, но не могъ оставаться въ должности Кокандскаго казія. Не мало огорченій я получалъ также отъ вліятельныхъ и богатыхъ туземцевъ. Послѣдніе пользовались услугами казія для того, чтобы держать въ своей зависимости меньшую братію, и достигали этого большею частію на счетъ правосудія. Врагами моими были также фанатичные ишаны и ученые муллы. Они враждебно относились ко всему, что было чуждо для нихъ по своей новизнѣ; они не входили въ разборъ того, хорошо или плохо было русское нововведеніе[2]), и часто видѣли опасность тамъ, гдѣ ея вовсе не было, и смущали темный народъ. Мнѣ приходилось опровергать ложныя опасенія мусульманскаго населенія...

---

[1]) Такъ написано въ предписаніи г. военнаго губернатора Ферганской области отъ $^{12}/_{13}$ декабря 1880 г. за № 9333 начальнику Кокандскаго уѣзда.

[2]) Однажды русскою администраціей Ферганской области было предложено, въ видахъ санитарныхъ, наблюдать за чистотой въ городѣ и на кладбищахъ, а на будущее время рекомендовалось отвести для кладбища особое мѣсто за городомъ. Мусульмане гор. Чуста не поняли этого предложенія и прислали за разъясненіемъ въ Коканд;

Въ 1881 году я оставилъ Кокандъ и прибылъ въ Ташкентъ.

Время, проведенное мною въ должности кокандскаго казія, я вспоминаю до сихъ поръ съ особеннымъ удовольствіемъ: русское начальство относилось ко мнѣ всегда ласково и награждало меня, а я съ своей стороны старался оправдать вниманіе ко мнѣ начальства и быть полезнымъ ему въ сношеніяхъ съ туземнымъ населеніемъ, которому я не одинъ разъ разъяснялъ разныя распоряженія русской власти въ краѣ. Между прочимъ мнѣ постоянно приходилось внушать туземцамъ, что мы обязаны изучать для собственной нашей пользы русскій языкъ, какъ языкъ русскаго правительства и русскаго народа. Въ мое время туземные жители гор. Коканда очень мало понимали это важное дѣло, и потому въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 года Инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области ходатайствовалъ о назначеніи меня почетнымъ смотрителемъ Кокандскаго городскаго училища[1]). Господинъ Туркестанскій генералъ-губернаторъ изволилъ согласиться съ означеннымъ ходатайствомъ и приказалъ въ представленіи своемъ Господину Министру Народнаго Просвѣщенія высказать мнѣніе въ пользу моего назначенія почетнымъ смотрителемъ Кокандскаго училища, что и было исполнено Управленіемъ учебными заведеніями Турк. края[2]).

къ тамошнимъ мусульманамъ. Но кокандскіе мусульмане сами недоумѣвали и вмѣстѣ съ чустскими посланными извратили совершенно смыслъ русскаго предложенія... Стали уже говорить, что русскіе хотятъ потревожить кости покойниковъ-мусульманъ... Положеніе становилось опаснымъ, такъ что изъ Н.-Маргелана пріѣзжалъ въ Кокандъ военный губернаторъ области, генералъ-лейтенантъ Абрамовъ и арестовалъ нѣсколькихъ фанатиковъ, распускавшихъ въ народѣ нелѣпые слухи.

И до сихъ поръ, по словамъ Саттаръ-хана, хитрые и фанатичные муллы пользуются случаемъ, чтобы смутить народъ, пользуясь иногда самыми простыми обстоятельствами, напримѣръ: въ открытіи русско-туземныхъ школъ видятъ желаніе русскаго правительства подготовлять учениковъ этихъ школъ къ поступленію въ военную службу; въ одобреніи порядковъ русской школы видятъ измѣну своей вѣрѣ и т. п. Н. О.

1) Въ представленіи Инспектора Народныхъ училищъ отъ 8 февраля 1879 года за № 100 было написано, что казій Абду-Саттаръ, какъ человѣкъ, понимающій высокое значеніе европейскаго образованія, своимъ служебнымъ и нравственнымъ авторитетомъ, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать успѣху русской школы среди Кокандскаго населенія. Н.О.

2) Въ отношеніи отъ 28 февраля 1879 г. за № 468 Г. Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ между прочимъ писалъ: «Въ виду того, что въ Высочайше утвержден-

3-го мая 1879 года Графъ Д. А. Толстой увѣдомилъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана (отнош. за № 4841), что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его (г. Министра), въ 30-й день апрѣля сего года, Высочайше соизволилъ на утвержденіе меня въ званіи почетнаго смотрителя Кокандскаго городскаго училища. Въ этомъ почетномъ званіи я оставался до 1 августа 1886 года. Пока я жилъ въ Кокандѣ, завѣдующій училищемъ, кандидатъ факультета восточныхъ языковъ, г. Юрашкевичъ приглашалъ меня на засѣданія педагогическаго совѣта для обсужденія мѣръ къ привлеченію дѣтей кокандскихъ мусульманъ въ русскую школу.

Въ 1883 году я былъ назначенъ переводчикомъ Туркестанской туземной газеты, а съ августа 1884 года репетиторомъ-практикантомъ сартскаго и персидскаго языковъ при Туркестанской Учительской Семинаріи и занималъ послѣднюю должность по 1-е марта 1889 г., послѣ чего былъ назначенъ переводчикомъ поземельно-податной коммиссіи при Сыръ-дарьинскомъ Областномъ Правленіи.

Заканчивая свои воспоминанія, я почитаю долгомъ призна-

номъ 31 мая 1872 года Положенія о городскихъ училищахъ нѣтъ никакихъ указаній о томъ, могутъ или не могутъ лица вообще нехристіанскаго вѣроисповѣданія и магометанскаго въ особенности занимать должности почетныхъ смотрителей при городскихъ училищахъ, имѣю честь просить Ваше Сіятельство о разъясненіи вышеозначеннаго вопроса для руководства какъ въ данномъ случаѣ, такъ и на будущее время.

«При этомъ имѣю честь присовокупить, что, по моему мнѣнію, было бы весьма полезно утвердить Абду-Саттаръ-ходжу, какъ человѣка вліятельнаго среди туземцевъ, въ должности почетнаго смотрителя при Кокандскомъ городскомъ училищѣ. Своимъ авторитетомъ Абду-Саттаръ-ходжа могъ бы въ этомъ званіи поддержать и распространить среди туземцевъ мысль о необходимости для нихъ европейскаго образованія и о благотворномъ вліяніи его на умственную, нравственную и вообще на бытовую жизнь мусульманъ, что въ свою очередь имѣло бы большое значеніе для успѣховъ русской правительственной школы среди туземнаго населенія Ферганской области и къ чему я постоянно стремлюсь и принимаю всѣ зависящія отъ меня мѣры. Въ то-же время я не вижу никакихъ основаній опасаться за то, чтобы Абду-Саттаръ-ходжа, какъ мусульманинъ, могъ оказать какое-либо вредное вліяніе на направленіе учебнаго дѣла въ училищѣ, потому что обязанности почетнаго смотрителя § 33 Положенія о городскихъ училищахъ ограничены «постояннымъ содѣйствіемъ благоустройству училищъ въ матеріальномъ отношеніи». Н. О.

тельности сказать, что Туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, 22 іюля 1876 года наградилъ меня почетнымъ халатомъ, 10 августа 1877 года—малою серебряною медалью для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, а 7 ноября того же года—большою серебряною медалью для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ; 14 августа 1880 года я былъ награжденъ большою золотою медалью для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ; въ 1884 году генералъ-адъютантъ Розенбахъ наградилъ меня золотыми часами съ надписью: „*Отъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора*“.

Наконецъ съ особенною благодарностью я вспоминаю ходатайство бывшаго Туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Розенбаха, по представленію котораго я былъ удостоенъ Высочайшей милости Государя Императора: Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 11-го февраля 1889 года за № 2, я былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора[3]).

На этомъ „Воспоминанія Саттаръ-хана“ окончились. Послѣ того Саттаръ-ханъ былъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, а затѣмъ, по закрытіи поземельно-податной коммиссіи въ Ташкентѣ, онъ остался за штатомъ, безъ оффиціальной должности и потому возвратился въ г. Чимкентъ, гдѣ былъ избранъ населеніемъ на должность народнаго судьи (казій), каковую должность занимаетъ и по настоящее (1896 г.) время. Любопытный примѣръ представляетъ Саттаръ-ханъ, какъ единственный туземецъ въ должности народнаго судьи, числясь отставнымъ губернскимъ секретаремъ.

Въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ своихъ онъ былъ кратокъ, и причина этого понятна: многое, касающееся пережитыхъ

---

3) Оффиціальныя свѣдѣнія о службѣ Саттаръ-хана Абдулъ-Гафарова я заимствовалъ, съ разрѣшенія Г. Главнаго Инспектора училищъ, изъ дѣла Управл. Учеб. Завед. Туркест. края, по описи 1879 г. № 30. Н. О.

Саттаръ-ханомъ душевныхъ состояній, едва ли совершенно ясно для него самого. Да эти подробности и не входятъ въ программу настоящаго краткаго очерка. Съ своей стороны я нахожу умѣстнымъ сказать здѣсь, что сближеніе Саттаръ-хана съ русскими, какъ началось случайно, такъ и продолжалось случайно: разныя обстоятельства его жизни ставили его въ различныя, иногда совершенно неожиданныя для него, условія, которыя и опредѣляли дальнѣйшую его судьбу, какъ это видно даже и изъ краткихъ его воспоминаній. Не говоря о многоразличныхъ случайныхъ встрѣчахъ его съ русскими людьми самыхъ разнородныхъ взглядовъ и положеній, Саттаръ-ханъ не одинъ разъ оказывался безъ опредѣленныхъ занятій и безъ надежды на будущее, а между тѣмъ свои естественныя связи съ единовѣрцами онъ порвалъ и, кромѣ того, не имѣлъ постояннаго опытнаго руководителя на новомъ и скользкомъ для него жизненномъ пути. Я не одинъ разъ слыхалъ, что нѣкоторые русскіе и многіе мусульмане осуждали Саттаръ-хана: мусульмане—за то, что онъ отъ своихъ отсталъ, а русскіе—за то, что къ русскимъ не присталъ... Но кто не знаетъ, въ какихъ странныхъ положеніяхъ оказывались и нѣкоторые русскіе люди въ эпоху преобразованія Россіи (отчасти даже въ предшествующую эпоху) и вообще въ XVIII вѣкѣ!...[1]). Кромѣ того, справедливость обязываетъ сказать, что Саттаръ-ханъ первые шаги своего сближенія съ русскими дѣлалъ въ самые первые годы русскаго управленія Туркестанскимъ краемъ и былъ невольнымъ участникомъ неустроенной русской жизни въ Туркестанѣ... Онъ увлекался новою жизнію и за то подвергался осужденію.

---

1) «Большинство русскихъ людей поняли европейское образованіе чисто внѣшнимъ образомъ, какъ умѣнье одѣваться и жить по европейски, пользоваться всѣми удобствами и пріятностями жизни, добытыми европейскою наукой и цивилизаціей, нисколько не заботясь объ усвоеніи самой науки и цивилизаціи. При этомъ, стараясь сдѣлаться европейцами, стали съ презрѣньемъ относиться ко всему отечественному; перенимая европейскіе обычаи, бросили всѣ благочестивые русскіе обычаи; вмѣсто хорошихъ качествъ часто усвоивали одни европейскіе пороки и, наконецъ, изучая иностранные языки, особенно французскій, начали отвыкать отъ своего роднаго языка». (Порфирьевъ, Ч. II, отд. I, стр. 116. Казань, 1881 г.).

Въ 1883 году я встрѣтилъ Саттаръ-хана въ Ташкентѣ безъ опредѣленныхъ занятій, безъ денежныхъ средствъ и безъ нравственной поддержки... Съ тѣхъ поръ я не оставлялъ его и считалъ долгомъ *русскаго* человѣка поддерживать его, сколько у меня было средствъ къ тому. Нѣкоторое время Саттаръ-ханъ носилъ мундиръ русскаго чиновника, а это также сильно отдѣляло его отъ массы туземнаго населенія, и онъ въ большіе мусульманскіе праздники стѣснялся бывать въ мусульманской части города Ташкента, потому что весьма многіе ташкентскіе сарты не жаловали его своимъ вниманіемъ за рѣзкую перемѣну въ образѣ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ мало развитой сартъ хладнокровно смотрѣть на бывшаго муфтія и казія, сына и внука чимкентскихъ казіевъ, а теперь чиновника Саттаръ-хана, который выстроилъ себѣ русскій домъ, завелъ въ немъ русскую мебель, обрядилъ жену свою въ русское платье, а трехъ сыновей ея обучаетъ въ русской гимназіи, ѣстъ русскую пищу, пьетъ вино и вообще мало отличается отъ русскихъ... Впрочемъ, люди толковые убѣждались доводами Саттаръ-хана и не чуждались его.

Приходилось слышать несочувственные отзывы мусульманъ о Саттаръ-ханѣ и за нѣкоторыя его мысли, какія онъ высказывалъ устно, при встрѣчахъ съ мусульманами, и печатно—въ туземной газетѣ. Но въ правѣ ли мы порицать его за это? Вотъ что между прочимъ печаталось отъ его имени въ туземной газетѣ за 1885 г., въ №№ 8 и 11:

„Я взялъ на себя смѣлость высказать въ нѣсколькихъ словахъ свои мысли относительно *знанія*, хотя эти мысли не новыя и не мною самимъ выдуманы, а были высказываемы и древними учеными и высказываются въ настоящее время.

„Дѣйствительно, всякое знаніе пріобрѣтается; люди не рождаются съ готовымъ знаніемъ, а когда возрастаютъ, согласно своей природѣ, то и умъ ихъ со дня на день развивается въ своихъ способностяхъ при помощи зрѣнія и слуха и пріобрѣтаетъ разныя познанія. Но каждый человѣкъ, по мѣрѣ развитія своего ума, долженъ прежде всего узнать, кто онъ такой, долженъ по-

знать самого себя. Для человѣка нѣтъ предмета болѣе близкаго, кромѣ его самого, а цѣль его появленія на землѣ—познать премудрость своего Господа и исполнять всѣ Его опредѣленія. Откуда же человѣкъ узнаетъ самый первый свой долгъ—принести пользу своему ближнему, если не будетъ знать самого себя? И если знаніе самого себя будетъ состоять (только) въ томъ, что у насъ есть наружные органы: руки, ноги, глаза и другіе, посредствомъ которыхъ мы можемъ брать, ходить и т. д., и внутреннія ощущенія, посредствомъ которыхъ мы чувствуемъ голодъ и жажду, то такое знаніе будетъ недостаточно. Если мы скажемъ, что знаемъ себя только въ этомъ отношеніи, то это будетъ только заблужденіе и ошибка, такъ какъ такимъ знаніемъ обладаютъ и животныя, и насѣкомыя; и если мы будемъ довольствоваться (только) этимъ, тогда мы ничѣмъ не будемъ отъ нихъ отличаться. А между тѣмъ въ Коранѣ сказано: „Мы (Богъ) предпочли сыновъ Адама“, и мы не можемъ преступить указанную этими словами границу. Намъ необходимо изучать себя, то есть изслѣдовать: каковы мы, откуда произошли и куда пойдемъ, зачѣмъ прибыли на эту стоянку (земная жизнь) и для чего мы сотворены, въ чемъ заключается наше счастіе и несчастіе... А ключемъ къ этимъ вопросамъ служитъ знаніе. Знаніе служитъ рѣшительнымъ средствомъ къ уразумѣнію всего этого и къ достиженію основныхъ нашихъ желаній и цѣлей. Родовъ знанія много, напримѣръ: шаріатъ, математика, медицина, астрономія и другія науки. Съ пріобрѣтеніемъ этихъ знаній люди будутъ по возможности постигать твореніе своего Создателя и Его совершенное могущество. И мы говоримъ, что пріобрѣтеніе знаній необходимо, а цѣль такого пріобрѣтенія состоитъ въ томъ, чтобы различать истину отъ лжи и своевременно пользоваться истиною для блага своихъ ближнихъ и дѣлать имъ добро. Тогда только мы исполнимъ всѣ опредѣленія нашего всемогущаго Владыки (Бога) и познаемъ самихъ себя, а не тогда, когда пріобрѣтемъ знанія и не будемъ приводить ихъ въ дѣло, не будемъ никому приносить посредствомъ ихъ пользы: такое знаніе противно главной цѣли человѣчества,

и такіе люди, будучи хуже животныхъ и оставаясь въ заблужденіи, не заслужатъ почтенія на этомъ свѣтѣ и милости Божіей въ будущей жизни.

„Въ прошломъ (8) № газеты мы сказали, что родовъ знанія много и пріобрѣтать его необходимо. Этого положенія никто, надѣемся, не будетъ отрицать: не можетъ быть относительно этого никакого сомнѣнія. Каждому извѣстно, что, въ отношеніи свѣтскихъ знаній, мы, въ сравненіи съ другими народами, находимся на самой низкой степени. Если же мы, пробудившись отъ сна забвенія, откроемъ свои глаза и посмотримъ кругомъ во всѣ стороны, то увидимъ, что европейскіе народы, при помощи свѣтскихъ наукъ, привели въ исполненіе столь полезныя дѣла. Напримѣръ: они изобрѣли всѣмъ извѣстную паровую машину, телеграфъ и разныя другія машины, посредствомъ которыхъ люди избавились отъ большихъ трудовъ. При помощи пара десятидневное разстояніе проходится въ одинъ день; извѣстія, которыя раньше получались чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, телеграфъ доставляетъ теперь въ нѣсколько часовъ; работы, для исполненія которыхъ требовались мѣсяцы, исполняются теперь въ короткое время. Результаты такихъ изобрѣтеній достигли и до нашего края послѣ подчиненія его одному изъ европейскихъ народовъ, русскому. Когда были устроены мосты на ходжентской рѣкѣ и на Чирчикѣ, жители избавились отъ труда и опасности переправъ черезъ воду. И подобныхъ этому полезныхъ дѣлъ много... И такъ, намъ необходимо научиться свѣтскимъ наукамъ у русскаго народа и стараться прилагать ихъ къ дѣлу. Самымъ главнымъ средствомъ къ изученію этихъ наукъ служитъ знаніе русскаго языка, безъ котораго нѣтъ никакой возможности достичь того. И для этого не нужно испытывать трудности путешествій во внутренніе города Русской имперіи, такъ какъ, по волѣ Божіей, мы стали подвластны этому народу и вмѣстѣ съ нимъ живемъ, а русскіе стали нашими властителями. Они, по особенному своему сочувствію къ намъ, заботятся о наученіи насъ русскому языку, открыли, какъ вамъ, почтенные читатели газеты, извѣстно, въ городѣ Ташкентѣ школу и тѣмъ посѣяли сѣмена

„Изреченія этого мудреца слѣдующія:

„Богу покланяйся; родителей почитай; законамъ повинуйся; добродѣтель хвали; твердо держись истины; подавляй свой гнѣвъ; избѣгай дурныхъ людей; никому не завидуй; будь далекъ отъ удовольствія, доставляющаго печаль.

„Не хули отошедшихъ изъ этого міра людей; не спѣши выбирать себѣ какого-нибудь человѣка въ друзья и не бросай его послѣ того, какъ сдѣлалъ его другомъ (своимъ).

„Каково значеніе желѣза во времени битвы, таково значеніе честнаго слова въ жизни.

„Слушать совѣтъ умнаго друга тоже, что принимать лѣкарство изъ золотой чаши.

„Совѣты хорошаго друга подобны молоку и меду[1]).

Въ такомъ же тонѣ Саттаръ-ханъ писалъ въ туземной газетѣ въ 1887 году, въ видахъ привлеченія въ русско-туземныя школы дѣтей мусульманъ:

„Конечно, внѣшнее усовершенствованіе наше не возможно безъ усовершенствованія внутренняго; внутреннее же усовершенствованіе совершается посредствомъ знанія, а знаніе пріобрѣтается обученіемъ и чтеніемъ; обученіе же и чтеніе, на какомъ бы языкѣ ни происходило, на языкѣ ли мусульманъ, или христіанъ, на еврейскомъ, или на какомъ другомъ—все равно. И получаемое такимъ образомъ научное знаніе не только не противорѣчитъ ученію ислама, но дѣлаетъ его болѣе яснымъ для нашаго ума и способствуетъ намъ лучше исполнять въ жизни предписанія религіи. Напримѣръ, въ богословіи нашемъ сказано, что Богъ премудръ, и мы вѣримъ этому; но если мы не знаемъ анатоміи, астрономіи, физики, химіи и другихъ свѣтскихъ наукъ, то мы не будемъ ясно понимать, въ чемъ заключается Божія премудрость. Кромѣ того, при помощи этихъ свѣтскихъ наукъ мы и себѣ, и ближнимъ своимъ будемъ въ состояніи больше приносить пользы. Но у мусульманъ свѣтскихъ знаній вообще мало; поэтому намъ не-

[1]) Избранныя изреченія другихъ древнихъ греческихъ мудрецовъ печатались въ Туземной газетѣ за 1885—1887 г.г.

обходимо пріобрѣтать у русскаго народа эти знанія и употреблять ихъ въ свою пользу. А такъ какъ въ нашихъ мадрасахъ такихъ знаній нѣтъ и такъ какъ мы не устраивали особыхъ школъ для пріобрѣтенія мірскихъ знаній, то да воздаетъ Богъ добромъ господину генералъ-губернатору нашему за то, что онъ открываетъ для нашей пользы такія школы. Намъ необходимо пробудиться отъ сна забвенія и стараться о пріобрѣненіи такихъ знаній. И наши почтенные ученые и казіи должны говорить, разъяснять и располагать къ этому нашъ простой народъ. Между тѣмъ, напротивъ, слышно, что нѣкоторые наши мусульмане говорятъ, что учиться русскому языку не нужно... Такія слова ихъ неосновательны, потому что выше было сказано, что для пріобрѣтенія знанія всякій языкъ, какой бы ни былъ, все равно. Доказательства своимъ словамъ мы изложимъ въ слѣдующемъ № газеты.

„Въ прошломъ № 6 газеты было сказано, что знаніе, на какомъ бы языкѣ ни пріобрѣталось—все равно. Доказательства: въ книгѣ *„Джамигу-р-рамузъ“*, въ главѣ *„о молитвѣ“*, сказано: „обязательную часть молитвы составляетъ чтеніе какого-нибудь стиха изъ Корана. Въ объясненіи этого текста сказано: „и правильно мнѣніе: если читать изъ Корана по списку, написанному Ибнъ-Масгудомъ и Ибнъ-Аббасомъ, то такая молитва, хотя не считается испорченною, но не засчитывается молящемуся, а напротивъ, если читается изъ Таурата (Закона Моисея) и Инджиля (Евангелія), то такая молитва засчитывается, если смыслъ прочитаннаго заключается въ Коранѣ“. Всѣмъ мусульманскимъ ученымъ извѣстно, что Тауратъ и Инджиль были написаны не на арабскомъ языкѣ, а на еврейскомъ и греческомъ языкахъ. А также: арабскій языкъ до Мухаммеда былъ языкомъ язычниковъ, не знавшихъ вѣры ислама; поэтому, если бы было грѣшно говорить о вѣрѣ и о житейскихъ дѣлахъ на языкѣ иновѣрнаго народа и изучать этотъ языкъ, то Богъ Всевышній не ниспослалъ бы священный Коранъ на арабскомъ языкѣ. И еще: турки и персы существовали до появленія среди нихъ ислама и были язычниками, но они даже до настоящаго времени разговариваютъ о вѣрѣ на

своихъ языкахъ, и это не считается грѣхомъ. На этихъ же языкахъ они составляютъ разныя книги, которыя въ мадрасахъ и низшихъ училищахъ читаются. Эти два языка, и послѣ принятія турками и персами ислама, остаются такими же, какими были и до ислама. Даже болѣе: до подданства нашего Туркестанскаго края Рускому государству, мы персовъ продавали въ рабство и до сихъ поръ считаемъ ихъ невѣрными. Несмотря на это, написанныя на языкѣ этого народа книги мы очень много читаемъ и на этомъ языкѣ разговариваемъ. Точно также, самый главный изъ мусульманскихъ государей, Его Величество Турецкій Султанъ изучаетъ разные языки европейскихъ народовъ и разговариваетъ на этихъ языкахъ, а для изученія этихъ языковъ стамбульскими мусульманами открылъ въ городѣ Стамбулѣ особыя училища.

„Еще: развѣ до подданства нашего Туркестана Русскому государству нѣкоторые наши торговцы-мусульмане, отправляясь во внутреннюю Россію, не научались и не разговаривали на русскомъ языкѣ Въ то время и наши мусульманскіе государи и ученые не считали грѣхомъ и не запрещали говорить на этомъ языкѣ. И не только простые торговцы, но и руководитель нашихъ хановъ и большинства мусульманскихъ ученыхъ, всѣмъ извѣстный, покойный *Міян-Халилъ,* отправившись посломъ въ Россію, научился русскому языку и, кромѣ того, разговаривалъ также съ здѣшними индійцами, которые до сего времени остаются идолопоклонниками. Разговоръ его съ индійцами на индійскомъ языкѣ я слышалъ собственными ушами.

„Вышесказанныя мысли я написалъ для того, чтобы почтенные читатели этой газеты сами обсудили доказательства того, что изчать русскій языкъ нисколько не противорѣчитъ нашему религіозному закону (шаріату)“.

Мого разъ приходилось мнѣ говорить съ Саттаръ-ханомъ о причинахъ косности мусульманъ, и онъ высказывалъ, что одна причина этого кроется въ отсутствіи образованія, а другая—въ ишанах'

VI.

МУСУЛЬМАНСКІЕ ИШАНЫ*).

Въ русской литературѣ до сихъ поръ очень немного было извѣстно о мусульманскихъ ишанахъ, частію потому, что весьма немногіе интересовались этимъ вопросомъ, а главнымъ образомъ потому, что русскому человѣку трудно и разобраться въ этомъ вопросѣ. Ишанство представляетъ собою своеобразное явленіе въ мусульманствѣ и можетъ быть правильно описано и истолковано только мусульманиномъ, которому приходилось лично сталкиваться съ ишанами и наблюдать ихъ дѣятельность въ разное время при различной обстановкѣ. Вотъ почему я, какъ уроженецъ Туркестанскаго края, рѣшаюсь высказать нѣсколько своихъ наблюденій надъ туркестанскими ишанами.

Названіе „*Ишанъ*“ есть персидское слово, означающее мѣстоименіе третьяго лица множественнаго числа, т. е. *они*. Такое названіе получилось частію изъ почтенія мусульманъ къ ишанамъ, а частію изъ обычая мусульманъ не называть людей почтенныхъ по имени не только въ глаза, но и заглаза. Къ этому мѣстоименію „*они—ишанъ*“ обыкновенно туземцы прибавляютъ еще нарицательное имя „*хазрятъ*“, т. е. господинъ, имѣюще оттѣнокъ не мірской вѣжливости, а религіознаго почтенія.

Ишаны суть духовные наставники мусульманъ, руководители ихъ въ религіозно-нравственной жизни. По отношенію къ своимъ послѣдователямъ, они называются также „*старцами*“ персид.

---

*) Эта статья Саттаръ-хана была напечатана въ Православномъ Собѣдникѣ (сент. 1895 г.) и перепечатывается въ настоящемъ изданіи съ согласія авт. Н. О.

„пиръ“), хотя и не всѣ ишаны имѣютъ преклонный возрастъ. Послѣдователи ишана или пира называюся *мюридами*, т. е. учениками, послушниками, а буквально: „стремящимися къ цѣли, желающими спасенія“. Отсюда происходитъ извѣстное въ русской литературѣ выраженіе *мюридизмъ*.

Ишанами бываютъ люди книжные, знакомые съ ученіемъ *тариката*[1]) и иногда отличающіеся строгою жизнью; но чаще всего ишанами бываютъ люди немудрые въ отношеніи книжной учености, а среди киргизъ встрѣчаются и совсѣмъ неграмотные. Чаще всего ишанами бываютъ простецы, пользующіеся своимъ положеніемъ среди невѣжественнаго народа и при помощи разныхъ хитростей эксплоатирующіе простой народъ. Но въ Туркестанскомъ краѣ есть ишаны *наслѣдственные*, потомки знаменитаго имама Раббани, жившаго въ Гератѣ лѣтъ 400 тому назадъ и отличавшагося при жизни ученостію и строгою жизнію. Его потомки—ишаны по наслѣдству—живутъ въ Бухарѣ, Кокандѣ и Ташкентѣ. Существуетъ среди мусульманъ преданіе, будто бы Раббани сказалъ, что въ его потомствѣ должны быть непремѣнно святые; это и дало поводъ смотрѣть на его потомковъ, какъ на природныхъ ишановъ. Наслѣдственные ишаны большею частью бываютъ люди набожные, воздержные, но и очень хитрые; они знаютъ наизусть коранъ, и большая часть изъ нихъ грамотны. Задумавшій сдѣлаться ишаномъ такъ начинаетъ свою карьеру: предварительно отправляется къ одному изъ извѣстныхъ ишановъ, преимущественно изъ потомковъ имама Раббани, и выбираетъ цѣлію своего путешествія городъ, отстоящій подальше отъ его мѣстожительства, хотя бы *ишанъ* находился и въ *его* родномъ городѣ. Для путешествія выбирается время, совпадающее съ днемъ смерти Мухаммада или съ постомъ *чилля*, который предшествуетъ великому посту мусульманъ въ мѣсяцъ Рамазанъ и вмѣстѣ съ этимъ постомъ образуетъ сорокадневный постъ. Ишанъ все это время проводитъ въ мечети. Будущій ишанъ отправляется въ путеше-

---

[1]) Такъ называется ученіе о жизни ишановъ-суфіевъ. Н. О.

QCL. N.Ver

ствіе вмѣстѣ съ муридами своего города изъ числа бѣднѣйшихъ. Будущій ишанъ старается расположить въ свою пользу товарищей путешествія; онъ угощаетъ ихъ во время пути, платитъ за нихъ и за ихъ лошадей въ караванъ-сараяхъ. Явившись къ ишану, онъ преподноситъ ему цѣнные подарки и всячески старается обратить на себя вниманіе ишана. Онъ разсказываетъ ишану что-нибудь въ родѣ того, что ему во снѣ явился умершій отецъ, или извѣстный святой, или самъ пророкъ и говорилъ ему, чтобы онъ обратился къ такому-то ишану (къ которому онъ пришелъ) и записался его муридомъ. Ишанъ, самъ когда-то начинавшій такимъ же образомъ свою карьеру, притворяется, что вѣритъ разсказу своего новаго мурида, самодовольно улыбается и даетъ согласіе на принятіе его въ число своихъ учениковъ. Новый муридъ даетъ руку ишану и при этомъ говоритъ: „я вамъ далъ свою руку“. Это значитъ, что муридъ во всемъ подчиняется руководству ишана. Ишанъ ему отвѣчаетъ: „Кайся во всѣхъ своихъ грѣхахъ большихъ и малыхъ“. Новый муридъ остается при ишанѣ въ продолженіе сорокадневнаго поста и вмѣстѣ съ нимъ предается духовнымъ упражненіямъ. Ишанъ назначаетъ муриду, кромѣ опредѣленныхъ, еще другія молитвы, напримѣръ, произносить имя Аллаха тысячу, двѣ тысячи разъ въ теченіе дня. Во время поста бѣднѣйшіе муриды получаютъ пищу отъ ишана, а самому ишану пищу доставляютъ жители. Послѣ сорокадневнаго поста ишанъ угощаетъ всѣхъ своихъ муридовъ. Если нашъ муридъ, будущій ишанъ, понравился ишану и обратилъ на себя его вниманіе, то ишанъ собираетъ справки о немъ и о его жизни черезъ другихъ муридовъ и попутчиковъ нашего мурида: онъ разспрашиваетъ, каковъ человѣкъ ихъ товарищъ, пользуется ли онъ значеніемъ и уваженіемъ въ своемъ городѣ и т. п. Тѣ, будучи задобрены во время пути своимъ спутникомъ, даютъ о немъ самый лестный отзывъ. Затѣмъ будущій ишанъ обращается къ своему „ширу“ съ просьбой дать ему свидѣтельство на право поучать другихъ. Ишанъ сразу не соглашается и, отправляя въ обратный путь новаго мурида, совѣтуетъ ему еще подождать и

лучше подготовиться, поработать нѣсколько надъ собою, а затѣмъ притти въ другой разъ для полученія просимаго. Наконецъ, ишанъ даетъ новому муриду грамоту, такъ называемую хатти-иршадъ, что значитъ письмо или разрѣшеніе направлять другихъ. Иногда, и помимо просьбы мурида, ишанъ даетъ ему грамоту на ишанство, если онъ видитъ въ своемъ муридѣ вліятельнаго и достойнаго человѣка. Вмѣстѣ съ грамотой ишанъ даетъ своему новому муриду бѣлую тибитейку, такой же халатъ, чалму и четки. Бѣлый халатъ, бѣлая тибитейка и четки составляютъ принадлежность каждаго ишана.

Возвратившись въ свой городъ съ грамотой на ишанство, новый ишанъ начинаетъ съ того, что ведетъ воздержную жизнь, молчитъ, много молится, носитъ плохую одежду, и во всякомъ случаѣ не шелковую, избѣгаетъ увеселеній, держится подальше отъ дурныхъ людей и отчитываетъ больныхъ людей и бездѣтныхъ женщинъ. О томъ, что онъ получилъ грамоту на ишанство, онъ не говоритъ; говорятъ объ этомъ тѣ его товарищи-муриды, которые съ нимъ вмѣстѣ путешествовали къ „пиру“. Новый ишанъ заявляетъ, что хотя онъ и не достоинъ быть пиромъ, но ишанъ, его пиръ, призналъ его достойнымъ. Новый ишанъ приглашаетъ къ себѣ своихъ сосѣдей и пріятелей и угощаетъ ихъ щедрѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ онъ подкупаетъ ихъ въ свою пользу, а тѣ, отплачивая за угощеніе, распространяютъ о новомъ ишанѣ всевозможныя небылицы, напримѣръ, что онъ творитъ чудеса, что больные, которыхъ онъ отчитывалъ, выздоравливаютъ, а безплодныя женщины дѣлаются матерями. Конечно, бывали случаи выздоровленія больныхъ, которыхъ отчитывалъ ишанъ, но вѣдь случаи эти могли имѣть мѣсто и помимо отчитываній ишана. Объ этомъ муриды не разсуждаютъ, а приписываютъ все чудодѣйствующей силѣ ишана. Къ ишану обращаются за талисманами противъ болѣзней, оговоровъ, чаръ и пр. Особенно часто обращаются къ ишану женщины, безплодныя или неполь-зующіяся почему-либо расположеніемъ своихъ мужей. Просительницамъ ишанъ даетъ талисманъ, заключающій или стихи изъ

корана, или молитвы, или же кусочекъ хлѣба, соли или сахару, надъ которыми онъ читаетъ молитвы и которыя должны быть даны мужу. Такія же средства употребляются для пріобрѣтенія любви любимаго человѣка. На талисманахъ всего чаще выписываютъ стихи, находящіеся будто бы въ коранѣ, но никому, кромѣ однихъ ишановъ, неизвѣстные. Стихи эти, по повѣрью, имѣютъ такую силу, что кто ихъ носитъ, того всѣ желанія исполняются. Если у враговъ ишана случилось какое-либо несчастье, сейчасъ это истолковывается въ смыслѣ наказанія Божія за враждебное отношеніе къ ишану. Нашъ ишанъ, подобно другимъ своимъ товарищамъ, старается привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и могущихъ быть ему полезными. Если на нихъ нельзя дѣйствовать прямо, то ишанъ дѣйствуетъ черезъ ихъ женъ, матерей, сестеръ и дочерей. Женщины у сартовъ невѣжественны и суевѣрны и потому легче мужчинъ поддаются вліянію ишана.

Болѣе всего ишанъ обязанъ своею славой и своимъ возвышеніемъ своимъ ученикамъ, или муридамъ; безъ муридовъ ишанъ немыслимъ. Муриды разсказываютъ о своемъ пирѣ, или ишанѣ чудесныя вещи; они превозносятъ его добродѣтели; они приписываютъ своему ишану такія рѣчи и такія дѣйствія, о которыхъ самъ ишанъ не знаетъ и даже не догадывается. Муриды вербуютъ своему ишану новыхъ послѣдователей, тѣ въ свою очередь привлекаютъ другихъ и т. д. Ревностнѣе другихъ дѣйствуютъ тѣ муриды, которые почему-либо заинтересованы въ славѣ и популярности своего пира. Это тѣ муриды, которые будучи бѣдны, находятъ кусокъ хлѣба около ишана, или тѣ, кои, желая играть видную роль въ обществѣ и быть обезпеченными матеріально, присоединяются къ ишану въ качествѣ первыхъ его учениковъ и раздѣляютъ славу и корысть со своимъ пиромъ. Такимъ муридомъ былъ муфтій Мингаджиддинъ у ишана Ахмадъ-Хальпа. Онъ былъ человѣкъ способный и по-мусульмански ученый. Первоначально муфтій былъ злѣйшимъ врагомъ ишана Ахмада; онъ занималъ хорошее положеніе, былъ обезпеченъ и не нуждался въ ишанѣ. Но вотъ надъ муфтіемъ стряслось несчастье: его высылаетъ русское

правительство въ ссылку въ Казалинскъ на 5 лѣтъ. Вернувшись изъ ссылки, онъ не могъ уже занять прежняго положенія и потому остался безъ средствъ: тогда онъ идетъ съ повинною къ ненавистному когда-то ему ишану Ахмаду, проситъ у него прощенія и умоляетъ принять его въ число муридовъ ишана. Онъ кается, что прежде ненавидѣлъ ишана, но что теперь узналъ истину и обѣщаетъ быть самымъ ревностнымъ его послѣдователемъ; онъ считаетъ свою ссылку наказаніемъ за враждебное отношеніе къ ишану. Ишанъ принимаетъ его ласково, говоря, что Богъ хотѣлъ показать свою мудрость и доброту, обративъ на путь истины его заклятаго врага и сдѣлавъ его вѣрнѣйшимъ его муридомъ. Узнавъ объ обращеніи муфтія Мингаджиддина, многіе не вѣровавшіе въ ишана Ахмада, сдѣлались муридами послѣдняго, разсуждая такимъ образомъ, что если, молъ, такой заклятый врагъ ишана и при томъ такой ученый, какъ муфтій Мингаджиддинъ, сдѣлался послѣдователемъ Ахмадъ-ишана, то значитъ Ахмадъ дѣйствительно человѣкъ святой и великій. Новый муридъ, желая выслужиться передъ ишаномъ, разсказывалъ и писалъ объ немъ просто чудесныя вещи; онъ написалъ объ Ахмадъ-ишанѣ цѣлую книжку, содержащую біографію ишана, полную чудесъ и невѣроятныхъ разсказовъ. Ишанъ отплачивалъ своему ревностному ученику тѣмъ, что повсюду бралъ его съ собою, давалъ ему первое мѣсто возлѣ себя и дѣлалъ его участникомъ своего торжества и своихъ барышей. Если бы этотъ муридъ не умеръ раньше своего пира, онъ навѣрное занялъ бы мѣсто послѣдняго.

Разъ начинающій ишанъ возвысился надъ уровнемъ обыкновенныхъ людей, популярность его ростетъ все шире и шире. Даже люди, имѣющіе хорошее положеніе и не вѣрующіе вовсе въ ишановъ, поступаютъ муридами къ знаменитому ишану съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы при случаѣ опереться на вліяніе и силу своего ишана. Ишанъ, напримѣръ, можетъ имѣть большое вліяніе на выборы казіевъ, волостныхъ управителей и другихъ должностныхъ лицъ, приказывая своимъ муридамъ подавать голоса въ пользу того или другаго кандидата. Нерѣдко ишаны имѣли боль-

шое вліяніе на бековъ и на хановъ. Такъ, кокандскій ишанъ Міянъ-Фазлій-Ахадъ давалъ у себя убѣжище отъ ханскаго гнѣва государственнымъ преступникамъ, и ханъ, изъ уваженія къ ишану и по его ходатайству, прощалъ такихъ преступниковъ. Ишанъ является патрономъ своихъ муридовъ, онъ ходатайствуетъ за нихъ передъ властями и передъ судомъ. Мнѣ самому въ бытность кокандскимъ казіемъ случалось часто получать письма отъ ишановъ съ рекомендаціей того или другаго изъ тяжущихся и съ просьбою помочь его дѣлу.

Въ каждомъ городѣ туркестанскаго края есть по крайней мѣрѣ одинъ ишанъ. Въ большихъ городахъ ихъ много и при томъ самые знаменитые. Знаменитости между ишанами во всемъ краѣ имѣютъ муридовъ, не исключая и Бухары. Муриды набираются изъ всѣхъ народностей, изъ сартовъ и еще болѣе изъ киргизъ. Самую благопріятную почву для начинающихъ и для мелкихъ ишановъ представляютъ киргизскія степи Тургайской, Акмолинской и Семирѣченской областей. Каждый годъ изъ родовъ туркестанскаго края стремятся въ киргизскія степи толпы ишановъ и возвращаются оттуда со стадами верблюдовъ, лошадей и барановъ и съ деньгами. Изъ киргизъ попадаются тоже ишаны, но рѣдко, и при томъ не пользующіеся широкою извѣстностью. Въ Чимкентскомъ уѣздѣ я знаю одного ишана изъ киргизъ, по имени Сатубалды Абдуллинова. Онъ каждый годъ уѣзжалъ за добычей къ тургайскимъ киргизамъ и возвращался домой далеко не съ пустыми руками. Прежде онъ пользовался большою популярностью и среди чимкентскихъ киргизъ; но, когда они ближе узнали его, то не стали больше считать его своимъ пиромъ. Всего легче начинать карьеру ишана въ Наманганѣ. Жители этого города отличаются наивностью, простотою нравовъ и необыкновенно суевѣрны. Тамъ нѣтъ ни одного жителя, который бы не былъ муридомъ какого-либо ишана. Одинъ мой чимкентскій товарищъ по училищу, мулла Закиръ, по совѣту бывшаго чимкентскаго казія Ай-Мухаммада, отправился въ Наманганъ и тамъ объявилъ себя ишаномъ. Черезъ 5 лѣтъ я встрѣтилъ его

въ Кокандѣ; онъ очень пополнѣлъ, на немъ была хорошая одежда и въ карманѣ порядочныя деньги. Я спросилъ его, откуда у него взялось все это. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что богатство и довольство дало ему ишанство въ Наманганѣ. Теперь онъ тамъ главный ишанъ. Муриды изъ иногородныхъ стараются по крайней мѣрѣ однажды въ годъ посѣтить своего пира. Они пріѣзжаютъ къ нему за сотни верстъ, чтобы посмотрѣть лицо ишана и помолиться вмѣстѣ съ нимъ. Для посѣщенія пира выбирается мѣсяцъ Рамазанъ, когда у мусульманъ бываетъ постъ. Муриды проводятъ этотъ постъ съ своимъ пиромъ. При посѣщеніи пира муриды преподносятъ ему подарки не только отъ себя, но и отъ своихъ отсутствующихъ земляковъ, тоже муридовъ: дарятъ верблюдовъ, лошадей, барановъ, деньги, халаты, хлѣбъ и пр. Сартовская пословица говоритъ: „Усердіе мурида узнается по его подаркамъ“. Мѣстные жители каждый день приносятъ ишану пищу, которая еще остается для бѣдныхъ муридовъ, состоящихъ при ишанѣ. Нѣкоторые изъ муридовъ исполняютъ для ишана разную работу, не получая за то никакого вознагражденія. Они считаютъ для себя счастьемъ служить ишану. Тѣ изъ муридовъ, кои по бѣдности не могутъ давать ишану подарковъ, стараются о томъ, чтобы навербовать своему пиру богатыхъ муридовъ, подарки коихъ восполнили бы недостатокъ ихъ, бѣдныхъ муридовъ. При этомъ бѣдные муриды не остаются безъ вознагражденія за свое посредничество; они получаютъ какъ отъ ишана, такъ и отъ новообращенныхъ муридовъ. Этимъ еще больше поощряется ихъ усердіе. Нѣкоторые изъ муридовъ жертвуютъ ишанамъ все свое имущество при жизни или завѣщаютъ таковое на случай смерти. Благодаря такой щедрости муридовъ, ишаны обладаютъ большимъ богатствомъ и живутъ роскошно. Нѣкоторые бываютъ въ одно и тоже время муридами у разныхъ ишановъ. А сами ишаны состоятъ муридами другъ у друга. Время отъ времени ишаны предпринимаютъ путешествія для посѣщенія могилъ святыхъ и для сбора подаяній. Объ ихъ пріѣздѣ въ городъ или кишлакъ заранѣе узнаютъ мѣстные жители и спѣшатъ къ ишану для по-

лученія отъ него талисмана; муриды же для того, чтобы посмотрѣть лицо своего пира и помолиться съ нимъ; при этомъ всякій приноситъ съ собою подарки [1]).

Въ одной сартовской книжкѣ „Адабу-с-салихинъ“ [2]) находится слѣдующее ученіе о муридахъ и ихъ отношеніяхъ къ пиру, или ишану: „Муридъ долженъ сидѣть поодаль отъ пира на самомъ низкомъ мѣстѣ и вести себя самымъ приличнымъ образомъ, т. е. не шевелиться, не кашлять, не плевать и—Боже упаси!—курить; не разговаривать громко, не употреблять нюхательнаго табаку (насвай), не сидѣть съ грязными ногами въ калошахъ, не быть съ открытою грудью, имѣть на головѣ чалму и у пояса четки, не быть наряженнымъ, не имѣть на себѣ шелковой одежды и быть готовымъ въ каждую минуту совершить молитву съ омовеніемъ. Если пиръ прикажетъ муриду занять высшее мѣсто, даже выше тѣхъ, кои по своему положенію имѣютъ преимущество передъ нимъ, то онъ, муридъ, долженъ безпрекословно подчиниться волѣ пира. Самъ пиръ долженъ сидѣть, имѣя позу молящагося мусульманина, на колѣняхъ съ подогнутыми подъ себя ногами. Прикажетъ-ли пиръ сдѣлать то или другое, или велитъ не дѣлать того или другого, муридъ съ душою и сердцемъ обязанъ слушать и исполнять. Съ кѣмъ бы ни говорилъ пиръ и о чемъ бы онъ ни говорилъ, муридъ долженъ внимательно слушать и стараться не проронить ни одного слова изъ разговора пира. Если пиръ отдастъ одному изъ муридовъ остатки отъ своей пищи, то этотъ муридъ долженъ самъ съѣсть эту пищу, не предлагая другимъ; въ противномъ случаѣ можно будетъ предполагать, что онъ брезгаетъ остатками пищи ишана и радъ бы отъ нихъ отдѣлаться, уступивъ другимъ. Если муридъ желаетъ заговорить съ пиромъ, то обязанъ предварительно убѣдиться, есть ли къ тому свободное время у пира, не

---

1) Къ своему пиру муридъ подходитъ съ большимъ почтеніемъ и робостію и даже цѣлуетъ у него руку, какъ это я самъ видѣлъ въ домѣ Абулъ-Касымъ-хана. Н. О.

2) Переведена на русскій языкъ Н. Лыкошинымъ и издана въ Ташкентѣ въ 1895 г. подъ заглавіемъ: «Кодексъ приличій на мусульманскомъ востокѣ». Н. О.

занятъ ли пиръ чѣмъ-нибудь. Муридъ долженъ обращаться къ пиру тихо, но не шопотомъ, съ разстановкой и по возможности кратко и сдержанно, притомъ съ мягкостію, нѣжно. Вообще же муридъ долженъ въ присутствіи пира соблюдать молчаніе. Сидя передъ пиромъ, муридъ долженъ сосредоточиться; ибо, какъ вода, подверженная волненію, не отражаетъ въ себѣ образа человѣка, такъ и муридъ, держащій себя разсѣянно, лишаетъ пира возможности читать на его лицѣ и видѣть, что дѣлается въ его душѣ. Если пиръ намѣревается куда-либо итти, муридъ не долженъ спрашивать, куда онъ идетъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ, муридъ долженъ спрашивать совѣта у своего пира, даже относительно пищи, шитья и одежды. Не посовѣтовавшись съ пиромъ, муридъ не долженъ предпринимать никакихъ дѣлъ. Если самъ пиръ будетъ спрашивать совѣта у своего мурида насчетъ своихъ мірскихъ дѣлъ, то такой муридъ не долженъ тотчасъ же высказывать свое мнѣніе, а обязанъ скромно отвѣтить: „Вы сами хорошо знаете, какъ вамъ поступить“. Если же пиръ будетъ настаивать, тогда муридъ долженъ высказать свое мнѣніе въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Въ комнату, такъ называемую „хильватъ-хана“, гдѣ пиръ совершаетъ молитвы и занимается своими дѣлами на-единѣ, безъ его позволенія входить нельзя. Не должно занимать мѣста, на которомъ обыкновенно сидитъ ишанъ[1]). Никто изъ муридовъ не долженъ надѣвать на себя одежду и обувь пира. Въ одномъ мѣстѣ съ пиромъ не должно спать; если же ишанъ позволитъ муриду спать въ одной комнатѣ съ собою, то муридъ не долженъ спать крѣпкимъ сномъ, а настолько чутко, чтобы быть всегда готовымъ по первому зову пира встать и исполнить его приказаніе. Съ пиромъ не должно позволять себѣ шутокъ и съ другими не шутить въ его присутствіи и даже избѣгать разговоровъ. Передъ пиромъ муридъ не долженъ выставлять на видъ свои превосходства: умъ, богатство, добродѣтели и т. п. Если пиръ высказываетъ какое-либо мнѣніе,

---

[1]) У себя дома пиръ всегда сидитъ на опредѣленномъ мѣстѣ.

не должно его спрашивать, почему это такъ, гдѣ такое мнѣніе содержится. Не надо вынуждать пира прибѣгать къ хитрости, какъ напримѣръ: если муридъ совершилъ въ присутствіи пира какую-либо неловкость и пиръ не замѣтилъ объ этомъ муриду, послѣдній пусть не думаетъ, что пиръ ничего не видалъ; нѣтъ, пиръ видѣлъ, но только притворяется, что не замѣтилъ; это есть хитрость со стороны пира. И такая хитрость есть знакъ неудовольствія пира по отношенію къ своимъ ученикамъ. Напротивъ, если пиръ замѣтилъ дурной поступокъ, то муридъ долженъ радоваться, такъ какъ это доказываетъ, что пиръ имъ доволенъ. Муридъ долженъ составить себѣ о пирѣ такое мнѣніе, что его пиръ стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Муриды должны быть убѣждены, что пиръ знаетъ всѣ ихъ дѣйствія, тайныя и явныя. Муридъ, имѣющій такое убѣжденіе, старается избѣгать дурныхъ дѣлъ. Въ присутствіи и отсутствіи пира муридъ долженъ воображать себѣ, что пиръ сидитъ у него въ головѣ между бровями и видитъ все, что онъ дѣлаетъ, что мыслитъ. Если пиръ въ дурномъ расположеніи духа, значитъ, онъ борется съ своими страстями и въ это время его нужно оставлять одного и уходить. Всѣ свои тайны муридъ долженъ открывать передъ пиромъ, а всѣ тайны пира скрывать. Если муридъ хочетъ совершить чудо, то долженъ обратиться за позволеніемъ къ ишану. Во всѣхъ духовныхъ вопросахъ муриды не должны полагаться на свои знанія. Кто не любитъ или порицаетъ пира, того должно избѣгать и не вести съ нимъ знакомства. Не должно позволять себѣ смотрѣть прямо въ лицо пиру, а должно сидѣть передъ нимъ съ опущенными глазами. Сидя передъ пиромъ, надо думать только о немъ и имѣть его въ своемъ сердцѣ. Если муридъ видѣлъ чудеса отъ пира, то можетъ сказать пиру, что видѣлъ такія-то его чудеса, но не долженъ распрашивать пира, какимъ образомъ онъ совершилъ чудо. Если муридъ желаетъ посѣтить ишана, онъ долженъ это дѣлать не потому, что привыкъ къ обществу ишана, а потому, что онъ думаетъ почерпнуть что-нибудь поучительное отъ ишана, что онъ желаетъ очистить свою совѣсть отъ всѣхъ

грѣховъ. Вообще же должно избѣгать всѣхъ дурныхъ поступковъ и мыслей, которые могли бы не понравиться пиру. Не надо критиковать слова и поступки пира, кои мурид у кажутся неодобрительными; муридъ не долженъ даже допускать подобной мысли, а обязанъ стараться убѣдить себя, что въ поступкѣ пира таится что-нибудь такое, чего онъ, муридъ, не знаетъ и что оправдываетъ поступокъ пира. Чтобы быть пріятнымъ пиру, муридъ долженъ держать въ чистотѣ свое тѣло и одежду, избѣгать прикосновенія съ предметами нечистыми, чистить зубы, не употреблять луку, чесноку и тому подобныхъ дурно пахучихъ вещей.

Изъ ишановъ, принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, въ Кокандѣ во время Худаяръ-хана былъ Міянъ-Фазлій Ахадъ, а въ Ташкентѣ Міянъ-Халиль. Къ числу знаменитѣйшихъ ишановъ, не принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, слѣдуетъ отнести: въ Ташкентѣ Ахмада-Хальпу, а въ Кокандѣ—Алтмыша и Тальки-Суфи-Бадаля.

Приведемъ нѣкоторые факты изъ жизни ишановъ Міянъ-Фазлія-Ахада и Ахмада-Хальпы. Какъ-то однажды прибылъ въ Чимкентъ ишанъ Міянъ-Фазлій. Это было до прихода русскихъ. Ишанъ остановился въ Чимкентѣ проѣздомъ въ Туркестанъ, къ могилѣ имама Хазрета. По дорогѣ онъ посѣщалъ могилы другихъ имамовъ и ишановъ. Для этой цѣли онъ остановился и въ Чимкентѣ. Могила ишана находится среди могилъ обыкновенныхъ смертныхъ. Остановившись около одного кладбища, которое не имѣло еще могилы святаго, проѣзжій ишанъ сказалъ: „Здѣсь тоже есть могила святаго, именно Саибъ-баба“; затѣмъ, принявъ видъ *муракаба,* т. е. человѣка созерцающаго, онъ наклонилъ голову и опустилъ глаза. Постоявъ нѣкоторое время въ такомъ положеніи, ишанъ сказалъ: „Я ошибся; здѣсь нѣтъ тѣла такого святаго, о которомъ я говорилъ; святой этотъ только проходилъ черезъ мѣстность, гдѣ расположено кладбище“. Такое мѣсто у мусульманъ носитъ названіе *кадамъ-джай.* Всѣ присутствующіе удивились такой прозорливости ишана и приписали это чуду. Объ этомъ случаѣ разсказывалъ мнѣ мой отецъ въ полномъ убѣ-

женіи, что тутъ нѣтъ никакой фальши и что ишанъ обладалъ даромъ узнаванія прошлаго и будущаго. На мѣстѣ, указанномъ ишаномъ, теперь стоитъ жердь, увѣшанная тряпками,—знакъ, что мѣсто это *священно*. Ишанъ Міянъ-Фазлій пользовался огромнымъ вліяніемъ въ столицѣ кокандскаго ханства. Ханъ *Мадали* былъ озлобленъ на ишана за то, что послѣдній давалъ у себя убѣжище государственнымъ преступникамъ и присваивалъ себѣ ихъ имущество, подлежавшее конфискаціи въ казну. Мадали-ханъ велѣлъ ишану убраться за предѣлы ханства, и тогда Міянъ-Фазлій уѣхалъ въ Мекку. Въ это время бухарскій амиръ напалъ на кокандское ханство, взялъ въ плѣнъ самого Мадали-хана и казнилъ его. Всѣ стали толковать этотъ случай въ смыслѣ наказанія Божія за изгнаніе ишана, Міянъ-Фазлія-Ахада. Муриды послѣдняго, раздѣлявшіе съ нимъ изгнаніе, разсказывали впослѣдствіи, что ишанъ въ день и часъ казни *Мадали*-хана сказалъ: „Въ этотъ часъ мой врагъ наказанъ; пойдемъ назадъ въ Кокандъ“. Знать это онъ могъ, какъ разсуждалъ народъ, только силою пророческаго духа.

Когда я былъ мальчикомъ, въ Чимкентъ пріѣхалъ изъ Коканда ишанъ..., совершавшій чудеса. По приказанію отца, я отправился къ этому ишану съ двумя своими сверстниками. Ишанъ въ это время совершалъ въ саду омовеніе. Онъ былъ въ бѣломъ халатѣ и въ такой же тибитейкѣ. Я сказалъ своимъ товарищамъ, что это, вѣроятно,—ишанъ. Его окружали нѣсколько человѣкъ: кто держалъ рукомойникъ, кто полотенце, кто стоялъ безъ дѣла, готовый исполнить всякое приказаніе ишана.

Мы зашли въ помѣщеніе ишана. Мой разговоръ съ товарищами слышали муриды, окружавшіе ишана и бывшіе около помѣщенія ишана. Когда ишанъ вошелъ въ свое помѣщеніе, мы почтительно подошли къ нему и подали ему руки. Ишанъ сказалъ тогда, обращаясь ко мнѣ: „Вы говорили между собою обо мнѣ (ишанъ указалъ на себя) что это, вѣроятно, ишанъ“. Этимъ онъ хотѣлъ удивить насъ и показать, что онъ, не слыша, знаетъ, что мы говорили. Присутствующіе, легковѣрные муриды, приняли это

за чудо; но я былъ убѣжденъ, что мои слова къ товарищамъ были переданы ишану кѣмъ-либо изъ лицъ, его окружавшихъ. Къ этому ишану стали обращаться бездѣтныя женщины въ видахъ получить талисманъ противъ своей безплодности. Онъ велѣлъ собраться къ нему нѣсколькимъ женщинамъ и ночевать въ его помѣщеніи. Женщинъ собралось числомъ около 10 человѣкъ, и всѣ онѣ остались ночевать у ишана. Между ними была моя сосѣдка Рузыджанъ, жена Алибая. Переночевавъ у ишана, женщины вернулись домой. Тогда Алибай спрашиваетъ свою Рузы-джанъ: „Нѣтъ ли какой надежды на дѣтей?“—„Мы несчастны, отвѣчаетъ ему жена, а счастливы Аимъ-джанъ и ея мужъ Рузыбай; у насъ нѣтъ надежды на дѣтей. Дѣло происходило такъ, продолжала Рузы-джанъ: когда мы, женщины, пришли къ ишану, послѣдній оставилъ насъ ночевать у себя и объявилъ намъ, что онъ не Богъ, что всѣмъ не можетъ дать дѣтей, но что онъ будетъ молиться Богу, и Богъ пришлетъ своего ангела ночью въ образѣ его, ишана; ангелъ Божій будетъ насъ обнимать и будетъ спать съ избранною. Ишанъ велѣлъ намъ приготовиться къ принятію ангела и не тушить свѣчи. Мы ожидали ангела съ нетерпѣніемъ, и каждая изъ насъ лелѣяла мысль, что ее осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ ангелъ Божій. Ночью, когда мы всѣ лежали, явился ангелъ, похожій на ишана, въ его одеждѣ, и сталъ разсматривать насъ по-одиночкѣ. Онъ остановился на женѣ Рузыбая Аимджанѣ и съ нею спалъ“. (Нужно замѣтить, что Аимджанъ, жена Рузыбая, была красавица).—Выслушавъ этотъ разсказъ жены, Алибай сталъ смѣяться, говоря: „Я очень радъ, что Богъ не послалъ своего ангела къ моей женѣ“. Онъ пошелъ въ мечеть и разсказалъ обо всемъ этомъ сосѣдямъ. Одни вѣрили, а другіе считали это вымысломъ, но репутація ишана ничего не потеряла въ глазахъ его муридовъ; многіе изъ нихъ, вѣря разсказу Алибая и его жены, признавали дѣяніе ишана за чудо.

Въ другой разъ этотъ же ишанъ пріѣхалъ въ Чимкентъ, подъ предлогомъ посѣтить чимкентскаго ишана, котораго одного онъ считалъ хорошимъ ишаномъ. Когда пріѣзжій находился въ

гостяхъ у чимкентскго ишана, вдругъ во время угощенія гость-ишанъ какъ бы очнулся и сказалъ: „За городомъ есть могила святого, Кочкаръ-ата; тамъ горятъ двѣ свѣчи, одна для меня, другая для васъ“, т. е. для ишана, у котораго онъ находился въ гостяхъ; „духъ святого, продолжалъ ишанъ, приглашаетъ меня и васъ къ себѣ“. Послѣ этихъ словъ оба ишана и ихъ муриды отправились на могилу святаго Кочкаръ-ата и дѣйствительно нашли тамъ двѣ горѣвшія свѣчки. Всѣ сочли это за великое чудо, и послѣ этого чуда нашему ишану посыпались обильные подарки.—Ишанъ просто схитрилъ, но толпа не умѣла понять его хитрости, а сочла то за чудо. Впослѣдствіи этого самаго ишана Худаярханъ за подобные фокусы приказалъ повѣсить.

Въ Бухарѣ былъ при Насруллахѣ ишанъ, который пускался между прочимъ на слѣдующія хитрости, чтобы показать себя чудотворцемъ. Онъ велѣлъ одному изъ своихъ учениковъ прикинуться слѣпымъ, а другому хромымъ. Ученики ишана нѣсколько лѣтъ разыгривали одинъ слѣпаго, а другой хромого. Однажды отъ ишана, настоятельно потребовали чуда. Тогда онъ, призвавъ слѣпого своего ученика, приказалъ ему прозрѣть,—и слѣпой прозрѣлъ. Такое же чудо ишанъ совершилъ и надъ хромымъ своимъ ученикомъ...

Одинъ только амиръ Насруллахъ не вѣрилъ въ чудеса ишана. Онъ послалъ къ ишану раиса[1]) съ приказаніемъ доставить ишана къ нему, амиру. Посланный раисъ почтительно слѣзъ передъ ишаномъ съ лошади и не зналъ, въ какихъ словахъ объявить ишану приказъ амира. Онъ боялся, что ишанъ чудеснымъ образомъ ниспошлетъ на него небесную кару. При этомъ ишанъ выразилъ сожалѣніе надъ участью амира, котораго неминуемо ждетъ наказаніе за неуваженіе къ нему, ишану. Раисъ вернулся къ амиру ни съ чѣмъ. Тогда амиръ послалъ другаго своего приближеннаго, и тотъ, не смотря на угрозы ишана, привелъ его къ амиру. Послѣдній тотчасъ же велѣлъ его повѣсить.

---

[1]) *Раисомъ* у мусульманъ назывались особыя должностныя лица, наблюдавшія за благочиніемъ въ городѣ и за нравами жителей. См. выше стр. 59—60. Н. О.

Въ Ташкентѣ при Худаярханѣ и въ первое время владѣнія страною русскими славился ишанъ Ахмадъ-Хальпа. Онъ умеръ въ 1889 г., доживъ до глубокой старости,—ему было около ста лѣтъ. Ахмадъ-ишанъ за свои богохульныя рѣчи былъ приговоренъ казіями къ смертной казни, но затѣмъ былъ освобожденъ ташкентскимъ бекомъ отъ казни на основаніи ривая та [1]), въ которомъ говорилось, что приговоренный къ смерти за преступленія противъ вѣры, освобождается отъ наказанія, если сдѣлалъ какое-либо изобрѣтеніе въ области искусствъ или ремеслъ. Ишанъ Ахмадъ-Хальпа дѣлалъ особеннымъ способомъ, ему только извѣстнымъ, портфели для книгъ и бумагъ. Этимъ онъ спасся отъ неминуемой смерти. Отецъ Ахмада-Хальпы былъ тоже ишаномъ, а его сынъ былъ у него муридомъ. Ахмадъ-ишанъ жилъ то въ Шейхантаурской, то въ Бишъ-агачской части города Ташкента. Онъ былъ очень богатъ, имѣлъ много садовъ и земель въ Ташкентѣ и уѣздѣ; у него было нѣсколько женъ и огромное семейство. Ахмадъ-ишанъ обладалъ образованностію ученаго мусульманина. Въ религіи онъ былъ полнѣйшій либералъ, толковалъ коранъ по своему и не считалъ его божественной книгой и въ своей самоувѣренности дошелъ до того, что сталъ величать себя пророкомъ. „Хотя Мухаммадъ и сказалъ“,—говорилъ Ахмадъ-ишанъ,—„что онъ (Мухаммадъ) послѣдній изъ пророковъ, но это неправда: пророки должны являться и послѣ Мухаммада отъ времени до времени“. За эти-то слова Ахмадъ-ишанъ и былъ приговоренъ ташкентскими казіями къ смерти, какъ о томъ было сказано выше. Онъ находилъ противорѣчія въ самомъ коранѣ, такъ напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ корана самъ Богъ клянется луною, солнцемъ и землею, а въ другомъ мѣстѣ корана тотъ же Богъ повелѣваетъ, чтобы люди не клялись ни луною, ни солнцемъ, ни чѣмъ-либо другимъ. Ишанъ высказывалъ свои мысли муридамъ а тѣ, хотя слушали его, но не понимали, и потому не соблазнялись.

Ахмаду-ишану много приписывается чудесъ. Объ его чуде-

---

[1]) Ривааятъ—отдѣльное мнѣніе, имѣющее силу закона. Н. О.

сахъ и замѣчательныхъ дѣяніяхъ написалъ цѣлую книгу его преданнѣйшій муридъ, бывшій муфтій Мингаджиддинъ. Онъ возносилъ своего ишана до небесъ и приписывалъ ему такія дѣянія, къ которымъ вовсе не былъ причастенъ самъ ишанъ. Какую цѣль преслѣдовалъ Мингаджиддинъ, объ этомъ мы говорили выше. Однажды Ахмадъ-ишанъ отправился на поклоненіе къ могилѣ святаго Хазретъ-султана въ Туркестанѣ. По пути онъ остановился въ Чимкентѣ у своего мурида Саибджана. Эти путешествія и остановки дѣлались съ цѣлью собирать приношенія въ провинціи. Проживъ въ Чимкентѣ нѣсколько дней, Ахмадъ-ишанъ вдругъ объявилъ, что онъ считаетъ излишнимъ продолжать путь въ Туркестанъ къ Хазрету, ибо духъ святаго Хазрета самъ пришелъ къ нему на встрѣчу въ Чимкентъ и остановился на данномъ мѣстѣ, которое Ахмадъ-ишанъ указалъ окружающимъ. Ему повѣрили и сочли это за чудо. Въ ознаменованіе встрѣчи духа Хазрета съ Ахмадъ-ишаномъ тамъ поставленъ шестъ съ значкомъ, обозначающій святое мѣсто. Ахмадъ-ишанъ былъ маловѣрующимъ мусульманиномъ; ученые ненавидѣли его. Ташкентскій ишанъ Абулъ-Касымъ писалъ амиру, прося его исходатайствовать у русскаго правительства высылку изъ края Ахмадъ-ишана за его противорелигіозныя рѣчи. Но народная толпа очень любила и уважала Ахмадъ-ишана. Онъ имѣлъ муридовъ во всемъ краѣ, не исключая и Бухары, и многочисленныхъ послѣдователей въ Ташкентѣ, Кокандѣ, Самаркандѣ и въ киргизской степи. Незадолго до своей смерти, Ахмадъ-ишанъ въ 1889 году ѣздилъ въ Мекку. Ташкенцы провожали его многочисленною толпою до Чиназа, а нѣкоторые даже до Самарканда. Самаркандскіе муриды вышли встрѣчать своего ишана на первую станцію и дожидались тамъ его нѣсколько дней. Они разбили дорогія палатки, землю устлали коврами и приготовили всевозможныя яства и дорогіе подарки. Самаркандскій уѣздный начальникъ былъ такъ пораженъ такими приготовленіями къ встрѣчѣ какого-то Ахмада-Хальшы, что телеграфировалъ къ начальнику города Ташкента, спрашивая его, что за личность выѣхала изъ Ташкента въ Мекку, для

которой приготовляется столь торжественная встрѣча? Ахмадъ ишанъ умеръ въ 1889 году и оставилъ наслѣдникомъ своего ишанства своего сына. Но сынъ его не пользуется славою и популярностію своего отца; для этого ему не достаетъ ума, хитрости и краснорѣчія.

Вотъ еще случай изъ жизни ишановъ. Разъ пріѣхалъ изъ Коканда въ Чимкентъ какой-то ишанъ (имени его я не знаю) и познакомился съ однимъ чимкентскимъ ишаномъ Анаръ-Мухаммадъ-аглямомъ. Они сговорились ѣхать въ Ауліэатинскій уѣздъ къ степнымъ киргизамъ съ цѣлью собирать пожертвованія. Такъ какъ обоихъ тамошніе киргизы не знаютъ, то чимкентскій ишанъ предложилъ кокандскому такое условіе: „я тебя буду хвалить тамъ, какъ замѣчательнаго и знаменитаго ишана, а все выручennое будемъ дѣлить пополамъ“. Кокандскій ишанъ согласился на такое условіе, и они поѣхали. Собравъ у киргизовъ подарки и раздѣливъ ихъ пополамъ, ишаны воротились и начали разъѣзжать по окрестнымъ селеніямъ Чимкента. Собравъ въ окрестностяхъ Чимкента пожертвованія, они пріѣхали въ Чимкентъ. На требованіе чимкентскаго ишана—раздѣлить пополамъ поступившія здѣсь пожертвованія, кокандскій ишанъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ дѣлиться, потому что пожертвованія были собраны тамъ, гдѣ всѣ его хорошо знаютъ. Тогда чимкентскій ишанъ пригрозилъ, что онъ подастъ жалобу казію, а если и казій не рѣшитъ дѣла въ его пользу, то напишетъ въ Кокандъ ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ кокандскаго ишана и осрамитъ послѣдняго. Тогда кокандскій ишанъ, испугавшись такой угрозы со стороны своего друга по ремеслу, отправился къ бывшему чимкентскому казію Султанъ-Ахмадъ-Хану, разсказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла и просилъ помирить его съ ишаномъ Анаръ-Мухаммадъ-аглямомъ. Послѣдній получивъ извѣстную часть пожертвованій, согласился на примиреніе. Случай этотъ разсказывалъ мнѣ въ присутствіи упомянутаго чимкентскаго ишана ихъ примиритель, Султанъ-Ахмадъ-Ханъ. Такіе случаи нерѣдко бываютъ въ жизни мусульманскихъ ишановъ.

Въ заключеніе нужно сказать, что ишаны ведутъ правильный образъ жизни и исполняютъ предписанія шаріата: совершаютъ омовенія, соблюдаютъ посты и молитвы, рано встаютъ, не курятъ табакъ, не пьютъ вина. Такимъ образомъ они доживаютъ до 80 и болѣе лѣтъ. Въ 1890 г. въ Ташкентѣ во время холеры умеръ престарѣлый ишанъ Абдулъ-Касымъ-Ханъ, и туземцы были увѣрены, что послѣ смерти такого замѣчательнаго ишана холера прекратится, какъ послѣ жертвы за грѣхи людей. У этого ишана было много тысячъ послѣдователей (мюридовъ) въ окрестностяхъ Ташкента, и имя его пользовалось большою извѣстностію. Онъ велъ скромную жизнь и былъ человѣкъ благотворительный: на свои сборы отъ муридовъ онъ содержалъ большую мадрасу, въ которой пропитывалось болѣе ста человѣкъ—учащихся [1]).

Дѣятельность покойнаго ишана въ настоящее время продолжаетъ сынъ его Сяидъ-Бакы-ханъ, который поддерживаетъ основанную отцомъ его мадрасу.

---

[1]) Почтенный Саттаръ-ханъ высказалъ объ ишанахъ свой взглядъ со стороны ихъ вліянія на простой народъ. Тоже объ ишанахъ въ степи, среди киргизъ, можно читать въ книгѣ г. Арандаренко «Досуги въ Туркестанѣ» и въ Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области (Ташкентъ, 1891) ст. И. Гейера. Въ Туркест. Вѣдом. за 1895 г. въ ст. Н. Лыкошина, приведенъ болѣе симпатичный взглядъ на ишановъ. Вообще же нужно сказать, что ишаны пользуются большимъ вліяніемъ среди туземнаго населенія и привлекаютъ къ исламу простодушныхъ киргизъ. Поэтому вопросъ объ ишанахъ заслуживаетъ вниманія и со стороны русской администраціи. Русское вліяніе, конечно, подорветъ авторитетъ ишановъ, но необходимо изучить это сложное и своеобразное явленіе въ духовной жизни мусульманъ. Н. О.

VII.

ПОѢЗДКА ВЪ РОССІЮ САМАРКАНДСКАГО КУПЦА МИРЗЫ БУХАРИНА МИРЗЫ АБДУЛЛИНА.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1887 года самаркандскій 2-й гильдіи купецъ Мирза Бухаринъ Мирза Абдуллинъ былъ на сельскохозяйственной выставкѣ въ городѣ Харьковѣ. По окончаніи выставки, онъ отправился въ Москву и Петербургъ, и 18 декабря, въ пятницу, былъ удостоенъ представленія Государю Императору, въ Гатчинскомъ Дворцѣ Его Величества. Возвратившись въ Москву, Мирза Бухаринъ составилъ описаніе своего путешествія и прислалъ мнѣ рукопись для напечатанія въ Туземной газетѣ. Рукопись была исправлена мною и напечатана въ №№ 4—7 газеты за 1888 годъ въ слѣдующемъ видѣ:

„По пріѣздѣ моемъ въ городъ Харьковъ, я остановился въ гостинницѣ и на другой день явился къ членамъ коммисіи сельскохозяйственной выставки въ своемъ почетномъ халатѣ, имѣя на шеѣ двѣ золотыя медали. Члены коммисіи очень интересовались моей одеждой: мой халатъ былъ обшитъ галуномъ въ два ряда. Они обратили также вниманіе свое и на двѣ золотыя медали мои. До этого времени въ г. Харьковѣ изъ туземцевъ Туркестанскаго края въ такой одеждѣ еще никто не былъ. Кромѣ того, въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ было напечатано, что „въ кустарномъ отдѣлѣ выставки находится интересный экспонентъ—туземецъ изъ Туркестанскаго края, Мирза Бухаринъ, въ своемъ мѣстномъ костюмѣ, что онъ прибылъ изъ Самарканда и привезъ съ собой

шелковыя матеріи, которыя успѣли обратить на себя вниманіе бывшей на выставкѣ публики. Привезенныя имъ шелковыя матеріи очень скоро были распроданы, и онъ получилъ за эти матеріи вторую награду—медаль".

Далѣе Мирза Бухаринъ разсказываетъ, что когда онъ гулялъ по улицамъ города Харькова, то на него обращали вниманіе всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ, а нѣкоторые даже останавливали его на дорогѣ и спрашивали: откуда вы пріѣхали? гдѣ получили двѣ золотыя медали? „Когда зайдешь, говоритъ Бухаринъ, въ магазинъ что-нибудь кушить, то русскіе кущы, видя меня въ почетномъ халатѣ и при медаляхъ, оказывали мнѣ большое вниманіе и разговаривали со мной очень вѣжливо. Былъ со мной русскій приказчикъ, тоже самаркандскій житель, Василій Ефимовичъ Жуковъ. Онъ знаетъ нашъ туземный языкъ, и мы во время покупки товара разговаривали съ нимъ по туземному. Слыша нашъ разговоръ, русскіе приказчики магазина смотрѣли на насъ съ удивленіемъ, а послѣ разговора спрашивали меня: кто это съ вами? Скажешь имъ, что это русскій—приказчикъ, они не вѣрятъ и говорятъ: должно быть и онъ тоже туркестанскій туземецъ. А нѣкоторые говорили даже: это—вашъ сынъ... Когда я проѣзжалъ рано утромъ изъ квартиры на выставку, то обыкновенно надѣвалъ чалму и ѣхалъ по городу черезъ базаръ съ своимъ приказчикомъ. На базарѣ бывало народу всякаго очень много, и всѣ удивлялись, что у меня на головѣ такая большая чалма. Особенно дивились надо мной простолюдины, пріѣхавшіе на базаръ съ своими произведеніями для продажи ихъ. На выставку иной приходилъ что-нибудь кушить, а другой приходилъ посмотрѣть на меня. Я спрашиваю: что вамъ угодно кушить? А онъ отвѣчаетъ: мнѣ ничего не надо; я пришелъ только посмотрѣть на васъ. Въ городѣ Харьковѣ я видѣлся съ полковникомъ Шпицбергомъ, который прежде былъ у насъ въ Самаркандѣ начальникомъ уѣзда. Онъ принялъ меня очень хорошо. Зная, что туркестанскіе жители очень любятъ „палау", онъ ежедневно посылалъ ко мнѣ въ лавку наше палау, и мы кушали его съ большимъ удовольствіемъ,

такъ какъ въ дорогѣ отъ города Мерва до города Харькова этого любимаго кушанья мы не видѣли.

„По дорогѣ въ Харьковъ, первымъ русскимъ городомъ былъ городъ Баку. Я очень удивился, какая большая въ этомъ городѣ русская торговля; напримѣръ: въ нижнихъ этажахъ находится нѣсколько лавокъ, а въ верхнихъ этажахъ, надъ лавками, помѣщаются всѣ жильцы, такъ что въ этихъ домахъ живетъ очень много людей. Дома тамъ есть въ пять и шесть этажей, и часто бываетъ, что живущіе въ одномъ домѣ другъ друга не знаютъ. Въ слѣдующемъ за Баку городѣ—Тифлисѣ я увидѣлъ еще болѣе для меня удивительныя постройки, какъ по величинѣ своей, такъ и по красотѣ. Постройкамъ я удивлялся и въ Харьковѣ. Въ этомъ городѣ я осматривалъ музей и былъ въ циркѣ, гдѣ видѣлъ интересныя представленія. Но когда я пріѣхалъ въ древнюю столицу Русскаго государства, въ городъ Москву, то еще болѣе былъ удивленъ, нежели въ Харьковѣ. Въ Москвѣ я увидѣлъ много достопримѣчательныхъ построекъ и предметовъ. Я былъ въ Кремлѣ и видѣлъ Грановитую Палату, гдѣ древніе русскіе Государи принимали иноземныхъ пословъ и давали церемоніальные обѣды. Потомъ въ Оружейной Палатѣ я видѣлъ разныя старинныя и драгоцѣнныя вещи прежнихъ государей: короны, золотую и серебряную посуду, разныя одежды и украшенія, разное оружіе, древніе царскіе экипажи и всего такъ много, что трудно вспомнить. Видѣлъ я древній и новый дворецъ Государя Императора и храмъ, въ которомъ короновался Его Величество. Все это посмотрѣть нашимъ туземцамъ очень интересно; есть что разсказать теперь моимъ единоплеменникамъ-туземцамъ, какъ коронуются русскіе государи, какой тронъ устроенъ для Его Величества, и много-много удивительнаго. Я видѣлъ, напримѣръ, во дворцѣ люстры очень большія; люстра имѣетъ вѣсу четыреста пудовъ; въ нее заправляется до двухъ тысячъ свѣчъ. Какія замѣчательныя комнаты во дворцѣ и какія дорогія украшенія! Съ древнихъ временъ у русскихъ сохраняются бережно всѣ древнія достопримѣчательныя вещи; у насъ же

отъ ханскихъ временъ ничего подобнаго не сохранилось для памяти; по смерти хановъ разныя вещи переходили въ частныя руки, и никто не заботился о сохраненіи этихъ предметовъ для будущаго времени. Еще я былъ въ картинной галереѣ Третьякова и видѣлъ тамъ очень много картинъ разныхъ временъ и народовъ. Въ числѣ этихъ картивъ есть очень большія и писались много лѣтъ. Одна картина стоитъ 50 тысячъ рублей. Вся картинная галлерея Третьякова стоитъ три милліона. И дѣйствительно, стоитъ посмотрѣть эти картины. Я видѣлъ картины, на которыхъ нарисованы очень хорошо и натурально: мадраса, туркестанскій базаръ, битва генерала Скобелева подъ Плевной и многое другое. Удивительно, какъ хорошо нарисовано,—точно все живое стоитъ передъ глазами.

„Еще я былъ въ Политехническомъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Тамъ тоже есть разныя картины; на картинахъ изображены народы прежнихъ временъ, въ какой одеждѣ они ходили и кто что дѣлалъ. Каждый стоитъ съ своимъ рукодѣльемъ. Изъ нашего Туркестанскаго края тамъ есть изображеніе сарта съ женой. Бывалъ я много разъ въ циркахъ и видѣлъ тамъ замѣчательныя представленія: обученныя лошади подъ музыку пляшутъ, такъ же и другія животныя: слонъ, собака, кошки, медвѣдь и даже птицы... Видѣлъ я тоже, какъ человѣкъ летаетъ по воздуху.

„Когда я возвращусь въ свой край, домой, то, конечно, будутъ распрашивать меня, и я разскажу, какія рѣдкія и драгоцѣнныя вещи я видѣлъ. Я думаю, что моему разсказу нѣкоторые даже не повѣрятъ. Я самъ, еще до поѣздки въ Россію, много слышалъ о томъ, что во внутренней Россіи, особенно въ городахъ Москвѣ и Петербургѣ, много есть разныхъ достопримѣчательностей, а теперь я уже видѣлъ самъ лично и хочу употребить всѣ силы свои, чтобы разсказать объ этомъ туземцамъ.

„Изъ Москвы я поѣхалъ въ главный городъ Русскаго государства, въ Петербургъ, и на другой день отправился къ профессору Н. И. Веселовскому. Онъ пріѣзжалъ въ г. Самаркандъ въ 1885 г., познакомился со мной и теперь радушно встрѣтилъ

меня. Я заходилъ къ нему часто, и онъ показывалъ мнѣ замѣчательныя въ Петербургѣ зданія и находящіяся въ нихъ рѣдкости. Прежде всего онъ показалъ мнѣ замѣчательный во всей Европѣ Исакіевскій соборъ. Этотъ соборъ имѣетъ огромную величину, строился сорокъ лѣтъ и стоилъ двадцать три милліона рублей. Вышина его внутри, отъ пола до верха купола, сто тридцать два аршина, а ширина снаружи болѣе ста двадцати аршинъ, въ каждую сторону. Внутри собора много большихъ колоннъ, обложенныхъ малахитомъ, а двѣ колонны изъ ляписъ-лазури, имѣющія въ вышину около семи аршинъ и въ толшину около одного аршина. Стѣны обложены разноцвѣтнымъ мраморомъ и украшены картинами, выпуклыми изображеніями и позолотой. На позолоту внутри собора употреблено три пуда золота. Громадный куполъ имѣетъ вѣсъ сто тридцать шесть тысячъ пудовъ; крыша его позолочена лучшимъ золотомъ, на позолоту ея пошло двѣсти сорокъ семь фунтовъ золота. Съ трехъ сторонъ собора устроены великолѣпныя литыя бронзовыя двери съ разными изображеніями. Кромѣ того, въ соборѣ висятъ огромныя люстры бронзовыя, вызолоченныя; въ одну люстру заправляется 1800 свѣчей. Эта люстра вѣситъ 600 пуд. Вообще нужно только удивляться такому искусству европейскихъ ученыхъ мастеровъ: они, при помощи науки, выстроили такое огромное и красивое зданіе, на которомъ, кромѣ того, подвѣшены огромные колокола. Одинъ колоколъ вѣситъ 1800 пудовъ, другой 900 пудовъ и одинъ въ 1000 пудовъ. Если смотрѣть съ купола этого зданія внизъ, то люди кажутся маленькими, какъ мухи.

„На другой день профессоръ г. Веселовскій повелъ меня въ Эрмитажъ. Въ Эрмитажъ мы ходили три дня и были тамъ съ утра и до вечера: въ одинъ день нельзя осмотрѣть хранящіеся тамъ многочисленные предметы. Эрмитажъ—громадное зданіе въ четыре этажа, и во всѣхъ его помѣщеніяхъ находятся замѣчательныя рѣдкости разныхъ странъ. Я видѣлъ тамъ такіе предметы, что только удивлялся. Тамъ есть разная посуда древнихъ народовъ, разная одежда, разныя картины, разныя статуи, разныя

золотыя и серебряныя монеты и медали всѣхъ странъ и народовъ, а также разные древніе предметы, полученные изъ земли во время раскопокъ. Есть въ Эрмитажѣ много мраморныхъ статуй, необыкновенно дорогихъ. Мнѣ показывали всѣ эти драгоцѣнныя вещи члены Эрмитажа: Иванъ Ивановичъ Графъ Толстой и Николай Ивановичъ Веселовскій. Безъ ихъ вниманія ко мнѣ, я никогда бы хорошо не разсмотрѣлъ всѣ находящіеся въ Эрмитажѣ многочисленныя предметы и не понялъ бы ихъ значенія. Удивительно, что въ четвертомъ этажѣ этого зданія устроенъ громадный садъ; въ немъ растутъ очень большія деревья и толстыя, на подобіе нашего кайрагача. Есть тамъ картина „Мухмили-Шарифъ“. На ней нарисовано, какъ везутъ на верблюдѣ покрывало для Каабы, а арабы поддерживаютъ его плечами; одни ведутъ верблюда подъ уздцы, а другіе дѣлаютъ большіе поклоны. Эта картина очень замѣчательна и интересна, и русскіе хранятъ ее въ Эрмитажѣ. Затѣмъ я былъ въ петербургскомъ пассажѣ. Тамъ также есть небольшой музей; я видѣлъ тамъ великана-татарина Уфимской губерніи; ростъ его 3 аршина 6 вершковъ. Послѣ того г. Веселовскій водилъ меня въ Императорскую Публичную Библіотеку. Это большой каменный домъ, въ которомъ сохраняются нѣсколько сотъ тысячъ древнихъ и новыхъ книгъ и рукописей разныхъ народовъ. Тамъ хранится и нашъ самаркандскій алкоранъ, подаренный въ Библіотеку Туркестан. ген.-губернаторомъ фонъ-Кауфманомъ. Этотъ алкоранъ написанъ на кожѣ куфическими буквами рукой Чаръ-яръ Хазряты-Усмана Дзи-нурайни. Кромѣ того, я видѣлъ въ Библіотекѣ нѣсколько разныхъ книгъ, писанныхъ золотыми буквами, напримѣръ: книгу Миръ Али-Шира, Шахъ-нама, Искандаръ-нама, Новаи-тарихи, Таварихъ раузат-ус-сафа, Зафаръ-нама Шараф-уд-дина Язди, Касас-уль-анбія, Сіару-Шарифъ, Ходжа-Хафизъ, Мауляви Джами, Хамсаи-Низами, Хамсаи-Амиръ-шарки и ярлыки прежнихъ нашихъ хановъ. Ярлыки написаны золотыми буквами. Кромѣ того, я видѣлъ разные словари: арабскіе, персидскіе, турецкіе и много другихъ книгъ на разныхъ языкахъ. Удивительно, какъ русскіе собираютъ всѣ древности и

тщательно берегутъ ихъ. Напримѣръ: нашъ алкоранъ хранится очень бережно, точно новый лежитъ, весь въ золотой отдѣлкѣ, въ футлярѣ подъ стекломъ.

„Въ первый день декабря я былъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, гдѣ видѣлъ многихъ ученыхъ, которые знаютъ языки разныхъ мусульманскихъ народовъ, а также языки: монгольскій, китайскій, индійскій и изучаютъ древности разныхъ народовъ. При мнѣ ученый В. В. Радловъ, отлично-знающій тюркскіе языки и древнее уйгурское письмо, объяснялъ два ярлыка: одинъ—Тохтамышъ-хана, другой—Тимуръ-Кутлука. Очень пріятно мнѣ было слышать, какъ въ отдаленномъ Петербургѣ русскіе ученые люди изучаютъ исторію прежнихъ нашихъ хановъ и знаютъ, что происходило при нихъ. И мнѣ пришлось бесѣдовать съ этими учеными: у меня спрашивали объясненія нѣкоторыхъ словъ, и я, что зналъ, объяснилъ. Другой ученый, профессоръ Георгіевскій, читалъ, какъ живутъ теперь люди въ Китаѣ и объяснилъ, что есть у нихъ хорошаго.

„Послѣ всего того, осмотрѣвъ достопримѣчательности С.-Петербурга, я пожелалъ угостить г. Веселовскаго обѣдомъ и пригласилъ къ обѣду петербургскаго ахунда Муллу Баязитова и авганца Шайхъ-Джамалюддина, который путешествовалъ по Европѣ и получилъ хорошее образованіе. Онъ владѣетъ французскимъ и арабскимъ языками. Я читалъ о немъ въ Туркестанской тузем-ной газетѣ, а ранѣе не зналъ его. Мнѣ было очень пріятно поговорить съ нимъ. Мулла Баязитовъ тоже человѣкъ образованный, знаетъ хорошо поперсидски и потурецки. За обѣдомъ мы пріятно провели время, бесѣдуя о разныхъ предметахъ. Всѣхъ насъ было пять человѣкъ, и каждый отличался отъ другихъ происхожденіемъ и образованіемъ, но всѣ мы сближались въ столицѣ Русскаго государства.

„26-го ноября и 6-го декабря 1887 года въ Петербургѣ были большіе военные парады. Первый парадъ былъ передъ Зимнимъ дворцомъ Его Императорскаго Величества, а второй парадъ, 6-го декабря, въ манежѣ. На этихъ парадахъ я видѣлъ Государя

Императора и прочихъ лицъ Царской Фамиліи. При этомъ я, туркестанецъ, испытывалъ особенное высокое чувство, потому что видѣлъ Государя великой Россіи. У меня въ это время пробивались на глазахъ слезы удовольствія. На парадѣ были разныя войска, какія только находятся въ Петербургѣ; я видѣлъ разныя одежды военныхъ, очень красивыя, такъ что засмотришься, глядя на войска, когда они проходятъ церемоніальнымъ маршемъ. Посмотрѣть парадъ въ Петербургѣ каждому очень интересно.

„13-го декабря мнѣ было дано знать о Высочайшемъ разрѣшенія представиться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. 18-го декабря, въ пятницу, въ Гатчинскомъ дворцѣ Его Величества, я былъ представленъ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Наслѣднику Цесаревичу и былъ удостоенъ отъ Ихъ Величествъ нѣсколькихъ вопросовъ, на которые я далъ почтительные отвѣты. Послѣ представленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, для насъ въ особой комнатѣ дворца былъ накрытъ столъ, и мы обѣдали вдвоемъ съ русскимъ при-казчикомъ Жуковымъ. Обѣдъ былъ такой, что я не имѣю силъ разсказать объ этомъ. Какъ во дворецъ, такъ и изъ дворца мы ѣхали въ каретѣ.

„21-го декабря я былъ удостоенъ представленія Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Владиміру Александровичу и Супругѣ Его Высочества Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Послѣ представленія я удостоился обѣдать во дворцѣ и былъ отправленъ изъ дворца въ каретѣ.

„По возвращеніи въ Москву, я разсказалъ туркестанскимъ купцамъ о томъ, что удостоился представиться Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику и Великому Князю Владиміру Александровичу и Супругѣ Его Высочества Маріи Павловнѣ. И всѣ дивились моему счастію“ [1]).

---

[1]) Мирза Абдуллинъ не согласился однако израсходовать нѣсколько рублей на отдѣльные оттиски перевода его брошюры, печатавшагося въ Тузем. газетѣ. Н. О.

VIII.

АВТОБІОГРАФІЯ КОКАНДСКАГО ПОЭТА ЗАКИРДЖАНА ФИРКАТА*).

До 1889 года я наслаждался свѣтомъ и спокойствіемъ въ гор. Маргеланѣ; сердце мое было полно радости въ кругу моихъ друзей и, какъ огня, боялось разлуки съ ними. Потомъ, когда зеркало—мое лицо—покрылось ржавчиной отъ пыли несчастія, я рѣшился совершить путешествіе. Изъ гор. Маргелана, который имѣетъ свойство рая, я въ зимнее время поневолѣ отправился въ гор. Кокандъ, на свою родину, гдѣ прожилъ сутки. Отсюда въ три дня я прибылъ въ Ходжентъ и остановился въ домѣ одного торговца, Мирзы Насруллы, моего друга. Я жилъ у него нѣсколько дней. Однажды пошелъ я на базаръ прогуляться, и вдругъ одинъ ходжентскій сартъ, съ которымъ я познакомился въ Маргеланѣ, встрѣтился со мной и, попрежнему знакомству, пригласилъ меня къ себѣ. Съ разрѣшенія хозяина дома, гдѣ я остановился, я отправился въ домъ новаго своего друга и погостилъ у него нѣкоторое время. Пріемъ, оказанный мнѣ хозяиномъ, былъ очень радушный: онъ всячески старался развеселить меня. Я познакомился у него съ однимъ ученымъ, у котораго научился нѣкоторому знанію. Въ разное время я посѣщалъ дома ученыхъ людей и пѣвалъ пѣсни съ поэтами, иногда ходилъ на охоту съ охотниками, иногда слушалъ музыкантовъ, нерѣдко осматривалъ

---

*) Перепечатано, съ нѣкоторыми исправленіями изложенія, изъ №№ 2, 3, 5, 8, 10, 14, 15, 16, 19, 20, 22 и 23 Туземной газеты за 1891 г. Н. О.

берега рѣки Сыръ-Дарьи. Разъ со своими друзьями отправился я на Сыръ-Дарью удить рыбу, но ничего мы не могли поймать. Переправившись на другой берегъ, мы встрѣтили шалашъ стараго слѣповатаго рыбака. Послѣдній поклонился и пригласилъ насъ зайти къ нему въ шалашъ. Я никогда не видалъ такого привѣтливаго человѣка. Онъ опаясался веревкой и переплылъ на другой берегъ, собралъ тамъ связку дровъ и переплылъ обратно такъ, что не замочилъ дровъ. Потомъ онъ изжарилъ намъ рыбу, которою мы остались очень довольны. Мы спросили у этого старика о его жизни, и онъ объяснилъ, что постоянно живетъ въ упомянутомъ шалашѣ, занимаясь рыболовствомъ, и сколько наловитъ рыбы, то и продаетъ на базарѣ, а вырученныя деньги раздѣляетъ на три части: одну часть даетъ своему *пиру,* т. е. учителю по религіи, а другую часть своему семейству; остальныя деньги онъ оставляетъ себѣ для пропитанія. Когда мы узнали, что онъ дервишъ, то просили его помолиться и за насъ. Онъ исполнилъ нашу просьбу... При прощаніи съ нами онъ поручилъ насъ Богу, а вечеромъ мы пришли въ городъ и пріютились въ своихъ жилищахъ.

Такимъ образомъ я гулялъ каждый день по городу въ разныхъ мѣстахъ, бесѣдовалъ съ нѣкоторыми людьми, освѣдомляясь о ихъ положеніи и спрашивалъ у опытныхъ людей объ удивительныхъ и рѣдкихъ предметахъ. Особенно показался мнѣ непріятнымъ обычай здѣшнихъ жителей, что большинство ихъ не занимается ремеслами и промышленностью и что поэтому богатыхъ среди нихъ мало, а бѣдныхъ много. Напримѣръ, три четверти здѣшнихъ жителей занимаются земледѣліемъ, четвертая часть занимается ремеслами и промышленностью, и только очень немногіе обучаются грамотѣ. Я убѣдился и въ невѣжествѣ ходжентскихъ лѣкарей (табибъ), которые имѣютъ обыкновеніе пускать кровь всякому, кто жалуется на слабость зрѣнія. Отъ такого вреднаго лѣченія портится здоровье многихъ людей. Воздухъ Ходжента показался мнѣ непріятнымъ, ибо тамъ часто бываетъ душно отъ ближайшихъ горъ и наводненій. Въ Ходжентѣ отъ

духоты я началъ болѣть и, вспомнивъ изреченіе мудрыхъ людей, что „путешествіе уничтожаетъ болѣзнь“, отправился въ городъ Ташкентъ.

1306 года гиджры, въ половинѣ мѣсяца шавваля (въ маѣ мѣсяцѣ 1890 года), я прибылъ въ городъ Ташкентъ и остановился у одного друга, Хаджи-Агзама. По его совѣту я жилъ въ мадрасѣ Кукальдашъ, а пропитывался у него. Онъ старался о моемъ образованіи. Я и вылѣчился на его средства въ непродолжительномъ времени. Онъ въ продолженіе 9 мѣсяцевъ принималъ меня, какъ слѣдуетъ, а я между тѣмъ занимался своимъ образованіемъ. Познакомился я съ представителями города—казіями и аксакалами и, встрѣчаясь съ ними, слышалъ отъ нихъ ласковыя слова. Наконецъ, я познакомился съ ученѣйшимъ человѣкомъ гор. Ташкента—Шарифъ-ходжей ишаномъ и слушалъ его полезные совѣты, которыми наполнялось сердце мое. Онъ обратилъ на меня свое вниманіе и, спросивъ о моемъ положеніи, узналъ, что я стихотворецъ, и прочиталъ два мои стихотворенія. Тогда рѣчь зашла о моемъ прозвищѣ *(лякабъ)*. Я сказалъ ему, что мое прозвище—„Фиркатъ“; но это прозвище ишану не понравилось, потому что значеніе этого слова—*разлука*.

Тогда я просилъ его сказать другое прозвище, и онъ совѣтовалъ мнѣ выбросить изъ слова „Фиркатъ“ букву „к“ и замѣнить ее буквою „х“, такъ какъ тогда изъ слова „Фиркатъ“ получится „*Фирхатъ*“, что обозначаетъ *радость*. Дѣйствительно, впослѣдствіи это дало хорошій результатъ: я сталъ потомъ распространять это прозвище въ моихъ новыхъ стихотвореніяхъ.

Онъ познакомилъ меня съ пришедшими изъ разныхъ странъ учеными, бесѣдами которыхъ я и воспользовался. Кромѣ того, я посредствомъ одного моего друга познакомился съ казіемъ Мухаммадъ-Мухиддиномъ-ходжей, имя котораго извѣстно среди народныхъ судей[1]). Онъ обратилъ на меня свое милостивое вниманіе и просилъ почаще приходить для бесѣды съ нимъ. Между про-

---

[1]) Портретъ его приложенъ въ началѣ книги. П. О.

чимъ я познакомился съ однимъ щедрымъ человѣкомъ, по имени Максудъ-ходжей, который жилъ близъ Шайхантаурскаго кладбища. Онъ пріютилъ меня у себя и оказалъ мнѣ высшее человѣколюбіе. Онъ былъ музыкантъ и имѣлъ нѣсколько товарищей, которые такъ же были музыканты. Я часто бывалъ въ ихъ обществѣ и находилъ для себя много удовольствія.

Я былъ знакомъ съ мирабомъ Исфаринскимъ (Ферганской области) Мухаммадъ-Зухуръ-хаджіемъ, который пріѣзжалъ въ Ташкентъ по своимъ дѣламъ. Узнавъ, что я нахожусь въ Ташкентѣ, онъ розыскалъ меня и пригласилъ въ свой домъ, находящійся въ Ташкентѣ. Однажды онъ пригласилъ меня посмотрѣть русскую часть города Ташкента; мы сѣли на извощика и поѣхали... Мы увидѣли, что каждое зданіе имѣло свой собственный видъ; улицы были вымощены галькой; по обѣ стороны улицъ были тротуары изъ жженаго кирпича для пѣшеходовъ и обсажены деревьями. Въ разныхъ мѣстахъ были площадки и сады для прогулокъ. Мы видѣли большіе магазины со множествомъ всевозможныхъ товаровъ, которые описать невозможно; увидѣли мы наконецъ большое двухъ-этажное зданіе, которое называлось гимназіей. Это зданіе намъ очень понравилось, и мы остановились. Въ длину это зданіе имѣло 135 арш.; оно построено въ два этажа. Зданіе гимназіи состоитъ изъ трехъ корпусовъ; между корпусами устроены желѣзныя ворота, надъ которыми были корридоры, соединяющіе корпуса. Никогда въ жизни не видя такого зданія, мы были очень удивлены, и у насъ явилось желаніе посмотрѣть это зданіе внутри. Слѣзли мы съ извощика, подошли къ швейцару и послали его къ начальнику гимназіи спросить, нельзя ли посмотрѣть внутри эти зданія. Черезъ нѣсколько времени вышелъ начальникъ заведенія и, поздоровавшись съ нами, пригласилъ насъ къ себѣ. Онъ спросилъ насъ, откуда мы. Мы отвѣтили, что пріѣхали изъ города Коканда. Онъ предложилъ намъ нѣсколько вопросовъ о наукѣ и, когда получилъ отъ насъ соотвѣтствующіе вопросамъ отвѣты и узналъ, что я стихотворецъ, самъ сталъ разсказывать намъ о русскихъ поэтахъ. По окончаніи

бесѣды онъ повелъ насъ на верхъ, чтобы показать намъ гимназію. Гимназія состоитъ изъ 8 классовъ. Въ ней преподавались: законъ Божій, русскій, латинскій, нѣмецкій, французскій и греческій языки, логика, словесность, математика, исторія, географія, физика, рисованіе и музыка. Мы заходили въ каждый классъ и, поздоровавшись съ преподавателемъ, слушали, какъ онъ преподаетъ. Мы спросили у начальника заведенія о порядкахъ обученія въ гимназіи, и онъ объяснилъ намъ, что при гимназіи находится 12 учителей, и каждый преподаетъ особую науку. Въ теченіе недѣли всѣмъ ученикамъ гимназіи дается 225 уроковъ и каждый урокъ продолжается часъ. Въ концѣ учебнаго года, въ маѣ мѣсяцѣ, ученики экзаменуются. Весь курсъ гимназіи раздѣляется на двѣ половины. Ученики, окончившіе курсъ первыхъ четырехъ классовъ, имѣютъ право поступать на государственную службу. Имъ дается свидѣтельство, и они получаютъ чинъ безъ экзамена.

Вторая половина учебнаго курса гимназіи—отъ четвертаго класса до восьмаго. Кончившіе курсъ въ шестомъ классѣ поступаютъ съ предпочтеніемъ на государственную и военную службу, а кто кончитъ курсъ въ восьмомъ классѣ, тотъ поступаетъ въ высшія учебныя заведенія безъ экзамена. Хорошо окончившіе курсъ ученики получаютъ на гимназическомъ актѣ серебряную или золотую медаль. Получившіе золотую или серебряную медали имѣютъ предпочтеніе при поступленіи въ высшія учебныя заведенія.

Нѣкоторые ученики гимназіи по болѣзни и по другимъ причинамъ не оказываютъ успѣховъ и потому бываютъ не въ состояніи держать экзаменъ. Такіе ученики остаются въ томъ же классѣ на второй годъ. О тѣхъ ученикахъ, которые учатся плохо, гимназія письменно объявляетъ ихъ родителямъ.

Для каждой науки, особенно для физики и исторіи, въ гимназіи есть разныя пособія и картины.—Мы все это видѣли, но если будемъ подробно описывать, то нашъ разсказъ выйдетъ очень длиннымъ.

Ученики гимназіи, послѣ приготовленія ежедневныхъ своихъ уроковъ, занимаются чтеніемъ разныхъ другихъ книгъ. Въ гим-

назіи находятся двѣ казенныя библіотеки: одна для учениковъ, а другая для учителей. Въ гимназіи есть также докторъ, который каждый день пріѣзжаетъ и освѣдомляется о здоровьѣ учениковъ и наблюдаетъ за чистотой воздуха. Въ гимназіи по градуснику наблюдаютъ за теплотою и холодомъ и держатъ въ комнатахъ не менѣе 14° тепла. Въ классахъ есть отверстія, называемыя вентиляторами. Открывая ихъ и форточки въ рамахъ, выпускаютъ испорченный воздухъ изъ комнаты и впускаютъ чистый воздухъ изъ сада. Это, по словамъ русскихъ докторовъ, дѣлается потому, что если соберутся нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, то воздухъ отъ ихъ дыханія портится, и если этотъ испорченный воздухъ будетъ оставаться въ той комнатѣ, то непремѣнно будетъ вредить здоровью учениковъ, находящихся въ классѣ. Поэтому русскіе поступаютъ съ большею осторожностью: вмѣстимость классныхъ комнатъ у нихъ бываетъ сообразна съ числомъ учениковъ, именно: для каждаго ученика назначено пространство въ квадратную сажень. Русскіе заботятся также и о больныхъ ученикахъ разными способами. Учащимся въ гимназіи дѣтямъ-сиротамъ и бѣднымъ выдается пособіе на одежду, на книги и пр. Нѣсколько бѣдныхъ и сиротъ постоянно живутъ въ гимназіи. Для спанья ихъ есть въ гимназіи особыя спальныя комнаты и особыя кровати. Однимъ словомъ, мы увидѣли въ гимназіи рѣдкіе и хорошіе порядки, касающіеся ученія и учащихся. Намъ вообще понравились порядки и обычаи русскаго народа, о чемъ раньше мы никогда не слыхали... Потомъ мы простились съ начальникомъ гимназіи и возвратились домой.

Прибывъ къ своимъ товарищамъ, мы разсказали имъ о томъ, что видѣли и слышали въ гимназіи. Тогда и они заинтересовались и пожелали видѣть гимназію, а я написалъ 20—30 стиховъ и послалъ начальнику гимназіи; онъ принялъ ихъ и напечаталъ въ газетѣ. Спустя нѣкоторое время въ этой гимназіи былъ актъ. Собрались: генералъ-губернаторъ, военный губернаторъ, главный инспекторъ училищъ, военныя начальствующія лица, высшіе чиновники, родители учащихся. Тамъ читались: истори-

ческая рѣчь объ Александрѣ Македонскомъ и отчетъ по гимназіи; музыка играла; большое было торжество. По приглашенію начальника гимназіи, и я былъ тамъ и смотрѣлъ. О происходившемъ на этомъ собраніи я сочинилъ болѣе 50—60 стиховъ и передалъ въ газету. Стихи эти были также напечатаны и распространились между русскими и мусульманами. Нѣсколько разъ я былъ въ русскомъ театрѣ и видѣлъ дававшіяся тамъ представленія. Представленія у русскихъ даются не для смѣха, какъ дѣлаютъ наши скоморохи, а для назиданія: въ театрѣ русскіе актеры воспроизводятъ нравы прежнихъ людей, ихъ семейную жизнь и поступки. Въ театръ приходятъ мужчины и женщины и сидятъ тамъ всѣ на стульяхъ, соблюдая приличіе. Въ театрѣ не бываетъ срамныхъ словъ и представленій. Сочиненные мною объ этомъ стихи также нашли мѣсто въ газетѣ.—Я писалъ стихи о томъ, что видѣлъ, какъ умѣлъ и какъ понималъ. Нѣкоторые не все въ моихъ стихахъ одобряли; но въ моей душѣ никто не былъ, и судить о моихъ чувствахъ трудно другому человѣку[1]).

Познакомившись съ начальникомъ гимназіи, я часто хаживалъ къ нему. При его посредствѣ я имѣлъ случай познакомиться съ многими русскими людьми. Особенно мнѣ было дорого милостивое вниманіе господина генералъ-губернатора, наградившаго меня халатомъ.

Оцѣнивъ мое маленькое поэтическое дарованіе, начальникъ гимназіи указалъ мнѣ на необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія этого дарованія. Однажды мы бесѣдовали, и разговоръ у насъ шелъ о порядкахъ обученія въ мусульманскихъ школахъ. Онъ просилъ меня разсказать, какъ я учился съ дѣтства въ своей школѣ и мою біографію до настоящаго времени. Я обдумалъ свое прошлое и написалъ такъ: я сынъ Муллы-Халь-Мухаммада. Отецъ мой занимался хозяйствомъ и немного былъ знакомъ со стихотворствомъ. Когда я достигъ семилѣтняго возраста, то не зналъ мірскихъ заботъ, былъ свободенъ отъ всѣхъ житейскихъ

---

[1]) Стихи Фирката напечатаны выше, на стр. 115—118. П. О.

дѣлъ и игралъ на улицахъ со своими сверстниками: сдѣлавъ себѣ лошадь изъ палки, я ѣздилъ на ней. Родители мои, не желая оставлять меня въ такомъ положеніи, надумали отдать меня въ школу. Я опечалился, узнавъ объ ихъ намѣреніи. По нашему мусульманскому повѣрью, суббота считается счастливымъ днемъ, и мусульмане каждое новое дѣло начинаютъ въ этотъ день. Но это невѣрно, потому что въ субботу звѣзда Зухалъ царствуетъ на небѣ, а подъ ея вліяніемъ во многихъ дѣлахъ бываетъ несчастіе; сверхъ того суббота—праздничный день евреевъ. Не смотря на это, отецъ далъ мнѣ въ руки блюдо съ лепешками и намѣревался отвести меня въ школу. Я поставилъ блюдо на голову и вышелъ на улицу раньше отца; бросивъ блюдо на улицѣ, я убѣжалъ въ другой кварталъ и игралъ тамъ цѣлый день. Послѣ заката солнца я потихоньку пришелъ домой. Между тѣмъ прошло 6 дней. На седьмой день, т. е. въ субботу, отецъ поймалъ меня на постели, схватилъ за руку, взялъ блюдо съ лепешками и повелъ меня въ школу. Я дорогой плакалъ: мое положеніе показалось мнѣ подобнымъ тому, когда ведутъ человѣка на смертную казнь. Отецъ привелъ меня въ мечеть, поручилъ учителю и просилъ его наказывать меня, если я не буду приходить въ школу и не буду учиться. Онъ сказалъ учителю: „мясо этого мальчика ваше, а кости мои“. Учителемъ моимъ былъ Мулла-Мухаммадъ-Аминъ, хромой. У него было нѣсколько длинныхъ палокъ и нѣсколько нагаекъ, на которыхъ были узлы. Отъ страха наказаній шалуны сидѣли смирно, но со слезами на глазахъ. Если какой-нибудь ученикъ совершалъ даже маловажный проступокъ, учитель сильно наказывалъ его: нѣкоторыхъ онъ билъ по пяткамъ палкой, скрутивъ имъ ноги, нѣкоторыхъ подвѣшивалъ вверхъ ногами, а нѣкоторыхъ клалъ на землю и скручивалъ имъ ноги фалакомъ (палка съ веревкой на концѣ). За оба конца этой палки держали два человѣка, а учитель билъ мальчика дощечкой по подошвамъ; потомъ, срѣзавъ бритвой подошвы наказаннаго, посыпалъ ихъ солью и отпускалъ его домой. Если ученикъ не приходилъ въ школу, то учитель посылалъ за нимъ

обычай: въ большихъ городахъ устраивается большой домъ-клубъ. Въ этомъ домѣ въ назначенные дни играетъ музыка и желающіе танцуютъ. Кто хочетъ, можетъ тамъ за деньги получить чай и ужинъ. Иногда тамъ собирается много народу. Чтобы ходить на вечера въ клубъ, нужно быть членомъ клуба и платить годовую установленную плату. Не всякій можетъ быть членомъ клуба: дурного человѣка въ клубъ не принимаютъ. Но члены клуба могутъ приводить съ собой знакомыхъ своихъ, и тогда они отвѣчаютъ за ихъ поведеніе. Въ ташкентскомъ клубѣ каждый разъ бываютъ дежурные офицеры, которые наблюдаютъ за порядкомъ. И я одинъ разъ былъ со своимъ знакомымъ въ этомъ клубѣ. Тогда былъ вечеръ для дѣтей: болѣе ста мальчиковъ и дѣвочекъ были тамъ вмѣстѣ со своими отцами и матерями. Когда играла музыка, дѣти танцовали; у кого были деньги, тѣ своихъ дѣтей поили чаемъ и кормили ужиномъ. Въ клубѣ всѣ держатъ себя просто, безъ гордости; на меня нѣкоторые русскіе обратили тамъ вниманіе, показывали мнѣ помѣщеніе клуба, объяснили все и угостили чаемъ.

Этотъ обычай у русскихъ мнѣ очень понравился. Большинство русскихъ не имѣютъ большихъ домовъ и большихъ средствъ, чтобы устраивать у себя большія развлеченія и приглашать много гостей, а заплативъ въ клубъ годовую плату, русскіе могутъ и сами ходить туда, и своему семейству доставлять удовольствія. У насъ-мусульманъ такого обычая нѣтъ. Наши развлеченія происходятъ подъ открытымъ небомъ, на дворѣ; въ холодное время и во время дождя приглашать много гостей уже нельзя. Русскіе же въ клубѣ могутъ собираться и въ холодное время, и во время дождя. Помѣщеніе отличное; въ немъ тепло и свѣтло; музыка—самая лучшая, и присутствующіе—люди почтенные. Съ высшихъ людей низшіе могутъ брать примѣръ для подражанія. А главное преимущество русскаго обычая состоитъ въ томъ, что русскіе люди могутъ проводить свободное время вмѣстѣ со своими семействами,—съ женами и дѣтьми. Въ клубѣ можно встрѣтить разныхъ своихъ знакомыхъ; съ ними можно поговорить и о дѣлахъ.

Потомъ я сталъ учиться писать: съ утра до полдня я занимался чтеніемъ, а затѣмъ до вечера писалъ. Когда мнѣ минуло 8 лѣтъ, я началъ читать книгу „Мантыку-т-тайръ“ (Разсказъ о птицахъ). Эту книгу я кончилъ въ 6 мѣсяцевъ. Я читалъ сочиненіе Хафиза Шамсуддинъ-Мухаммада, подобнаго соловью въ цвѣтникѣ и поученіемъ его очень наслаждался. Потомъ я началъ читать поэта Бидиля, котораго кончилъ въ пять мѣсяцевъ. Когда минуло мнѣ 9 лѣтъ, я началъ читать сочиненія Амиръ-Али-Шира Наваи на тюркскомъ языкѣ. Тогда со мной произошелъ удивительный случай: ночью въ пятницу я видѣлъ сонъ; мнѣ снился райскій садъ; въ саду были прекрасная зелень и разные цвѣты и пруды, а около нихъ бесѣдка, хорошо убранная. Я гулялъ одинъ въ этомъ роскошномъ саду, а потомъ залѣзъ на одно дерево и сорвалъ нѣсколько плодовъ. Вдругъ является одинъ красивый юноша, у котораго только пробивались усы, и сказалъ мнѣ, что меня зовутъ ученые люди. Услышавъ это приглашеніе, я тотчасъ слѣзъ съ дерева и вмѣстѣ съ юношей отправился къ ученымъ. Придя къ нимъ, я увидѣлъ, что они сидятъ на упомянутой бесѣдкѣ кругомъ. На почетныхъ мѣстахъ сидѣли три старика; предъ ними были открыты книги, и старцы вели ученый споръ. Я приложилъ руку къ сердцу и поклонился имъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ на поклонъ и указалъ мѣсто, чтобы и я сѣлъ. Я присѣлъ вѣжливо. Они спросили меня о моемъ ученіи, и я почтительно отвѣтилъ, что учу книгу „Наваи“. Тогда одинъ старецъ открылъ предо мной книгу. Эта книга оказалась „Наваи“. Потомъ они дали мнѣ перо и бумагу; каждый изъ нихъ читалъ стихи, а я ихъ записывалъ. Они благословили меня и позволили мнѣ самому писать стихи... Когда я услышалъ голосъ пѣтуховъ и проснулся. Сердце мое было свѣтлѣе зари и чище зеркала. Совершивъ омовеніе, я пошелъ въ мечеть на утреннюю молитву, а послѣ молитвы отправился въ школу и разсказалъ свой сонъ учителю. Учитель поздравилъ меня и, поцѣловалъ въ лобъ, объяснилъ мнѣ сонъ слѣдующимъ образомъ: „видѣнный тобою на возвышеніи человѣкъ—Наваи Амиръ-Али-Ширъ, при помощи котораго и

ты будешь поэтомъ". Отъ этихъ словъ сердце мое наполнилось новою радостью.

Однажды я, оставшись одинъ въ школѣ, занимался писаніемъ; вдругъ на меня нашло поэтическое настроеніе, и я написалъ слѣдующіе стихи: „цѣль моя—научиться въ школѣ читать и писать". Когда я показалъ эти стихи своему учителю, онъ сотворилъ молитву и пожелалъ мнѣ успѣха. Когда минуло мнѣ 10 лѣтъ, я кончилъ книги: „*Фузули*" и „*Маслякуль-муттакинъ*" и сталъ понимать стихи. Въ продолженіе года я оставался въ школѣ старшимъ ученикомъ и училъ младшихъ учениковъ. Почеркъ у моего учителя не былъ красивъ; потому я въ другой разъ занимался чистописаніемъ у Камбаръ-бія, который писалъ хорошо и написалъ много книгъ. Когда минуло мнѣ одиннадцать лѣтъ, я кончилъ школу, и учитель освободилъ меня отъ занятій. Отецъ мой снова угостилъ учителя и наградилъ его халатомъ. Потомъ я обратился къ одному слѣпцу (кари) Ашуръ-Мухаммаду и учился у него правильно читать Коранъ. Въ 5—6 мѣсяцевъ я кончилъ и это. Отецъ мой желалъ, чтобы я продолжалъ образованіе и отдалъ меня учителю Падша-Ходжѣ, который преподавалъ уроки въ школѣ, построенной Амиромъ Умаръ-ханомъ. Этотъ учитель былъ человѣкъ ученый и скромный. Сначала я началъ учить одну рукопись, называемую началомъ знанія, потомъ учился спрягать. Въ этомъ году я кончилъ Музи и Занджани. Когда минуло мнѣ 13 лѣтъ, я сталъ учить „Авамиль". Въ этомъ же году я началъ учить книгу „Кяфія". Въ то время въ Ферганѣ ханомъ былъ уже Сяидъ-Мухаммадъ-Худаяръ-ханъ, по приказанію котораго начались каникулы. Обыкновенно учебный годъ начинается въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Ученики съѣзжаются съ разныхъ странъ и окрестностей и живутъ въ школахъ и мечетяхъ; нѣкоторые нанимаютъ келіи въ школѣ. Въ недѣлю учебныхъ дней бываетъ—четыре: суббота, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ; остальные три дня т. е. среда, четвергъ и пятница употребляются на повтореніе пройденнаго. Такимъ образомъ учатся шесть мѣсяцевъ, а въ мартѣ мѣсяцѣ наступаютъ

каникулы. Получивъ отпускъ, ученики школы занимаются своими дѣлами, а прибывшіе изъ кишлаковъ отправляются домой къ своей землѣ, чтобы запастись средствами къ ученію; кромѣ того, они получаютъ вакуфныя деньги (отъ школы). Вакуфъ устраивается слѣдующимъ образомъ: напримѣръ, какой-нибудь государь или богатый человѣкъ построитъ школу и пожертвуетъ въ пользу школы нѣсколько танаповъ ($\frac{1}{6}$ десят.) земли на разныхъ условіяхъ, совершаетъ вакуфные документы, свидѣтельствуемые печатями казіевъ, назначаетъ одного честнаго человѣка мутавалліемъ и поручаетъ ему завѣдываніе вакуфомъ. Мутаваллій отдаетъ земли подъ посѣвъ кукурузы, пшеницы и другихъ хлѣбовъ. Собранное съ полей онъ продаетъ и вырученныя деньги раздѣляетъ ученикамъ, проживающимъ въ школѣ, на основаніи вакуфнаго документа; напримѣръ: старшему ученику дастъ 3 рубля, среднему 2 рубля и младшему 1 рубль. Однимъ словомъ, дѣлятся деньги, соразмѣрно величинѣ доходовъ, то есть: если съ вакуфа получается мало, то и ученикамъ выдается мало; если доходовъ получается много, то и учащимся выдается много. Напримѣръ: если въ одной кельѣ живутъ три младшихъ ученика, то имъ выдается всѣмъ три рубля; если же въ одной кельѣ живетъ одинъ старшій ученикъ, то онъ одинъ получаетъ три рубля: деньги выдаются соотвѣтственно познаніямъ учениковъ. При нѣкоторыхъ школахъ бываетъ много вакуфовъ, такъ что въ годъ старшій ученикъ получаетъ 15—тиллей, младшій $7\frac{1}{2}$ тиллей[1]).

Когда наступилъ сентябрь мѣсяцъ и окончилось каникулярное время, я отправился въ училище продолжать ученіе и оставался въ школѣ до марта мѣсяца. Такимъ образомъ я учился три года и кончилъ арабскую грамматику и логику. Такъ какъ небо даетъ нѣкоторымъ властителямъ *мать*, обижая ихъ, а лукавымъ людямъ подаетъ успѣхъ, то подвластные кокандскому ханству киргизы-кыпчаки возстали и въ непродолжительномъ времени захватили Андижанъ, а сына Худаяръ-хана Сяидъ-Насруддинъ-Бека провоз-

---

[1]) Тилля—золотая монета въ 3—4 руб. Н. О.

гласили ханомъ. Черезъ нѣсколько дней они запаслись оружіемъ и направились въ Кокандъ. Услышавъ о возмущеніи, Худаяръ-ханъ изумился. Наконецъ стѣсненный возмущеніемъ упомянутаго народа, онъ искалъ себѣ убѣжища и отправился въ Ташкентъ. Это было въ 1292 году гиджры, а по русскому лѣтосчисленію въ 1875 г. Послѣ трехъ дней, киргизы-кипчаки вошли въ Кокандъ, сдѣлали явное возмущеніе, которое подробно описано въ другомъ моемъ сочиненіи. Послѣ такой смуты ученики большею частью разошлись въ разныя стороны; большинство изъ нихъ занялись разными дѣлами. Я тоже оставилъ ученіе и вмѣстѣ съ своимъ отцомъ трудился, чтобы доставать себѣ пропитаніе. Чрезъ нѣсколько времени Кокандское ханство было завоевано русскими. Русскіе выбрали мѣсто для новаго города около Маргелана открыли тамъ базары и сдѣлали разныя постройки. Многіе изъ мусульманъ открыли тамъ лавки, дворы и сараи и получили много прибыли. Этотъ городъ въ скоромъ времени получилъ названіе Новаго-Маргелана. Тамъ находятся Ферганское Областное Управленіе и много другихъ учрежденій и большихъ зданій; тамъ же живутъ и русскіе начальники. Улицы тамъ прямыя, какъ и въ Ташкентѣ. Дядя мой открылъ въ Маргеланѣ лавку и звалъ меня къ себѣ; но я отказался, потому что въ то время я убѣгалъ, когда видѣлъ русскаго; я даже не любилъ тѣхъ, кто разговаривалъ съ русскими. Черезъ три года пріѣхалъ дядя мой и разсказалъ мнѣ о тамошней жизни; я нѣсколько успокоился и изъявилъ желаніе ѣхать съ нимъ. Возвращаясь, онъ взялъ меня съ собой въ Новый-Маргеланъ. Сперва мы торговали вмѣстѣ въ одной лавкѣ, а потомъ я открылъ собственную лавку. Поторговавъ два-три года, я скопилъ немного денегъ. Хотя я занимался торговлей, но не бросалъ и ученія и, найдя себѣ учителя, сталъ учиться богословію. Послѣ утренней молитвы я училъ урокъ, потомъ отправлялся въ лавку и писалъ жителямъ разныя прошенія. Въ этомъ дѣлѣ, я оказалъ хорошіе успѣхи; выслушавъ просителей, я записывалъ ихъ несвязныя слова хорошими фразами. Эти прошенія нравились переводчикамъ Управленія, и они изъявляли

свое довольство. Когда генералъ Абрамовъ былъ въ Маргеланѣ, я писалъ желающимъ прошенія на туземномъ языкѣ. Тогда я познакомился съ ташкентскимъ богатымъ сартомъ Абдулъ-Халыкомъ, проживавшимъ въ Маргеланѣ. Постепенно дружба наша сдѣлалась до того тѣсною, что онъ отдалъ мнѣ на воспитаніе двухъ сыновей, и я долгое время училъ ихъ читать и писать. Я былъ холостъ; но когда, по желанію отца, я женился, то, по совѣту друзей, предпочелъ жить въ родномъ городѣ Кокандѣ. Простившись съ Новымъ-Маргеланомъ и порвавъ съ нимъ жизненныя отношенія, я сталъ жить въ Кокандѣ у своего отца. Жилъ я долгое время на родинѣ, занимаясь чтеніемъ и писаніемъ: я написалъ брошюрку „Хаммами-халяль“ въ стихахъ и перевелъ разсказъ „Чаръ-Дарвишъ“, который былъ написанъ на персидскомъ языкѣ; по просьбѣ одного своего друга, я написалъ разсказъ „Нухъ-Манзаръ“ въ стихахъ. Кромѣ этого, есть и другіе мои стихи, которые распространены въ Ферганской области и въ другихъ странахъ. Читая стихи мои въ собраніяхъ, добрые люди одобряли ихъ, а пѣвцы доставляли удовольствіе публикѣ, распѣвая ихъ подъ музыку. Всѣ свои стихи я потомъ собралъ въ одну книгу.

Когда мнѣ минуло 24 года, я подружился съ учеными кокандскими мусульманами и отъ нихъ пріобрѣлъ много знаній. Я бывалъ у поэтовъ: Мавляна-Мухьи, Мауляна-Мукими, Мауляна-Зауки и Мауляна-Насбата. Постоянно сходясь вмѣстѣ, мы сочиняли стихи, то подражая образцу, то толкуя различно содержаніе его. Иногда мы рвали цвѣты изъ цвѣтника славы, а иногда доставали плоды изъ фруктовыхъ садовъ похвалы,—то о любви, то о красотѣ писали стихи. Отыскавъ бойкіе стихи въ книгахъ, написанные другими поэтами, мы отъ себя прибавляли къ этимъ стихамъ. И другіе поэты интересовались и посѣщали насъ. Когда мы сочиняли какіе-нибудь пріятные стихи, разумные люди списывали ихъ себѣ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько времени, когда я получилъ письмо отъ своего друга, маргеланскаго сарта, торговца Мухаммадъ-Шарифа, который приглашалъ меня въ Мар-

геланъ. Въ Маргеланѣ я посѣтилъ его и у него познакомился съ муфтіемъ Муллой-Шамсуддиномъ. По его настоянію, я познакомился съ маргеланскимъ кази-каляномъ Дамулла-Ходжа-джаномъ, въ которомъ я нашелъ много одобрительныхъ качествъ. Это былъ очень ученый человѣкъ и сочинялъ на тюркскомъ языкѣ стихи очень легко. Я читалъ одни его стихи, прибавленные къ стихамъ Амиръ-Али-Шира Навои; стихи оказались очень хорошими. Онъ былъ любознательный и въ высшей степени религіозный человѣкъ. При его дружеской помощи и поддержкѣ, я самъ скоро открылъ лавку и сталъ торговать чаемъ и другими предметами. Жилъ я въ келіи при соборной мечети съ однимъ учителемъ, ѣздившимъ въ Мекку на поклоненіе, и днемъ занимался свей торговлей, а вечеромъ въ той же келіи упражнялся въ чтеніи и письмѣ. Въ устроенной Махзумъ-баемъ высшей школѣ я пользовался объясненіями учителя Муллы-Мухаммадъ-Алима на Шархъ-викая. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ наскучило сидѣть въ лавкѣ, и я свою торговлю бросилъ, а наблюдалъ за торговлей своего друга, который имѣлъ лавку въ сараѣ Султанъ-Мурадъ-хана и велъ его торговую книгу. Этотъ человѣкъ ласкалъ меня, доставлялъ мнѣ удовольствія и заботился о поправленіи моего дѣла. Послѣ этого у меня явилось желаніе путешествовать, и я отправился въ Ташкентъ.

Когда я жилъ въ Маргеланѣ и видѣлъ у торговцевъ №№ Туземной газеты, то бралъ ихъ и читалъ. Я удивлялся напечатаннымъ въ газетѣ извѣстіямъ, но не понималъ настоящаго назначенія ея. Относительно самого способа печатанія газеты я много размышлялъ и предполагалъ, что слова газеты сначала вырѣзываются на большой желѣзной доскѣ, а потомъ уже отпечатываются на бумагѣ; если (думалъ я) такимъ образомъ дѣлается, то это соединено съ большою трудностію, такъ какъ каждую недѣлю приходилось бы вырѣзывать слова на отдѣльной доскѣ, да и невозможно въ одну недѣлю вырѣзывать такое количество словъ... Кромѣ меня, и другіе маргеланцы думали такъ же. Но прибывъ въ Ташкентъ, я сходилъ въ типо-литографію Лахтина и тамъ

увидѣлъ нѣсколько различныхъ машинъ и станковъ; въ маленькихъ деревянныхъ ящикахъ (кассахъ) лежали мусульманскія и русскія буквы, приготовленныя изъ свинца, — каждая буква отдѣльными кучками. Когда нужно, наборщикъ составляетъ изъ этихъ буквъ цѣлыя слова, сообразно съ рукописью, и ставитъ ихъ въ порядкѣ. Приготовленныя такимъ образомъ изъ буквъ строчки онъ скрѣпляетъ и ставитъ на большую машину, потомъ накладываетъ на буквы бумагу, а машина сама намазываетъ краской эти буквы и печатаетъ. Тамъ печатались: двѣ газеты, русскія книги, объявленія правительственныхъ учрежденій, повѣстки судей, счета и разныя другія бумаги. Литографскій станокъ дѣйствуетъ такъ: сначала чистую бумагу намазываютъ особымъ составомъ съ одной ея стороны и, когда она просохнетъ, хорошій писецъ пишетъ на ней особо приготовленными чернилами. Это письмо переводится на гладкій камень, который потомъ устанавливается на большую машину, и написанное на камнѣ отпечатывается уже на бумагѣ въ скольких угодно экземплярахъ.—Машина литографская устроена вся изъ стали и желѣза. У машины есть большое колесо, которое легко повертываетъ одинъ работникъ. Приэтомъ одинъ валикъ передаетъ буквамъ краску, а одинъ человѣкъ накладываетъ на камень листы бумаги,—и тотчасъ машина, при помощи своихъ приспособленій, печатаетъ, а еще одно приспособленіе подхватываетъ напечатанную бумагу и выбрасываетъ наружу. Каждый разъ, какъ колесо обернется, на камень накладывается краска, получается оттискъ на бумагѣ, и бумага выходитъ наружу. Такимъ образомъ, съ одного такого письма, находящагося на камнѣ, можно получить нѣсколько тысячъ оттисковъ.—Въ типографіи такихъ машинъ есть пять-шесть, и камней литографскихъ тамъ много. Въ этой типографіи работаетъ много русскихъ и мусульманъ. Если какой-нибудь мусульманинъ вздумаетъ отлитографировать книгу, то, получивъ разрѣшеніе отъ цензора, условливается съ управляющимъ типографіи относительно цѣны и количества экземпляровъ и затѣмъ, нашедши искуснаго писца, особо платитъ ему за каждый листъ, сколько бы листовъ въ рукописи ни было.

Напримѣръ: если въ рукописи сто листовъ, то издатель платитъ писцу 25 рублей, а литографскія чернила выдаются отъ типографіи. Писецъ въ каждые три дня пишетъ восемь страницъ и передаетъ ихъ въ литографію. Такъ, одинъ издатель литографировалъ сборникъ „*Фузули*“ и „*Ляйли-мяджнунъ*“, и ему тысяча экземпляровъ обошлись въ тысячу рублей. Каждый экземпляръ онъ продавалъ по 1 р. 40 коп. и получилъ съ тысячи экземпляровъ прибыли двѣсти рублей.

Однажды я зашелъ въ фотографію Назарова и увидѣлъ тамъ много развѣшанныхъ на стѣнахъ портретовъ миловидныхъ мальчиковъ и красивыхъ дѣвочекъ, до такой степени хорошо сдѣланныхъ, что можно позавидовать. Художникъ Назаровъ показалъ мнѣ свои аппараты и объяснилъ свойства составовъ и бумаги, употребляемыхъ въ фотографіи. Чтобы показать мнѣ примѣрную съемку портретовъ, онъ снялъ при мнѣ портретъ съ одного человѣка, а я наблюдалъ за его дѣйствіями. Такъ было это: сначала онъ въ темной комнатѣ облилъ особымъ составомъ стеклянную пластинку и, высушивъ ее, осторожно, защищая отъ свѣта, вставилъ въ глухую закрытую рамку, потому что, если лучъ свѣта коснется стекла, то составъ этотъ потеряетъ свою силу. На треножникѣ была установлена особая машина со стеклами. Человѣка, съ котораго нужно снимать портретъ, садятъ на стулъ въ пяти-шести аршинахъ отъ этой машины и, когда крышка будетъ отнята отъ машины, то на особомъ стеклѣ на задней сторонѣ машины получается обратное изображеніе этого человѣка, такъ что даже цвѣтъ одежды и узоры бываютъ видны. Я изумился, увидѣвъ такое диво. Это дѣлается для того, чтобы вѣрнѣе опредѣлить разстояніе, на какомъ долженъ находиться человѣкъ отъ машины, когда снимается портретъ съ него. Когда человѣкъ будетъ усаженъ какъ должно, фотографъ вынимаетъ изъ машины заднее стекло и, закрывъ машину спереди крышкой, вставляетъ съ задней стороны ея упомянутое выше стекло, облитое особымъ составомъ. Затѣмъ, сказавъ сидящему на стулѣ человѣку, чтобы онъ не двигался, фотографъ снимаетъ съ машины

крышку, и тотчасъ лучи свѣта отъ сидящаго передъ машиной человѣка чрезъ открытую машину падаютъ на вставленное стекло, и на немъ получается изображеніе человѣка. На это требуется двѣ-три секунды времени. Закрывъ снова машину, фотографъ осторожно вынимаетъ то стекло изъ машины и, прикрывъ его сукномъ, уноситъ въ темную комнату и тамъ обливаетъ особымъ составомъ, чтобы задержать на стеклѣ изображеніе человѣка, а потомъ уже выноситъ это стекло на свѣтъ и показываетъ тому человѣку, съ котораго снимаютъ портретъ.

Послѣ того подъ это стекло подкладывается бумага, намазанная особымъ составомъ, укрѣпляется въ рамкѣ и ставится на свѣтъ. По прошествіи пяти-десяти минутъ, изображеніе, находящееся на стеклѣ, отпечатывается на бумагѣ, и бумага затѣмъ вынимается изъ рамки, а подъ стекло кладется другая бумага и такъ далѣе, сколько нужно приготовить портретовъ. Замоченную бумагу съ изображеніемъ просушиваютъ, наклеиваютъ на картонъ и выпрямляютъ на стальной машинѣ. Гдѣ нужно поправить изображеніе, помощникъ фотографа дѣлаетъ это при помощи тонкихъ кисточекъ и черной туши. За 12 маленькихъ портретовъ берутъ 6 руб. или даже 4 руб. Въ настоящее время и нѣкоторое мусульмане снимаютъ съ себя такіе портреты[1]). Фотографъ разсказалъ мнѣ, что теперь, при помощи фотографской машины, дѣлаютъ изображеніе звѣздъ, находящихся на небѣ, а также изображенія съ быстро бѣгущихъ лошадей.

Въ заключеніе своихъ словъ я разскажу еще о томъ, какъ русскіе проводятъ два большіе праздника: Рождество Христово и Пасху. Первый праздникъ бываетъ 25 декабря и продолжается до 6 января. Въ это время въ школахъ ученья не бываетъ. По вечерамъ богатые люди сходятся другъ къ другу въ гости и, гдѣ есть помѣщеніе, танцуютъ. У русскихъ есть одинъ хорошій

---

1) Въ свое оправданіе такіе сарты говорятъ, что они не имѣютъ права держать портреты свои открыто и потому закрываютъ изображеніе, или же просто кладутъ на полку изображеніемъ внизъ. Одинъ сартъ держалъ свой портретъ за пазухой. Н. О.

Тамъ есть особая комната для чтенія: кто не хочетъ танцовать, можетъ заняться чтеніемъ книгъ и газетъ.

Я видѣлъ и слышалъ, что въ ташкентскомъ клубѣ бываютъ и нѣкоторые мусульмане. Думаю я, что въ этомъ грѣха нѣтъ; напротивъ, намъ-мусульманамъ нужно знать обычаи русскаго народа, сравнивать ихъ жизнь съ своею и подражать тому, что разумно и пріятно.

Въ день новаго года русскіе мужчины ѣздятъ другъ къ другу, поздравляютъ съ новымъ годомъ, желаютъ здоровья и счастья. Теперь и нѣкоторые мусульмане подражаютъ этому обычаю.

Когда наступило время самаго главнаго праздника русскихъ—Пасхи, то въ субботу (20 апр. 1891 г.), въ 11½ час. вечера, былъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки, а на колокольняхъ начался звонъ колоколовъ. Я пошелъ, чтобы видѣть это празднованіе, остановился близъ церкви и смотрѣлъ... Кругомъ церкви и на улицѣ было зажжено безчисленное множество свѣтильниковъ, и русскихъ людей было такъ много, что всѣ не помѣщались въ большой церкви, а многіе стояли снаружи. Въ это время весь русскій народъ держалъ въ рукахъ горящія свѣчи и молился по своему обычаю. Прошло нѣсколько времени, молящіеся вышли изъ церкви и обходили вокругъ ея. Въ это время пѣвчіе пѣли молитвы, а кругомъ церкви свѣтились разноцвѣтные огни. Подошедши къ главнымъ дверямъ, священнослужители пропѣли нѣсколько молитвъ и послѣ того, какъ съ крѣпости было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, молящіеся снова вошли въ церковь и продолжали молиться въ церкви два съ половиною часа.

По окончаніи богослуженія, русскіе чиновники поздравляли Господина Генералъ-Губернатора съ праздникомъ, а затѣмъ отправились къ нему въ домъ и тамъ разговлялись.

Въ 11 часовъ утра 21 апрѣля, въ воскресенье, мужчины посѣщали дома своихъ знакомыхъ для принесенія поздравленій,—дѣлали визиты, а на другой день и дамы, своимъ порядкомъ,—сначала низшія высшимъ дѣлали поздравленія, а на третій и четвертый дни старшія дамы отвѣчали своими поздравленіями

низшимъ. Визитъ болѣе нѣсколькихъ минутъ не продолжается, а нѣкоторые даже и въ дома не заходятъ, а только оставляютъ карточку съ написаннымъ на ней своимъ именемъ; если такой карточки нѣтъ, то, войдя въ домъ расписываются. Этотъ обычай уже есть и среди должностныхъ мусульманъ. По вечерамъ въ эти дни русскіе ходятъ другъ къ другу въ гости, по приглашенію, и веселятся. Этотъ праздникъ продолжается недѣлю. Въ дни этого праздника русскіе въ знакъ радости даютъ другъ другу окрашенныя куриныя яица, и приэтомъ говорятъ: „Христосъ воскресъ!“.

Послѣднее мое слово: когда я жилъ въ Кокандѣ и Маргеланѣ, то русскихъ обычаевъ вообще не зналъ; но, прибывъ въ Ташкентъ и проживъ здѣсь нѣсколько времени, я познакомился съ нѣсколькими русскими людьми и видѣлъ много ихъ обычаевъ, а чего не видалъ, о томъ спрашивалъ. Два раза я былъ гостемъ въ домѣ Господина Генералъ-Губернатора и тамъ видѣлъ разныя развлеченія[1]). Большая часть русскихъ обычаевъ не сходны съ нашими обычаями; поэтому я и сообщалъ въ газетѣ о томъ своимъ соплеменникамъ-мусульманамъ. По волѣ Божіей, намъ пришлось жить съ русскими совмѣстно; поэтому намъ необходимо хорошо знать ихъ обычаи: у насъ есть общая торговля и много другихъ дѣлъ, а потому для собственной нашей пользы намъ необходимо обращать вниманіе на жизнь русскихъ людей[2]).

---

[1]) См. выше, стр. 119—124. Н. О.

[2]) Оригинальный субъектъ авторъ напечатаннаго разсказа. Проживъ въ Ташкентѣ года два, онъ захотѣлъ снова путешествовать и, не имѣя денегъ, отправился съ однимъ знакомымъ сначала до Самарканда, потомъ до Бухары, а оттуда въ Константинополь и Мекку. Изъ Мекки онъ прошелъ другой дорогой чрезъ Индію и остановился въ Яркендѣ. Съ дороги и изъ Яркенда онъ нѣсколько разъ писалъ мнѣ письма и присылалъ стихи для напечатанія въ газетѣ. Н. О.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Напечатаннымъ въ этомъ выпускѣ матеріаломъ авторъ имѣлъ въ виду дать читателю общее понятіе о сартахъ и указать въ главныхъ чертахъ на тѣ благодѣтельныя послѣдствія, какими сопровождается для нихъ русское управленіе. Конечно, напечатанный матеріалъ не освѣщаетъ всѣхъ сторонъ жизни сартовъ, но онъ достаточно уясняетъ главную мысль автора, что протекшіе со дня завоеванія Ташкента (1865 г.) годы не прошли безслѣдно для туземнаго населенія, которое, при своей косности и фанатизмѣ, постепенно дѣлаетъ уступки русскому вліянію. Въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе и поѣздки нѣкоторыхъ туземцевъ въ Россію. Въ настоящее время среди торговцевъ можно встрѣтить много лицъ, стремящихся повидать своими глазами города внутренней Россіи и тамошнюю жизнь. Предстоящее торжесто св. коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ составляетъ предметъ чаянія многихъ туземцевъ. Всероссійская Нижегородская выставка и ярмарка съ своей стороны доставятъ туркестанскимъ сартамъ массу новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, передъ которыми трудно будетъ закрыть глаза. Да въ настоящее время къ этому нѣтъ и причинъ. Прежде, въ ханское время, сарты, бывавшіе въ Россіи, боялись разсказывать дома о томъ, что они видѣли внѣ своихъ городовъ, чтобы не унизить ихъ въ глазахъ темнаго народа, а тѣмъ болѣе въ глазахъ своихъ правителей; теперь настало для сартовъ время, когда они должны болѣе открывать глаза, чтобы видѣть и перенимать у русскихъ то, чего у нихъ самихъ нѣтъ и не было. Торговые интересы поддерживаютъ это сознаніе. Два года назадъ богатый сартъ Арифъ-ходжа, побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ,

проѣхалъ въ Лондонъ и Парижъ и мнѣ лично говорилъ, что сына своего будетъ учить въ русской школѣ, чтобы онъ могъ потомъ болѣе свободно и самостоятельно располагать собою при новыхъ условіяхъ жизни. Другой сартъ высказывалъ, что готовъ на собственныя средства отправиться въ Москву, чтобы видѣть рѣдкое всероссійское торжество. Не нужно удивляться наивности, съ какою наши сарты относятся къ невиданнымъ ими явленіямъ; важно, что въ нихъ пробуждается сознаніе новыхъ формъ и требованій жизни и неизбѣжности болѣе тѣснаго сближенія съ русскими. Не входя въ подробное разсужденіе на обширную тему о происходящемъ сближеніи двухъ народовъ, русскихъ и сартовъ, и столкновеніи ихъ разныхъ культуръ, я нахожу весьма подходящими данному случаю привести здѣсь глубокомысленное замѣчаніе почтеннаго русскаго профессора и ученаго:

„Правильное соотношеніе двухъ предметовъ: народнаго самопознанія съ одной стороны и усвоенія того, что выработано духовными усиліями всего человѣчества съ другой, и составляетъ задачу истинной образованности. Эта задача вытекаетъ изъ понятія о народѣ, которой, будучи самостоятельнымъ общественнымъ тѣломъ, живя собственною, индивидуальною жизнью, есть въ то же время и необходимый членъ всенародной семьи. Въ его историческомъ развитіи дѣйствуютъ двѣ стихіи: національная и общечеловѣческая. Первая стихія образуетъ его личность, называемую народностью, по которой онъ отличается отъ другихъ народовъ и есть именно такой-то народъ, а не какой-либо другой; вторая ставитъ его въ общеніе со всѣми прочими націями, дѣлаетъ его необходимымъ звеномъ въ цѣпи всего человѣчества. Обѣ стихіи народнаго развитія остроумно уподобляютъ силамъ центробѣжной и центростремительной, дѣйствующимъ въ небесной сферѣ. Сила центробѣжная (національная) охраняетъ особенное существованіе народа, удерживаетъ за нимъ его личность и самостоятельность; сила центростремительная (общечеловѣческая) влечетъ народъ къ единенію съ другими народами, не дозволяя ему совершать свою исторію въ отрѣшенной отъ нихъ области, жить исключительною,

въ себѣ самой замкнутою жизнію. Какъ отъ правильнаго соотношенія силъ въ жизни солнечной системы зависитъ невозмущаемое теченіе планетъ, такъ отъ правильнаго соотношенія стихій въ жизни народа зависитъ его невозмущаемое развитіе. Господство или перевѣсъ одной какой-либо стихіи мѣшаетъ нормальному устройству народной судьбы. Если бы народъ подчинялся дѣйствію національности, нераздѣльному, единственному, онъ осудилъ бы себя на китайскую неподвижность; если бы онъ могъ отречься отъ своихъ національныхъ отличій и жить единственно иноземнымъ вліяніемъ, онъ представилъ бы примѣръ чудовищнаго космополитизма, который и въ отдѣльныхъ личностяхъ возмутителенъ для каждаго живаго человѣка. Цѣльное, гармоническое развитіе народа состоитъ въ возведеніи присущихъ ему началъ на степень общечеловѣческихъ; оно тогда только возможно, когда народъ, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ, усвоиваетъ духовныя пріобрѣтенія другихъ націй и въ свою очередь самъ становится участникомъ общечеловѣческаго развитія.

„Осуществленіе этой формулы требуетъ длиннаго ряда вѣковъ. Прежде чѣмъ стать на чреду народовъ историческихъ, имѣющихъ всемірное значеніе, народъ проживаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ: періодъ исключительной національности, заботливо сторонящейся отъ всего чуждаго; періодъ сближенія съ другими народами, подражательности иноземному, которая весьма часто не знаетъ мѣры заимствованій и упускаетъ изъ виду свое собственное; наконецъ, періодъ разумной самостоятельности, когда обѣ силы, національная и общечеловѣческая, приходятъ въ должное равновѣсіе, сохраняя свои законныя права и дѣйствіе“ [1]).

Не нужно подсказывать читателю, что ташкентскіе сарты въ настоящее время переживаютъ именно *второй* періодъ, періодъ подражательности русскому народу. Періодъ этотъ начался очень недавно, а для многихъ сартовъ только начинается и потому

---

[1]) А. Галаховъ. Исторія русской словесности, т. 1, отд. 2, стр. 276—277.

будетъ еще продолжаться. Наша задача при этомъ должна состоять въ томъ, чтобы замѣчать, наблюдать эту новую фазу въ жизни сартовъ, регулировать проявленія ея и направлять къ обоюдной выгодѣ русскихъ и сартовъ. При подражательности могутъ быть и крайности, какъ это извѣстно намъ, русскимъ, изъ собственной исторіи; могутъ быть при этомъ и дурныя явленія въ жизни сартовъ; но разъ они неизбѣжны, самобичеваніе неумѣстно, равно какъ и восторженное отношеніе къ нѣкоторымъ чертамъ характера сартовъ. Отъ начала міра доселѣ не было народовъ безъ недостатковъ и пороковъ; однако одни народы жили долѣе другихъ самостоятельною жизнію и имѣли періодъ полнаго расцвѣта своихъ духовныхъ силъ, другіе народы не доживали до такого періода и сходили съ исторической сцены, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда; третьи, наконецъ, продолжали свое существованіе лишь подъ покровительствомъ могущественнаго завоевателя. Въ этомъ отношеніи уроки исторіи особенно должны быть поучительны не только для насъ, завоевателей, но и для самихъ сартовъ, побѣжденныхъ. Что выжили отъ прежнихъ временъ сарты и что получатъ отъ насъ? Это такой вопросъ, на который ученый сартъ можетъ про себя отвѣчать выраженіемъ корана: وَاللّٰهُ أَعْلَمُ т. е. *Богъ лучше знаетъ*, и такой отвѣтъ имѣетъ смыслъ: Богъ далъ людямъ разумъ, чтобы сравнивать настоящее съ прошедшимъ и стремиться къ лучшему; будущее же останется для людей только гаданіемъ...

КОНЕЦЪ.

О мухтасибахъ или раисахъ.

Каждый мухтасибъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько человѣкъ прислужниковъ (гирянда), иногда—шесть, иногда—восемь, чаще—десять, которыхъ онъ нанималъ на собственный свой счетъ. Два изъ нихъ (иногда одинъ) назывались *халифа* (خليفه), т. е. замѣстителями, и пользовались довѣріемъ и полномочіями со стороны мухтасиба. Во время болѣзни мухтасиба они исполняли его обязанности, а также объѣзжали городъ по его порученію.

Прислужники мухтасиба имѣли у себя особаго устройства ременныя плети *(دره—дарра)*, состоящія изъ рукоятки и тройнаго ремня опредѣленныхъ размѣровъ. Рукоятка имѣла въ длину четыре съ половиной вершка: два съ половиной вершка ея назначались собсвенно для рукоятки, а два вершка—для укрѣпленія самой плети. Поэтому на концѣ рукоятки было утолщеніе въ вершокъ шириною и разрѣзъ почти въ палецъ шириною. Въ этотъ разрѣзъ вставлялась широкая тройная ременная плеть и укрѣплялась въ рукояткѣ тремя гвоздями. Ручка обыкновенно дѣлалась изъ маслины *(зяйтунъ)*, а самая плеть сшивалась изъ трехъ ремней (шириною въ вершокъ и длиною въ три четверти аршина) и закруглялась на свободномъ концѣ. По шаріату, одинъ ремень этой плети вырѣзывался изъ кожи верблюда, другой изъ коровьей кожи, а третій изъ кожи зайца. Всѣ эти три ремня прошивались насквозь тремя швами (два по краямъ и одинъ въ серединѣ); узлы при этомъ не допускались на поверхности ремней. Тонкій конецъ рукоятки имѣлъ отверстіе, въ которое продѣвался тонкій ремешокъ, образовавшій петлю въ три вершка, для надѣванія на руку или для привѣшиванія плети дома, когда она не была въ употребленіи.

Во время осмотра базара, мухтасибъ самъ ѣхалъ верхомъ на лошади; около него также верхомъ ѣхали его помощники, а за ними шли по-парно прислужники, держа въ рукахъ плети, приложивъ ихъ къ плечу ремнями.

Наказаніе виновныхъ мусульманъ плетью было установлено при второмъ халифѣ Омарѣ, а до этого времени наказаніе производилось: руками, халатомъ, тростью, подошвами калошъ и сырыми прутьями финиковаго дерева. Чтобы придать больше значенія этой плети, мусульманское преданіе разсказываетъ, что самая первая плеть была сдѣлана изъ кожи того барана, котораго Богъ послалъ Аврааму для *принесенія* въ жертву вмѣсто сына его Измаила[1]), и изъ кожи верблюдицы пророка Салиха[2]), а ручка—изъ маслины.

Религіозный характеръ сказался и на самомъ обращеніи съ этою плетью: когда брали въ руки плеть, во время ударовъ плетью и когда плеть клали на мѣсто, рекомендовалось читать соотвѣтствующіе стихи изъ корана. И наказываемые должны были читать стихъ изъ корана.

Самое наказаніе плетью производилось такимъ образомъ: приговореннаго къ наказанію обнажали отъ шеи до поясницы; затѣмъ одинъ изъ прислужниковъ мухтасиба клалъ виновнаго на свою спину и придерживалъ своими руками за его руки; послѣ того другой прислужникъ отбивалъ по голой спинѣ наказываемаго опредѣленное число ударовъ плетью. При наказаніи женщинъ, имъ закрывали голову и спину особымъ плащемъ (такъ какъ видѣть наготу женщины для мужчинъ, кромѣ мужа, составляетъ грѣхъ) и вышеописаннымъ способомъ отсчитывали ей опредѣленное число ударовъ. По числу ударовъ были два рода наказанія: *хаддъ* (حد), т. е. наказаніе въ собственномъ смыслѣ, и *таззиръ* (تعزير), т. е. исправительное наказаніе. Въ первомъ случаѣ

---

[1]) Мусульмане вѣрятъ, что Авраамъ приносилъ въ жертву не Исаака, какъ учитъ Библія, а Измаила, хотя въ Коранѣ по этому случаю говорится безлично, т. е. не называется ни Исаакъ, ни Измаилъ. (См. гл. 37, ст. 97—113). Н. О.

[2]) По ученію Корана, Салихъ былъ посланъ Богомъ къ Θемудянамъ, древнему арабскому поколѣнію, обитавшему въ Хиджрѣ. Пророкъ далъ имъ въ знаменіе верблюдицу и предупредилъ ихъ не дѣлать ей никакого вреда. Но верблюдица своимъ огромнымъ ростомъ стала пугать скотъ жителей и выпивала всю воду изъ колодцевъ; поэтому Θемудяне убили ее и были наказаны землетрясеніемъ, которое разрушило ихъ жилища и погубило ихъ самихъ. Объ этомъ говорится въ нѣсколькихъ главахъ Корана. Н. О.

число ударовъ, смотря по преступленію, простирались отъ 40 до 100, а при наказаніи *тагзиръ* отъ 3 до 39 ударовъ. Для нѣкоторыхъ преступленій число ударовъ было опредѣлено еще въ коранѣ, а именно: за прелюбодѣяніе—100 ударовъ, а за ложное свидѣтельство 80 ударовъ (гл. 24, ст. 2 и 4).

Удары плетью могли быть различной силы, начиная съ самыхъ слабыхъ и кончая самыми сильными. Болѣе сильные удары наносились за блудодѣяніе, затѣмъ—за употребленіе вина, далѣе—за клевету.

Если наказуемый умиралъ во время наказанія, то наказующій не подлежалъ взысканію, подобно тому, какъ не отвѣтствуетъ кровопускатель за смерть лица, пожелавшаго пустить себѣ кровь и умершаго отъ кровопусканія.

Наказаніе *тагзиръ* по отношенію къ правителямъ и ученымъ состояло въ напоминаніи проступка; начальниковъ войска казій могъ выставлять къ дверямъ на посмѣяніе; купцовъ и лавочниковъ наказывали также и лишеніемъ свободы, а нисшіе классы подвергались или лишенію свободы, или же тѣлесному наказанію.

Въ извѣстномъ мусульманскомъ кодексѣ „Хидая“ упоминается наказаніе прутьями, на которыхъ сучки предварительно срѣзывались. Удары предписано наносить по разнымъ частямъ тѣла, а не по одному и тому же мѣсту, чтобы избѣгнуть опасности для жизни наказуемаго. По головѣ, лицу и дѣторождымъ частямъ бить не позволялось, чтобы не обезобразить человѣка (лицо), чтобы не лишить его чувствъ (голова) и чтобы не подвергнуть жизнь его опасности (дѣтород. члены). Мужчина подвергался наказанію стоя, а женщина—сидя, ради приличія.

Число ударовъ опредѣлялось казіемъ; но когда въ лицѣ мухтасиба соединялась и власть казія, тогда и наказанія назначались имъ самимъ.

Приложеніе къ стр. 68—71.

Разсказъ киргиза о развлеченіяхъ сартовъ съ бачами.

По своимъ дѣламъ я бывалъ въ многихъ городахъ Туркестана и хорошо освоился съ нравами и обычаями сартовъ; но мнѣ не удавалось быть на сарткихъ увеселеніяхъ въ присутствіи бачей, потому что сарты свои гнустныя удовольствія старательно скрываютъ отъ „не-сартовъ“. Наконецъ, съ помощью одного знакомаго, мнѣ удалось попасть въ таинственный домъ, гдѣ происходили безнравственныя удовольствія: я переодѣлся въ сартскій костюмъ и вошелъ въ саклю. Она была довольно помѣстительная, и въ ней было много сартовъ, между которыми находились и пожилые, украшенные бѣлой большой чалмой и сѣдой бородой. Всѣ сидѣли на полу. Въ срединѣ комнаты, на шелковъ коврикѣ сидѣлъ красивый мальчикъ; на немъ былъ роскошный и оригинальный женскій костюмъ. Съ головы до ногъ онъ былъ украшенъ серебряными и золотыми монетами. Передъ нимъ на подносѣ стоялъ большой чайникъ и маленькая китайская чашка. Я догадался, что этотъ мальчикъ никто иной, какъ бача. Бача налилъ чаю изъ чайника въ чашку, и всѣ присутствующіе впились въ него глазами. Когда онъ подалъ чаю одному богато одѣтому юношѣ, юноша моментально соскочилъ съ мѣста и, приложивъ руки къ груди,—чтобы выразить уваженіе, покорность и готовность услужить мальчику,—подошелъ къ бачѣ и низко поклонился. Юноша сѣлъ на колѣнахъ передъ мальчикомъ и принялъ отъ него чашку чаю. Когда чай былъ выпитъ, юноша возвратилъ бачѣ чашку, положивъ въ нее цѣлую горсть монетъ. Удостоившись цѣлованія рукъ и лица, молодой сартъ при крикѣ публики: „Ты счастливъ!“ сѣлъ на мѣсто. Потомъ бача изъ той же чашки угощалъ и остальныхъ своихъ поклонниковъ. Каждый изъ нихъ, возвращая чашку, дарилъ мальчику монеты; но никто изъ обожателей не удостоился той милости, какой заслужилъ первый поклонникъ бачи. При окончаніи чаепитія, унесли чайникъ и чашку. Тогда всѣ принялись курить гашишъ. Воздухъ напол-

нился дымомъ и трудно было дышать. Изъ рта курильщиковъ бѣжала слюна; они сидѣли неподвижно, наклонивъ свои головы въ одну сторону и не сводя глазъ съ своего кумира. Они были въ какомъ-то особенномъ состояніи... Когда бача всталъ, вдругъ всѣ оживились: кто ударилъ въ бубенъ, кто заигралъ въ сыбызгы (родъ флейты), кто затрубилъ. Бача то и дѣло дикими скачками кружился въ комнатѣ. По временамъ онъ останавливался возлѣ кого-нибудь и строилъ при этомъ различныя гримасы и кривлянія. Каждый сартъ въ то время, когда возлѣ него останавливался бача, старался цѣловать полы его одежды, руки и башмаки; иной прикасался къ его одеждѣ или башмакамъ, а потомъ цѣловалъ свою руку, съ умиленіемъ приговаривая: „Я готовъ быть твоимъ агнцемъ, приноси меня въ жертву“.

Долго продолжались танцы, скорѣе сказать, скачки бачи. Отъ дыма гашиша у меня заболѣла голова, и я долженъ былъ оставить сартовъ. Что дальше было въ саклѣ, я не знаю...

По словамъ того же киргиза, и въ настоящее время нѣкоторые богатые сарты держатъ у себя тайно бачей, выдавая ихъ за своихъ приказчиковъ [1]).

---

[1]) Заимств. изъ Киргизской степной газеты отъ 11 февраля 1896 г. № 6.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПОДЪ ФИРМОЙ

„БУКИ"

въ Ташкентѣ.

Книги научнаго содержанія, беллетристика новѣйшихъ и старыхъ писателей.

Большой выборъ книгъ для изученія Средней Азіи и Туркестанскаго края.

Антикварное отдѣленіе: покупка и продажа старыхъ и рѣдкихъ книгъ.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ, КАКЪ РУССКІЯ ТАКЪ И ИНОСТРАННЫЯ.

Заказы иногородныхъ исполняются немедленно и наложеннымъ платежемъ.

При магазинѣ имѣется переплетная мастерская, желающіе могутъ получать книги въ переплетахъ.

ПРИ МАГАЗИНѢ ОТКРЫТА БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Алексѣевъ. Фразы сартовскаго языка . . . 3 р. —
Гейеръ. Отъ Ташкента до Гавы . . . — 60 к.
Казанскій. Вблизи Памировъ . . . 1 р. —
Средняя Азія. Альманахъ на 1896 г. . . 1 р. 50 к.
Наливкинъ. Русско-персидскій словарь . . 3 р. —
Его-же. Исторія Кокандскаго ханства . . 1 р. 50 к.
Его-же. Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы . . . . 1 р. 50 к.

Книгопродавцамъ 25%, казеннымъ и учебнымъ учрежденіямъ 10% скидки.

ИЗДАНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Сарты. Выпускъ 2-й. Народныя сказки. . . 1 р. 20

Сарты. Выпускъ 3-й. Пословицы и поговорки сартовъ . . . . . 1 р. 20

Уложеніе Тимура . . . . . 1 р. —

Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к.

ПРОДАЮТСЯ:

въ Ташкентѣ—въ книжномъ магазинѣ „Буки[redacted]“,

въ Москвѣ и Петербургѣ—

въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и Суворина.